

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

1771 674 1772 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

В. ПЕТРУХИН

МИФЫ
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Москва
АСТ Астрель Люкс
2005

УДК 291(100)
ББК 82.3(0)
П 31

Оформление и макеты иллюстраций
В. Кузнецова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.02.05.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Антиква.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 146.

Петрухин, В.Я.

П 31 Мифы о сотворении мира / В.Я. Петрухин. — М.: Астрель: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 464 с.: ил. — (Мифы народов мира).

ISBN 5-17-028712-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11221-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9660-1254-7 (ОАО «Люкс»)

В книге в популярной форме излагаются многочисленные мифы и легенды о творении — от самых архаических, принадлежащих людям каменного века, до развитых повествований о сотворении мира, включая греческую и христианскую космогонию. Центральный миф, с которым в книге сопоставляются все прочие мифы о творении — библейское повествование о сотворении мира. Рассказы о появлении природных явлений и светил, неба и земли, человека, смерти, добра и зла располагаются в книге в соответствии с главными темами — деяниями культурных героев времени первотворения, актами священного брака и отделения неба и земли, представлениями о мировой горе, мировом дереве и мировом яйце.

УДК 291(100)

ББК 82.3(0)

ISBN 5-17-028712-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11221-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9660-1254-7 (ОАО «Люкс»)

© ООО «Издательство Астрель», 2005

В начале авторского увлечения мифологией была работа над составлением и редактированием энциклопедии «Мифы народов мира» (М., «Советская энциклопедия», 1980—1982). Без этой работы и сотрудничества с ведущими отечественными мифологами не могла бы быть написана и эта книга. В подборе оригинальных текстов принимала участие И.И. Соколова, ею же составлен указатель имен.

В.Я. Петрухин

В НАЧАЛЕ...

«1. В НАЧАЛЕ сотворил Бог небо и землю.

Земля была пуста и пустынна, тьма была над пучиной, и дух Божий веял над водами.

И сказал Бог:

— Да будет свет.

И появился свет. Бог увидел, как хорош свет, и отделил его от тьмы, дал свету имя «день», а тьме — имя «ночь».

Настал вечер, настало утро — первый день.

И сказал Бог:

— Пусть среди воды будет свод, разделяющий воду надвое.

И стало так. Бог создал свод, и отделил воды под сводом от вод над сводом, и дал своду имя «небо».

Настал вечер, настало утро — второй день.

И сказал Бог:

— Пусть воды, что под небом, соберутся вместе и покажется суша.

И стало так. Воды, что под небом, собрались вместе — и показалась суша. Бог дал суше имя «земля», а собравшимся водам — имя «моря». И увидел Бог, как это хорошо.

И сказал Бог:

— Пусть из земли произрастут растения: травы, дающие семена, и деревья разных видов, приносящие плоды с семенами.

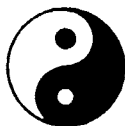
И стало так. Земля породила растения: травы разных видов, дающие семена, и деревья разных видов, приносящие плоды с семенами. И увидел Бог, как это хорошо.

Настал вечер, настало утро — третий день.

И сказал Бог:

Пусть будут светила на своде небесном, чтобы отделять день от ночи, указывать сроки, отмерять дни и года.

Пусть светят они с небесного свода и освещают землю.

И стало так. Бог создал два больших светила: большее — управлять днями, меньшее — управлять ночами, и звезды. Бог поместил их на своде небесном, чтобы они освещали землю, управляли днями и ночами и отделяли свет от тьмы. И увидел Бог, как это хорошо.

Настал вечер, настало утро — четвертый день.

И сказал Бог:

— Пусть вода кишит живыми существами. А над землей, по своду небесному, пусть летают птицы.

И Бог сотворил огромных чудищ морских, и разные виды живых существ, которые снуют и кишат в воде, и разные виды крылатых птиц.

И увидел Бог, как это хорошо, и благословил их:

— Будьте плодовиты и многочисленны, наполняйте воды морей. И пусть на земле будет много птиц.

Настал вечер, настало утро — пятый день.

И сказал Бог:

— Пусть земля породит разные виды живых существ: скот, мелкую живность и разные виды зверей.

И стало так. Бог создал разные виды зверей, скота и всякой живности, которая снует по земле. И увидел Бог, как это хорошо.

И сказал Бог:

— Создадим человека — Наш образ и Наше подобие, — чтобы он господствовал над рыбами в морях, и над птицами в небе, и над скотом, и над всею землею, и над всею живностью земной.

Бог сотворил человека, образ Свой,

Божий образ Он сотворил,
мужчину и женщину сотворил.

И благословил их Бог такими словами:

— Будьте плодовиты и многочисленны, заселяйте землю и овладевайте ею. Господствуйте над рыбами в морях, и над птицами в небе, и над всеми животными земли.

И сказал Бог:

— Я отдаю вам в пищу все травы с семенами, какие есть на земле, и все деревья, приносящие плоды с семенами. А зверям, и птицам, и живности земной — всем, в ком дышит жизнь, — Я отдаю в пищу зелень растений.

И стало так. Бог оглядел Свое творение — оно было очень хорошо.

Настал вечер, настало утро — шестой день.

2. Так были созданы небо и земля и весь строй творений небесных и земных.

В день седьмой Бог завершил труды созиданья.

В день седьмой Бог пребывал в покое:

Он окончил труды созиданья.

Благословил Бог день седьмой

и священным его сделал,

ибо в этот день Он пребывал в покое:

Он окончил труды сотворенья и созиданья.

ВОТ ПОВЕСТЬ О НЕБЕ И ЗЕМЛЕ — О ВРЕМЕНИ,
КОГДА ОНИ БЫЛИ СОТВОРЕННЫ.

Когда ГОСПОДЬ Бог создал землю и небо, то не было на земле ни куста, ни травинки. Ведь ГОСПОДЬ Бог не посылал еще на землю дождя и не было людей, чтобы ее возделывать. Лишь поток, что поднимался из недр, орошал землю.

И создал ГОСПОДЬ Бог человека из пыли земной, вдохнул в его ноздри дыхание жизни, и человек ожил.

В Эдеме, на востоке, ГОСПОДЬ Бог насадил сад и поселил в нем человека, которого создал. ГОСПОДЬ Бог вырастил в саду всевозможные деревья, приятные взору и с хорошими плодами, а посреди сада — дерево жизни и дерево познания добра и зла.

Из Эдема вытекает река; она орошает сад, а далее разделяется на четыре рукава. Один из них называется Пишон, он огибает страну Хавилá, — ту, где золото (хорошее золото в той стране, есть там и благовонная смола, и драгоценный камень шóхам). Вторая река называется Гихóн и огибает страну Куш. Третья река называется Тигр, она течет к востоку от Ашшúра. Четвертая река — Евфрát.

Поселив человека в Эдемском саду, чтобы он возделывал этот сад и берег его, ГОСПОДЬ Бог дал человеку такой наказ:

— Ты можешь есть плоды любого дерева в этом саду, кроме дерева познания добра и зла. Не ешь его плодов: если съешь — в тот же день умрешь.

ГОСПОДЬ Бог сказал:

— Плохо человеку быть одному. Я сотворю для него помощника, ему под стать.

ГОСПОДЬ Бог создал из земли всевозможных зверей и птиц и привел к человеку, чтобы посмотреть, как тот назовет их. Так животные получили от человека свои имена. Всем домашним животным, всем птицам, всем зверям дал человек имена — но не нашел среди них помощника себе под стать. Тогда ГОСПОДЬ Бог погрузил человека в глубокий сон и вынул у него ребро, а место, где оно было, закрыл плотью. Из ребра ГОСПОДЬ Бог создал женщину и привел ее к человеку. Человек сказал:

— Это кость от кости моей,

плоть от плоти моей.

Женщиной названа будет она,

ибо взята из мужчины.

(Вот почему мужчина оставляет отца и мать, и живет с женою, и становится с нею единой плотью.)».

Этот текст — самый знаменитый миф о творении. Им начинается «Книга книг» — Библия, созданная в первом тысячелетии до н. э. и почитаемая цивилизованным человечеством доныне. Записанный по-древнееврейски, миф был переведен на все языки. С «Шестоднева» — перечисления событий первых дней творения — начинались десятки хроник, посвященных всемирной истории. В русской Начальной летописи рассказывается, как князь Владимир спросил у грека Философа о содержании христианской веры, и Философ начал: «В начале сотворил Бог небо и землю...»

Переводчики спорили и спорят едва ли не о каждом слове — верно ли оно передает смысл рассказа, ведь этот рассказ почитался как Богодухновенный, и неточность перевода искажала замысел Божий. Задача перевода действительно была не из легких: к примеру, по-древнееврейски слово «дух» — руах — существительное женского рода и может означать также «дуновение», «дыхание» и даже «ветер», поэтому множество переводчиков и комментаторов Библии по-разному

интерпретируют даже начальную фразу первой книги Библии — книги Бытия*.

В нашей недавней истории господствующим оказалось иное — «естественнонаучное» — отношение к Библии и ее мифологии. «Материалисту» не нужно было понимать и интерпретировать библейский текст, потому что и так было ясно, что библейский миф, как и всякий миф, рассказ о чудесном, — нелепица и бессмыслица. Всем давно было ясно, что мир не мог быть создан за шесть дней, — материя вечна, Вселенная бесконечна, эволюция разных видов животных и растений продолжалась миллионы лет, а человек произошел от обезьяны, а не из пыли — «праха земного». Но сама наука развивается, и то, что было всем ясно сто лет назад, вдруг оказывается «мифом». Антропологи долго выстраивали эволюционную цепочку, которая вела бы от человека к обезьяне, искали «недостающие звенья», но чем подробнее становилась картина развития видов, тем яснее было, что речь должна идти не об эволюции, а о «революциях» — творческих скачках в развитии предков человека. Наконец, данные генетики показали, что тот «очевидный» предок человека, который умел делать довольно сложные орудия и даже подобиа жилищ — неандерталец, — не был предком человека современного вида, а жил одновременно с ним и был вытеснен «человеком разумным», *Homo sapiens*. Генетики полагают, что человек современного вида сформировался около 200 тысяч лет назад где-то в Восточной Африке, которую в те времена можно было считать «Эдемом», райским садом, и что у истоков человечества стоял узкий коллектив родственников, поэтому можно гово-

* Мы пользуемся последним критическим переводом и комментариями М.Г. Селезнёва: Книга Бытия. М., РГГУ, 2000.

**Сотворение мира по Библии. Справа налево —
вверху:** первобытный хаос, отделение света
от тьмы; **внизу** — отделение тверди от вод,
сотворение растений.

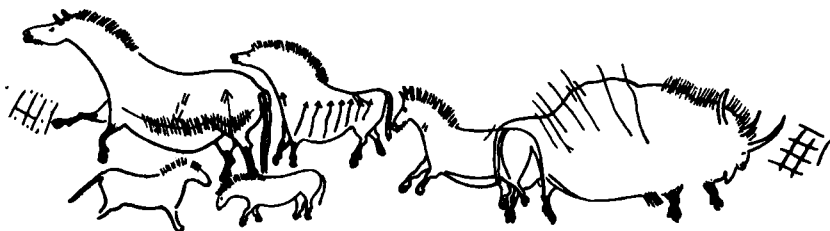
Миниатюра XIV в. Иудейская агада. Сараево,
Национальный музей

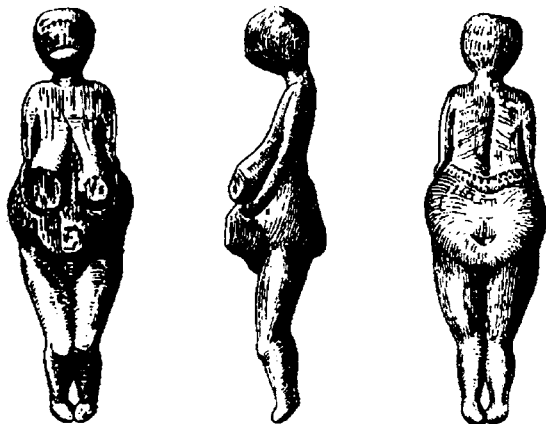
Адам нарекает животных.
Западноевропейский средневековый bestiарий

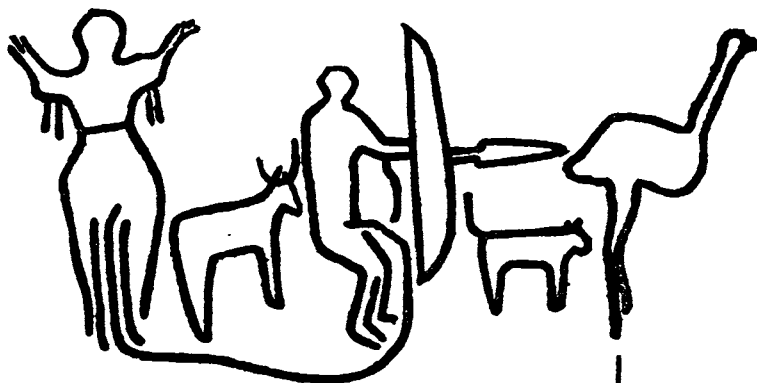
Человек и раненый бизон.
Ляско. Франция

Лошади и бизон, пораженные копьями.
Наскальная палеолитическая живопись
в пещере Ляско. Франция

«Венера» из палеолитической стоянки Костенки под Воронежем. Бивень мамонта

Сцена охоты. Гениталии охотника связаны с благословляющей охоту женщиной. Наскальный рисунок каменного века. Алжир

Добывание огня у австралийцев

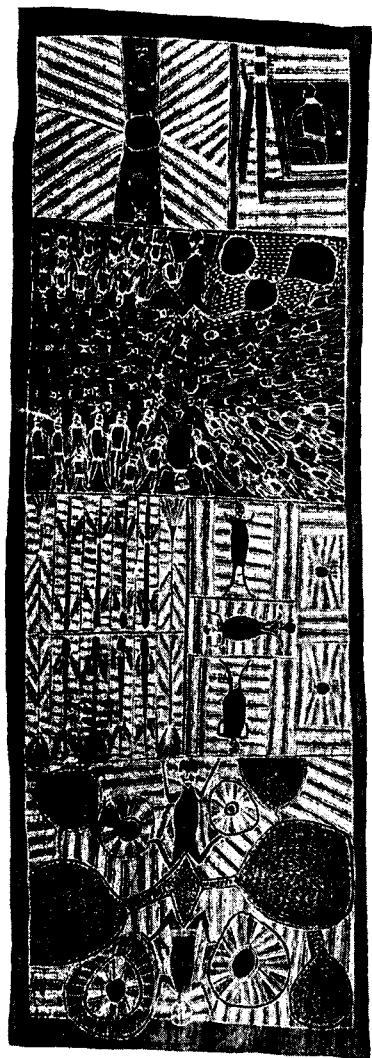

Чуринга

Австралиец в тотемическом наряде, подражающем страусу эму

**Австралийский миф
о двух сестрах.**
Живопись на коре

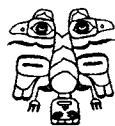
**Обряд вызывания дождя
с чурингами.**
Живопись на коре

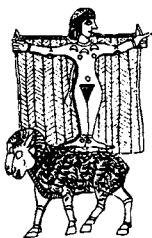
ритель об условных «Праотце» и «Праматери» человечества. Как произошло это событие и что позволило человеку современного вида около 40—20 тысяч лет назад заселить почти весь Старый Свет, остается загадкой.

Мы приводим эти данные науки совсем не для того, чтобы обосновать «научность» библейского мифа о творении. Библейский миф — это не научный, а символический текст, нуждающийся в истолковании, и мы еще вернемся к опытам такого истолкования. Но один эпизод библейского мифа о творении вспоминается в связи с самым началом человеческой культуры, точнее — с началом искусства. «Господь Бог создал из земли всевозможных зверей и птиц и привел к человеку, чтобы посмотреть, как тот назовет их. Так животные получили от человека свои имена». Человек оказывается здесь соавтором самого Творца, ибо в древней мифологии дать имя — значит принять участие в творении и иметь власть над тварью (более того, знавший тайное имя самого Бога получал неслыханную власть над Вселенной). Мы вернемся к легендам о том, как Адам назвал всех тварей, в конце книги.

Удивительные памятники древнейшего искусства свидетельствуют о творческих способностях человека древнего каменного века и о том, что этот человек, казалось бы, целиком поглощенный заботой о добывании пищи, «троглодит», хорошо знал образы, повадки, а значит, и имена зверей и нуждался в творчестве — искусстве.

Когда в XIX в. в Испании, а потом во Франции были открыты пещеры с живописью на стенах с изображениями животных, выполненными не только реалистически, но и с потрясающим мастерством, первым впечатлением зрителей было то, что живопись эта создана современными

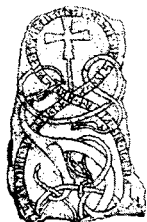

художниками. Но скоро выяснилось, что современные живописцы не смогли бы справиться с такой задачей — не только потому, что они не знали тех зверей и даже минеральных красок, которые были у людей каменного века: первобытные художники в состоянии были использовать даже неровные поверхности пещер, чтобы их изображения «оживали», были объемными. Целые панно с изображениями бизонов, оленей, мамонтов, диких лошадей освещались в каменном веке светильниками, в которых горел жир животных, изображенных на стенах: при таком освещении перед зрителями открывалась не просто живопись, а создавался эффект живых картин, кинематографа. Весь мир, от которого зависел первобытный человек и сам первобытный художник, оживал в этих картинах: стало быть, первобытный художник занимался сотворением мира и, конечно, знал имена всех животных, которые оживали благодаря его творчеству на стенах пещер. Эти сотворенные им животные не разбежались, как на воле, и не угрожали человеку — он был их творцом и господином.

Не только эта элементарная задача овладения животным миром двигала художником, хотя часто этот художник обводил краской свою руку, демонстрируя власть над творением. В глубине одной из самых знаменитых пещер с первобытной живописью — Ляско во Франции — изображен смертельно раненный бизон, рядом — падающий человек и птица, сидящая на некоем стержне. Мы можем только догадываться о том, что за мистерия жизни и смерти была изображена здесь в каменном веке. Ясно лишь, что птица не случайно была включена в эту древнюю композицию: художник хотел показать, что и небесный мир присутствует при этой земной драме.

Человек в Ляско изображен очень схематично, и это тоже весьма важно для понимания первобытного творчества. Дело здесь не в неумении передавать человеческую фигуру, а в том, что для художника важен был символ, а не некий конкретный человек. Мы знаем, как натуралистично первобытные мастера умели изображать людей: шедевры первобытного искусства представлены не только монументальной палеолитической живописью, но и мелкой пластикой — особенно знамениты так называемые палеолитические венеры, фигурки из кости и камня. В этих фигурках впечатляют формы — «венеры» далеки от античных образцов красоты, это — матери, выкормившие не одно поколение детей. При этом у них отсутствуют лица — первобытного художника не интересовала «личность»: для него главным был собирательный образ матери — Праматери.

Мы никогда не узнаем богатства повествовательной мифологии древнего каменного века, хотя «немые» на первый взгляд шедевры первобытного искусства все же говорят о многом. Понять эти шедевры помогает творчество людей, в силу своих исторических судеб оставшихся жить в каменном веке на далекой периферии современной цивилизации.

Время сновидений

Самой отдаленной землей в Старом Свете оказался материк Австралия. Заселенный в конце древнего каменного века, более 10 тысяч лет назад, он оказался вдали от центров цивилизации. Аборигены-австралийцы продолжали пользоваться каменными орудиями, охотились небольшими группами, бродя по обширным пространствам полупустынь, поросших зарослями колючих кустарников. Большая часть австралийских племен не

знала даже лука и стрел, хотя австралийцы изобрели прославившееся на весь мир оружие — бумеранг. В те сезоны, когда было достаточно пищи и воды, они собирались на общие празднества. Как правило, эти празднества были связаны с обрядами инициаций — посвящения юношей, которые после специальных испытаний должны были стать взрослыми мужчинами-охотниками, полноправными членами племени. Эти испытания, отчасти призванные продемонстрировать выносливость молодых мужчин, знакомы нам по современному обычаю, принятому в иудаизме и исламе: австралийцам известен был обычай обрезания. При этом они исполняли удивительные обряды и рассказывали мифы, поразившие уже первых этнографов и миссионеров. Их обилию и разнообразию может позавидовать любая национальная литература. Но эти мифы сильно отличались от тех, что были знакомы европейцам по Библии.

Вот один из мифов австралийского народа мункан.

Два брата-творца: луна и утренняя звезда

Двое молодых мужчин направлялись откуда-то с юга на северо-восток. Они были братьями и только что прошли инициацию. У них не было жен, ибо в ту пору вообще еще не было женщин. День и ночь они распевали одну и ту же песню, которая называлась Тетьямпа (вспомним, как важны были имена для творцов мифов — знающий имя имел власть над тем, что носило это имя). Песня была незамысловатой, как и повседневная жизнь аборигенов:

Я иду в заросли,
Чтобы сделать дубинку (для охоты).
А ты пока готовь еду!
Я иду в заросли,
Тем временем ты будешь готовить!
Вот! Луна взошла!
Давай танцевать и петь!

Далее, как об обычном деле, в мифе говорится: в те времена, очень-очень давно, не было рек, и братья создавали их на своем пути.

Старший брат сделал копьё с длинным зубцом из кости ската и стал бить им рыбу, прикрепляя к копыю все новые зубцы. Братья продолжали петь свою Тетьямпу и прерывали охоту для того, чтобы играть и бороться. Наконец настал черед для следующего новшества, ибо в те времена не только не делали копий с зубцами, но и не умели жарить рыбу. Старший брат велел младшему приготовить скатов, пока сам он будет петь. Тот с большим — для первого раза — умением выпотрошил рыбу и принялся печь в костре отдельно ее печень и сердце (завернув их в кору чайного дерева), а отдельно — мясо без костей (ведь кости шли на зубцы для копий). Так они странствовали и пели по ночам при свете луны.

Оказывается, что в те времена не было и моря — только маленький ручей, за которым простирались бесконечные заросли кустарника. Братья принялись бросать в заросли бумеранг, который вырубал все больше и больше кустарника, возвращаясь к братьям. Те пошли по освобожденному пространству, и за ними последовала вода. Так возникло море; тогда братья повернули назад и создали песчаную отмель — Тевану. При этом они держались за руки и пели.

Но однажды ночью старший брат сказал: «Ляжем спать», и младший заснул, старший же продолжал бодрствовать. Тут-то он и осознает свою цель: «У меня нет женщины, я сделаю младшего брата своей женой!» Хирургическая операция проходит безболезненно — младший брат даже не просыпается, когда ему отрезают половые органы и проделывают вместо них отверстие, наращивают груди... Наутро он обнаруживает себя женщиной, и старший брат объявляет, что отныне младший будет его женой, и демонстративно присовокупляет его копьё к своим.

Через три дня муж делает для жены палку-копалку. Женщина же сплела себе сумку из растительных волокон и стала собирать в нее раковины. Потом она сама сплела себе корзину, чтобы собирать туда корнеплоды — ямс. Так они странствуют дальше на запад: мужчина расчищает путь бумерангом, женщина собирает дрова и разводит костер на ночь. Наконец они приходят в место, называемое Пинмангка, устраивают там стоянку и решают остаться в этом мес-

те навсегда. Свою же песню Тетьямпу они оставили далеко позади, на песчаной отмели — пусть ее найдут и будут петь те люди, которые придут туда.

И в самом деле, продолжает рассказчик мифа, люди, которые приходят на песчаную отмель, видят молодой месяц: это бумеранг, который бросил старший брат — ведь сам он и был луной. За ним следует жена — утренняя заря, как и все женщины с тех пор следовали за своими мужьями. Они оставляют серебряные следы на воде — тогда начинается отлив, но потом первые муж и жена отправляют воду, полную рыбы, обратно. С тех пор люди песчаного берега поют в лунные ночи песни в честь героя, который совершил для них столько благ.

Простенькая песня, которую оставили своим наследникам творцы, и связанные с ней обряды оказываются исполненными особого смысла — песня напоминает об эпохе первотворения, времени создания рек и моря, без которых невозможна была бы жизнь. Исполнители этой песни знают ее имя — владеют ею по праву, и все, о чем рассказывается в мифе, по праву принадлежит им: и песчаная отмель, и кустарники, и место стоянки, где остались герои-творцы, которых местное племя вик-калкан считает своими перепредками.

Два брата, один из которых был превращен в женщину, оказались луной и утренней зарей — недаром они могли петь всю ночь. Сами они никем не созданы, и этим миф каменного века отличается от мифа Библии, где весь мир был сотворен единым Творцом. Более того, творение началось с отделения света от тьмы и совершалось при свете дня, лунный же герой австралийского мифа творил свою подругу под покровом ночи. В мифах древних цивилизаций ночные «лунные» герои оказываются причастны миру тьмы и зла; вспомним, что и в Библии утренняя заря, Денница, отделяющая день от ночи, оказывается Лю-

цифером, первым восставшим против Бога ангелом. Но для австралийцев вик-калкан луна и зоря означали иное: в счастливое время, когда прекращались муссонные дожди, луна восходила на северо-востоке и садилась в море на западе; когда было изобилие пищи и можно было исполнять песни и обряды, завещанные культурными героями, также отправлявшимися с северо-востока на запад.

В австралийской мифологии еще нет разделения добра и зла, как нет, собственно, и сотворения мира: ее герои создают по преимуществу местный ландшафт с его реками, зарослями и отмелями. Они творили не только «природу», но и культуру — копыя, обычаи готовить пищу, даже женщины были созданы при помощи производительной деятельности, но не волевым актом — библейским словом — «Да будет!». Поэтому творцы древнейшей — первобытной — эпохи получили в науке наименование «культурных героев». Свои деяния они совершали на земле, и свидетельства этих деяний — отмели и реки, места их стоянок — видны до сих пор. Эти свидетельства были очень важны для первобытных коллективов: мифы были не только основанием племенной памяти — они были «конституцией» первобытного племени; та территория, которую описывает миф, принадлежала племени и его охотничьим коллективам. Чужие не могли вторгаться на эту территорию.

Странным кажется то, что культурные герои — Луна и Утренняя звезда — оказываются одновременно и первопредками племени или клана. Как можно считать себя потомком луны и почему культурными героями чаще всего оказываются два брата, нам придется еще выяснить.

Устрицы и Акула

Не все блага в австралийских мифах возникали путем мирного созидания. В племени вик-мункан рассказывали, как некогда два брата Устрицы, старший и младший, сидели на берегу, мимо же проплывал Акула, который охотился на скатов. Устрицы окликнули его, но Акула не ответил — он был увлечен охотой. Когда же охотник ночью расположился возле обиженных братьев, те украли у него ската.

Акула понял, что это проделка обозленных братьев Устриц, и отправился в обход к их стоянке, чтобы расправиться с ними. Братья еще спали, когда Акула подошел к их стоянке и принялся корить их украденной рыбой. Те отвечали, что звали Акулу, когда хотели честно попросить у него рыбы, но он не ответил. «В море много рыбы, — отвечал рассерженный Акула, — можно было поймать ее самим!»

Переписка закончилась дракой: Акула первым ударил младшего Устрицу копьеметалкой (приспособлением для метания копья), старший вступился за младшего, Акула уже схватился за само копье, но его выбил из рук врага старший Устрица. Дело дошло до рукопашной, и сражающиеся покатались по траве. Акула забросал Устриц золой из костра, но и Устрицы смогли швырнуть ему в глаза горячий песок. Кое-как протерев глаза, Акула бросает два копья в старшего Устрицу и вдобавок расплющивает ему нос копьеметалкой. Зато младший Устрица преследует безоружного Акулу и вонзает ему в спину бумеранг.

Младший брат возвращается к израненному старшему и доволакивает его до маленького острова Пикота. «Спустимся под воду, — говорит он, — пусть там будет наше жилище. И дети детей наших будут есть нас».

Безобразная сцена завершается довольно дикой, с точки зрения современного человека, концовкой, и все это, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к мифам о сотворении. Но это лишь на первый взгляд. Из мифа о Луне и Утренней звезде мы уже знаем, что имеем дело не просто с людьми, носящими имена природных объектов. Братья Устрицы на самом деле оказываются устрицами, и Акула не зря сплющил одного из них ударом копьеметалки — так его враг превра-

тился в плоского моллюска. Раковины устриц раскрываются, когда их бросают в горячую золу — так раскрывал рот, крича от боли, старший Устрица. Но и сам Акула получил то, что отличает вид акул: вонзившийся в его спину бумеранг превратился в плавник, а маленькие глаза у него потому, что в них бросили песок. Таким образом, перед нами все же миф о творении, первобытная теория происхождения видов. Конечно, виды происходят здесь не столь благопристойным образом, как воля библейского Творца, и едва ли библейский Бог сказал бы, что это хорошо.

Но для австралийцев в самом зачине этого мифа содержится целая натурфилософия: ведь устрицы не могут сами охотиться — они ждут, когда вода затопит отмель, и облепляют корни мангровых деревьев (тут их и собирают женщины, чтобы испечь в золе). Акула же принуждена вечно плавать в поисках пищи.

И к устрицам, и к акуле возводят своих предков разные австралийские кланы. Вместе с луной и утренней зарей эти первопредки австралийцев являют самую странную компанию. Можно представить себе, почему Луна и Утренняя заря могут быть братьями и даже мужем и женой: ведь эти два явления природы связаны между собой. Но почему Лещ оказывается братом древесной (мангровой) женщины, понять труднее...

Лещ и его сестра мангровая женщина

Миф об этих странных родственниках также начинается со скандала. Лещ некогда был мужчиной и жил вместе с братьями в местности Адеда. Однажды он решил навестить сестер, которые жили в другом месте. Он добрался до родственниц и много охотился там. Устав, Лещ попросил старшую сестру приготовить ему мясо — ведь у него болят руки.

Но сварливая сестра отвечала, что у нее тоже болят руки — она приготовила много муки из семян мангрового дерева. Брат рассердился и пригрозил прибить сестру, но та и сама оказалась не промах — Лещ первым получил удар копьеметалкой. В отместку тот ударил сестрицу копьем по голове...

Оба драчуна лежали обессиленные, пока не решили, что им лучше разойтись. Лещ вернулся в Адеда к братьям, которые оказались не рыбами, а деревьями. Он велел братьям оставаться на месте, сам же ушел под землю и дальше в воду. На нем навсегда остался след от сестриной копьеметалки, а люди, когда хотят вызвать лещей в реку, стучат по деревьям — братьям первого Леща, как он сам заповедовал.

Злобная же сестра превратилась в плод мангрового дерева — недаром из него торчит черенок, копье охотника-Леща. С тех пор женщин той страны зовут Контунтан, что значит «Из головы оно торчит», а мужчин — Бамбеган, что значит «Сердце леща сильно бьется, когда приближается человек».

И здесь человек дает имена — но уже не животным, а разным объединениям людей, сестрам и братьям, используя символический язык мифа.

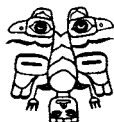
Этот миф о происхождении — сотворении видов и урочищ, поросших деревьями, — многое объясняет. Братья и сестры живут отдельно, что свойственно первобытной (и не только первобытной) эпохе — ведь сестры должны выходить замуж не за родственников, а за людей другого клана, живущих в другом месте. То, что братья и сестры были в старые времена творения животными и растениями, поражало европейцев, которые начали записывать мифы «отсталых» народов. Первым исследователям первобытной мифологии казалось, что мышление этих людей принципиально отлично от европейского, является «пралогическим», подчиненным аффектам, подсознательному и т.п. Самым ярким свидетельством такого пралогического мышления и считалась вера в сверхъестественное родство с объектами живой и неживой природы — тотемами, мифическими первопредками людей.

Но чем больше становился корпус мифов, записанных учеными, чем больше знаний накапливалось о «примитивных» народах, тем очевиднее становилось, что эти люди не примитивнее европейцев.

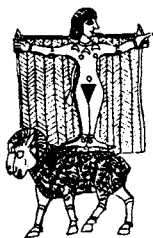
Действительно, для австралийцев-аборигенов весь мир был объединен мифологическими родственными связями — ведь родство было самой понятной для первобытных людей — людей родоплеменного общества — системой связей. Эта система отличалась от научных классификаций Линнея или Дарвина тем, что основывалась не на внешних признаках — не на форме, а на содержании тех или иных явлений. Лещ и плод мангрового дерева оказывались в родстве не потому, что были похожи друг на друга, а потому, что братья и сестры одного клана занимались ловлей рыбы и собиранием мангровых плодов. Тотемы, таким образом, оказывались символами человеческих коллективов, лишенных письменности и удостоверений личности: указывавший свой тотем заявлял о своей принадлежности определенному коллективу и одновременно о месте, которое этот коллектив занимает среди остальных. Для подвижных охотничьих групп это было особенно важным, ибо жизнь их могла превратиться в сплошную распрю, подобную тем, что описаны в мифах. Пралогического мышления здесь не больше, чем у европейских аристократов, которые кичились своими гербами.

Первобытный человек мог рядиться тотемом, когда исполнял обряды в его честь, но никогда не отождествлял себя с ним: ведь животные были людьми только в древние времена — «времена сновидений», эпоху первотворения. Эти времена давно закончились — о них напоминают не только мифы и обряды, но и реки, урочища — скалы и заросли, где совершали свои деяния первопредки.

Лодка Нгурундери

Одним из странников древних времен, который попутно творил мир, был Нгурундери, мифический предок племен Южной Австралии. Рассказывают, как он медленно плыл на своей лодке из коры по ручью. Он спустился до другой реки, преследуя гигантскую треску. Спасаясь, рыба расширяла ручей, который стал рекой Муррей. Но рыболов устал и остановился, чтобы отдохнуть, рыба же уплыла в озеро. Нгурундери было отчаялся, но вспомнил, что на озере живет брат его жены. Он крикнул свойственнику, чтобы он поймал треску, и тому удалось убить рыбу копьём. Тут рыболовы сели на берегу и принялись резать добычу, бросая куски в воду и давая каждому имя рыбы. Последней была создана муррейская треска.

Нгурундери же продолжил странствие. В Бамунданга он решил остановиться и вытащил лодку на берег — там до сих пор видны ее следы. Он потащил лодку на себе и по дороге насыпал два больших холма из раковин. Неподалеку ему встретились люди, которые испугались Нгурундери и спрятались в тростнике: он превратил их в пугливых певчих птичек.

Тем временем две жены Нгурундери готовили здесь серебряного леща, и герой услышал запах жареной рыбы. Прежде чем отправиться на поиски пищи, он решил избавиться от ненужной лодки. Нгурундери вернулся на два насыпанных им холма и поднял лодку на небо — она превратилась в Млечный Путь.

Герой уже приблизился к своим женам, но они пришли в ужас от его приближения: ведь они готовили рыбу, запретную для женщин. Запреты (табу) на пищу были в первобытном обществе не менее важными, чем в современных религиях, поэтому женщины бросились искать спасения на другом берегу озера, куда они поплыли на тростниковом плоту, отталкиваясь шестом. У берега они бросили плот, и он превратился в заросли тростника. Пришлось и Нгурундери делать плот, преследуя жен.

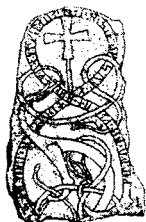
Тут по дороге ему попался злой дух по имени Барамбери. Герой спросил у него, не видел ли дух его жен, но тот вместо ответа затеял ссору и вонзил в бедро Нгурундери свое копьё. Герой же только рассмеялся, вытащил копьё и поразил врага своей палицей. Злодей упал, а герой уже двинулся было дальше, но дух пришел в себя и при посредстве

магической копьеметалки не дал Нгурундери уйти. Тому пришлось вернуться и убить Барамбари палицей, а потом свалить несколько эвкалиптов и бросить труп врага в разожженный погребальный костер. Герой вновь собирался отправиться в путь, и опять магические пути не позволили ему уйти. Наконец Нгурундери нашел уцелевший сгусток крови врага и бросил его в костер. Тогда чары рассеялись, но герой почти потерял надежду догнать своих жен.

Все же ему удалось настигнуть их, когда они вброд переходили море, чтобы укрыться на острове. Море было тогда мелким, но герой крикнул громовым голосом: «Обрушьтесь на них, воды!» Тогда море поднялось, и преступные женщины утонули в водах, но превратились после смерти в скалы.

Нгурундери направился дальше по пути, который с тех пор именуется «путем духов». Он нырнул в море, чтобы смыть с себя прошлую жизнь, и отправился на небо, в страну духов. Но прежде чем уйти туда, он успел объяснить людям местного племени, что души их умерших будут идти этой дорогой, чтобы присоединиться к нему в небесном мире.

Откуда взялось солнце

Нельзя сказать, что австралийцев, подробно описывавших в своих мифах земные маршруты первопредков, не интересовало то, откуда взялись луна и солнце, земля и люди. Но до той системы творения, которая была изложена в первых стихах Библии, было еще далеко, и если в мифах встречается такой сюжет, то он явно испытал влияние миссионеров, рассказывавших аборигенам о сотворении мира. Эти рассказы несомненно оказали влияние на миф племени юалаи.

До того, как появилось солнце, на небе были только звезды и луна, а до того, как появился человек, на земле были только четвероногие и птицы, которые, правда, были намного крупнее, чем сейчас. Однажды Эму и Журавль поссорились и подрались. Журавль схватил и бросил яйцо Эму вверх, на небо. Оно разбилось там о кучу дров, которые от соприкосновения с желтком загорелись, и пламя осветило

землю. Все существа, жившие в полумраке, были ослеплены и изумлены этим светом.

Обитавший на небе Добрый Разум увидел, как красива стала земля, и решил устраивать такой огонь каждый день. Всю ночь он и его помощники собирали дрова, а потом попросили Утреннюю звезду предупредить жителей земли о том, что их вновь ждет яркий свет. Но что делать, если земляне проспят Утреннюю звезду? Нужен был шум, который стал бы возвещать о приходе Солнца.

Однажды вечером Добрый Разум и его помощники услышали смех, издаваемый птицей-пересмешником Кукабурру. Тогда они попросили Кукабурру громко смеяться, как только исчезает Утренняя Звезда, чтобы будить спящих и возвещать о приходе огня-Солнца, иначе они не будут разжигать огонь и земля останется во мраке. Кукабурру согласился и стал каждое утро смеяться: «Гу-гур-га-га, гу-гур-га-а».

Утром, когда Разум разжигает костер, солнце дает еще мало тепла, но к полудню разгорается, а к вечеру угасает, и лишь несколько угольков Разум укрывает облаками, чтобы утром снова развести костер.

Детям, добавляет другой миф, нельзя подражать смеху пересмешника, иначе он, услышав их, перестанет смеяться поутру и на земле вновь воцарится темнота. Если же дети ослушаются, у них над глазным зубом вырастет лишний зуб, и эту отметку они сохраняют на всю жизнь.

В другом мифе рассказывается о земном происхождении небесных светил. Первые люди, взявшиеся неведомо откуда, бродили по земле во тьме и холоде. Это был Пурукупали и его сестра Вуриупранала. Собирая пищу в лесу, они встретили третьего человека — Дьяпару. Однажды мужчины взяли две палки и стали тереть ими друг о друга, чтобы согреться. Тут-то они заметили, что нагреваются и сами палки: наконец вспыхнул огонь. Пурукупали быстро понял, что значит это открытие: он взял кусок коры и зажег факел, который дал сестре. Дьяпаре достался факел поменьше, и Пурукупали велел им следовать, чтобы огонь не погас. Вуриупранала превратилась в Солнце, а спутник первых людей — в Луну.

Происхождение созвездий

Некогда во времена сновидений еще не было луны и многих созвездий, на земле вместе со своими семью дочерьми жил мужчина, по имени Пингал. Он был очень одинок, потому что его жена Абоби давно оставила его, превратилась в звезду и вознеслась на небо. Пингал возжелал своих дочерей, но девушки воспротивились этому. Однажды, когда они искали себе пищу у большого болота, Пингал поймал Мэджина, Черную Утку, и позвал дочерей поесть. Когда те подошли, детородный член Пингала отделился от его туловища и, как змея, пополз по траве к девушкам. Бежать им было некуда — путь преграждали холмы, и отделившийся от человека орган принудил старшую сестру к сожительству. Абоби увидела это с небес и, возмущенная, спустила дочерям на землю длинную веревку. Сестры ухватились за нее и поднялись на небо. Пингал стал подниматься вслед за ними, но Абоби перерезала веревку, и тот упал на землю. Тогда Пингал превратился в луну и отправился жить на небо, а девушки превратились в созвездие Семи Сестер. Они никогда не разлучаются и всегда странствуют вместе — боясь новых посягательств со стороны отца.

Образ отделившегося детородного органа, который способен, подобно змее, преследовать женщин и имеет даже личное имя, характерен для австралийских мифов. Он может скрываться в песке и принимать облик человека. Фаллический символ очень важен для архаической родоплеменной мифологии, ведь вся первобытная общественная система зиждется на брачных связях и весь мир представляется связанным брачными отношениями. Сохраняется его значение и в мифах древних цивилизаций, в том числе в индуистской, где фаллос-лингам оказывается центром культа Шивы, подобием мировой оси. Плутарх рассказывает, как злобный демон Сет погубил бога Осириса и растерзал его на 14 частей; все их собрала жена и сестра бога Исида, кроме детородного члена — его про-

глотили осетры в Ниле, поэтому египтяне не едят этой рыбы. Исида же велела сделать изображение недостающего члена и освятить его. Впрочем, египетские мифы утверждают, что Исида смогла зачать мстителя Гора от уже убитого Осириса...

Как небо отделилось от земли и появился первый бумеранг

У аборигенов Нового Южного Уэльса сохранился миф о первом бумеранге. Когда мир был еще молод, небо было очень низко над землей и таким тяжелым, что земля сделалась совсем плоской. На ней росли только травы и низкорослый кустарник, а люди могли лишь ползать или передвигаться на четвереньках. Многие пытались выпрямиться, но удалось победить небо великому мудрецу и колдуну виринуну. Он заметил, что небо поддается и приподнимается, когда все люди пытаются его поднять. Ему удалось было приподнять небо, опираясь на гибкую ветку кустарника, но стоило ему выпустить ветвь, как небо опять прижало его к земле. Тут виринун понял, что ему нужна надежная опора. Он сделал из ветки крепкую палку и вставил ее между небом и землей, оттолкнув небо так, что оно взлетело высоко-высоко. Сам виринун выпрямился, опираясь на палку, и за ним все люди поднялись на ноги. Палка же под тяжестью неба согнулась и превратилась в первый бумеранг.

Мифы об отделении неба от земли и мировом дереве, которое разделило их, широко распространены по всему свету — о них пойдет речь специально, но лишь у австралийцев мировое дерево принимает форму бумеранга. Впрочем, это главное оружие австралийцев в другом мифе превратилось в луну...

Как появились люди

Миф племени аранда повествует о происхождении людей на западе Австралии — ведь для каждого племени «настоящие люди» — это именно единоплеменники.

Когда-то вся земля была покрыта соленой водой. Люди Северной страны хотели забрать всю эту воду себе и наконец преуспели в этом. Тогда в западной части неба жили два существа унгамбикула — «вышедшие из ничего». Из своего жилища они видели на востоке зачаточные существа — инапертва, которые жили на берегах соленой воды. То были бесформенные комки слепленных человеческих существ, лишённые органов чувств, со смутно вырисовывающимися частями тела, не способные даже принимать пищу.

Унгамбикула спустились с неба с огромными каменными ножами и принялись выпрямлять инапертва руки, затем стали делать надрезы на конечностях — так появились пальцы рук и ног. Инапертва уже могли стоять на ногах, и тогда унгамбикула сделали им носы, в которых пальцами просверлили ноздри. Нож еще понадобился, чтобы вырезать им рты: творцам пришлось специально учить инапертва открывать и закрывать рот. Наступил черед глаз, наконец, органов, которыми различаются мужчины и женщины.

Каждое инапертва принадлежало к какому-то виду растений или животных, и, превратившись в людей, они остались связаны с тем видом, из которого вышли (тотемом). Так, помимо людей, возникли тотемы — большая ящерица, маленькая ящерица, попугай и маленькая крыса.

Сами унгамбикула, завершив творение, стали маленькими ящерицами.

Мы знаем, что величина того или иного тотемического животного, первопредка — культурного героя отнюдь не принижает значения его деяний. Согласно другому варианту мифа, людей сотворила ящерица-мухоловка. Первоначально весь мир также покрывала вода, в которой обитали некие бесформенные существа. Когда вода высохла, они оказались и вовсе беспомощны, но их выручила мухоловка, прилетевшая с севера. Каменным ножом она разделила их члены, вырезала глаза, уши, рот, нос, сделала обрезание — и положила начало этому обряду инициации, дала им копье, копьёметалку,

щит, бумеранг, разделила на фратрии — «братства» жителей Воды и жителей Земли, ввела разные обряды.

Нам еще придется прочесть мифы о солнце, созданном из желтка, и о человеческих зародышах, обитающих в первичном океане. Не меньше придется говорить и о братствах — фратриях. Фратрии в родоплеменном обществе объединяли мужчин, которые считали себя братьями; две фратрии обменивались женами и составляли одно племя — ведь жен нельзя было брать среди собственных сестер, такое кровосмешение считалось страшным грехом у большинства народов. Каждое племя представляло, таким образом, некую «дуальную организацию», символами которой были разные тотемы или даже «стихии», как упомянутые земля и вода. У соседей австралийцев — меланезийцев — известна более сложная система: там кланы могут группироваться по названиям животных, которые обитают в воде или на суше, являются хищниками или травоядными; считалось, что тотем предопределял и характер клана — воинственный или миролюбивый. В мифах фратрии воплощали братья-близнецы, и такие близнечные или дуалистические мифы стали самыми распространенными в мировом мифологическом фольклоре.

Братья-творцы

У племени кулин на юго-востоке Австралии рассказывали о двух братьях, которые сотворили все сущее. Точнее, как и в мифе мункан, главным творцом был старший брат Бунджиль. Помощниками творца стали его жена и младший брат Палиан. При помощи деревянной палицы Бунджиль вырубил русла рек, озера, горы, создал деревья и животных суши. Затем он принялся творить людей. Для этого Бунджиль срезал ножом два куска коры и стал месить на них глину: на этих кусках первый скульптор выле-

пил двух первых мужчин. Работа понравилась ему, и он стал танцевать вокруг своих творений. Затем он принес древесные волокна и сделал из них волосы: одному человеку достались прямые волосы, другому — курчавые. Австралийцы считали, что у представителей одних фратрий волосы выются больше, чем у других — такими их создал Бунджиль, «великий отец».

Брат Бунджиля Палиан довершил творение: он создал воду в ручьях, реках, морях и озерах, пустил туда рыб и морских животных. Он любил играть в воде, хлопая по ней ладонями. Однажды он заметил, как вода стала густеть от его хлопков. Тогда он вылепил из сгустков двух женщин — одну взял себе в жены, другую отдал Бунджилю.

И здесь Бунджиль связан с землей, Палиан — с водой. Вода в мифах народов мира — стихия опасная и не освоенная, в отличие от земли, на которой живут люди. В мифах австралийцев братья еще не воплощают добро и зло, но уже противопоставляются один другому как положительное и отрицательное начало: Бунджиль связан с солнцем, Палиан — с луной; в одном из мифов рассказывали даже, что он согрел руками солнце; после этого из земли вышли люди и начали танцевать ритуальный танец корробори. Бунджиль принимает вид тотема — Клинохвостого орла, Палиан становится летучей мышью и вороном, которые во всех мифологиях оказываются животными связанными с тьмою и смертью. Оба брата, как и многие культурные герои — творцы, в конце концов удаляются на небо и становятся созвездиями — Близнецами: в Греции это созвездие также отождествляли с земными героями, братьями Кастором и Поллуксом; созвездие Черного Лебедя считается женой Бунджиля, а радуга — его сыном. Бунджиль оказался близок и другому греческому герою — Прометею, ибо дал людям огонь; он же ввел разделение на фратрии и брачные обычаи.

Австралийский Прометей

В племени вонгконгуру существовал род, тотемом или «сновидением» которого был Уралага — Огонь. Он добывался здесь путем трения палок, но аборигены считали, что огонь рождается не столько из-за физических действий, сколько благодаря исполнению песни-мифа, известного с древних времен творения — «времен сновидений».

Первым добыл огонь некий человек-кошка — Йагауара. Однажды этот человек поднял волосы кверху и завязал их веревкой. Соплеменники подняли его на смех, но тот расвирепел, развел костер и сжег обидчиков. От этого огня возник пожар, который погубил немало народу, ведь вокруг вспыхнула сухая трава и кустарники. До сих пор груды черных камней напоминают об аборигенах, которые погибли в этом первом мировом пожаре. Два брата Йагауары несли в это время кожу мифической водяной змеи Канмари: эта змея была одновременно радугой — мостом, ведущим на небо. Чтобы спастись от огня, они вынуждены были забраться на небо; куда за ними последовал и сам виновник пожара. Они превратились в пятна, которые видны на Млечном Пути. Вспыльчивый герой, однако, обронил палочку, при помощи которой добыл огонь: он стонал и плакал, переживая потерю, — эта песня и сохранилась в памяти аборигенов, которые завладели волшебной палочкой.

Аборигены не расстаются с палочками для добывания огня, как курильщик со спичками. Палочки эти являются и символом брака: их кладут так, чтобы они соприкасались горящими концами, что воплощает семейный очаг и сам брак.

Австралийский Прометей, как мы видим, отнюдь не был благодетелем людей. Его песня-миф сохранялась не для того, чтобы вспомнить о его добром деянии: воспоминание о лесном пожаре было одновременно и картой, и описанием Вселенной австралийцев, воплощало их картину мира.

Первобытная трагедия: происхождение орла и ворона

МИФЫ
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

У аборигенов Арнемленда рассказывали миф о давних временах, когда люди только разделились на племена. Каждое племя жило в своей стране, и девушки одного племени не только не могли выйти замуж за иноплеменника, но даже не могли разговаривать с чужими мужчинами. Таков был первобытный закон.

Тогда в племени Ворона было мало мужчин, которые могли бы пригласиться женщинам — они были старыми и плохо охотились. Тут-то некий старик Ворон и решил отдать свою любимую дочь за иноплеменника — Орла. Оба племени — и Вороны, и Орлы — были возмущены нарушением обычая, но Орел был великим воином, и те не решились вступать с ним в распрю.

Орел любил жену, но часто ходил охотиться, и та стала заглядываться на других мужчин. Однажды вернувшийся муж увидел, как его жена разговаривает с человеком из племени Сороки. Хоть сам Орел и нарушил закон, но жене этого позволить не мог. Он отказался приносить жене еду и прочим запретил кормить ее. Бедняжка стала худеть и слабеть, и когда у нее родился первенец, она умерла. Орел отдал сына на воспитание другой женщине и очень любил мальчика.

Тем временем брат умершей из племени Ворона услышал о смерти сестры и поклялся отомстить. Его гнев пал на ребенка — ведь он был из чужого племени. Мститель явился на стоянку Орлов, прикинувшись раненым, и был гостеприимно принят. Он дождался, когда Орлы уйдут охотиться, оставив ребенка, и убил мальчика. Чтобы отвести от себя подозрение в убийстве, он долго топтал траву вокруг мертвого тела и сказал вернувшемуся Орлу, что племя чужаков убило его сына.

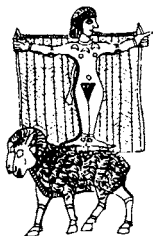
Пораженный горем Орел стал рассматривать следы, чтобы выследить убийцу, и обнаружил, что все следы одинаковы. Он не показал вида, что раскрыл убийцу, а пригласил Ворона на охоту. Охотники принялись преследовать кенгуру, и Ворон хотел уже поразить животное своим копьем, но тут сам получил удар палицей сзади и упал замертво. Орел отволол труп обратно на стоянку и зарыл его в землю.

Ночью Орел был разбужен страшной грозой и ураганом. Молния ударила в могилу Ворона, и Орел услышал кри-

ки мертвеца. Он с ужасом понял, что Ворон избрал своим то-темом молнию и жаждет отмщения. Напрасно он пытался скрыться под скалой — гром настиг его там, молния разбила убежище, и из обломков вылетела хищная птица. Из могилы же поднялась другая птица, черная как смоль — ведь всю ее обожгли молнии. Так на свете появились орел и ворон.

Миф рассказывает не только и не столько о появлении орла и ворона: его главная тема — свя-тость брачных обычаев, которые нельзя нарушать.

Матери-прародительницы

Австралийцам известны и многочисленные мифы о матери или матерях — прародительни-цах, носящих разные имена — Кунапипи, Вараму-рунгундью (в западном Арнемленде).

Рассказывают, что Варамурунгундью появилась из-за моря, с северо-запада, со стороны Индонезии. Выйдя на бе-рег, она создала детей, объяснила им, на каких землях они должны жить и на каких языках говорить — так возникли разные австралийские племена. В своих странствиях Варамурунгундью, как и другие австралийские творцы, создава-ла скалы, реки, урочища и всякие твари — деревья и живот-ных. В одном месте она сотворила пчел и мед, в другом — дерево баньян.

Варамурунгундью хотела сразу обрезать созданных ею детей, чтобы они стали настоящими членами племени, но операция поначалу не удавалась — дети умирали. Наконец прародительница смогла совершать обряд так, что дети вы-живали: с тех пор у одних племен австралийцев совершают обрезание, а у других — нет. Так прама-терь прошла с запа-да на восток, исчезнув, как и все первопредки.

В северо-восточном Арнемленде известны мифы о двух сестрах — прародительницах Дьян-гау: они, как и братья — культурные герои, связа-ны с представлениями о двух половинах (фратри-ях), на которые делится племя.

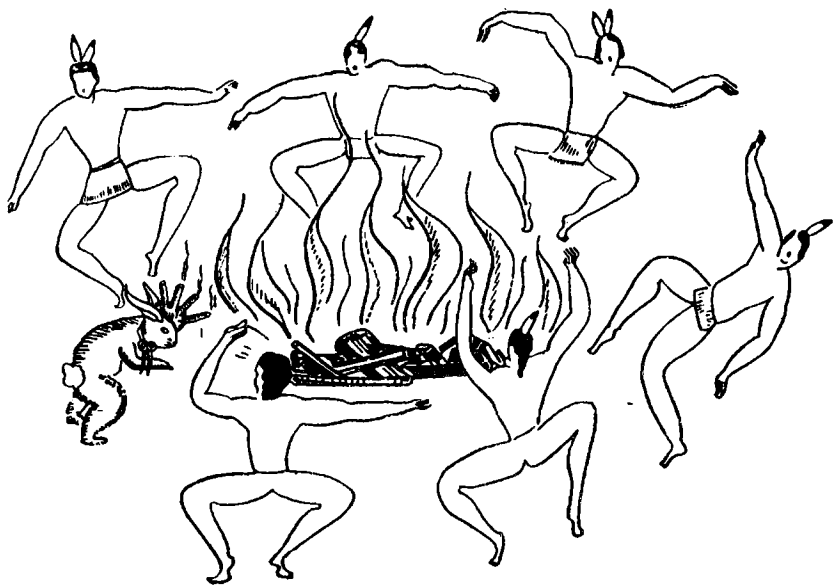

**Роспись по листу саго из церемониального дома
на Новой Гвинее**

Змея-радуга. Рисунок на скале. Австралия

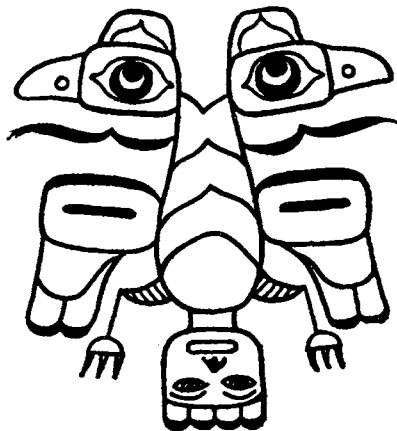
Кролик добывает огонь

Громовая птица.
Индейцы нутка

Человек на луне.
Индейцы хайда

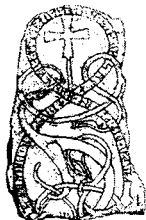

Ворон. Татуировка.
Индейцы хайда

Дьяннгау также пришли из-за моря и остановились в заливе, куда сейчас уходят духи мертвых. Затем на лодке из коры они поплыли по солнечной дорожке на восток, к восходящему солнцу. В некоторых мифах сестры именуются дочерьми Солнца.

С сестрами странствовал и брат: герои принесли с собой множество священных предметов и символов, от которых зависело плодородие всего живущего. Среди них были и большие плетеные колпаки-корзины, которые символизировали чрево матери прародительницы. Колпаки использовали австралийские женщины и дети для вполне бытовых целей — ими укрывались во время сна от moskitов и мух; но ими же накрывали женщин и детей во время церемоний, исполняемых мужчинами, — ведь женщинам и непосвященным, не прошедшим инициации, нельзя было видеть эти обряды.

В этих-то корзинах сестры принесли многочисленные священные предметы — символы тотемов: из них, доставаемых из корзин как из женского чрева, и возникли сами тотемы. Сестры первыми родили детей — с тех пор так рожают все женщины. Но прародительницам пришлось еще и доделывать новорожденных — распрямлять им члены, отделять пальцы один от другого. Каждому племени они дали свою территорию, показав на ней священные участки — скалы и заросли, в которых они останавливались в своих странствиях. Наконец, прародительницы ушли на запад — туда, где заходит солнце.

Змея-прародительница

Мы уже знаем, что в своих мифологических рассказах австралийцы не проводили четкого различия между человеком и его тотемом, животным или даже явлением природы. Ведь речь шла о древних временах, временах сновидений, когда возможны были чудесные превращения — подобные тем, что мы видим во снах.

Своей праматерью племя дьявун считает первое существо — гигантскую змею Эйнгану. Она создала все — воду, скалы, деревья, людей, а также всех птиц, летающих лисиц,

всех кенгуру и всех страусов эму. Все они обитали первоначально внутри змеи.

Тут выясняется все же, что первые существа жили самостоятельно, но не на земле, а под водой, где жила и Эйнгана. Она проглотила их и выползла на сушу. Там она стала мучиться от болей в животе, крича и ворочаясь, — долины и реки возникали от ее судорог.

Этот шум услышал неведомо откуда взявшийся старик, который странствовал со своим копьём. Подкравшись к змее, он ударил ее копьём, чем и облегчил ей муки, оказавшиеся родовыми: живые существа вышли из чрева прародительницы. До того, продолжает рассказчик, все живые существа не могли рожать и должны были изрыгать себе подобных изо рта.

Новорожденным не было покоя, ибо некий Динго медленно погнался за ними. Люди рассеялись и превратились в разные племена, говорившие на разных языках. Но на этом австралийский миф о «Вавилонской башне» и смешении языков не закончился. Ведь Динго продолжал преследовать прочие существа, так что некоторые из них поднялись в воздух, став птицами, другие превратились в кенгуру, ускакав от преследователя, третьи стали эму, четвертые — летающими лисицами, дикобразами, змеями, лишь бы спастись от Динго.

Старик же, облегчивший роды прародительнице, отправился восвояси в местность Баррайявим. Там он нарисовал себя на скале, а сам превратился в синекрылую птицу-пересмешника кукабурру, уже знакомую нам по мифу о происхождении солнечного света.

Более всего люди благодарны Эйнгане за то, что она создала воду и водоемы, без которых человеку не прожить. Она сотворила также Змею-Радугу, воплощение воды — сезона дождей.

Австралийцы верят, что Эйнгана, некогда отрыгнувшая зверей и птиц из своей пасти, вновь поглощает их и с ними опускается к себе в жилище — подводную нору. В сезон дождей, когда прибывают паводковые воды, змея поднимается с ними и отпускает зверей и птиц, чтобы люди могли на них охотиться.

Эйнгана держит также нить жизни, которую называют Тун. Когда она выпускает нить, человек умирает. Его дух направляется по небесному пути — Змее-Радуге — в страну Эйнганы, откуда он некогда вышел. Змея-прародительница

ца наделяет душами мужчин и женщин. Когда же Эйнгана умрет, умрет и все живое.

Миф об Эйнгане содержит много мотивов, известных европейцам: морское чудовище, способное поглотить и изрыгнуть живое существо, напоминает о библейском «ките» — Левиафане, поглотившем пророка Иону. Широко распространены и мифы о чудесном зачатии, когда девушка беременеет от съеденного плода. Но для австралийцев эти мотивы исполнены особого смысла, который уже не вполне понятен людям, давно расставшимся с первобытной эпохой. Главный обряд у австралийцев и в родоплеменном обществе вообще — инициация, испытания юношей, которые должны стать полноправными членами племени. Эти испытания воспринимались и инсценировались во время самих церемоний как поглощение юноши огромным змеем, прародительницей или Змеей-Радугой. Из утробы чудовища должен был появиться уже взрослый мужчина. Символика этих представлений проста: «переваренный» в утробе юноша становился «приготовленным» для взрослой жизни, как пища, переваренная в желудке, усваивается человеческим организмом. Все живые существа, прошедшие через утробу Эйнганы, становились настоящими людьми или существами, доступными человеку.

Нить жизни, которая, казалось бы, должна быть известна лишь народам, которым известно прядение (неизвестное в традиционной культуре австралийцев), также оказывается очень архаичным символом. Змея Эйнгана, конечно, не похожа на античных мойр или скандинавских норн, пряДУЩИХ нити судьбы, но значение пуповины как «нити жизни» было хорошо известно самым архаичным культурам. Австралийцы считают ее свя-

ценным и магическим предметом, иногда обвязывают пуповиной шею новорожденного, чтобы он не кричал, или хранят среди других святынь — фетишей — в специальной сумке.

Творец и своенравная кукушка

В мифах австралийцев известен и герой, который один творит мир.

В Восточной Австралии рассказывают, что землю сотворил Байаме. Он начал с создания крутых гор, затем разделил хребты ущельями, наделил землю плодородной почвой и растительностью (лишив, впрочем, растительности пустыню).

Затем творец принялся населять землю животными, которые могли по ней передвигаться: то были кенгуру, вомбаты, посумы, пресмыкающиеся и прочие существа. Он поселил каждого в горах или на равнине, объяснив, как они должны жить.

Затем настал черед птиц — лесных и степных, и за ними и небесных — высоко парящих орлов, ласточек и прочих. Пеликанов и черных лебедей Байаме научил не только летать, но и плавать. Творцу пришлось учить их вить гнезда и высиживать яйца, и все твари были послушны его воле. Одна лишь кукушка не желала вить гнезда. Прочие птицы невзлюбили своенравную тварь, и кукушка была изгнана на север. С тех пор с приходом весны кукушки летят на юг и воровски подкладывают в чужие гнезда свои яйца...

Этот миф о творце Байаме напоминает библейский миф о сотворении мира. Возможно, австралийцы восприняли рассказы христианских миссионеров о творении, но переиначили сюжет своему, обратив внимание на то, чему уже не хватало места в Библии.

В другом мифе рассказывается, что в давние времена, когда на небе еще не было луны, кенгуру, вомбат, коала, орел и эму заспорили, кто из них самый сильный и великий.

Эти животные были тогда намного сильнее, чем сейчас, да и врагов у них не было.

Спорщики возомнили, что они могут сравняться с самим создателем Байаме. Они уже затеяли было драку, но тут сам творец появился между ними и предложил им состязание. Договорились об очередности, и творец должен был показать свою силу последним. Первым показал свое умение wombat, который быстро вырыл нору и спрятал свое толстое тело под землей. Довольный, он стал ждать продолжения состязания.

Тогда показал свои способности эму и побежал так, что за ним не успевали следить самые быстроглазые. Вслед за ним принялся совершать свои прыжки кенгуру, подсакивая чуть ли не до самых облаков. Коала смог добраться до вершины самого высокого эвкалипта и, несмотря на ветер, который раскачивал его ветви, принялся объедать с них листья. Наконец орел поднялся на такую высоту, что все, кроме Байаме, потеряли его из виду. Собравшись вместе, состязавшиеся вновь принялись спорить, кто из них сильнее и равен Байаме.

Тогда наступил черед творца. Тот подошел к костру и принялся рассматривать лежащие там бумеранги (тут мы понимаем, что состязающиеся животные были одновременно и людьми-охотниками). Байаме выбрал самый большой из них и бросил в темнеющее ночное небо. Бумеранг не вернулся, как следовало бы ожидать, а остался в небе. Он превратился в луну. Луна и поныне сияет в небе, и в иные дни она очень похожа на бумеранг.

В библейском мифе человек — венец творения. Животные должны подчиняться ему и быть его помощниками. Усмирение гордыни у всякой твари — содержание австралийского мифа. Культурные достижения выше природных качеств: при помощи орудия — бумеранга — можно творить явления природы.

Появление смерти

Очередной миф о деяниях Байаме также напоминает библейское повествование о судьбах первых людей и божественных запретах.

В начале времен, когда Байаме ходил по земле, он сотворил из красной земли гор двух мужчин и женщину. Увидев, что они ожили, творец показал им растения, которые они могут есть, чтобы не умереть с голоду, сам же направился дальше.

Люди послушно ели растительную пищу, но тут наступила засуха, растений стало мало, и один из мужчин убил сумчатую крысу. Первый охотник принялся есть мясо вместе с женщиной, но другой его товарищ не хотел прикасаться к мясу, хоть и обессилел от голода. Как ни уговаривала его женщина попробовать новую пищу, он отказывался и, наконец рассердившись, двинулся из последних сил к западу.

Наевшаяся пара решила догнать товарища и настигла его уже далеко, когда он подходил к большому эвкалипту. Там он упал замертво, а первые люди увидели возле дерева черное чудовище с огромными огненными глазами. Чудовище схватило мертвеца и затащило его в дупло дерева. Затем они услышали страшный удар грома и с ужасом увидели, как огромный эвкалипт был вырван из земли с корнями, и понесся по воздуху в южную сторону неба. Огненные глаза сверкали из его дупла.

Далее последовала трогательная сцена: два белых какаду пустились с криками за несущимся деревом. Они не боялись злого духа, сидящего в дупле, и лишь хотели догнать свое уносящееся в дупле гнездо.

Дерево остановилось у края неба, возле Млечного Пути, что ведет в небеса, а затем и вовсе скрылось из виду. Люди могли разглядеть лишь четыре сверкающих глаза: они принадлежали злему духу и первому мертвецу, ушедшему на тот свет. Так появилось созвездие Южный Крест, а возле — стая какаду, ставшая созвездием Гончих Псов.

Небесные созвездия напоминали о том, что человек смертен...

Состязание колдунов и судьба Байаме

В архаичных мифах Байаме — прежде всего старый и великий виринун — колдун. Он силой оружия — палиц — заставил подчиниться себе двух молодых жен. Но один из сыновей Байаме выказал особую строптивость.

Однажды Байаме ловил со своим сыном треску в большом водоеме, называемом Вирибилла. Ловля была удачной, и огромную рыбу повесили на эвкалипте, печень же и жир Байаме положил на кору, поджарил и стал поедать. Голодный сын смотрел на отца, но не решался попросить часть добычи.

Наконец, он решил напомнить отцу о себе и сказал, что пойдет пить. Отец не ответил, и разгневанный сын удалился.

Сын долго не возвращался. Тогда Байаме забеспокоился. Он пошел по его следам и увидел, что вода бурлит в водоеме, рыба же мечется в нем. Тут старик догадался: сам великий виринун разгневан и хочет увести всю воду, а с ней и рыбу по подземным протокам.

Байаме бросился по излучинам реки, пытаясь догнать сына. Наконец он настиг его у подземного протока и произнес заклятие: «Иди под землю вместе с водой!»

Сын ответил отцу собственным пророчеством: Байаме должен превратиться в камень. Хоть сын старого колдуна и был сам виринуном, но не мог противостоять отцу. Он должен был спуститься в подземелье, старик же ослепил его и придавил сверху землей, заживо похоронив сына. Потом Байаме смог остановить воду и вернулся в Вирибиллу.

Треска, из-за которой разгорелась ссора, продолжала висеть на дереве: австралийцы долго еще показывали оставленный ею след — потемневший кусок коры. Они говорили, что сын Байаме заслужил смерть — ведь он ослушался отца. Но и заклятие сына подействовало: сам Байаме окаменел на своем небесном стойбище (как многие культурные герои австралийцев).

Байаме и его вестники

Согласно другому мифу, Байаме окаменел не весь. По завершении творения он действительно по каменной лестнице удалился на небесное стойбище Буллима на вершине священной горы Уби-Уби, где сидел со своей женой Биррой-нуллу на хрустальной скале. Верхняя часть его туловища оставалась прежней, но вот нижняя окаменела...

Только мудрецы-виринуны могли обращаться к нему, и обращения эти передавали вестники Байаме. А общение было необходимо, ибо жена Байаме Бирра-нуллу посылала

половодье. Когда все источники пересыхали, виринуны поднимались к вершине Уби-Уби и ждали прихода вестников. Те узнавали желание людей и передавали его Байаме, он же обращался к Бирре-нуллу, а та, в свою очередь, к младшей жене, чтобы она сообщила виринунам: «Поспешите передать племени Бун-юн Бун-юн, чтобы они были готовы. Скоро покатится кровавой шар».

Эти загадочные для нас слова виринуны передавали специальному роду людей, которые имели крепкие руки и сильные голоса. Название рода Бун-юн Бун-юн означало, что его тотемом были лягушки. Эти люди-лягушки обитали в верховьях пересохших рек, разводили там костры, в которых раскаляли камни. С тем они и ждали, когда появится кровавой шар. И в самом деле, этот шар катился к ним по руслу реки, и люди с громкими криками принимались швырять в него камни. Из лопнувшего шара вырывался поток крови, а люди все бросали в поток камни, и кровь, очищенная этими камнями, превращалась в разлив реки. Лягушки же продолжали кричать, предупреждая прочие племена, чтобы они переносили стоянки повыше в горы — идет половодье.

Если вода в долинах оказывалась красной и густой от грязи, люди сетовали на род Бун-юн Бун-юн — они мало кидали камни и плохо очистили воду.

Удивительное соответствие этому мифу обнаруживается на Древнем Востоке — в Египте. Там также рассказывали, как старый верховный бог-творец Ра удалился на небо. Люди перестали ему повиноваться и даже замыслили злые дела. Тогда бог послал им в наказание дочь, воплощение палящего солнечного ока и засухи богиню Сехмет (Хатор). В образе свирепой львицы она принимается истреблять людей, так что сам Ра уже не может остановить ее. Приходится отправлять людей к верховьям Нила, чтобы те принесли красный минерал: его перемалывают в порошок и смешивают с огромными количествами ячменного пива, которым заливают поля. Кровавая богиня принимает пиво за кровь и пьянеет настолько, что забывает о своем желании истребить человечес-

кий род. По этому поводу в Египте устраивается ежегодный праздник, совпадающий с разливом Нила: ведь Нил действительно краснеет в это время от размываемых в Эфиопии минералов.

Кузнечик-богомол и сотворение мира

Помимо австралийцев, в Южном полушарии — на южной оконечности африканского материка — обитает еще один народ, сохранивший древнее охотничье и собирательское хозяйство и богатейшую архаичную мифологию. Это малорослый народ бушменов, которых прозвали так европейцы, ибо они, как и австралийцы, находили убежище в бушах — кустарнике. Там они сооружали свои шалаши из ветвей и травы. Как и австралийцы, они ревниво оберегали свои охотничьи территории и следили, чтобы редкие источники воды переходили по наследству из рук в руки. Бушмены жили по обычаям каменного века, посудой им служили яйца страусов, воду можно было держать в желудке антилопы, съедобные растения бушменки выкапывали при помощи палок-копалок. Одеждой были набедренники из кож животных, примитивные сандалии да каросс-плащ, который служил и одеялом. Зато в отличие от австралийцев, бушменам были известны лук и стрелы.

Охотничьи группы бушменов возглавляли наиболее опытные охотники; особым авторитетом пользовались знахари или колдуны. Язык этих обитателей засушливых саванн отличается от всех прочих характерными щелкающими звуками. Поэтому имя главного мифологического героя бушменов — кузнечика-богомолы — трудно передать средствами европейских языков. Обычно его именуют Цагн (или Кагн).

Необычный вид и повадки этого насекомого привели к тому, что у большинства народов его образ наделяется сверхъестественными чертами. У русских он называется богомол, потому что движения его лапок напоминают молитвенные жесты.

Имя Цагн у бушменов означает «Господин» — его считают тотемическим первопредком и молят о ниспослании пищи его детям — бушменам. В мифологические времена, когда все животные были людьми, у него была семья, состоявшая из существ разных видов: жена — даман, маленькое копытное млекопитающее, больше похожее на грызуна, сестра — голубой журавль, приемная дочь — дикобраз, ее сын — ихневмон. Цагн был первым существом, и он создал все — солнце, луну, ночь, звезды, горы, животных, птиц, он вызывает жизнь и смерть.

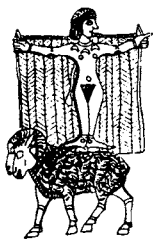
Хотя Цагн и именовался «Господином» и сотворил множество вещей в этом мире, он совсем не был похож на библейского Бога, о чем свидетельствует, в частности, миф о сотворении ...тьмы.

Да будет тьма...

Однажды Цагн похитил сандалию своего зятя Квамманга. Он положил ее в водоем и превратил в антилопу. Антилопа пряталась в зарослях, Цагн же приходил к воде с медом, подзывал и кормил животное, так что то все время прибавляло в росте.

В доме Цагна обратили внимание на то, что тот перестал приносить мед, и его зять отправил своего сына Ихневмона с дедом, да велел прикинуться спящим, накрывшись кароссом, чтобы проследить за Цагном. Хоть Цагн и знал, что за ним подсматривают, он все же взял внука с собой. Конечно, тот не выдержал и, увидев антилопу, поедающую мед, закричал: «Так вот кто приходит пить медовую воду!» Антилопа бросилась в кусты (и перестала после этого расти).

Вернувшись домой, Ихневмон рассказал отцу о странном животном, которое ело их мед. Квамманга догадался,

что это — его превращенная сандалия, и решил сам отправиться с семьей к ее водопою. Он приготовил мед и позвал антилопу: та подбежала к приманке, и Квамманга выстрелил, убив дичь, и на радостях позвал диких котов, чтобы они освеживали антилопу.

Цагн тем временем сам отправился за диким медом, но увидел, что он сухой — кто-то уже воспользовался сотами. Заподозрив неладное, Богомол отправился к водоему. Напрасно он звал антилопу — по следам крови Цагн понял, что его творение погибло.

Схватив сумку-колчан, герой бросился по кровавым следам и увидел, как на отмели дикие коты освеживаются антилопу. Цагн стрельнул в них из лука, но прозорливые твари сами были колдунами: стрела вернулась, едва не убив богомола. Тогда Цагн бросился на котов с дубинкой, но враг был сильнее. Один из котов не только поколотил Цагна, но и заставил его носить дрова для костра.

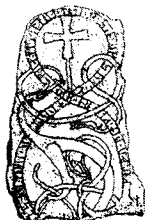
Тут-то в кустах Цагн и обнаружил желчный пузырь антилопы. В те времена не только животные, но и части их тел могли разговаривать и двигаться. Когда Цагн сказал желчному пузырю, что хочет проколоть его, пузырь предупредил богомола, что наступит тьма. Это и нужно было рассерженному творцу. Но когда Цагн проколол пузырь, наступила такая тьма, что он сам не мог выбраться из кустов. Пришлось творцу снять с себя сандалию и забросить ее наверх: он так торопился, что даже не стряхнул с нее грязь и пыль. Сандалия превратилась в луну, которая бывает красной от африканской грязи, налипшей на сандалию Цагна.

Сандалия освещала путь только своему хозяину, поэтому, когда Цагн подобрался к котам, они его не заметили. Богомол слышал, как коты ругают его в темноте, разрезая тушу антилопы, за то, что он проделал с пузырем, напустив тьму и заставив солнце скрыться.

«Придется вам теперь зажигать факелы, чтобы раздвигать добычу!» — мстительно сказал Цагн и отправился домой.

Там уже начался переполох, хотя домашние и подозревали, что тьма наступила из-за проделок Цагна с пузырем. Богомол рассказал, как было дело и почему он хотел, чтобы все погрузилось во тьму.

С тех пор день сменяет ночь, а ночью светит луна — холодная, как сандалия Цагна.

В других мифах сотворение мира и светил связывают с людьми «древнего народа», жившего до бушменов. Явления природы, светила, животные, растения — все были некогда людьми «древнего народа». Они участвуют в сотворении мира — звезд, Млечного Пути и т.д., устройстве земли, ее рельефа.

Человек, у которого светились подмышки. Происхождение солнца и луны

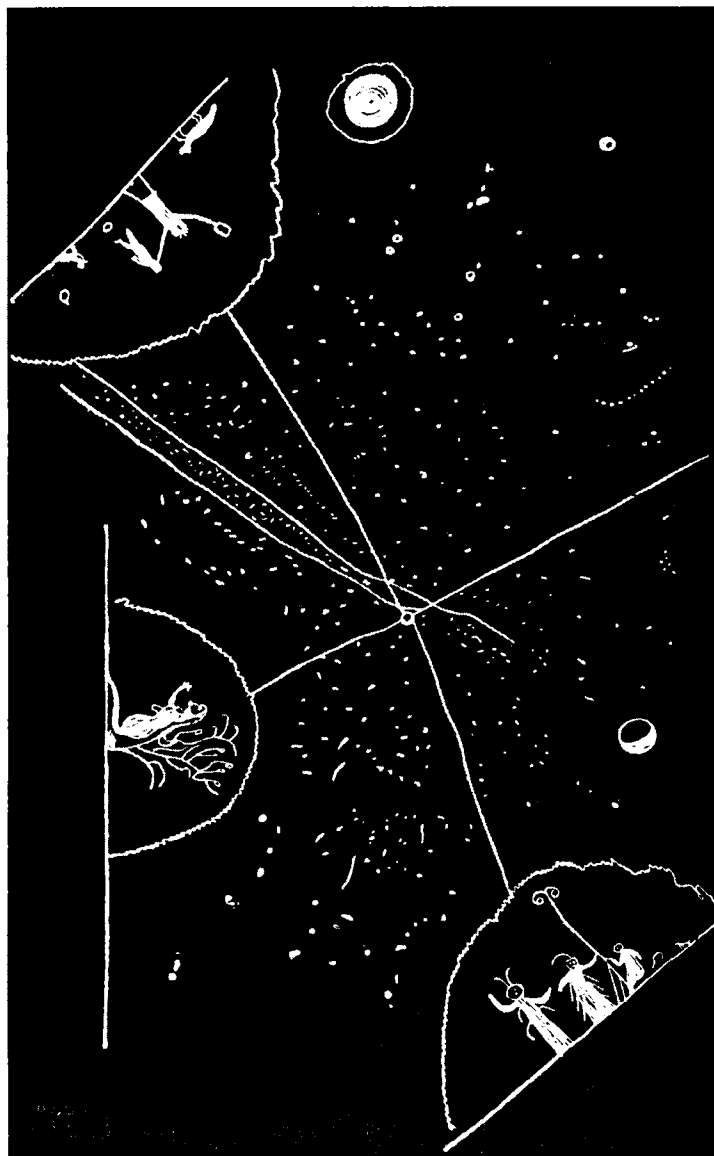
Некогда солнце жило на земле и было стариком, у которого светились подмышки: когда он поднимал руку, все вокруг озарялось светом, когда ложился спать — погружалось во тьму. Днем сияние было светлым, ночью — красным, как огонь. Но солнце освещало только пространство вокруг своего жилища, вся остальная земля была погружена в сумрак, а небо было черным.

Наконец мудрые женщины решили отправить своих детей, чтобы те подстерегли солнце, когда оно уляжется спать, и забросили его на небо. Дети осторожно подкрадывались к солнцу, поджидая, когда старик опустит руки — но и с опущенными руками он был раскален так, что дети с трудом ухватили его и подняли. Они стали уговаривать старика зацепиться за небо и освещать оттуда всю землю, чтобы люди не мерзли, а личинки термитов («бушменский рис») подсыхали и становились пригодными в пищу.

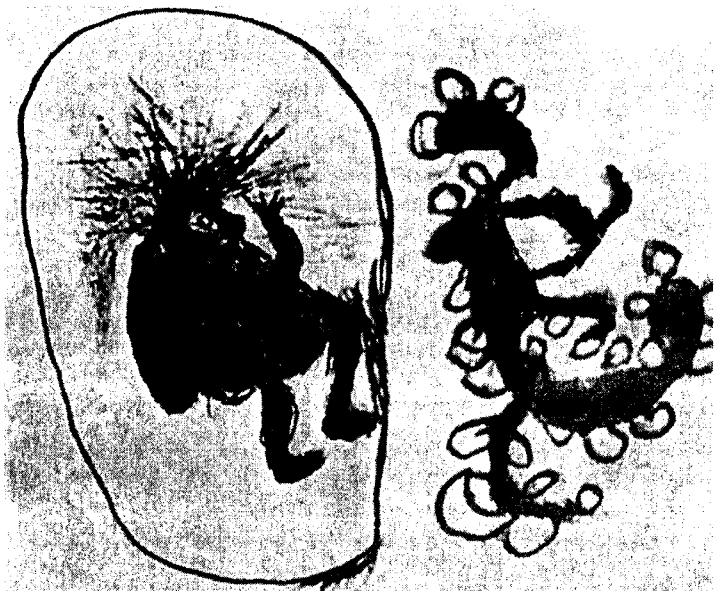
Так старик Солнечная Подмышка стал жить на небе. Когда он заходит, на небе появляется луна, утром же солнце прогоняет луну. Когда же солнцу удастся настигнуть луну, оно вонзает в нее свой каменный нож — луч. Тогда луна начинает ослабевать и угасать. «Оставь мне, ради моих детей, хоть спинной хребет!» — умоляет она солнце. И солнце жалеет луну — та едва живая уходит в свой дом, но там оживает, у нее вырастает живот, и она вновь полной выходит на небо. Тогда солнце опять начинает преследовать свою соперницу — луну.

Когда-то солнце со своей женой, луной, — рассказывает другой миф, — жили на земле, и солнце дружило с водой, но вода никогда не ходила к нему в гости, потому что дом солнца слишком мал. Тогда солнце выстроило огром-

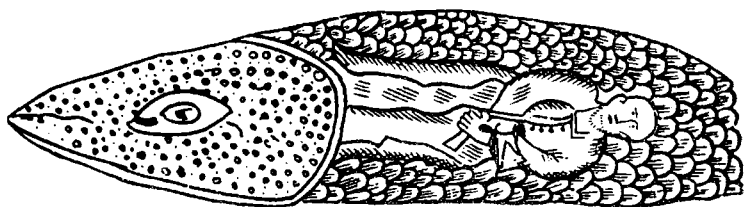

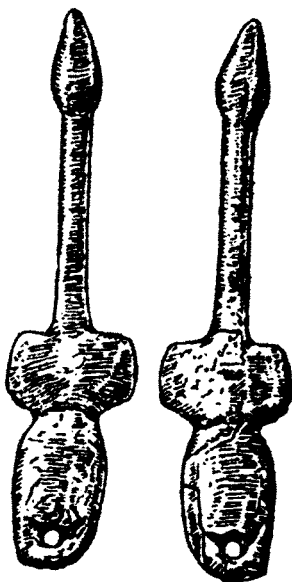
Вселенная. Рисунок чукчей

Седна. Эскимосский рисунок

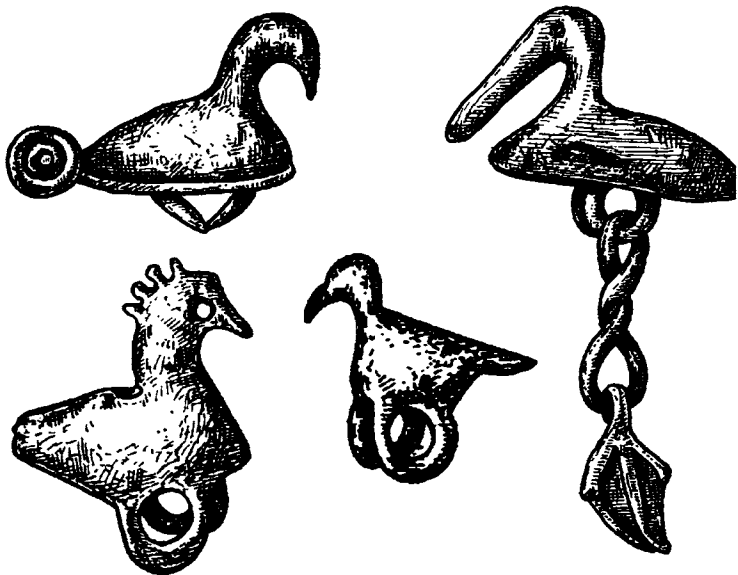

Пророк Иона в чреве кита.
Украинский рисунок XVIII в.

**Палеолитическая
скульптура —
водоплавающие
птицы**

**Рыбная ловля Маун.
Резьба по дереву.
Полинезия**

**Финно-угорские средневековые амулеты
в образах водоплавающих птиц**

**Самодийский
шаман с бубном
в рогатом уборе
верхом на
медведе**

ный дом и пригласило воду. Вода вместе со всеми рыбами и водными животными стала вливаться в дом солнца. Гостья забеспокоилась, когда заполнила жилище по колено, и спросила солнце, не страшно ли хозяевам принимать у себя стихию. Но солнце оставалось гостеприимным и тогда, когда дом наполнился по макушку. И вновь вода спросила, не боится ли солнце новых гостей — ее родственников. «Нет», — ответили солнце и луна. Вода заполнила весь дом, заставив солнце и луну взобраться на самый верх крыши. Когда вода стала переливаться через крышу, солнце и луна вынуждены были подняться на небо, где они и находятся с тех пор.

В одном мифе рассказывается о Человеке-огне. У него светилась голова; когда он ходил с охотниками, им всегда встречалось много дичи, но он и требовал себе лучший кусок мяса. Тогда по совету коварного знахаря его убили, а голову отрезали. Один охотник, взяв длинную палку, водрузил на нее голову и зашвырнул на небо. Солнце каждый день ходит по небу с востока на запад в поисках своего тела, но никак не может найти его.

Луну бушмены упорно представляют сандалией, закинутой на небо. Она принадлежала не только Цагну — в другом мифе древний великий знахарь промочил сандали и велел высушить их своей дочери. Но та положила сандали слишком близко к огню, так что одна вовсе сгорела — остался только пепел. Другая сандалия сгорела лишь наполовину, и рассерженный хозяин забросил ее на небо, где она превратилась в месяц. Его дочь — девушка «древнего народа», которая была первой девушкой на земле, забросила на небо и золу, которая стала Млечным Путем. Он должен давать свет людям, чтобы те могли ночью найти дорогу — Млечный Путь перемещается по небу, спускаясь к тому месту, где девушка подбросила его ввысь, и вновь поднимаясь. Звезды также были сотворены вроде бы случайно — в порыве ярости. Однажды девушка древнего народа заболела и осталась в хижине своей матери: та добыла съедобные корни и принесла их дочери, но той показалось, что пищи было мало. Выбросив

наверх съедобные корни, рассерженная девица сотворила звезды: из красных кореньев — красные звезды, из белых кореньев — белые звезды. Заодно девушка сотворила и саранчу, подбросив в небо кору некогда съеденного ею корня.

Луна и происхождение астрологии

Убывающая — умирающая — луна служила постоянным напоминанием о бренности бытия — болезни и смерти. Бушмены знали, что болезнь луны временная — она истаивает до спинного хребта, но затем вновь возрождается. В древние времена люди тоже возрождались, но мифологическая эпоха бессмертия закончилась из-за наивности... зайца. В те времена заяц был человеческим ребенком. Он увидел, что мать его умирает, и принялся плакать. Луна стала утешать его, уверяя, что мама вернется, но заяц не слушал утешений и продолжал оплакивать мать. Рассерженная луна ударила плаксу по губам, так что у зайцев до сих пор рассечена верхняя губа, и заклала несчастное животное — теперь он должен, петляя, спасаться от собак. При этом один кусочек мяса в ляжке зайца считается человеческим — его нельзя есть охотникам, ведь заяц когда-то был человеком. Луна же наказала из-за глупого зайца все живое: теперь все люди должны умирать навсегда, ибо один из них не поверил светилу.

В другом мифе существом, которое лишило людей бессмертия, оказывается взрослая зайчиха. Это было в те времена, когда животные и люди жили вместе, и даже луна жила вместе с людьми. Но однажды старик-луна умер, и люди оставили его могилу и прежнюю стоянку, перебравшись на новое место. Как-то они вернулись на прежнее стойбище, где созрело много ягод, и принялись собирать их вместе с зайчихой. Люди решили подшутить над ней и сказали, что нужно собирать незрелые — белые — ягоды. Когда женщины собрались со своими корзинами, то у зайчихи она была полна незрелых ягод. Незадачливая собирательница, конечно, обозлилась на своих товарок, но те сказали, что подождут, пока та наберет спелых ягод.

Однако женщинам надоело ждать зайчиху. Они решили покинуть стойбище, а перед этим помочились и заговорили мочу, чтобы она отвечала их голосами. Так зайчиха была обманута еще раз. Когда она вернулась, женщин уже

не было на стоянке. Зато возле своей могилы копался старик-луна. Он попросил у зайчихи еды, и та, испугавшись вначале, все же протянула ему коренья. Тогда старик втащил ее в свою могилу.

Там он успокоил трусиху, сказав, что должен передать ей нечто очень важное. Люди не будут умирать — после смерти они будут возрождаться вновь, как это делает он, старик-луна. Эту благую весть и должна передать зайчиха людям. Старик был обеспокоен тем, сможет ли зайчиха точно передать его слова. И та успокоила светило — она все хорошо запомнила.

Но злопамятное существо, явившись к людям, тут же заявило: вы будете умирать, ваши останки будут разлагаться и плохо пахнуть. Конечно, те были удручены новостью, а зайчиха помчалась обратно к луне.

Старик спросил, верно ли она передала его слова, и зайчиха ответствовала, что поведала людям о неизбежной смерти. Тут рассердившийся старик и рассек ей губу топором. Но и зайчиха пришла в негодование. Она бросила свой каросс в костер, где он испачкался в сажу и копоту, и потом накинула его на луну. С тех пор вся луна покрыта пятнами.

Мифы о происхождении лунных пятен широко распространены у разных народов мира и повествуют, как правило, о неверном или несправедном деянии, совершенном во времена творения.

Индейцы Южной Америки — карибы — верили, что луна — это человек с испачканным лицом. Некогда девушка забеременела от человека, которого сама не знала: возлюбленный приходил к ней ночью и она не видела его лица. Чтобы узнать, кто это, мать измазала ему лицо сажей, и наутро выяснилось, что это родной брат девушки. От стыда он ушел на небо и стал лунной, а от его сына произошли сами карибы...

Бушмены — люди каменного века — стали первыми астрологами. Они верили, что луна и звезды знают, когда умрет человек. Ущербная лу-

на переносит на тот свет умерших. Когда наступало новолуние, бушмены молили луну: «Возьми мое лицо, отдай мне свое! Дай мне твое лицо с которым ты, мертвая, возвращаешься живой!.. О, Луна! Ведь сначала ты говорила, что и мы возвратимся к жизни после смерти...»

Так и нынешние суеверия требуют показать нарождающейся луне монетку — с луной придет и денег. У бушменов не было денег, и они просили луну об иных богатствах: о ниспослании дождя, об удаче в охоте — луне достаточно было бросить один взгляд на охотничью стрелу, чтобы охотник поразил добычу.

Но главным героем бушменских мифов оставался Цагн. Все вещи появились и были созданы по его указанию — солнце, луна, звезды, ветер, горы, животные. Он считался и знахарем, создавшим обряды, которые спасали больных от смерти.

Волшебный танец

Цагн научил людей волшебному «танцу крови» уагома, который объединял во время церемонии весь коллектив и помогал больным выздоравливать. Первыми выучились этому танцу необычные люди, которые имели головы антилопы и хвосты: теперь они живут под водой и приманивают антилоп и змей. Змеям они протягивают чудесное снадобье и ловят их веревками, чтобы приготовить из пепла сожженных змей еще больше волшебного зелья.

Без волшебного зелья нельзя было петь и исполнять танец уагома: ведь если кто-нибудь заболел, этот танец танцевали, двигаясь по кругу, посвященные в тайные обряды мужчины и женщина на протяжении целой ночи. Некоторые из них впадали в транс, а у некоторых кровь шла носом: обычные амулеты тут не помогали, и нужно было вкушать снадобье из пепла змей.

Танцоры кружились вокруг больного, потом совали руки себе под мышки и прикладывали ладони к недужному соплеменнику. Если тот закашливался, танцоры прижимали ладони к его телу, а потом убирали — вместе с болезнью.

Этот миф — антиреклама дезодоранта — напоминает о старике с солнечным сиянием, исходящим из подмышек: секрция объединяла группу людей, связанную тотемическим родством с самим солнцем, и помогала выводить болезнь за пределы коллектива родичей.

Ссора творцов и сотворение животных

Творение в архаических мифах происходит, как мы уже видели, спонтанно (в отличие от «запланированного» на всю рабочую неделю творения в Библии), часто из-за конфликта или ссоры культурных героев — людей эпохи первотворения.

Однажды жена Кагна без спроса взяла каменный нож героя, чтобы заострить свою палку-копалку. Нож притупился, и Кагн принялся бранить жену, предрекая ей всяческие несчастья. И правда, жена чудесным образом забеременела и прямо в поле, где она выкапывала корни, принесла детеныша антилопы канна. Ни роженица, ни сам Кагн не знали, что это за животное, и богомол велел жене растереть волшебное зелье, чтобы окропить им антилопу и выяснить ее имя. Кагн принялся перечислять разные имена, и наконец когда он произнес имя канна, детеныш ответил ему протяжным криком.

Тогда Кагн взял тыкву, положил туда антилопу и отнес в уединенное место, чтобы детеныш подрос там. Сам же герой принялся за творение и создал орудия, в том числе оружие и ловушки для охоты, а также животных и даже ветер, чтобы звери могли принюхиваться и направлять свой путь по ветру.

Потом Кагн принялся тренировать антилопу канна: взял заостренную палку, бросил в антилопу, и та убежала; но когда творец позвал ее обратно, животное вернулось. Тогда Кагн пошел к своему племяннику, чтобы добыть яд для стрел, и отсутствовал три дня.

Пока Кагна не было, его два сына Когац и Гцви с другими юношами отправились на охоту и наткнулись на антилопу, которую приручал их отец. У нее только что выросли рога, и она сумела отбиться от охотников, прорывая

их цепь. Но антилопа утомилась и заснула, и тогда искусный копьеметальщик Гцви убил ее. Разделав добычу, охотники вдруг обнаружили вокруг силки и ловушки Кагна. Они поняли, что животное принадлежало ему, и испугались.

И правда, Кагн, вернувшись и увидев, что его антилопа убита, настолько рассвирепел, что оторвал было сыну нос, но потом передумал и приставил нос обратно. «Попробуй исправить зло, которое ты причинил», — сказал он сыну. Он велел сыну взять кровь антилопы и размешать ее в сосуде мутовкой. Но когда неудачник Гцви разбрызгал кровь, из нее возникли змеи. Кагн велел ему прекратить плодить гадов и потребовал, чтобы Гцви попробовал разбрызгать кровь еще раз. Тут из крови действительно появились антилопы канна, но они были дикими и разбежались.

Тогда за дело принялся сам Кагн. Он велел жене принести жир убитой антилопы, добавил его в сосуд, и у него получились быки канна. Быки принялись бодать творца и его семейство, и Кагн опять обрушился с упреками на Гцви — ведь это он испортил антилоп.

Наконец, семейство творца совместными усилиями разболтало в сосуде много крови, и из нее вышло так много антилоп, что их стада покрыли всю землю. Тогда Кагн отправил сына на охоту, чтобы он убил хоть одну из испорченных им антилоп. Однако как ни старался Гцви, он только измучился — антилопы не подпускали его близко. Второй день также не принес удачи — ведь в костях антилопы прятался сам Кагн, желавший наказать сына.

Творец позвал второго своего сына Когаца и велел ему пригнать антилоп. Затем Кагн издал крик, и антилопы побежали совсем близко от него. Тогда сам творец смог убить сразу трех быков, Когац — двух антилоп и даже Гцви — одну. Но антилопы остались дикими — ведь люди без спроса убили первое творение Кагна.

В этом мифе речь идет не только о коллизиях, связанных с творением и порчей идеальной — прирученной — твари, но и о появлении второго творца, который создает негодные и вредные вещи. Здесь этот творец оказывается непослушным сыном, в иных традициях он называется Сатаной.

Происхождение человека... от змеи

М И Ф Ы
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Сотворению человека также предшествовала ссора Кагна — уже с дочерью. Рассердившись на отца, та убежала в змеиную логову, чтобы умереть там. Но змеи вели себя как люди — их вождь женился на девушке. Правда, сами змеи питались змеиным мясом, но дочери Кагна они давали человеческую пищу — мясо антилопы.

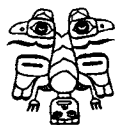
Кагн знал обо всем, что происходило вокруг, и послал своего сына Когаца с другими юношами, чтобы тот вернул сестру. В дорогу он дал ему амулет — свой зуб. Змеи стали было сердиться, завидев людей, но вождь признал свойственников — ведь они шли к своей родственнице.

Но вот змеи отправились на охоту, а сестра накормила родичей мясом. Они честно решили предупредить вождя змей, что пришли забрать сестру, а сами отправились в дорогу. На всякий случай они обвязали тело тростником — и правильно сделали. Три змеи пустились за ними вдогонку, пытались кусать и бить их, но попадали по тростнику. Тогда змеи принялись колдовать, бросая в воздух песок, чтобы поднялся ветер и загнал бегущих в воду — уж там-то змеи расправились бы с ними. Но и колдовство не помогло — ведь у бегущих был амулет, зуб самого Кагна.

Кагн не только защитил своих детей от преследователей — он наказал злых змей. Те хотели загнать детей Кагна в воду, творец же устроил в отместку настоящий потоп. Правда, вождь змей со своими сыновьями узнал заранее о потопе: ведь он был свойственником Кагна. Вождь успел выстроить высокий помост. Когда вода подошла к помосту, три змеи вернулись в свое жилище, но их собственные жены сбросили их в воду и погубили.

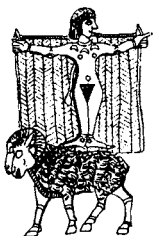
Кагн же отправил Когаца к уцелевшим змеям, чтобы тот превратил их в людей. Когац принялся ударять змей палкой так, что с них спадала кожа — и из змеиной кожи выходили люди.

Бушменский миф напоминает сначала сказку о сестрице Аленушке и братце Иванушке, которые спасаются от Бабы-яги, используя против преследователя чудесные предметы — амулеты (вспомним, как гребень превращается в лес). Но продолжение оказывается не менее драматич-

ным: разгневанный Кагн посылает потоп на землю змей. Их вождь не мог построить ковчег — ведь бушмены не знали лодок, зато спасается на помосте. Спасенные свойственники творца и становятся первыми людьми.

Сотворение людей из змей — характерный сюжет антропогонии — сотворения человека (от греч. *антропос* — человек, и *гония* — происхождение): в Библии человек был сотворен из праха земного, змея же во всех мифологиях считалась хтоническим (от греч. *Хтонос* — земля) существом, наиболее приближенным к земле (в славянских языках «земля» и «змея» — родственные слова). Человек также был существом, привязанным к земле, на которой он обитал (автохтоны — аборигены — это люди, как бы вышедшие прямо из своей земли).

Миф о потопе бушмены узнали, скорее всего, от христианских миссионеров: вода была для них, обитавших в засушливых районах, самой большой драгоценностью. Они радостно приветствовали сезон дождей, танцуя несколько ночей кряду и трубя в рога антилоп. Но продолжительная гроза и особенно раскаты грома пугали бушменов или приводили их в бессильную ярость.

Гром и молния

Происхождение грозы бушмены также связывают с семейным конфликтом времен первотворения. В те времена дождь был человеком, звавшимся Гхауну. Его женой была младшая сестра другого «человека» — птицы Гхагара. Он и решил однажды вернуть свою сестру в родительский дом.

Конечно, Гхауну бросился преследовать своего шурина и жену. Тучи закрубились за ближайшей грядой холмов. Гхагара принялся торопить сестру, но увидел, что та несет за спиной тяжелую ношу. «Что это?» — спросил рассерженный Гхагара и получил ответ, что это вещи покинутого

мужа. В котомке жены была драгоценная похищенная вода, которая давила на плечи беглянки.

Тут похищенное заметил и Гхауну. Он разгневался так, что кровь брызнула из его ноздрей — то и была молния, которую Дождь метнул в Гхагару. Но тот поднял руку и отбил удар, сам же метнул свою молнию в преследователя. Так соперники пытались поразить друг друга, пока Гхагара не метнул в Дождь черную молнию, которая поразила Гхауну: он упал и стал стонать так, что загредел гром. Но и сам Гхагара едва добрался с сестрой до дому — голова его раскалывалась от боли.

С тех пор, когда начинается гроза, старые люди говорят, что это Гхауну и Гхагара мечут друг в друга молнии.

Представления о громовой птице характерны для многих народов мира. Бушмены знали птиц, которые были предвестниками грозы и боялись их — их появление над стойбищем предвещало не только грозу, но и смерть. Но сам миф о бегстве из дома дождя повествует об обретении людьми воды. Она наделялась волшебными свойствами, которые использовал сам Цагн.

Как Цагн воскресил своего сына, а люди превратились в обезьян

Однажды Цагн отправил своего сына за палками: творец собирался стрелять в людей, которые сидят на пятках. Ребенок отправился в заросли и встретил там бабуинов. Наивный младенец на вопрос бабуинов, что он здесь делает, честно ответил: «Собираю палки, чтобы отец мог охотиться на людей, что сидят на пятках».

Бабуины заподозрили недоброе и стали передавать друг другу слова мальчика и переспрашивать его, зачем он пришел в буш. Наконец самый мудрый из них убедился, что люди, сидящие на пятках, и есть бабуины. Тогда они набросились на ребенка и забили до смерти. Из выбитого у мальчика глаза они сделали мяч и принялись играть им.

Цагн же не дождался сына и улегся спать. Во сне ему привиделось, что бабуины играют глазом его сына. Творец вскочил и отправился к бабуинам, воинственно приговари-

вая: «Гремите, стрелы, гремите, стрелы!», и стрелы гремели в его сумке-колчане. На стойбище бабуинов он увидел возню и услышал шум — те действительно играли глазом его ребенка, как мячом. Цагн закричал и заплакал, но быстро сумел сдержать себя и вытер слезы — ведь ему нужно было мстить, и он не хотел сразу выдавать свои чувства бабуинам. Напротив, он предложил им играть в мяч.

Бабуины не видели раньше Цагна, но поняли, что он явился неспроста. Тем не менее они приняли вызов, и игра началась. Но сам мяч почувствовал присутствие отца по его запаху: он не давался бабуинам и стремился в руки к Цагну. Тому удалось схватить глаз и смазать его потом своих подмышек. Когда мяч снова оказался в игре, он поднялся сначала высоко в небо, а потом укрылся в колчане у Цагна. Бабуины заподозрили, что Цагн укрыл мяч, но тот вытряс при них колчан, глаз же спрятал в кулаке. Тогда началась драка, и Цагн, избитый бабуинами, воспользовался своими способностями богомола, улетел и нашел убежище возле воды. В воду он и положил свою добычу и произнес заклинание: ребенок должен был вырасти из глаза и стать прежним.

Когда Цагн вернулся в свое жилище, его внук молодой Ихневмон спросил, кто осмелился нанести деду столько ран. Герой рассказал, как бабуины убили его сына и стали играть в мяч его глазом, как он ввязался в игру с бабуинами, а те обвинили его в похищении мяча и избили, но не раскрыл своего последнего деяния — того, что он спрятал глаз в живительной воде. В ответ творец услышал лишь попреки своего другого сына — зачем старик ходит к чужакам.

Прошло время, и Цагн выбрался к воде, туда, где оставил глаз мальчика. Как ни старался Цагн подойти незаметно, мальчик все же услышал его и скрылся в воде. Но отец был счастлив — ведь ребенок возродился и рос в безопасности. В следующий раз Цагн подготовил одежду — передник — для ребенка и сумел, подкравшись, схватить мальчика, гревшегося на солнце. Он помазал его своим запахом — потом и окончательно приручил младенца, с которым и вернулся в дом.

Его внук Ихневмон удивился еще более — откуда взялся мальчик, если его убили бабуины? Но его отец был более прозорлив: он знал, что старый Цагн не будет так просто играть в мяч с бабуинами. Цагн признался, что затеял игру, чтобы воскресить ребенка.

В другом варианте мифа бабуины убили сына Цагна Когаца, но тот оживил его при помощи волшебного зелья канна. К бабуинам же творец подкрался незаметно, пока они танцевали победный танец и насмеялись над Цагном, поняв тучу пыли, с мешком, полным колышков. Эти колышки он вбил им в зады, так что они превратились в надломленные хвосты, а самих бабуинов прогнал в горы, где они и стали обезьянами, питающимися лишь кореньями, жуками и скорпионами.

Этот антидарвинистский миф о происхождении обезьян от людей демонстрирует замечательную наблюдательность бушменов: сидящие на корточках бабуины изображены в нем весьма натуралистично. Впрочем, сходство обезьян с людьми бросалось в глаза носителям разных традиций: в болгарской библейской легенде обезьяны родились у Адама и Евы прежде, чем настоящие люди. Игра же в мяч с чужаками, равно как и игра в загробном мире, — распространенный мифологический сюжет. Выигравший может спасти умершего, если он правильно соблюдет все ритуалы и обыграет хозяев того света.

Как Цагн отобрал овец у клещей

Клещи тоже были некогда людьми, хитрыми и вредными. Однажды Цагн направился к их жилищу, и его обитатели решили спрятаться в шерсти овец, оставив у огня только маленького мальчика. «Пусть Цагн разговорится с ним, — решили они, — а мы выведаем, что ему надо».

Цагн удивился тому, что все хижины клещей опустели — неужели у него столь воинственный вид? Сам Цагн не лишен был хитрости и решил воспользоваться тем, что пищу сторожит несмышленный ребенок. «Съем-ка я еду, готовящуюся на огне, — принялся рассуждать он вслух, — а если мальчишка вмешается, собью его с ног». Но не тут-то было. Едва он двинулся к еде, клещи стали выпадать из овечьей шерсти, оттаскивая еду подальше от Цагна, а двое из них вцепились в каросс незваного гостя, так что он не смог дви-

нуться с места. Наконец старый клещ упал на Цагна сверху и сбил его с ног дубинкой. Цагн выскользнул из своего каросса и с криками улетел прочь, избиваемый клещами.

Сбежав, он принялся звать свои вещи, и его каросс отправился следом за хозяином, затем появился колчан, за ним — палка и, наконец, мешок. По дороге он прихватил еще и детей антилопы каама и поплелся к дому.

Его внук Ихневмон вновь увидел избитого деда и сразу понял, в чем дело, — ведь клещи были злобным народом. Хорошо, что у деда есть крылья и он может летать... Попретки опять посыпались на Цагна: зачем он пошел в дом к черным кровопийцам.

Цагн не стал спорить с внуком — он слишком устал и улегся спать. Уснул и Ихневмон. Цагн же увидел вещий сон: все дома клещей и их овцы, кароссы, ножи, огонь, посуда и даже дубинки, которыми избивали Цагна, поднялись в воздух и переместились к жилищу героя. Сами же клещи спят на холоде, ничего не чувствуя, — они даже не найдут следов покинувшего их имущества.

Так оно и случилось. С тех пор настоящую пищу, приготовленную на огне, стали есть настоящие люди, а клещи вынуждены пить только чужую кровь. Ихневмон не мог радоваться приобретениям. Только жена Цагна Даман обеспокоилась — ведь он увел чужое имущество. Но Цагн посчитал, что все произошло по справедливости — ведь хозяйка не накормила, а избивали гостя возле их очага.

Продолжение же его речи и вовсе было грустным. Ведь наступят времена, когда и его семья лишится всех благ культуры, и ихневмон будет жить на холмах со своей матерью и питаться медом. Мать станет настоящим дикобразом и будет обитать в норе. А бабушка даман станет птицей. Сам же богомол обретет крылья и станет маленьким зеленым существом.

Рассказывают, что Цагн и его сын превратились в радугу — мост, соединяющий небо и землю.

Дема. Творения демонов

Еще один народ, точнее, многочисленная группа народов, обитающая в Южном полушарии, давно поразила европейцев своими обрядами и мифами. Это папуасы. Они продолжали жить в

каменном веке, но уже знали примитивное скотоводство — разводили собак и свиней — и начатки земледелия, жили в поселках с постоянными жилищами. Наш знаменитый соотечественник Н.Н. Миклухо-Маклай жил среди них в XIX в., а в 70-е гг. XX в. на Берг Маклая отправилась экспедиция Института этнографии со знаменитым фольклористом Б.Н. Путиловым. Усилиями многих миссионеров, этнографов и фольклористов были собраны богатейшие коллекции папуасских мифов, преданий и песен, повествующих о первопредках времен творения. Они именовались «дема» у папуасов маринд-аним, и хотя созвучие с греческим наименованием сверхъестественных существ — демонов — чисто случайно, роль этих героев из мифов каменного века очень близка функциям демонов в архаической античной мифологии. Более того, «дема» называют все странное и необычное — сверхъестественное.

Как и все тотемические предки в мифологиях «каменного века», они живут тогда, когда мир уже существует — его остается только доделывать; правда, доделывать приходится самые существенные элементы мироздания, в том числе создавать светила. Мифы о происхождении солнца и луны оказываются и здесь важнейшими мифами творения: ведь от светил зависит не только сама «физическая» жизнь, но и ориентация во времени и пространстве.

Конечно, и у папуасов известны рассказы о творении, напоминающие библейские мифы (может быть, это сходство возникло не без влияния христианских миссионеров). На Восточном Нагорье Папуа — Новой Гвинеи рассказывали, что первосоздатели — муж и жена Йугумишанта и Моруфону. Но они не были творцами Вселенной, ибо она уже существовала — земля плавала на водах в виде гигантской деревянной плиты. Еще более напоминает библейский миф рас-

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

сказ о том, что эта первая человеческая пара сидела под огромным деревом, ветви которого и образовали землю — вспомним Адама и Еву у райского древа. Правда, дерево выросло из стрелы, которую принесли сами герои, а Моруфону был гигантом — мировое дерево держится на его плечах, и когда он шевелится, происходят землетрясения.

В других мифах рассказывается, что первотворцы вышли из болота где-то на территории племени форе. Получается, что Йугумишанта — воплощение земли и влаги — вышла из самой себя: недаром у нее много имен, связанных с первобытным болотом и обозначающих болотистый участок, листья красного кротона (которые вымачивают в болоте, прежде чем употребить в пищу). Моруфону тоже имеет несколько имен, означающих плод таро, звук водопада и даже красного длиннохвостого попугая (его тотемическая ипостась). С виду эти первосущества совсем не похожи на людей: им приходится самим доделывать себя, особенно детородные органы. Наконец они вступают в брак, и потом начинается творение. Землю они создают из своих испражнений, ставят крышу из камня — небо, по краям которого раселяют некие антропоморфные существа, которые становятся разными племенами. При этом родившиеся у них дети не были полноценными человеческими существами: у них были лишь кожа да кости; тогда ветер с силой подул на тела новорожденных и наполнил их. Сыновья первотворцов становятся луной и солнцем, а невестки — Вечерней звездой (Венерой) и особым красным камнем (который, видимо, ассоциируется с планетой Марс). Мифы о странствиях культурных героев-творцов напоминают австралийские: во время странствий они создают культурные растения, разводят животных и птиц, а главное — обучают людей огородничеству, племенному быту, строительству церемониальных мужских домов. Не обошлось и без характерного для первобытного племенного быта противопоставления «своих» и «чужих»: творцы предостерегли созданных ими и разделенных на племена людей, чтобы они не покидали своей племенной территории — иначе их убьют и съедят. В напоминание об этом они даже оставили специальную каннибальскую обрядовую песню...

Дема у маринд-аним — первопредки древних времен, остаются в живой памяти папуасов как

тотемические предки реальных родовых объединений и фратрий, «братств». Они славятся своей способностью к оборотничеству, выступая и в человеческой, и в животных ипостасях: в звериных или растительных ипостасях они порождают «настоящих» зверей и растения, а в человеческих — людей. Весь мир оказывается объединен родственными связями, описан на понятном первобытным людям языке родства.

Как появились бананы и луна

У маринд-аним рассказывают о деме по имени Геб, который жил одиноко на берегу моря. Там он ловил рыбу, собирал моллюсков, и этот промысел обезобразил его тело — весь он оброс морскими желудями, стал колючим и жестким. Зато он мог жить прямо в термитнике — ведь термиты не могли покусать его. Конечно, ни одна женщина не захотела бы стать женой этого странного существа — так он и оставался мальчишкой.

Однажды, когда девушки вышли на берег собирать моллюсков, Геб зарылся в песок, прячась от них — ведь он стыдился своего безобразного тела. Девушки же принялись раскапывать песок и обнаружили там Геба. Тогда они бросились в селение и рассказали мужчинам о своей находке.

Те явились на берег и принялись счищать с Геба коросту раковинами и каменными топорами. Геб кричал от боли, но деваться ему было некуда. Мужчины очистили тело мальчика и потащили его в кустарник, решив воспользоваться нежданной добычей для удовольствия. Эта неожиданная для Геба «инициация» имела все же и положительные последствия: его тело вымазали спермой, и оно стало гладким. При этом мужчины распевали песню, где рассказывалось о росте бананов.

И правда, когда по завершении церемонии ночью Геба заперли в хижине, у него на затылке выросла целая гроздь бананов. Он стал банановым демой — от него произошли бананы. Девушки срезали один банан с его затылка и посадили рядом с хижинкой. Это место стало особо почитаемым у жителей — ведь там обитал банановый дема. Рядом с ба-

наном был вырыт глубокий колодец и можно было слышать, как дема плещется там.

Рядом с первым побегом банана появились и другие побеги, но они принадлежали уже другим съедобным растениям. Всех их превосходил, однако, первый банан.

Когда жители соседнего селения услышали о чудесах, они решили устроить праздник свиньи, приготовив мясо, и пригласить к себе соседей. Гости принесли с собой новые плоды, и так бананы появились у всех родов папуасов. На праздник явился и еще один дема, который стал арековой пальмой — из ее семян стали делать алкогольный напиток.

Главный виновник торжества между тем продолжал сидеть взаперти. Сластолюбивые же мужчины опять явились к нему поутру, чтобы воспользоваться беззащитным демой. Ночью Геб не выдержал и выбрался на крышу хижины. По стеблю ямса он взобрался на небо и стал луной. Пятна на луне напоминают о ранах и нечистоте его тела.

Читатель первобытных мифов не удивится тому, что мужчины-сластолюбцы распевали песню о банане еще то того, как узнали это растение, а банановый дема оказывался и в глубине колодца, и на луне. Формальная логика не интересует творцов мифов — важно было связать мифологическим рассказом все реалии, которые доступны слушателям — ведь и луну, и колодец они видят до сих пор.

Часто акты творения оказываются случайными, результатом некоей оплошности. Рассказывают, что луну хранила в горшке одна старуха, но мальчишки открыли крышку, и луна стала подниматься на небо. Шалуны пытались ее удержать, но куда там — следы их рук остались на поверхности луны. Некогда луна светила гораздо ярче, так что люди могли работать по ночам. Но случился голод, и герой сбил луну, спрятал в корзину и кормил ею детей, отрезая по кусочку. Однажды дети отрезали слишком много, оставшийся кусочек выскользнул через щель корзины и улетел на небо, где превратился в луну, но уже теперешнюю, убывающую.

Огненный мальчик и происхождение солнца

М И Ф Ы
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Случайно людьми было найдено и солнце. Были времена, когда солнца не было на небе, не было ни рассвета, ни заката — одни сумерки. Его нашел мальчишка, шедший на рыбалку. Он заметил глубокую яму, из которой шел страшный жар. В ней сидел красный от жара мальчик.

Рыболов тут же бросился в деревню к взрослым мужчинам, чтобы рассказать о находке. Те, вооружившись, побежали к яме. Мужчины прихватили с собой и бамбуковые трубки, наполненные водой. Заливши яму, они вытащили огненного мальчика на поверхность. На дне остались лишь змеи и всякие пресмыкающиеся — как и положено в преисподней. Огненного мальчика, как и лунного дему Геба, мужчины приволокли в предназначенный для церемоний мужской дом, надели на него множество украшений и использовали его для собственного удовольствия.

Оставшись один, мальчик решил бежать. По вьющемуся стеблю ямса он попытался взобраться на небо, но стебель оборвался. Тогда он взобрался на небо по большому дереву и превратился в солнце. Его украшения стали солнечными лучами.

Вечером солнце возвращается в ту яму, из которой его извлекли, на западе. По подземному проходу оно следует на восток и там поднимается на небо.

В архаических мифах солнце светило лишь для той земли, которая была известна первобытным племенам: эта земля и была для них Вселенной — что было за морем, они не знали. Поэтому можно было вообразить, что солнце спускается в яму на западной оконечности острова. Но мифологические сюжеты, согласно которым солнце оказывается человеческим существом, обитающим в ближайшем к людям пространстве, надолго пережили мифологические первобытные времена и сохранились в современной поэзии: поэтическая метафора — это переосмысленный миф. В школьной программе до недавнего времени обязательным было изучение стихотворения Мая-

ковского «Необычайное приключение, бывшее с поэтом Владимиром Маяковским летом на даче». Поэт написал стихотворение на подмосковной даче в Пушкино, и деревня на Акуловой горе была для него летней Вселенной: «а за деревнею — нора, и в ту нору, наверно, спускалось Солнце каждый раз, медленно и верно». Поэт, конечно, был более гостеприимен, чем первобытные папуасы, и, пригласив Солнце в свой дом, напоил его чаем. В древнем же Китае верили, что солнце спускается в специальную дверь у мировой горы, которая открывает путь в Темную резиденцию светила — преисподнюю.

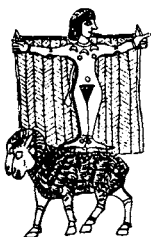
У соседей папуасов — полинезийцев — их культурный герой и хитрец Мауи обошелся с солнцем весьма бесцеремонно.

Мать без конца жаловалась Мауи, что не успевает плести циновки-тапы: солнце слишком быстро заходит. Тут герою и пришла в голову мысль отрубить солнцу ноги — чтобы оно не спешило.

Мать решила помочь сынку и дала ему пятнадцать связок веревок. Но главной помощницей должна была стать их прародительница — ведь она кормила солнце возле развесистого дерева. Мать и подучила Мауи спрятаться у этого дерева и ждать, когда трижды пропоет петух, тогда его бабка выйдет к дереву, чтобы испечь бананы, и мальчик должен будет схватить их. Конечно, старуха должна будет спросить, кто этот озорник, тут-то и нужно назваться ее внуком.

Проделка удалась — несколько раз Мауи таскал бананы из-под носа слепой старухи, пока она нюхом не распознала озорника и не выяснила, что это ее внук. Тут и бабка решила помочь герою — дала ему еще один моток веревки и камень и велела подождать, пока солнце не придет за бананами, чтобы, подкрепившись, подняться на небо. Увидев лучи — ноги солнца, он должен накидывать на них веревки и связать светило.

Мауи спрятался в яму под дерево (то было мировое дерево — мировая ось, вокруг которой ходило солнце). И правда, вскоре один за другим стали появляться лучи, и

Мауи набросил на них веревочные петли. Солнце принялось вырываться, но Мауи быстро прикрутил веревки к стволу. Наконец, он угрожающе поднял камень, чтобы солнце стало поговорчивей и не торопилось заходить. Делать нечего, солнце согласилось шесть месяцев в году замедлять свой ход — это летние месяцы.

Мифы о приручении главного светила известны многим народам мира. В Китае, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии рассказывают, что сначала на небе было десять солнц и их жар был нестерпим. Наконец герой — стрелок из лука — застрелил лишние солнца, и люди спаслись от палящего жара.

Звездные демы

Звезды и метеориты считаются детьми солнца. Но есть и менее привлекательная трактовка происхождения небесных тел — это испражнения солнца; то же происхождение приписывают и круглым обкатанным реками камням — маринд просверливают их и делают из них палицы.

Рассказывают, что звезды — это небесный народ, фиде-аним: так называются люди, которые постоянно бегают вокруг чего-нибудь. Больше всего мифологических рассказов посвящено самым ярким звездам — планетам Венере и Юпитеру, которые маринд называют Манди и Арап.

Когда-то эти звезды были сестрами, жившими в земной деревне. Им приходилось много работать. Эта жизнь наскучила Манди, и она ушла в другую деревню, где скрылась в банановой роще, устроив себе ложе из листьев. Там красавицу-незнакомку и обнаружили мужчины, которые тут же решили воспользоваться добычей и устроить праздник. Девушку умастили кокосовым маслом, нарядили и заперли в хижине. Но Манди знала о кровавых ритуалах и сбежала на небо, ставши звездой.

Правда, и на небе Венеру ждала та же работа: ей надо было рано вставать утром, как утренней звезде, а вечером,

когда женщины маринд возвращались с работы, чтобы печь лепешки из саго, они опять видели Манди на небосклоне и думали, что звезда тоже идет домой готовить еду. Созвездия — это орудия, при помощи которых Манди выращивает саго.

Происхождение прочих планет и созвездий маринд также связывают со своими повседневными занятиями. Они, как и все народы, обратили внимание на красный цвет Марса, но для них это не цвет крови, проливаемой на войне этим античным богом, а цвет огня: Марс напоминает им горящую скорлупу кокоса.

Плеяды — это дети, которые лежат вплотную друг к другу в корзине. Эти мальчишки тайком от прочих детей хотели съесть рыбу: за это их забросали головешками, и они решили спастись на небе. Млечный Путь — это зола, которую просыпали небесные девочки — демы.

С рыбной ловлей связано происхождение звезд и в мифе папуасов киваи. Восемь братьев ловили рыбу, но младший — бездельник — отлынивал от работы, да еще разрубал пойманную рыбу. Тогда старший брат настолько рассвирепел, что убил младшего копьем и закинул на небо. Он не мог и дальше сдерживать своей ярости и перебил всех братьев, превратив их в созвездия. Зато каждому созвездию он определил время и место появления — от этого зависела и погода: люди смогли, глядя на созвездия, определять время начала муссонов или ветров, что было необходимо для рыбаков. Старший же брат тоже поднялся на небо и стал созвездием Южного Креста, который должен определять движение прочих созвездий.

Превращения кокосовой пальмы

В давние времена случилось еще одно событие, невероятное с точки зрения любого первобытного народа. На праздник, где могли присутствовать лишь посвященные взрослые мужчины, явились непосвященные мальчишки, которые вдобавок устроили там любовное свидание с девушками. Конечно, разгневанные мужчины набросились на

подростков, но... те превратились в черных летучих собак и улетели за море.

Ночью, когда взрослые уснули, настырные мальчишки снова вернулись к своим девушкам. Он принесли с собой цветы и молодые плоды кокосов. Наутро взрослые обнаружили на земле неведомые орехи и цветы, но незваных гостей и след простыл — ведь они успели обернуться летучими собаками. Так продолжалось каждую ночь, пока одна мудрая старуха не подкараулила гостей. Она рассказала мужчинам об улетающих за море собаках, и те отправились следом. На некоем острове они обнаружили невиданное растение — кокосовую пальму. Когда свечерело, пальма вдруг превратилась в стаю летучих собак, которая полетела на материк. Наутро собаки вернулись и опять превратились в пальму. Люди поняли, что это дема.

Но и дема нельзя было простить нарушения обычая. Мужчины взяли свои каменные топоры и разрубили пальму на щепки, швырнув их в море. Эти щепки выбросило на побережье, где их можно видеть до сих пор.

Но сам дема, конечно, уцелел и спрятался в море. Его подруги — девушки, которых дема навещал в виде целой стаи летучих собак, — пытались выманить его на сушу. Наконец двум из них — самым привлекательным — это удалось: они стали женами кокосового дема. От них и произошли кокосы.

Этот любовный мифологический сюжет чем-то напоминает сюжеты поэтических «Метаморфоз» Овидия. Другой, не менее распространенный сюжет о происхождении кокосов, известен нам по волшебным сказкам европейских народов.

Яви, кокосовый дема

Однажды змея-дема родила в лесу мальчика Яви. Она отправилась на поиски пищи, а ребенка взяли женщины, пришедшие в лес на поиски пропавшей свиньи. Змея хотела вернуть сына, но от нее отбились, бросая в дема горящие головни.

Рассерженная змея притаилась на болотистом берегу и, когда женщины явились к реке ловить рыбу, проглотила их всех, одну за другой. Лишь последняя жертва застряла у

нее в глотке — ведь она была беременна. Это и погубило змею — ее поймали и разрезали на части, но выжить сумел лишь ребенок: от спасенного мальчика ведут род члены одной из папуасских тотемических групп.

Сын змеи Яви между тем вырос красивым мальчиком и стал всеобщим любимцем. О нем прослышал дема Арамемб и решил похитить ребенка. В селении как раз должен был состояться праздник, во время которого на мальчиков надевают первые украшения, и дема явился туда с кабаньими клыками, зубами кенгуру и перьями для головных уборов.

В это время деревня была пуста — мужчины были на охоте, а женщины собирали саго для праздника. Дема нашел саговую муку и слепил из нее человеческие фигурки, которые и увешал принесенными украшениями. Вернувшись в деревню жители с изумлением рассматривали диковинные фигурки, а тем временем дема похитил Яви.

Похититель был, однако, вскоре наказан. Яви вырос у него в доме и соблазнил жену дема. Тогда Арамемб разгневался и отправился в деревню, славившуюся своими колдунами. Он пригласил сразу пятерых колдунов. Те посоветовали дема не показывать Яви виду, что он догадался об измене, но подговорить жену, чтобы она помогла навести порчу на любовника. Коварная женщина согласилась до свидания с возлюбленным натереться кокосовым маслом, а часть масла в скорлупе отдать колдунам.

Получив желаемое, те принялись творить заклинания, призывая духа мертвых войти в телесный сок Яви. Один из них наполнил орешек маслом, привязал к шнуру и пустил прямо в Яви. Тот даже не заметил, как был притянут в дом на колдовском шнуре. Тут четверо колдунов оглушили его и сделали тайные надрезы под кожей. На поверхности ничего не было заметно, и Яви очнулся как ни в чем не бывало. Но к вечеру ему стало худо, утром же он умер.

Арамемб еще не знал о содеянном, но когда жители деревни рассказали ему, что Яви погиб от колдовства, раскаялся. Дема бросился в лес, откуда принес целебную траву. Но он опоздал: Яви уже успели похоронить и пели погребальную песнь.

Пришлось деме вылить целебный сок в пасть змее. Змея замерла, но потом сбросила кожу и ожила. С тех пор змеи не умирают. Если бы Арамемб успел оживить Яви, никогда не умирали бы люди...

Но Яви похоронили, вокруг могилы соорудили изгородь, которую увешали саговыми листьями и бананами. Наутро же из могилы выросло дерево: то была кокосовая пальма, на которой были уже зрелые плоды.

Сюжет о происхождении кокоса напоминает волшебную русскую сказку о Буренушке: там тоже из могилы вырастает чудесная яблоня.

Как возник огонь

Главные события папуасских мифов происходят или зарождаются во время праздников. Это не удивительно: ведь сам праздник воспроизводил времена первотворения, появления дем среди людей.

Некий посвященный в таинства церемоний мужчина по имени Уаба готовился к празднику и даже привел с собой девушку для участия в обрядах. Но девушка испугалась тайных церемоний, где совершались не только оргии, но и жертвоприношения, и сбежала. Укрылась она в ближнем селении, где и предалась обычному женскому делу — стала собирать саго. Там ее и подстерег Уаба. В темноте он проник в хижину к избраннице и овладел девушкой.

Тут-то с ним и приключилась неприятность — он никак не мог высвободиться из любовных объятий. Его стоны разносились по селению, так что вскоре обнаружившие любовников послали за односельчанами Уабы. Пришлось тем сооружать носилки и уносить парочку под злобный хохот окружающих.

Любовники не смогли разделить и в хижине Уабы, пока на праздник не явился дема Арамемб. Дема принялся трясти и вертеть так и сяк Уабу, чтобы освободить его, и тут появился дым, а затем и пламя. С дымом и огнем, возникшими от трения, дема разъединил любовников, и девушка тут же родила птицу казуара и гигантского аиста. От сажи у казуара и аиста почернели перья, огонь же обжег шею казуару и ноги страусу — поэтому они красные.

Тем временем хижина Уабы загорелась, и огонь перекинулся на все селение. У людей загорелись даже волосы, поэтому среди потомков дем этого селения до сих пор много лысых. Огонь выжег все побережье, которое стало без-

лесным. Звери, жившие на берегу, поспешили спрятаться в море: поэтому крабы до сих пор краснеют от огня, а моллюски шипят, как вода, попавшая в огонь.

Прогалины, выжженные огнем, стали руслами рек, но огонь все продолжал распространяться по побережью. Тогда некий дема, вооруженный палицей, попытался остановить стихию, сбивая огонь своим оружием. При этом он отделил от материка многочисленные острова, отбив их палицей от кромки побережья.

Уаба же стал демой огня, с тех пор известного людям.

Один из древнейших способов добывания огня известен повсюду: следует упереться сухой палочкой в дощечку и быстро вращать, пока не станут тлеть опилки. Широко распространено, в том числе и у славян, и представление о том, что таким образом добывается священный «живой огонь»; сам способ добычи действительно воспринимается в архаических культурах как соитие.

Что касается пикантной истории Уабы и его подруги, то и она известна в иных мифологиях. Самый знаменитый пример — греческий миф о Гефесте, который обнаружил связь своей жены Афродиты с богом войны Аресом. Тогда небесный кузнец выковал невидимую цепь, так что любовники оказались прикованными друг к другу, вызывая смех олимпийцев. Гефест при этом был не только божественным кузнецом — он был богом огня, причем огня «прирученного», как и папуасский дема Уаба.

В мифе папуасского народа киваи рассказывается, что тайну огня первоначально знала некая старуха. Она готовила еду для десяти юношей-охотников, просто высушивая куочки саго и таро на солнце, для себя же готовила на огне, который прятала в собственной утробе. Но как-то юноши подсмотрели необычный способ готовки, попробовали приготовленную на огне пищу и решили добыть для себя огонь. Они заранее срубили дерево, которое должно было прегра-

дить путь жадной старухе, и когда младший из них выхватил у кухарки огонь, та не смогла его схватить.

Старуха, однако, оказалась колдуньей и немедленно вызвала дождь, чтобы он погасил огонь. Но дело происходило во времена первотворения, когда возможны были чудеса, и огонь успел перейти на хвост змеи, что укрылась в дупле дерева. Охотники оторвали этот хвост, развели костер и затем стали раздавать огонь жителям разных селений. При этом деревья, от которых брались горящие поленья, становились тотемами тех селений, куда несли огонь.

Миф опять-таки напоминает волшебные сказки о Бабе-яге, убегая от которой, дети создают по дороге волшебные препятствия, чтобы ведьма их не догнала. Одновременно этот миф оказывается связанным с только что приведенным мифом маринд — ведь огонь прячется в женской утробе! Явно мифологическая старуха была не просто кухаркой — она была древней прародительницей (как и сказочная Баба-яга, о чем еще пойдет речь).

Плавающий остров

Среди островов, которые отделил от побережья своей палицей дема-богатырь, был и остров Хабе. Он плыл вдоль побережья, а на нем сидел дема — ценная ротанговая пальма. Люди хотели овладеть пальмой, но не могли отцепить лиану. Пришлось обращаться к колдунам. Те тоже попробовали действовать силой, но ничего не выходило. Тогда из обожженной глины сделали круглые палицы (тут пригодился прирученный огонь) и принялись колотить ими ротанг, но и тут не добились успеха (хотя изобретенными по этому случаю палицами пользуются до сих пор).

Наконец пришлось произнести заклинания, и пальма оказалась в руках у добытчиков. Всем, кто был в округе, хотелось заполучить ротанг: люди ухватились за лиану и принялись тянуть, пока она не разорвалась. Одним достались верхушки с листьями, другим — корешки. Довольные добытчики смазали растение спермой, чтобы оно лучше размножалось, и принялись выращивать пальму. С тех пор началась торговля ротангом: в обмен на пальму получали раковины для украшений.

Остров же поплыл дальше, пока его не ухватил и не остановил дема-варан. Поэтому с одной стороны остров кажется откушенным чудовищем. Но варан не может удерживать плавучий остров, и он продолжает крутиться в море: этим объясняется, что его береговая линия постоянно меняется из-за муссонов.

Другой миф рассказывает, что девушка-варан приплыла на плавучий остров со своими родителями, чтобы собрать птенцов из птичьих гнезд. Только она разорила одно гнездо на высокой пальме, как поднялся сильный ветер. Девушка звала на помощь, но родители не слышали ее; так они и уплыли на материк, не найдя дочь. Девушка же, оставшись одна на острове, превратилась в варана. Она стала носить камни в море и строить дамбу, чтобы добраться домой.

Ее крики услышал дема Арамеб, ловивший рыбу. Он начал сооружать встречную дамбу из корней ямса. Наконец обе дамбы сомкнулись, а демы соединились. И дема-варан родила Арамебу дему-кенгуру.

В этом мифе, повествующем о том, как возник ландшафт побережья, содержится один удивительный фольклорный мотив, параллель которому известен в далекой Греции. Нимфа Лето разорилась Аполлоном на плавучем острове Делос, который остановился после рождения бога. Этот мотив плавучих островов и связь его с рождением сверхъестественных существ и даже мира в целом еще не раз встретится нам в книге.

Другой широко распространенный мотив связан уже с деяниями демы-варана. Когда девушка влезает на пальму и разоряет птичье гнездо, поднимается сильный ветер, разлучающий ее с родителями. Дело в том, что сходные мифологические мотивы характерны для жителей той части Южного полушария, которая весьма отдалена от Папуа — Новой Гвинеи. Мифы о разорителях гнезд очень популярны у индейцев Южной Америки — их изучил знаменитый мифолог XX в. Клод Леви-Строс.

Разоритель гнезд. Первобытная драма в Южном полушарии

М И Ф Ы
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Индейцы народа же рассказывают, как два сородича выследили попугаев ара. Они увидели их гнездо на вершине крутого утеса, и старший индеец отправил мальчика Ботокуэ по лестнице наверх за птичьими яйцами. Мальчик принялся сбрасывать найденные яйца вниз, но они превратились в камни — ведь яйца оказались заколдованными. Ждавший внизу свояк был изранен камнями, обозлился и убрал лестницу.

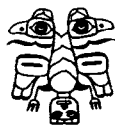
Мальчик едва не погиб от голода наверху, пока его не обнаружил ягуар, вооруженный луком и стрелами. Мальчик замер от страха, но зверь выручил его, приставив лестницу и пригласив к себе в гости — там он обещал угостить Ботокуэ жареным мясом. Мальчик не понял, о чем идет речь, — ведь люди тогда еще не знали огня и не умели готовить на нем пищу.

И правда, мальчику удалось впервые попробовать жаркое, приготовленное на очаге из камней, который нынче есть в каждом индейском жилище. Но беда была в том, что жена ягуара — индеанка — сразу невзлюбила мальчика. Ведь у них с ягуаром не было детей, а зверь-охотник решил усыновить Ботокуэ. Мачеха начала преследовать приемыша, она кормила его старым мясом, если тот жаловался, царапала ему лицо.

Наконец, ягуар дал приемному сыну лук и стрелы, признав, что мальчик должен обороняться. Приемыш смертельно ранил стрелой мачеху и в ужасе бежал, правда, прихватив с собой оружие и кусок жаркого.

Собственная мать с трудом признала сына, когда он вернулся в селение, — ведь его считали мертвым. Когда же мальчик раздал жареное мясо, индейцы решили во что бы то ни стало овладеть огнем. Они бросились к жилищу ягуара и увидели, что тот еще на охоте, его злая жена мертва, а запасы мяса не зажарены. Тогда они изжарили добычу на горящем очаге, взяли огонь и убежали с ним в селение.

Конечно, ягуар пришел в ярость от коварства своего приемного сына — с тех пор он ненавидит людей. Но он лишился огня — лишь в его глазах горит отблеск костра. Гордый хищник отрекся от жареного мяса и охотится с тех пор при помощи когтей и клыков.

В этом мифе разоритель гнезд добывает огонь — важнейшее культурное благо. Но у индейцев есть и другой вариант мифа. Он принадлежит народу бороро.

Однажды женщины бороро отправились в лес, чтобы приготовить набедренники для юношей. Но один из них тайно последовал за матерью и совершил страшный грех — насильно овладел ею. Отец этого юнца заметил, что к поясу жены прилипли перья, которыми украшают себя юноши — точно такие же, что были у его сына. Он решил отомстить обидчику и велел ему отправиться в обиталище морских духов, чтобы добыть там волшебный предмет — погремушку.

Старая бабушка пожалела внука и посоветовала ему обратиться к чудесному помощнику — птичке колибри. Та и вправду похитила погремушку, духи стали стрелять в воровку, она летела так быстро, что стрелы не достигали ее.

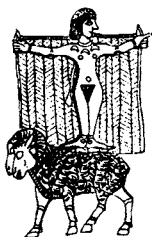
Тогда отец задумал другое опасное предприятие — собирать яйца попугаев ара на высоком утесе. Но бабушка опять помогла внуку: дала ему волшебную палочку, за которую можно держаться в случае опасности. Отец приставил к утесу шест, юноша взобрался по нему, а его родитель убрал лестницу, оставив сына висеть, ухватившись за палочку.

Правда, юноша нашел лиану и по ней вскарабкался на утес. Но там не было пищи, кроме гадов и ящериц, и юноша вынужден был охотиться на них, изготовив лук и стрелы. Сделанные им запасы пищи стали портиться и издавали такое зловоние, что привлекли стервятников. Те и спасли обессилевшего разорителя гнезд, спустив его вниз.

Юноша нашел своих сородичей, но ему страшно предстать перед ними: он обращается в ящерицу. Наконец он открылся своей бабушке.

Но тут ночью разразилась страшная буря, от которой погасли все очаги в селении, за исключением очага сердобольной старушки. Односельчане вынуждены просить у бабушки героя огонь, среди них и вторая жена его отца. Она-то и узнала преступника и побежала рассказать о его появлении мужу. Но отец-убийца сделал вид, что рад видеть сына, и встретил его песней, будто тот вернулся из странствий.

Сын, однако, не простил коварного отца. Во время охоты он рогатиной украсил свой рог, как оленьими рогами, и поразил спрятавшегося в засаде отца. Его труп он бросил в

озеро, где обитали рыбы-людоеды: от бедолаги остались лишь кости да плавающие на воде легкие, которые потом превратились в водяные растения.

В одной из своих песен юноша угрожал и сородичам, грозя послать на них ветер, холод и дождь.

Мифы о разорителях гнезд в разных ареалах мира обладают удивительным сходством. Разорение сопровождается ссорой и разлукой с родственниками, вмешательством или даже происхождением стихии — бури, ветра, грозы. Сам герой, поднимающийся на высокое дерево или утес, в верхний птичий мир, возвращаясь на землю, превращается в пресмыкающееся. На земле он становится, однако, культурным героем — создателем или добытчиком орудий и огня. Эти способности он приобретает благодаря пройденным испытаниям — инициации, проникновению в разные сферы мироздания: такими способностями в архаическом обществе наделялся обычно шаман, который умел проникать в иные миры по мифическому мировому дереву или мировой горе (вспомним отвесный утес в мифе о разорителе гнезд). И действительно, разоритель гнезд наделялся сверхъестественными способностями, в том числе умением насылать непогоду, которым во все времена у разных народов славились колдуны.

Человек-гром

Некогда была сильная засуха. Мать сказала своему сыну по имени Явима, чтобы он попытался вызвать дождь. Для этого ему понадобились клубни таро и банановые стебли. С ними он отправился в лес, выкопал там яму и побросал туда принесенное, а также листья и побеги других растений, которые любят влагу. Он наполнил яму водой и принялся бросать в нее камни и комья земли, чтобы высоко вверх поднимались брызги. Затем Явима взял кусок свиного сала и подержал его над огнем. Как только сало стало ши-

петь и потрескивать, на небе появились тучи, полил ливень. Засверкали молнии и грянул гром.

Родители мага отправились тем временем в поле, где рос ямс. Там их и застала гроза. Прятаться им было негде — бессильные, дрожа от холода, они подняли свои палки-копалки и замерли так, пока не превратились в птиц с длинными клювами: отец — в черного аиста, мать — в журавля.

Вернувшись, Явима напрасно ждал родителей. Наконец он отправил детей посмотреть, куда они делись. Когда дети добежали до поля, они увидели лишь, как две птицы поднялись в небо.

Сыновья создателя дождя — человека-грома — были необычными детьми: один из них был демой западного, другой — восточного ветра, а их другом был дема волн. Прочие же его сыновья отличились, когда отправились в соседнее селение испробовать алкогольный напиток и жевать бетель. Они так увлеклись, что не смогли добраться до дома. Пришлось Явиме самому отправиться за сыновьями. Увидев, что сыновья пьяны, он рассердился и поколотил детей палкой. Тогда его дети превратились в разных птиц, а двое мальчишек, которые были покрашены черной краской, стали вороном и черной кукушкой.

Дехевай — отец молний

Воплощение грозы у маринд-аним — дема Дехевай, «Убивающий отец». Его представляют в виде старца с длинной белой бородой: этот образ типичен для многих громовников, в том числе у европейских народов — борода была характерным признаком громовержца у греков, германцев, финнов...

Во время грозы Дехевай в виде гигантской молнии сквозь небосвод нисходит на землю. Когда он пробивает небосвод, слышен гром; по другим поверьям, гром — это хрюканье свиного демы, с которым отождествляют Дехевая. Он порождает много маленьких молний: это его дети, небесные охотники, которые рыщут по земле и убивают своими стрелами кенгуру и свиней, тут же поджаривают их, часть добычи поедает, часть — забирают к себе на небо. Все это про-

исходит в мгновение ока, на горе тому, кто успеет увидеть чудесную охоту: Дехевай немедленно убьет его своим страшным оружием — копьем с копьеметалкой — и съест.

Лишь одному охотнику повезло. Однажды он попал в сильную грозу, но успел укрыться и развести огонь. Тут к нему и явился незнакомый старик с длинной белой бородой. Он принес с собой убитого кенгуру и опустил у огня. Гостеприимный охотник угостил старика бетелем, тот поделился с ним мясом кенгуру, а на прощание подарил своему другу копьеметалку, чтобы тот мог без труда убивать кенгуру. И правда, копьеметалка как рычаг позволяла бросать копье гораздо дальше.

В это время с неба ударила большая молния, и старик поднялся на ней ввысь. Обрадованный же охотник пошел домой, разглядывая удивительное оружие. Но тут в небе вновь загредел гром. Это сыновья Дехевая, обнаружив пропажу копьеметалки, рассердились на старика. Молнии стали бить вокруг охотника, и тот пустился бежать, бросая все — корзину для бетеля, куски мяса кенгуру и даже драгоценную копьеметалку. Так сыновья Дехевая вернули себе свое оружие.

Но человек успел хорошенько рассмотреть подарок громовника, так что люди смогли сами смастерить себе оружие.

Происхождение охоты

У некоего водяного дэмы родился сын — красивый мальчик, которого назвали Арамемб. Он принялся просить у отца, чтобы тот дал ему охотничье оружие, и добрый дэма дал сыну копье и копьеметалку.

Арамемб, конечно, обрадовался, да вот беда — в те времена не было крупной дичи, ни кенгуру, ни казуаров, ни свиней. Люди охотились на одних птиц, а вместо собак брали на охоту крыс...

Пришлось новоявленному охотнику отправиться в страну чужих людей. Там он встретил великана, который убивал и пожирал людей. Копье и копьеметалка здесь были как нельзя кстати, и Арамемб поразил врага насмерть. Такова была его первая добыча, и Арамемб разрезал мясо великана на части, испек его и съел — ведь он успел сильно проголодаться. Кости великана он прикрыл травой и улегся спать.

Наутро охотник обнаружил какое-то шевеление под травой. Он заглянул туда и увидел, что кости великана превратились в кенгуру: только эти звери еще не умели прыгать, а передвигались ползком. Тут Арамемб стегнул их черенком пальмового листа, и кенгуру бросились скакать, как они скачут и сейчас. Кроме того, они быстро подросли и так расплодились, что пришлось Арамембу истребить большую их часть, пока они не объели всю зелень. Арамемб увлекся охотой и однажды так метнул свое копьё, что оно вонзилось глубоко в землю. Как ни тянул оружие незадачливый охотник, у него ничего не получалось, копьё же превратилось в огромное дерево, которое и поныне растет в том месте. Пришлось Арамембу попытаться убить добычу копьеметалкой, но и она не достигла цели, а, вонзившись в землю, превратилась в бамбук.

Водяному деме стало жаль сына, который остался без оружия. Он срезал бамбук и сделал из него лук и стрелы. С тех пор на кенгуру охотятся не с копьём, а с луком.

Как появились кенгуру

Некая девушка ходила, как водится, за питьевой водой к источнику, в саговую рощу. Однажды она увидела возле источника кенгуру и погналась за животным. Девушка поздно вернулась домой, и мать принялась ругать ее, но та оправдалась — ведь она хотела поймать кенгуру.

Но на следующий день возле источника ее ждал нарядно украшенный юноша, который стал звать девушку с собой. Но девушка сама пригласила приглянувшегося ей юношу на праздник в свою деревню. На следующий день дема-кенгуру Яно — ведь это был он — пришел на праздник, приняв облик юноши. Ночью он танцевал вместе со всеми, а наутро унес девушку в лес.

Жители деревни принялись искать девушку и встретили в лесу дему, который рассказал, что девушку унес он. И сама девица призналась, что унесена не настоящим человеком, а демой. Как только она произнесла слова признания, дема превратился в кенгуру и унес девушку в чащу — там никто не мог их найти.

В лесу дема вели обычную человеческую жизнь, и Яно отправил жену на огород, чтобы та присмотрела за саго. Тут девушка решила бросить лесную жизнь и убежала домой. Дема же пришел в ярость. Он решил вместе с прочими кен-

гуру истребить односельчан беглянки, только жену собрался пощадить, если она захочет вернуться в лес.

Вооруженные дубинками, дема ночью окружили деревню. Яно выманил девушку из дому и опять унес в заросли, прочие дема разрушили хижины и перебили жителей. Лишь те, кто успел спрятаться на деревьях, превратились в птиц.

Девушка родила от дема-кенгуру мальчика и девочку. Они-то и стали творцами кенгуру. Некогда они странствовали и проголодались. Тогда юноша, которого тоже звали Яно, велел сестре развести огонь. Та подчинилась, а Яно отрезал сам от себя кусок мяса и велел его испечь. Сестра принялась за готовку, порезала мясо на куски, накрыла корой и положила на костер. Каково же было ее изумление, когда она, подняв кору, обнаружила под ней столько целых жареных кенгуру, сколько кусков она нарезала.

Тогда Яно вновь отрезал от себя несколько кусков, натер их спермой и положил на камни, накрыв корой. Прошло какое-то время, и когда сестра подняла кору, из-под нее выскочило несколько молодых кенгуру. Так кенгуру расселись по всей земле.

Дема-аист и происхождение земледелия

Дема Вонатаи жил на болоте в облике аиста и занимался тем, чем должна заниматься эта птица — ловил рыбу. За этим занятием и застали аиста жители ближайшего селения. Они решили поймать птицу и приготовили приманку — деревянную рыбу, в которую воткнули шипы ската. Аист хотел было поймать эту рыбу, да шипы застряли в его глотке. Охотники схватили птицу и заперли в хижине, чтобы на следующий день устроить праздник и съесть аиста.

Ночью аист превратился в юношу, да еще нарядно украшенного — ведь он был демой. В человеческом облике он покинул негостеприимную деревню, а потом превратился в птицу и улетел к своему болоту. Тут он вновь превратился в юношу и стал жевать бетель — уати. Тут его увидели люди из другого селения и удивились его еде. Когда же сами они попробовали опьяняющие стебли, то взяли юношу с собой в лодку. Однако тот недолго сидел с гребцами — он вдруг покрылся оперением, нос его вытянулся в клюв, ноги стали тонкими, и вот уже в виде аиста Вонатаи полетел прочь.

На болоте он вновь превратился в юношу, и здесь его увидел проходящий мимо мужчина с двумя дочерьми. Вонатаи приглянулся девушкам, и те стали спорить, чьим мужем ему быть. Отец сосватал за него старшую, и юноша был не против. Он сказал при этом, что хочет устроить огород и выращивать уати, но тесть, конечно, не понял, о чем идет речь, — ведь люди не знали земледелия.

Наутро Вонатаи с тестем пошли в лес, и тот увидел, как юноша устраивает грядки и прикрывает их листьями, чтобы солнце не пекло стебли. Потом начались настоящие чудеса — юноша принялся вырывать волоски из подмышек и сажать их в землю. Волосы стали быстро расти и превратились в стебли уати. Тем временем родился и подросток сын Вонатаи, так что нужно было устраивать праздник — здесь то и пригодилось опьяняющее растение. Но сам Вонатаи опять превратился в аиста и улетел.

Потомки Вонатаи составили многочисленные кланы. Они состояли в родстве с демой Арамембом — ведь он и породил аиста. Но их родственниками были также потомки демы-казуара и демы-огня — они тоже были связаны с Арамембом. Конечно, и сами стебли уати состояли в родстве с демой-аистом: ведь они похожи на ноги этой птицы.

Метаморфозы и похмельный синдром

Распространение опьяняющего уати прибавило сверхъестественных способностей демам. У одного из них, любившего уати, — его звали Таб — некто украл каменную палицу. Таб бросился по следам вора. По дороге он почувствовал жажду и попросил встретившегося ему другому дему достать кокосов. Пока тот лазил на пальму, Таб превратился в черепаху. Вернувшийся дема испугался превращения, но Таб успокоил его — такое с ним приключается, когда он выпивает полную кокосовую скорлупу уати.

Выяснилось, однако, что Таб способен превращаться не только в безобидную черепаху. Дема настиг-таки вора. Он проник к нему в хижину и превратился в варана. Вор спал, положив рядом палицу. Дема схватил оружие, перебил всех спящих и победителем направился восвояси. Лю-

ди с тех пор боятся посещать эти места, где живет сердитый дема-алкоголик, который превращается то в варана, то в черпаху.

Действительно, замедленные движения черепахи и варана напоминают движения пьяного человека.

Как появился крокодил

Однажды сильная волна вынесла на берег бревно. Его катало прибоем, и вдруг у него появились ноги и пасть: бревно стало крокодилом. Этого никто не заметил, в том числе и мальчики, что купались в море. Крокодил схватил одного из них и сожрал.

Однако одна женщина заметила гибель ребенка и бросилась к мужчинам. Те явились на берег с луками и стрелами, но увидели там только бревно, катающееся в волнах. Женщина же просила их подождать — и правда, как только к бревну приблизился купальщик, крокодил набросился на жертву. Но на зверя посыпался град стрел и копий, так что тот скрылся в море.

Люди стали ждать, когда раненый крокодил всплывет. Но ожидание было напрасным. Решили, что нужно нырять на дно и набросить на чудовище ротанговую петлю. Один мальчик рискнул нырнуть вглубь с трубкой из бамбука, чтобы не задохнуться. Он и обнаружил жилище крокодила на дне. Крокодил, который, конечно, был демой, потребовал, чтобы мальчик позвал сестру, оставшуюся на суше, — пусть принесет ему саговой муки да захватит саговых листьев, чтобы приготовить еду.

Пока крокодил вслух мечтал о человеческой еде (да вдобавок назвал свое имя, что давало над ним магическую власть), мальчику удалось незаметно накинуть на него петли и вынырнуть на поверхность. Тут-то охотники и вытащили людоеда на сушу. Зверь был настолько велик, что целый день пришлось разделять его тушу. Потом был устроен праздник с жареным мясом чудовища, кости же его сложили в стороне.

Наутро из костей выросла невиданная по размерам саговая пальма, так что женщины несколько дней готовили из

нее муку. Праздник продолжался, и все соседи съехались, чтобы отведать пирогов с крокодильным мясом.

От убитого крокодила осталась только верхушка пальмы — в ход собирались уже пустить и ее, чтобы приготовить тушеное блюдо, но не тут-то было. Наутро верхушка превратилась в крокодила и скрылась в море...

Древесный дема

Превращение крокодила в дерево, а дерева в рептилию не должно нас удивлять — вспомним миф о дереве, вырастающем из могилы.

Страшнее оказывается история о деде, который жил в гигантском дереве сер. Ему надоело стоять на месте, и он двинулся к деревне, сметая все на своем пути. Люди стали в ужасе разбегаться — ведь дема мог их затоптать. Беженцы обратились за помощью к соседям, и все они, вооруженные топорами, на лодках и пешком, двинулись навстречу приближающемуся к деревне чудовищу. Три дня мужчины окружили дерево топорами, пока оно не упало со страшным грохотом.

Крона этого дерева упала далеко в море, и его листья превратились в морских рыб. Корни же гиганта превратились в рыб пресноводных, только один, самый большой, корень стал акулой. Обломки ветвей и ствола окаменели — эти камни можно видеть до сих пор. Но сам дема ухитрился ускользнуть от людей и спрятаться в болоте. От него происходит племя, которое живет в этой местности, его тотемом считается рыба.

Параллель гигантскому дереву папуасов известна на далеком Севере, в финской мифологии. В ижорской песне огромный дуб вырос из пены, слитой после варки пива — священного хмельного напитка у финно-угров. Космический дуб был так велик, что его крона загораживала солнце и луну. Тогда из моря вышел чудесный человек, который срубил дуб одним ударом своего топорика; мировое дерево упало и превратилось в небесную дорогу, соединяющую все части Вселен-

ной, — Млечный Путь. Упавшее мировое древо стало и мостом, соединяющим мир живых и мир мертвых. От щепок — стрел, летевших при падении мирового дерева, — распространились по миру болезни (недаром в заговорах говорится о колдовских стрелах, посылающих порчу, и о божьих, сражающих болезни).

Как появилось саго

Не слишком аппетитный миф рассказывает о появлении саго, но создатели мифов мало заботились об эстетике — их волновала символика, точнее, символические связи, которые пронизывают и делают единым весь мир. История начинается: мы видели, что очень часто творение происходит во время праздников, и это не случайно.

Однажды на празднике свиньи некая женщина переела сала. Естественно, у нее заболел живот, но когда она стала справлять нужду, то выяснилось, что из больного желудка извергалось... саго. Конечно, эта женщина была дема.

Иная версия мифа не менее удивительна. Согласно ей, дема родила саго. До того люди никогда не видели саго, и роженица, не удержавшись, попробовала его на вкус. Еда ей понравилась, и дема принялась поглощать рожденный продукт. Но при этом саго не становилось меньше! Оказывается, и саго был демой.

Женщина никому не выдавала своей тайны, но муж все же заметил, что она ест особую пищу. Наконец, пользуясь отсутствием жены, он обнаружил некий продукт в ее переднике, испек на огне и съел, но часть припрятал в своей прическе. Однако за ним подглядывали сыновья, которые рассказали все матери. Рассердившись, та ударила мужа по голове, и спрятанное упало на землю. Из этого саго выросла пальма, но это был один только голый ствол, без листьев. Пальму пришлось доделывать.

Одного дему отправили к морю, чтобы он наловил скатов — из них сделали черенки листьев. Во второй раз дема выловил рыбу-пилу — из нескольких таких рыб сделали са-

ми листья. На готовую пальму прилетели птицы, и дерево стало цвести.

Хозяин понял, что можно срубить пальму и добыть саго, но не знал, как это сделать — ведь у людей еще не было каменных топоров. Тут ему подвернулся дема с большими зубами — пришлось вырвать у него зуб и сделать из него первый топор. Когда пальму стали рубить, сидевший в ней дема закричал и, вытащив ноги из земли, убежал. Тогда дерево рухнуло.

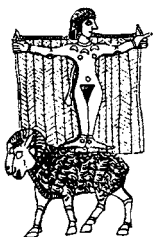
Женщины принялись добывать саго, но делали это немело, просыпая много муки на землю: рассерженный саговый дема превращал эту муку в глину, которая по цвету очень похожа на саго. Хозяин же хотел иметь много саговых пальм. Поэтому он попросил кокосового дему уступить ему место для посадок. Тот согласился остаться на побережье, уступив глубинку для саго.

Хозяин пальмы отдал своих жен на ночь мужчинам деревни, и они возлегли вокруг пальмы, чтобы оплодотворить ее. И правда, вокруг пня срубленной саговой пальмы скоро появились ростки разных сортов саго и вырос целый саговый лес. Повсюду возникли саговые рощи, и повсюду женщины заботились о размножении деревьев. Любопытные сыновья хозяина тоже захотели принять участие в общем празднике плодородия. Но хозяин пришел в ярость: ведь дети покусились на своих матерей. Он принялся колотить их калечками для извести, а перепуганные мальчишки бросились от него в реку, где попытались смыть известь. Но в воде они превратились в рыб — напрасно расстроенный отец звал их на берег.

Люди же произошли от сына этого демы, рожденного уже после истории с саго.

Первые люди и охота за головами

Люди, рожденные от дем, были существами двойной — человеческой и тотемной — природы. Они жили во времена творения в стране дем — Дема-мирав. В нынешние — не мифические — времена эта страна находится под землей, и в ней все так же, как наверху, — такие же моря, реки и селения, только все там зеркально от-

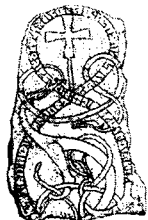

ражает земную жизнь и сами дема ходят вверх ногами. И европейцы в средние века думали, что под плоской землей живут антиподы, ходящие вниз головой; но чаще в разных мифологиях зеркальным по отношению к земному миру был мир загробный.

Рассказывают, что однажды дема устроили праздник в своем подземном мире. На земле же обитал пес-дема Гиури. Отпраздновав, дема отправились на запад, и пес, слыша шум передвижения, двинулся за ними по поверхности земли. При этом он все время пытался разгрести песок, чтобы добраться до прочих дем. Но вместо дем из-под земли хлынула вода, а в ней оказались странные существа: они были из бамбука, но имели обличье полулюдей-полурыб. Они были похожи на людей, но конечности их не были отделены от тел, пальцы срослись, на головах же не было ни глаз, ни ртов, ни ушей.

Тут из-под земли появился и дема-аист. Он заметил странные создания и, конечно, захотел их съесть. К счастью, другой дема, выбравшийся из-под земли, успел остановить его. «Это не рыбы, это люди!» — крикнул он прожорливому аисту.

Читателю, должно быть, известно, что и по современным европейским поверьям аист приносит в дом детей и вообще удачу — счастье. Согласно славянским легендам, аист был в начале времен человеком — Адамом или Иваном. Сам Господь Бог вручил ему мешок, где были собраны все гады — нечистые животные; Бог велел ему ни в коем случае не развязывать мешок, а бросить его в море или глубокую яму, чтобы избавить землю от гадов. Но первый человек был любопытен и посмотрел, что спрятано в мешке. Тут-то вся нечисть — лягушки, змеи и прочие гады — расплзлась по земле. В наказание Бог превратил человека в аиста, заставил ловить и поедать выпущенных им гадов. При этом разгневанный Господь ударил аиста раскаленной голо-

вней, так что опалил ему перья на концах крыльев (вспомним миф о происхождении огня и рождении аиста). От стыда перед Богом у аиста покраснели нос и ноги.

В папуасском мифе наблюдательный дема велел аисту перетащить людей на сушу, но те продолжали дрожать от холода. Тогда дема развел огонь и положил туда бамбуковых людей. Те стали потрескивать, и вот у них появились уши, глаза, потом ноздри, наконец с громким треском открылись рты, и вновь сотворенные существа принялись пронзительно кричать.

Дема же продолжил свою работу и отделил приросшие к телу конечности, а потом вырезал пальцы рук и ног. Он удалил соединявшие пальцы перепонки и выбросил их в воду — от них произошли пиявки. Люди же стали настоящими — так появился народ маринд-аним. Но тут пес вырыл еще одну яму, и из нее вышли уже чужие люди — икам-аним. Тогда люди стали расселяться по всей земле.

Первым отправился в путь по побережью на запад юноша по имени Ворью. Начался сильный прилив, и волны не давали первому человеку пути. Тогда он произнес заклинание, чтобы волны вернулись назад, и путь оказался свободным.

Так и пророк Моисей, согласно Библии, перевел свой народ через Красное море. Но папуасам маринд был известен специальный морской дема Йорма, который часто сердится, и от этого поднимается буря. Пенистые гребни волн — это его украшения из белых свиных хвостов и плюмаж из перьев; в грохоте прибоя люди слышат бой барабана Йормы, выбрасываемые из моря куски пемзы — окаменевшая слюна морского демы, медузы — его дочери.

Но жизнь первого человека Ворью была недолгой — чужие люди при помощи колдовства умертвили его. Ворью стал мертвецом — хаисом. Но ведь он был первым умершим

и не знал, куда ему идти. Ворью оставался среди людей, издавая зловоние, и люди прогнали его. Тогда Ворью удалился за реку Дигул, где и возникла страна мертвых. Он унес с собой большой барабан, и мертвецы пользуются им, когда устраивают праздник в загробном мире.

Другой миф начинается не столь благополучно. Прожорливый аист успел-таки прокусить головы трем первым людям, пока его не уговорили уйти. Тогда на землю выбралась старуха-дема Собра, а за ней много бамбуковых людей. Первые из них стали демами землетрясений (с характерным названием бумбум-аним); впрочем, они могут приносить и пользу — их просят сделать землю рыхлой, когда собираются сажать растения.

Прочих Собра положила в костер, и творение совершилось — люди расселились в первой деревне. Появившиеся люди тут же захотели есть и отправились на охоту. В деревне в своей хижине осталась лишь мать с ребенком. Старуха же нашла простой способ прокормиться: она вырыла яму за деревней, спряталась в ней, а когда мать уснула, выкрала ребенка.

Старуха-творец оказалась одновременно и злобной ведьмой — Бабой-ягой. Она бросила бедного ребенка в костер, сожрала его, а голову повесила сушиться у хижины. Сама же скрылась в своей яме.

Вернувшиеся охотники, конечно, подумали, что голодная мать сама погубила свое дитя. Наступил черед матери — сначала мужчины устроили праздник и заставили свою жертву танцевать тотемический танец кенгуру, а потом убили и съели. Голова матери была выставлена как трофеем каннибальского праздника. Гнусная же старуха выползла из своей ямы, да еще полюбопытствовала, что делают мужчины... Потом она напала на одного из них, ничего не подозревающего, и сожрала очередную жертву. В ответ последовало очередное убийство невинного, подозреваемого в каннибальском обжорстве. Так возникла охота за головами, превратившаяся в ритуальное занятие у маринданим: чтобы дать ребенку имя, нужно было добыть голову и узнать имя жертвы.

Говорят, что Собра придумала охоту за головами. В одном мифе она оказывается уже не подземным, а небесным жителем, но в мифологии папуасов небо — отнюдь не обитель добрых духов. Да и проблем там не меньше, чем на земле. Во всяком случае, в этом мифе рассказывается, что на

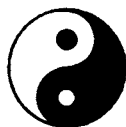
небе была страшная засуха, и старуху Собру отправили искать воду в лес.

Старуха принялась копать яму на небе и докопалась до того, что земля под ее ногами провалилась. Так Собра оказалась в нижнем — земном мире. Небесные жители — то были мертвецы хайсы — пошли на поиски, нашли бездонную яму и даже спустили веревку, чтобы вытащить Собру. Но старухе так хотелось пить, что она отправила на небо несколько стеблей уати, а сама пошла искать воду. Жажда у нее действительно была богатырской — по дороге она осушила несколько болот.

Наконец она добралась до деревни, где немало перепугала жителей — ведь те никогда не видели мертвецов. Но Собра назвала себя их бабушкой и рассказала о своих странствиях. Затем она двинулась дальше, пока не встретила свиного дему. Этот герой женился на старухе и наплодил с ней много детей — они стали молниями (ведь Собра все же была небесного происхождения). Эта семья и отправилась на охоту за головами, распевая песню о Собре...

Согласно одному мифу, даже солнце появилось после охоты за головами. Правда, в этом мифе дема-солнце был людоедом и похищал мальчиков, поедая их в своей яме-жилище (как «бабушка» Собра). Мужчины сделали тогда палки-копалки, извлекли людоеда из-под земли и отрезали ему голову. Они уже приготовились к празднику и уложили на специальную скамью разукрашенную голову врага, как вдруг увидели, что та стала краснеть. Затем из глаз, ушей, ноздрей и рта демы брызнули лучи, голова же стала все выше подниматься в небо — она превратилась в солнце.

Рассказ о праматери Собре, вышедшей из преисподней или спустившейся с небес, творящей и одновременно умерщвляющей, характерен для многих мифологий (вспомним Варамурунгундью у австралийцев). В русских волшебных сказках такой образ хорошо известен: это Баба-яга, которая оказывается или опасным мертвецом, готовым сожрать в своей лесной избушке (доме-могиле) похищенных детей, или помощницей героя, которому она оказывается родственницей — благодетельным предком.

Папуасский золотой век

МИФЫ
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Согласно мифам народа калауна первоначально люди, подобно дема у маринд, жили под землей. Там им не нужно было заниматься хозяйством и даже есть, не знали они брака и деторождения, зато у них не было и смерти. Но, странствуя в сумраке преисподней, они случайно обнаружили ведущую вверх дыру, и смельчаки полезли наружу. Тогда оставшиеся внизу люди послали наверх женщин, строго наказав переселенцам, чтобы они вели себя там так же, как и под землей. Но женщины, конечно, все перепутали, и люди принялись выращивать съедобные растения, кормиться ими и рожать детей. Вместе с благами культуры в мир пришли раздоры, войны, обман, убийства и, конечно, смерть.

Мифы о золотом веке — первоначальном веке изобилия, отсутствия голода, распри, болезней и смерти — характерны для многих мифологий. Как и в Библии, появление смерти у папуасов связано с вкушением пищи и брачными отношениями. Но тем же папуасам, как и составителям библейских книг, известно было представление о некоем «прогрессе», пути от полной дикости к культуре, пониманию ценности человеческой жизни.

Папуасский Авраам

Типичный тотемический миф рассказывает о том, как некий юноша, рожденный матерью-свиньей, был воспитан обычной женщиной и вырос среди людей. Но однажды мужчины — его односельчане — отправились на охоту и убили диких свиней. «Вы убили мою мать и братьев!» — упрекнул их юноша. Он собрал кости убитых животных и ушел в горы. Там он превратил часть костей в живых свиней и отпустил их в лес.

Но тут он узнал, что люди захватили на войне множество пленных и собираются их съесть во время очередной каннибальской церемонии. Тогда он явился к людям и предложил своих свиней взамен пленных. С тех пор на тотемическом празднике люди едят свиней, отказавшись от людоедства.

Свинья стала тотемом первобытного коллектива. Поедание тотема — первобытное сопричастие к миру сверхъестественного, установление с ним нормальных отношений. Одновременно это сопричастие вытеснило такой дикий обычай, как людоедство.

В Библии есть рассказ, в котором происходит замена человека жертвенным животным. Это рассказ о первом герое, который заключил завет с Богом, и Бог решил испытать его, потребовав в жертву самое дорогое — любимого сына. Библейский Авраам выдержал испытание и привел сына к жертвеннику, но явившийся к нему ангел указал на овна, барана, запутавшегося в кустах поблизости: овен был принесен в жертву вместо человека.

Первые амазонки

Удивительный миф маринд рассказывает о первой феминистской революции.

Однажды в селении решили устроить праздник. Мужчины ушли на охоту, чтобы принести мяса кенгуру, женщины же тем временем составили заговор — ведь они знали, что на празднике должна погибнуть какая-нибудь девушка. Вот они и решили убить всех мужчин и устроить праздник без них.

Эти амазонки надели на себя мужские украшения, вооружились и устроили мужские танцы. Когда же к вечеру появились охотники, амазонки выскочили из засады и всех перебили: уцелели лишь двое, спрятавшиеся на высоком дереве. Им решили оставить жизнь, чтобы племя не вымерло.

Но все это происходило в эпоху дем, которые следили за тем, что происходит у людей — их родственников. Первым услышал шум и крики Геб, который и выбрался из своего термитника. От спасшихся мужчин он узнал, что произошло. Тем временем другой дема, Сами, обитавший в пчелином улье, присоединился к Гебу. Они и решили отомстить: отправились к чужим племенам, набрали там мужчин и на лодках подплыли к селению взбунтовавшихся амазонок.

Войско разделилось, и та часть, которой предводительствовал Геб, напала на обитавших в деревне родственников Самы, люди же Самы расправились с сестрами Геба. Кажется бы, племя было истреблено, но ведь демы были не просто мстителями, а первопредками — культурными героями; они прихватили с собой своих женщин: Геб — муравьев, а Самы — пчел, и жизнь продолжилась.

Победители же собрали столько голов жертв, что не могли увезти их все с собой — многие попадали на землю и превратились в камни, которые до сих пор видны на побережье.

Говорят, что наследие амазонок все же сохранилось в тех местах, и женщины там не только ходят на охоту с мужчинами, но и воюют вместе с ними, охотясь за головами.

Геб и Самы стали первопредками маринд: в некоторых мифах они считаются детьми неба и земли.

Перед нами один из мифов о матриархате, времени, когда женщины якобы верховодили мужчинами. В действительности миф повествует об установлении правильного порядка, в том числе и о разделении селения на две половины, где живут братья и сестры, — разделении на фратрии. Это деление на две половины, между которыми можно было заключать браки, было очень важным для всего первобытного общества и для его мифологии. Об этом рассказывают, в частности, мифы ближайших соседей папуасов — меланезийцев.

Первобытный дуализм.

У истоков представлений о добре и зле.

Непохожие близнецы.

То Кабинана и То Корвуу

У меланезийцев, сохранявших культуру охотников, земледельцев и скотоводов каменного века, близкую культуре папуасов, излюбленными героями мифов были братья-близнецы То Кабина-

на и То Корвуу (То Карвуу). Они считались основателями фратрий и культурными героями, сотворившими все вокруг, но творения эти были очень разными.

То Кабинана был творцом всех полезных реалий и вещей — плодородной земли, хорошо построенного дома, рыболовных орудий, обрядов инициаций и брачных правил: само слово «кабинана» означает «мудрость». Тотем этого героя — орел-рыболов, умная птица, которая ест только хорошую пищу.

Не таков То Корвуу. Он создал каменистую почву и обрывистые холмы, он пытался подражать своему брату, но все его творения были неудачны или вредны. Он стал людоедом, и из-за него в мире появилась смерть. И тотем его — сокол — считается глупой птицей, которая ест горькую пищу и падаль.

Хоть Корвуу и вынужден слушаться своего разумного брата, он упрям и хочет все делать по-своему. Однажды Кабинана отправил Корвуу на пальму, чтобы тот сорвал два светлых ореха. Тот, однако, сорвал один светлый, который отдал брату, другой же — темный — оставил себе. Пришлось Кабинане делать из светлого ореха светлую женщину, а из темного — темную. Одна должна была стать прародительницей одной брачной половины, другая — другой, темные мужчины должны были брать в жен светлых женщин и наоборот, светлые — темных. Недаром Кабинана отождествляется с солнцем, а Карвуу — с луной.

Дело здесь, конечно, не в расовых различиях: светлый и темный цвета воспринимались как символы двух фратрий, но светлое во всех символических классификациях, конечно, наделялось положительным значением, а темное — отрицательным. Так, Кабинана воплощает полную, а Корвуу — ущербную луну. Но «свои» и «чужие» всегда различаются в архаических обществах: Корвуу считается творцом темнокожих папуасов, жителей гор, в отличие от более светлых меланезийцев.

Сотворение рыбы

Однажды То Кабинана вырезал из дерева тунца и только пустил его в море, как тунец ожил. Получившая жизнь тварь в благодарность пригнала к берегу множество сардин, так что Кабинана принес домой большой улов.

То Корвуву позавидовал брату и спросил, откуда у него столько рыбы.

Вырежи себе из дерева тунца, — посоветовал добрый Кабинана. Корвуву принялся за работу, но делал все не так, как брат, и у него получилась акула. Только он пустил свое творение в воду, как она сожрала всех сардин.

Опечаленный Корвуву пришел к брату, тому же осталось лишь отругать глупца — ведь теперь его акула будет есть не только рыб, но и людей...

Как То Корвуву сделал людей смертными

Однажды То Корвуву поджаривал плоды хлебного дерева, и брат упрекнул его, что он делает это тайком — ведь следует поделиться с матерью.

Делать нечего, Корвуву отправился к материнской хижине, но увидел там не мать, а молодую девушку. Дело в том, что в те времена — времена первотворения — люди не умирали и лишь меняли кожу, сбрасывая старую.

Глупый Корвуву долго не мог поверить, что перед ним помолодевшая мать, и это ему не понравилось. Он принялся домогаться у матери, куда она дела старую кожу.

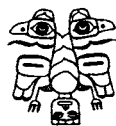
«Выбросила в море», — ответила она.

Увы, глупец отправился на поиски старой кожи, и ему повезло — кожу выбросило на прибрежные кусты. Корвуву вернулся к матери и надел на нее старую кожу.

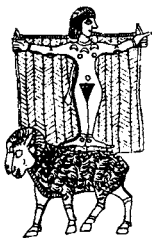
Вернувшийся вечером Кабинана увидел, что натворил брат, и принялся распекать его, но было уже поздно.

«Теперь из-за тебя, дурака, наши потомки будут умирать, — сказал он, — а змеи станут менять кожу».

С досады он даже наступил на голову змеи — с тех пор она стала плоской.

В другой мифе Кабинана, не любивший змей, послал Корвуву сказать людям, что отныне змеи

будут умирать, а люди менять кожу и жить вечно. Глупец, конечно, все перепутал и даровал змеям, а не людям, вечную жизнь; в ином варианте мифа устремления Корвуу оказываются уже не глупыми, а просто преступными — он собирается жениться на помолодевшей матери, и та сама, чтобы избежать инцеста, оделась в старую кожу. Кабинана создает барабан для праздничных танцев, Корвуу — для похорон... Благодаря его необдуманном деяниям возникают голод, войны, кровосмешение. Но некоторые деяния Корвуу напоминают действия сказочных дурачков: они должны были вызывать смех у тех, кто слушает мифологический рассказ. Он подражает своему брату, который построил первую хижину, но свою постройку Корвуу кроет листьями не снаружи, а изнутри, поэтому весь вымокает при первом же дожде.

Кват и его братья

На островах Банкс главным мифологическим героем-творцом оказывается Кват. Отца у него не было, а мать была... камнем у дороги. Это означает, что Кват был первым разумным существом на земле, что он тут же и продемонстрировал.

Как только камень раскололся, Кват вышел из него взрослым и умеющим говорить. Его первый вопрос, обращенный к матери, был, естественно, о том, как его зовут.

«Если у меня есть отец или дядя, — обратился он к матери, — пусть он даст мне имя».

Но мужских родичей старшего поколения у Квата не было, и пришлось ему самому придумывать себе имя. Зато у Квата было одиннадцать старших братьев, рожденных тем же камнем, и первыми среди них были Тангаро Мудрый, самый ученый, и Тангаро Глупый.

Кват же начал создавать все мыслимые вещи — деревья, скалы, животных, людей, но не знал, как сделать ночь. В те времена было светло круглые сутки, и братья жаловались, что устали от света — ведь они совсем не спали.

Кват стал разузнавать, где бывает темно, и выяснил, что у подножия неба бывает ночь. Тогда он взял свинью, положил ее в лодку и отплыл к горизонту. Там за свою свинью он купил темноты, а ночь научила его засыпать вечером и делать рассвет утром. Когда наступает утро, Кват мог узнать и сам — ведь он уже создал петуха и других птиц, что поют перед рассветом.

Но братья Квата не были готовы к чудесам. Увидев, что солнце стало клониться к западу, братья переполошились. Но Кват успокоил их — так и должна наступить ночь. Братья продолжали бояться — что за темнота наступает с востока и покрывает небо? Когда же у них стали слипаться от сна глаза, они подумали, что умирают.

«Это сон, — успокоил их Кват. — Закрывайте глаза и спите».

Но вот ночное время стало истекать и пробудились птицы. Кват взял кусок красного обсидиана и разрезал ночь. Вновь засиял свет, и братья проснулись.

На Новых Гебридах известен близкий Квату персонаж Тагаро. Он — создатель всего хорошего, а его брат Суке — плохого. Создавая разные вещи, братья подбрасывали их в воздух. Те, что ловил Тагаро, стали годны для еды, а те, что ловил Суке, — несъедобны. Когда они принялись делать людей, Тагаро использовал глину, а Суке пытался вылепить их из песка, Тагаро хотел сделать их двуногими, а Суке — четвероногими, Суке хотел поместить их на пальме, Тагаро же дал им дома.

Сотворение человека и смерти

Рассказывают, что Кват жил некогда с Маравой — то ли братом, то ли помощником творца, чудесным пауком, выручавшим его в сложных положениях. Так или иначе, решили они вместе сотворить людей.

Шесть дней Кват занимался вырезанием из драконового дерева разных частей тела — рук, ног, туловища, затем ушей и глаз — и прилаживанием этих частей одна к другой.

Потом он оставил творения на три дня в покое и в течение следующих трех дней принялся оживлять их.

Кват поставил творения перед собой и начал танцевать перед ними, пока они сами не стали двигаться. Тогда Кват стал бить в барабан и увидел, что деревянные люди стали двигаться еще быстрее, пока не ожили окончательно.

У него получилось шесть человек, которых он и разделил на мужчин и женщин: каждому мужчине он дал жену.

Марава тоже работал шесть дней и создал шесть фигур (хоть и из другого дерева). Ему тоже удалось оживить их, танцуя с барабаном. Но когда Марава увидел, что его творения пришли в движение, он выкопал яму и на три дня закопал в нее и мужчин, и женщин. Когда же незадачливый творец разгреб землю, он увидел, что его творения сгнили и воняют. Так люди стали смертными.

Уход творца и Всемирный потоп

На острове Гауа рассказывают, что некогда на месте большого озера посреди острова была равнина, поросшая лесом. В этом лесу Кват и начал делать лодку из самого большого дерева. Братья принялись смеяться над ним. Они спрашивали:

— Как ты сможешь дотащить такую лодку до моря?

Кват же не раскрывал секрета, но когда лодка была готова, он посадил туда свою жену, насмешников-братьев, а также всех живых существ, даже муравьев. Тут начался сильный дождь. Вся долина заполнилась водой, и ее потоки прорвали гряду холмов там, где и ныне водопад. Лодку же Квата вынесло в море.

Рассказывают, что Кват забрал с собой за море все самое лучшее, что он создал. Но люди ждут его возвращения вместе со всеми богатствами.

Уже в рассказе о шести днях творения, увенчавшихся созданием людей, очевидно влияние Библии — миссионерских рассказов. Рассказ о Ноевом ковчеге и Всемирном потопе также был приурочен к любимому культурному герою. Ной вообще был самым понятным библейским персонажем для «аргонавтов южных морей»: с ним ассоциировались все культурные герои — строите-

ли лодок. Но он же наделен в этом мифе и функциями Мессии, который вернется и принесет с собой те богатства, которые позволят вернуть золотой век первотворения.

Курильщики черной и белой трубок

Близнечные мифы были известны, конечно, не только на островах Тихого океана — они распространены повсюду, где была известна дуальная организация и двоичные символические системы, в том числе у индейцев Северной Америки.

Миф кауилья группы шошонов гласит, что вначале была только тьма. Во тьме появились и сплелись во вращающийся клубок красный, белый, синий и коричневый цвета. В этом шаре возникли два зародыша, из которых вышли два существа — Мукат и Темайауит. Споря, кто из них старше, они вынули из своих сердец трубки — Мукат черную, а Темайауит — белую, затем табак, черный и белый, свет (захода — Мукат и восхода — Темайауит), от которого зажгли свои трубки и закурили. В ходе спора Мукат доказал, что он старший, и старшей стороной стал запад. Из своих сердец Мукат и Темайауит вытащили ось мира и укрепили ее при помощи пауков-пряделщиков, которых также вытащили из своих сердец (две первые попытки укрепить ось при помощи змей и скал оказались неудачны). Мукат и Темайауит взобрались по оси мира наверх, а внизу остались облака дыма, в которых клубились болезни; силой совладать с ними братья наделили шаманов.

Затем Мукат и Темайауит вытащили из своих сердец землю — черную и белую, поместили на вершине оси мира и растянули и развевали ее по всем направлениям с помощью черных и белых пауков, муравьев и вихрей. Чтобы земля была устойчива, они извлекли из сердец океан и расположили его вокруг мира, а в нем поместили двух водяных демонов, разных водных тварей и морские травы. Из своих сердец они вынули небо и укрепили его при помощи звезд. Затем они сделали земных тварей и людей: Мукат из черной грязи, а Темайауит из белой. Мукат работал медленно и тщательно, а Темайауит наспех, и у него получались уроды.

Наконец Мукат извлек из своего сердца луну, она осветила мир, и творцы увидели свои создания. Мукат упрекнул Темайауита, что тот плохо работал, творцы поссорились, и Темайауит решил уйти со своими созданиями в преисподнюю. Он попытался захватить с собой также небо и землю, но ему это не удалось; из-за борьбы двух творцов на поверхности земли появились горы и каньоны, образовались русла рек и вода наполнила их. Все создания Муката уцелели, появилось солнце, все твари стали говорить на своих языках. Мукат научил людей всем полезным вещам, а луна поделила их на фратрии.

Близнечные мифы и представления о добре и зле

Народы соседней с Меланезией Полинезии также долго продолжали жить в каменном веке, но богатая природа островов позволила им создать целые объединения племен с верховными вождями во главе, власть которых напоминала власть первых королей в Европе. Они выполняли и обязанности жрецов; при этом у полинезийцев существовали уже и собственно жрецы, а не просто колдуны и знахари. В специальных святилищах они приносили жертвы богам и были хранителями богатой мифологии, героями которой были не только равные друг другу по сверхъестественной силе духи, вроде папуасских дема, но существа, составляющие некую иерархию и выполняющие специальные функции в сложной картине мироздания.

Однако сама эта картина строилась из частичек, напоминающих архаичные мифы.

Удивительный миф записан на островах Мангарева. Отцом богов и людей там выступает Ратеа, некое чудовище, полурыба-получеловек. С правой стороны его тела была человеческая рука, а с левой — плавник. Правый глаз у него был человеческий, а левый — рыбий. Рассказывали даже,

что один глаз у него расположен над другим, и верхним было солнце, а нижним — месяц. Сам он был рожден некоей великой матерью — воплощением Вселенной — вместе с множеством других созданий. Среди них он и нашел себе жену Пану, от брака с которой были рождены близнецы Тангароа и Ронго. Это и были первые настоящие человеческие существа, но обладающие сверхъестественными способностями — они были богами.

Однако уже их рождение в этом получеловеческом мире было связано с обстоятельствами драматическими. Первым должен был быть рожден Тангароа, но Ронго опередил брата. Тангароа сразу проявил свой необычайный ум и стал культурным героем: он научил людей земледелию и ремеслам. Отец Ратеа хотел, чтобы хозяином Вселенной стал он. Но мать настояла на том, чтобы ее первенец поделил все с братом. Разделение мира было странным с современной точки зрения: все красное на земле и в море получил Тангароа, все остальное — то есть большую часть — Ронго. Так, Тангароа владеет лишь красными сортами таро и ямса, а все сорта хлебного дерева — во власти Ронго, ибо среди его сортов нет красных. Ронго же достались и почти все богатства моря. И люди поделены были между близнецами: светловолосые считаются детьми Тангароа, темноволосые — Ронго.

Оскорбленный Тангароа собрал всю красную пищу, какую мог, в огромную лодку и отплыл на ней за море. Острова же Мангарева и Таити остались во власти Ронго. На Гавайских же островах рассказывают, что, напротив, Ронго, который здесь считался светловолосым, спустился по радуге с небес в поисках земной жены: он обрел было счастье в браке, но вскоре из ревности убил супругу. В горе на плавучем острове Ронго покинул Гавайи, а Тангароа — воплощение темного, хтонического начала, покровитель колдовства — остался. Правда, гавайцы верили, что он вернется на большом судне (и когда капитан Кук подплыл к Гавайям, аборигены решили, что он и есть вернувшийся Ронго).

Сходный миф сохранился у североамериканских индейцев — гуронов.

Вначале землю покрывала вода и суши не было. С неба упала женщина, и две утки поддержали ее и положили на черепаху. Черепаха посылала разных животных принести со

дна землю, но это удалось только жабе, добывшей немного ила. Женщина уложила его на спину черепахи, ил расширился во все стороны, и получилась суша, годная для растений и животных; она покоится на спине черепахи. Женщина рождает дочь, а та, в свою очередь, — близнецов-антагонистов Иоскеху, воплощение весны, и Тавискарона, воплощение зимы. Иоскеха родился обычным путем, а Тавискарон, желая обрести первородство, разорвал чрево матери и погубил ее. На ее могиле выросли первые тыквы, кукуруза и бобы. Иоскеха создавал долины, леса, прямые реки, рыбные озера. Убив огромную лягушку, поглощавшую земные воды, он наполнил водоемы, вывел животных из пещер, сотворил солнце и месяц. Увидев свое отражение в воде, он по собственному подобию сотворил из глины первых людей, а затем научил их охотиться, ловить рыбу. От черепахи, поддерживающей землю, он получил и передал людям дар добывания огня и первый початок кукурузы. Тавискарон же создал ураганы, чудовищ, вредных и опасных животных, искривлял течение рек, пытался украсть солнце. Победенный в поединке с братом, он бежал в подземный мир, и из капель его крови, падавших на землю, возникли кремни, а из останков тела — Скалистые горы.

Первобытный дуалистический взгляд на Вселенную ярко представлен уже химерическим образом Ратеа. Мало того, что он — полурыба-получеловек: рыбьей у него оказывается именно левая половина, которая во всех традициях ассоциируется с нечистой силой. Недаром принято плевать через левое плечо — там притаился черт, в то время как ангел-заступник обретается справа. Удивительнее другое: история рождения благодетельных Тангароа и Иоскехи, которые должны были стать первенцами, совпадает с не менее драматическими обстоятельствами рождения высшего божества Ормазда, почитавшегося в далеком от Полинезии и Северной Америки Иране. Ормазд еще в чреве родителя, о котором пойдет речь ниже, знал, что он должен родиться первым, но прямодушно поделился этим знанием со своим близне-

цом — злобным Ахриманом, и тот, разорвав чрево родителя, первым появился на свет. Добро и зло сосуществуют в этом мире, и близнечный миф объясняет их сосуществование.

Поколения близнечных божеств

На полинезийских островах Тонга рассказывают о целой цепи рождений, предшествующих появлению главных божеств. В начале времен морская водоросль слепилась с прибрежным илом: они произвели на свет огромную каменную глыбу. Однажды глыба пришла в движение, издала гул, подобный грому, и разрешилась от бремени, родив близнецов — мальчика Пики (Клей) и девочку Келе (Глина). Прошло немало лет, и вновь гром известил о рождении близнецов — мальчика Атунгаки (Метающий Копье) и девочки Маимоа (Тщетное Старание). По прошествии времени из глыбы появились новые существа — мальчик Сухопутная Черепаха, и девочка Морская Черепаха. Последними появились на свет Голубь — Лупе и Морская Змея — Тукусали.

Настал черед следующих рождений: первая близнечная пара произвела сначала мальчика Тауфулифонуа, «Опрокидывающего Страны», а потом девочку — Хавеалолофонуа, «Рассекающую землю». Следующая пара родила девочку Велелахи — Великое Искушение, от третьей пары произошла Велесии — Малое Искушение. Лишь Голубь и Морская Змея не вступили в брак.

Младшие девушки дружили между собой, называясь сестрами, но у них была лишь одна возможность продолжить род — стать женами своего брата Тауфулифонуа. Так они и сделали. У старшей родился мальчик, которого и называли Хавеа или Хикулео. Родители, однако, чересчур избаловали единственного отпрыска и решили отправить его для самостоятельной жизни в далекую страну — дальнюю Тонга.

Средняя и младшая жены родили целые поколения сверхъестественных существ. Старшие стали великанами Тангалоа (Тангароа), младшие именовались Мауи. Нужно было делить мир между его новыми обитателями, и за это взялся Хикулео. Тангалоа с матерью получили небесную страну, а Мауи — преисподнюю. При разделе не забыли и Голубя с Морской змеей — им достались лес и море. Себе же Хикулео оставил волшебную страну дальнюю Тонга или

Пулоту, загробный мир, куда за море отправляются после смерти люди, в первую очередь — вожди и герои. Оттуда он наблюдает за всем, что делается во Вселенной. Однако Хикулео не может совсем оторваться от своей страны — его привязывает к ней длинный хвост (недаром его имя и означает «Длинный хвост»). Рассказывают также, что Хикулео длинными нитями привязан к своей стране, небу и преисподней — так весь мир удерживается в равновесии. Людям приходится постоянно ублажать Хикулео — ведь от него зависит плодородие.

Два демиурга

Простейшие противопоставления, разделявшие светлое и темное, правое и левое, мужское и женское, верх и низ, сушу и воду, солнце и луну, жизнь и смерть и т.д., а в социальных отношениях — фратрии, обменивающиеся женами, характерны для мифологий всех народов. Эти противопоставления часто воплощают близнецы, которые оказываются двумя демиургами, создающими полезные и вредные вещи и относящиеся к разным космическим сферам, небу и земле или морю.

Меланезийцы острова Россель рассказывают о двух демиургах — Уонейо и Мбази. Уонейо — змей, живущий на высочайшей горе острова, он создатель земли, облаков, звезд. Мбази — рыба или темнокожий человек. Он создал солнце и луну, поместил в женщину яйцо, из которого вышли первые люди. Уонейо и Мбази разделили людей на кланы-фратрии, каждому дали тотем, ввели матрилинейный счет родства. В мифах они — друзья, но их тотемы — змея и рыба — часто враждуют друг с другом.

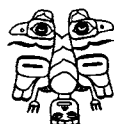
От этих мифов — один шаг до представлений о добром и злом демиургах, до религиозного дуализма. К этому шагу часто подталкивали аборигенов миссионеры. Образец такого дуалистического мифа записан на острове Фиджи.

Фиджийцам также был известен могущественный змей, живущий в пещере среди гор. Он звался Нденгеи. Движения змея производили гром, а в жилище его горело страшное пламя. Его братом был благодетельный бог — плётник; у него и родились близнецы, которые хотели покончить с властью змея. Но змей был силен и победил восставших: те вынуждены были отплыть прочь в изгнание — в земли европейцев, которые и присвоили себе спасительное учение, созданное чудесными близнецами. Европейцы назвали близнецов Иеговой и Иисусом Христом и написали о них Библию. Но близнецы должны вернуться и восстановить справедливость, о чем они возвестили своему пророку, живущему на Фиджи: правда, коварные европейцы следят за тем, чтобы они не вернулись, делая вид, что исследуют при помощи своих инструментов окрестные рифы.

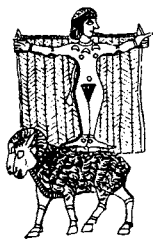
Но у змея все же был могучий соперник, о котором рассказал «пророк»-фиджиец, воспринявший рассказы миссионеров о библейском творце. Соперник змея был белым человеком и звался Иегова. Он вызвал Нденгеи на соревнование, предложив ему сделать человека из глины. У змея ничего не вышло, Иегова же слепил мужчину, а потом женщину и вдохнул в них жизнь. Змей с позором был изгнан, Иегова же заселил людьми землю. Сначала он велел людям построить дом высотой до неба, и у людей хватило умения построить такой дом. В результате на свете появилось много вещей, и люди стали давать каждой имена. Поэтому и языки у людей стали разными. По случаю окончания строительства был устроен пир, на котором ели ямс, таро, бананы, растущие здесь же; у завершенной «вавилонской башни». Затем Иегова велел людям идти и заселить всю землю, и люди разошлись, унося с собой растения, по которым и назвали свои племена. Так были заселены острова Меланезии.

В сбивчивом рассказе местного «пророка» меланезийские мифы переплетены с библейскими, и содержание Библии во многом «перевернуто». Строительство вавилонской башни оказывается успешным, ибо фиджийцы видели, что европейцы могут строить высокие дома. Понятным оказалось и противостояние Бога и сатаны: добродетельный творец противопоставлялся неудачливому.

И в средневековой Европе сатана именовался «обезьяной Бога» — неудачливым подражателем Творца.

Множество дуалистических мифов, похожих на фиджийский, распространилось и в Евразии — о них еще пойдет речь. Более парадоксальным можно считать другой миф, созданный первобытным сознанием: в этом мифе творец — культурный герой — сочетает в себе черты благодетельного демиурга и незадачливого подражателя.

Трикстер — творец и разрушитель

Знаменитый исследователь мифов американских индейцев Пол Радин назвал культурного героя североамериканских мифов Трикстером, что по-английски означает «плут, ловкач, обманщик» — «трюкач, шут». Он пишет в одноименной книге: «Трикстер одновременно предстает как творец и разрушитель, дающий и отвергающий, обманщик и жертва обмана. У него нет сознательных желаний. Его поведение всегда диктуется импульсами, над которыми он не властен. Он не знает ни добра, ни зла, хотя несет ответственность и за то, и за другое. Для него не существует ни моральных, ни социальных ценностей; он руководствуется лишь собственными страстями и аппетитами, и, несмотря на это, только благодаря его деяниям все ценности обретают свое настоящее значение».

По свидетельству Радина, индейцы слушали мифы о Трикстере со смешанными чувствами — его фигура своими проделками вызывала смех и восхищение вперемешку с отвращением и даже ужасом. Сама эта фигура выглядела парадоксальной: Трикстер мог именоваться Кроликом, Пауком, Койотом, Вороном, но при этом, как и прочие тотемические герои, был одновременно чело-

веческим существом. Образ этого существа был более чем странен и даже противоположен нормальной анатомии — внутренности у него были снаружи тела (так в позднейших мифологиях Евразии представляли нечистую силу). Что заставило первобытное сознание породить подобного монстра? Загадку Трикстера силились разгадать не только Пол Радин и другие мифологи, но и сам Карл-Густав Юнг, создатель школы аналитической психологии.

Обратимся к мифам о Трикстере.

Первобытный Одиссей

Народ виннебаго сохранил целый цикл мифов о некоем перворожденном существе по имени Куну — «Старший брат». Неясно, насколько человеческим был его облик, но вел он себя очень странно, недаром люди прозвали его Вакджункага, Трикстером, что значило «Хитрец» и одновременно «Глупец». Природная тяга к бесконечным странствиям и приключениям не раз ставила его в сложные или просто дурацкие ситуации.

Рассказывают, что Куну был вождем в деревне в стародавние времена. Однажды он собрался ступить на тропу войны, хотя вожди не должны этого делать: ведь обязанность вождей — мирить людей. Тем не менее, он велел людям, как полагалось в таких случаях, устроить пир — развести огонь и убить на охоте четырех оленей. Все собравшиеся следовать за вождем уже закончили пировать, как вдруг сам вождь покинул войско и скрылся в своем жилище. Его долго ждали, чтобы отправиться в поход. Терпение воинов иссякло, и они отправили людей узнать, что случилось. Те с ужасом обнаружили, что вождь наслаждается в объятиях жены и не думает о походе.

Это было не просто легкомыслие — это было нарушение строжайшего запрета, табу на связь с женщиной, которое должно было строго соблюдать перед охотой или войной, иначе поход будет неудачным.

Конечно же, воины разошлись в унынии. Но скоро вождь вновь стал собираться в поход, и на пир по его приказу принесли двух оленей и двух медведей. И вновь все завершилось нарушением табу. Воины возмутились — почему вождь морочит им головы? Тот же продолжал издеваться. «Чем еще заниматься вождю, — спросил он, — когда на пир у же все съедено?»

Лишь на четвертый раз, когда люди уже разуверились в боевом духе вождя, тот досидел-таки до конца пиршества и даже ступил на тропу войны. Он взял снаряжение воина и стрелы, и все, кто собрался с ним, сели в боевые лодки. Вождь похвалялся своим воинским пылом, но вдруг его гнев обратился против лодки:

— Ты ведь не можешь сражаться! Зачем ты идешь со мной?

Вождь разбил свою лодку на куски, и многие из следовавших за ним отчаялись — уж больно глупо вел себя их предводитель. Многие продолжали следовать за ним пешком, но тут вождь разразился новыми упреками: он идет по тропе войны, но должен тащить на себе воинское снаряжение! Если оно не хочет воевать, он не намерен брать его в поход... Когда же вождь в гневе выкинул и вооружение, последние верные повернули назад.

Наконец Куну остался один — этого он и добивался, ведь он был Перворожденный, и предназначение его состояло в том, чтобы быть одиноким. Он брел по миру, разговаривая со всеми тварями и называя их младшими братьями, и они отвечали ему, потому что понимали язык друг друга.

Стало быть, речь идет о начальных временах, когда все твари были людьми или понимали человеческую речь. Более того, все они были братьями — объединены родственными узами. В своих странствиях культурный герой — Трикстер — должен был демонстрировать эти родственные узы и создавать новые отношения между людьми и окружающим их миром.

Но родство — родством, а Куну успел проголодаться. Тут он увидел старого бизона и пожалел, что выкинул свои стрелы. Но на то он и был трикстером, чтобы найти выход

из трудного положения. Поэтому он и стал окружать своего «младшего брата» бизона чучелами людей, сделанными из травы. Лишь в одном месте он оставил проход, который вел в топкое болото.

Тогда-то Куну и испугал бизона — ведь его пастбище окружено людьми. Бизон бросился бежать и увяз в топи. Трикстер же нагнал и его и убил ножом, который держал в правой руке — с тех пор виннебаго устраивают такие ловушки для бизона.

Можно было торжествовать победу, но тут левая рука Трикстера сама вцепилась в поверженного бизона. Правая рука, естественно, возмутилась и потребовала, чтобы левая отцепилась от добычи — не то ей достанется ножом. Но та не отступала и, наконец, была порезана правой. Тут настал черед вопить и жаловаться Трикстеру. Но делать было нечего: несмотря на боль, он освеживал тушу и с запасом пищи отправился в путь.

В пути его принялись преследовать маленькие птички; каждая из них кричала:

— Трикстер, смотрите, идет Трикстер!

Так птицы обнаружили шутовскую природу героя, творца и глупца.

Трикстер же продолжил свой путь, пока не встретил человека, который заботливо кормил своих маленьких деток. Он доставал их из пузыря, что носил на поясе. Трикстер не мог не ввязаться и в эту историю и упросил заботливого отца уступить ему детей, обещая кормить их как следует. Отец согласился, предупредив, что их надо кормить лишь раз в месяц. Но сам Трикстер был прожорлив и решил подкормить малюток. В результате они умерли, и разгневанный отец бросился в погоню за перепуганным опекуном.

До самого края земли добежал Трикстер и бросился в середину океана — только так он мог скрыться от преследователя. Долго он плавал вдоль берега, не ориентируясь в воде, пока его «младшие братья» рыбы не показали ему путь к суше. Здесь он создал глиняный котел и стал им ловить рыбу, чтобы насытиться.

Но тяга к странствиям не давала Трикстеру покоя. Он двинулся дальше, пока не увидел человека, который указывал на него рукой. Сколько он ни спрашивал встречного, что ему надо, тот не отвечал. Герою пришлось тогда в голову встать напротив и так же протянуть руку с указательным пальцем к незнакомцу. Так он и стоял, пока рука не затекла.

Трикстер молил своего соперника прекратить испытание, но не услышал ответа, пока в изнеможении не подошел к нему и не обнаружил, что это был просто пень с сучком... «Видно, не зря люди прозвали меня Глупцом», — подумал Трикстер, но голод не дал ему сосредоточиться на этой мысли.

Он вышел к озеру, где увидел множество уток. Тихо набрал он вязанку камыша и подошел к птицам.

«Знаете, что несу я на спине? — спросил Куну уток. — Это песни, которых у меня очень много. Я ищу танцоров, которые согласились бы станцевать под мои песни».

У уток не было своих песен, и они согласились устроить танцы. Они построили дом для танцев и сделали барабан. Трикстер выставил только одно условие — танцоры не должны раскрывать глаз, иначе они останутся красными навсегда. Наивные утки согласились и принялись танцевать с закрытыми глазами, временами только слышались их вскрикивания «Кряк!» да хлопанье крыльев. Наконец маленькая утка, которую потом прозвали красноглазкой, все же приоткрыла глаза и увидела, что Трикстер сворачивает шею ее подругам — поэтому они издают такие странные звуки.

Красноглазка подняла крик, и утки попытались спастись — но ведь они были внутри дома-ловушки. Если бы не дымовое отверстие, все они погибли бы. С тех пор спасшиеся утки крикают, а у Красноглазки и вправду остались красные глаза.

Довольный своей хитростью Трикстер решил испечь уток, а пока они готовятся — насладиться сном. Но он был один, и ему некому было поручить охранять добычу. Пришлось ему обратиться к собственному заду — пусть его «младший брат» постережет уток, пока сам хозяин поспит.

Так он и уснул. Но Трикстер не был единственным хитрецом в том мире. На его беду мимо как раз проходила стая лисов: они учуяли вкусный запах и обнаружили, что на костре жарится множество уток. Лисы повсюду почитаются хитрецами. Увидев спящего Трикстера, они решили съесть его мясо.

Надо отдать должное «младшему брату» Трикстера — он попытался так отпугнуть лисов, начавши испускать ветры. Но лисы знали, на какие штуки способен Трикстер, и аккуратно обглодали мясо, кости же спрятали в золе.

Наконец Трикстер проснулся и обнаружил вместо еды одни кости. Конечно, он рассердился на «младшего брата» и, схватив головню, прижег его, чтобы наказать...

Опять Трикстеру, едва не лишившемуся всех внутренних органов, пришлось вспоминать, что не зря люди прозвали его Глупцом.

Но странствия его продолжались, и вновь одинокий путник должен был обращаться к своим членам как к самостоятельным существам — «младшим братьям». Однажды ночью он почувствовал холод и обнаружил, что одеяло развевается где-то высоко над ним. Это детородный член хитреца поднял одеяло: пришлось Трикстеру уговаривать «младшего братца» вернуть ему одеяло, пока то не унесло ветром. С трудом ему удалось скатать «младшего брата» и уложить его в короб, и только тогда нашлось одеяло.

Но тут «младшему брату», лежащему в коробе, нашлась настоящая работа. Трикстер обнаружил, что в озере купаются дочь вождя и ее подруги. Конечно, «младший брат» устремился прямо по водам к возжеленной цели, и Трикстер с трудом вернул его. Чтобы «братец» не перепугал всех женщин, Куну привязал к нему камень, и тот поплыл к купальщицам под водой. Подруги подняли крик, но было поздно: «братец» достиг своей цели. Напрасно звали силачей, чтобы вытащить неугомонный член.

Наконец привели старуху-ведунью, которая сразу догадалась, что это проделки Перворожденного, Трикстера. Она и начала произносить заговор, чтобы Перворожденный освободил дочь вождя, да еще принялась тыкать его «братца» шилом... Тогда братец освободил свою жертву, а по дороге сшиб с ног ведунью. Трикстер же в это время потешался, наблюдая всю сцену с другого берега озера.

Мы же знаем, что детородный орган в разных мифологиях играл самостоятельную роль: в австралийской он участвовал в сотворении мира, в египетской — в рождении бога-спасителя. В американском мифе его роль ближе к функциям детородных органов в «Заветных сказках» А.Н. Афанасьева: там любопытная теща поднимается на семь верст, желая проверить длину производительного органа зятя. Первобытный юмор нашел продолжение в позднейшем фольклоре, но сюжеты эти далеки от какой бы то ни было порнографии.

Нашего же «Одиссея» манили дальнейшие странствия. В водных глубинах он уже побывал и теперь, завидев грифа, решил подняться в небеса. Гриф вроде бы поддался на уговоры «Старшего брата» и с трудом взлетел под небеса со своей ношей. Довольный пилот принялся было болтать, но грифу самому хотелось соорудить злую шутку над Трикстером. Поэтому он выбрал полое дерево и сбросил свою ношу туда. Куну не мог сам выбраться из дупла, но услышал, как к дереву приближаются женщины. Тогда он и прикинулся енотом — благо его одеяло было из енотовой шкуры. Енот был ценной добычей, его мясо считалось вкусным и было очень жирным. Поэтому Трикстеру удалось уговорить женщин прорубить в дереве отверстие и закрыть его своей одеждой, а лишь затем позвать на помощь мужчин. Когда женщины ушли за помощью, Трикстер выбрался на свободу.

Последующее его приключение напоминает чем-то сказку о «Теремке». Первым Трикстер встречает маленького лиса, который сетует на тяжелую жизнь и мечтает обрести чистое место, чтобы поселиться там. Они отправляются вместе на поиски укромного убежища, по дороге встречают сойку и другую птицу и обретают было уютное и сытное жилище в дубовой роще, но с зимой приходят голодные времена. Тут Трикстер и решается на трюк, который необычен даже для него: он хочет превратиться в женщину, чтобы стать женой вождя и прокормиться.

Но прежде чем отправиться к людям, Трикстер вступил в связь со своими спутниками и даже сумел забеременеть от них. Это не лишило его новоявленной женской привлекательности, и Трикстер сумел-таки понравиться вождю. Но первым делом он набросился на еду и сожрал все, что ему (или ей) предложили.

Это деяние Трикстера напоминает самый деликатный из подвигов знаменитого скандинавского громовника Тора. Некогда великан Трюм похитил его боевой молот, и боги остались без громового оружия. Великан готов был отдать сокровище, но лишь в обмен на богиню любви Фрейю. Та, конечно, не желала и слышать о свадьбе в Стране великанов. Пришлось самому Тору наряжаться в платье невесты и отправлять-

ся в свадебную поездку. Как и у виннебаго, у гостеприимного великана невесте прежде всего предложили поесть после дороги, и та проявила поистине богатырский аппетит. Это не насторожило влюбленного великана, и он принес молот, чтобы благословить им брак, но молот оказался в богатырских руках невесты — незадачливый жених не успел вкусить семейного счастья.

Громовник Тор, конечно, не был Трикстером. Им был другой, не менее знаменитый бог скандинавского пантеона — Локи. Именно он заставил Тора наряжаться невестой, чтобы вернуть молот. Его деяния одновременно и благодетельны и позорны. Когда боги стали проигрывать спор великану, строившему для них крепость, Асгард с помощью своего чудесного жеребца Локи превратился в кобылицу и отвлек коня от работы. Боги были спасены, но ничего позорнее превращения в женщину — тем более в кобылу — для скандинавов не было. Правда, Локи в образе кобылы родил восьминоного жеребца Слейпнира, на котором объезжал все миры сам Один, глава скандинавского пантеона.

Трикстер у виннебаго родил вождю трех мальчиков (которые на самом деле были сыновьями его спутников). Дети были очень плаксивы (что в народных верованиях часто характеризует подменышей — детей, подброшенных нечистой силой), а жена вождя вела себя странно. Однажды, когда свекровь поддразнивала «невестку»-Трикстера и гоняла ее вокруг ямы, где варился маис, искусственные детородные органы «невестки» упали прямо в яму. Окружающие поняли, наконец, что были одурачены и опозорены прожорливым и похотливым Трикстером: сын вождя вступил в гомосексуальную связь. Но Трикстер со своими спутниками успел скрыться.

Путешествия и малопристойные приключения, казалось бы, утомили Трикстера, и он вспомнил даже о доме, где у него оставались жена и сын. И правда, выяснилось, что

когда Куну явился домой, мальчик уже вырос и сам мог позаботиться о себе. Трикстера вновь потянуло в дорогу, и он немедленно набрел на приключение, которое едва не погубило его самым нелепым и позорным образом. В пути он услышал голос, который принадлежал луковице: та уверяла, что она — сильнейшее слабительное. Куну не нашел ничего лучше, как испытать себя и здесь. Он съел луковицу и попытался сдержаться, но ветры разрывали его с такой силой, что сам он был подброшен высоко в воздух. Несчастный, проклиная себя, обратился за помощью к людям: те свернули свой вигвам, навалили его на летающего Куну и сами уселись сверху вместе со своими собаками, но сила действия луковицы была такова, что Трикстер разметал всю ношу. Тут началось худшее — чтобы спастись от собственных испражнений, Трикстер забрался на высокое дерево, но рухнул оттуда и едва не утонул. С трудом добрался он до ближайшей рощи и стал умолять деревья, называя их по именам, указать ему источник воды. Деревья, несмотря на вызываемое им отвращение, указали ему путь, что и спасло героя. Он еле-еле отмылся от собственных испражнений.

Привыкшему к запретным темам такого рода обывателю индейская фантазия представится верхом глупой непристойности. Но читатели Франсуа Рабле знают, какое место занимала эта запретная тема в первом интеллектуальном романе эпохи Возрождения (и европейской цивилизации в целом). В эпоху же первотворения семейные и гастрономические эксперименты должны были доходить до крайности, хотя бы для того, чтобы впоследствии определить границы приличий.

Хоть тут, у источника, ему повезло — в воде он увидел множество слив. Со всего маху Куну бросился в воду и... пребольно ударился о камни. Ведь сливы были только отражением в воде тех плодов, что висели наверху. Пришлось Трикстеру опять посетовать на собственную глупость, но тут уж он наелся слив.

Неподалеку Куну увидел жилище, в котором женщины нянчили детей. Они были енотами — мы не должны забы-

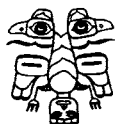
нать, что речь идет об эпохе первотворения, когда различия между людьми и зверями не было. Тут Трикстер опять повел себя как злодей — отправил женщин за сливами, а сам, вместо того чтобы нянчить, сожрал их детенышей, сваривши в котле (тут его злодеяние можно если не оправдать, то понять — ведь он всегда был голоден и необычайно прожорлив). Отрезанную голову одного из них он насадил на шест, будто детеныш смеется (таков был воинский обычай виннебаго, но он был направлен против взрослых врагов).

Сам Трикстер отправился к холму, где уговорил самку скунса вырыть ему нору с двумя выходами, как делают скунсы. Сам же принялся ждать. Тем временем женщины вернулись, так и не поев слив — все они достались Трикстеру. К тому же один из детей выглядывал с усмешкой из жилища, так что сердитая мать дала ему затрещину и — о ужас! Голова детеныша откатилась в сторону, а прочие дети были мертвы. Тут енотики поняли, что злую шутку сыграл с ними Трикстер. Сам же злодей изменил облик и явился к горящим матерям, обещая поймать убийцу. Он уверил несчастных, что Трикстер забрался в нору скунса, сам полез туда, изображал там бой и победу над врагом. Наконец он уговорил и женщин ползть в нору, чтобы добить побежденного. Те доверились своему «помощнику», а тот поджог солому у входа в нору, так что все еноты были испечены заживо.

Но полакомиться салом ему не удалось. Трикстеру показалось, что дерево, под которым он расположился, скрипит нарочно, чтобы дразнить его. Куну полез разбираться с обидчиком и... защемил руку в разломе ствола. Тут как раз мимо бежала стая волков, и как ни просил Трикстер оставить ему мяса, хищники и не подумали с ним делиться. Раздосадованный, Куну разломал ствол и рухнул вниз.

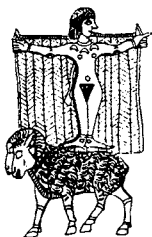
Он бросился за волками, но тут внимание Трикстера привлек шум — как будто где-то был праздник с танцами. Тут он увидел череп лося, в котором роились мухи. Этот шум он и принял за танцы. Трикстеру захотелось устроить такой же праздник, но он не мог просунуть голову в череп. Тогда мухи и научили его волшебным словам: «Шея, стань шире!»

Трикстер просунул голову в череп, но снять его уже не смог. Так он и добрел к источнику, где встретил женщину и насмерть ее перепугал. Но Трикстеру удалось все же подловить встречную и объявить себя духом воды (благо лося индейцы действительно считали духом воды). Куну сказал,

что в черепе его хранятся целебные снадобья и если его разбить, снадобья можно достать. Конечно, обнадеженные «духом» люди прибежали с топором и раскололи череп. И тут они увидели смеющегося над ними Трикстера. Но — о, чудо! — из черепа им действительно удалось изготовить знахарские снадобья!

Удивительная параллель рассказу о черепе и мухах известна в славянском фольклоре. Поговорка о человеке, у которого мухи (бзык) в голове, относится либо к дурню, либо к колдуну, наделенному сверхъестественными способностями. Как мы могли убедиться, обе эти характеристики в равной мере присущи Трикстеру.

Куну же отправился дальше и услышал, как некто преследует его и напевает издевательскую песенку о странной анатомии Трикстера — ведь Трикстер так и носил свой детородный член свернутым в коробе. Куну едва разглядел бурундука, который тут же юркнул в дупло дерева. Тогда Трикстер решил снова отправить своего «младшего брата» на самостоятельное деяние: он должен был достать оскорбителя в его дупле. Но бурундук оборонялся, и Трикстер вытащил из дупла лишь жалкие остатки своего «братца» — с тех пор у людей детородный орган нормальной длины. Разгневанный Куну разломал дерево и раздавил бурундука — с тех пор у него полоса от пальцев Трикстера на спине.

Но производительный орган не мог пропасть так просто. Его конец Трикстер бросил в озеро и назвал «озерной лилией». Прочие части стали картофелем, турнепсом, артишоком, фасолью и даже рисом. Самую широкую часть он сделал кувшинкой.

Славянский фольклор также сохранил этиологический миф о непристойном происхождении картофеля. Архангельские крестьяне, для которых эта сельскохозяйственная культура была в новинку и называлась «чертовым яблоком» (ведь это «яблоко» росло в земле), рассказывали странную историю, в правдивости которой сомнева-

лись сами. Некая царевна сошлась с кобелем, а няньки донесли об этом царю. Царь велел закопать царевну в землю вместе с псом: он нее пошел картофель, а от пса — табак. Для современного сознания тотемический брак был уже недопустимым извращением, но миф о чудесном происхождении видов сохранялся в фольклоре.

Трикстер совершил еще немало деяний, пока не осел в некоей деревне. Здесь он вырастил много детей, но эта жизнь была не для него. Он вспомнил, что послан Творцом земли, чтобы сделать проходимыми ее дороги. Главной же дорогой была река Миссисипи. Там обитали духи, но скоро ее берега должны были населить индейцы. Он пошел по реке и очистил ее от всех препятствий, порогов и неровностей, духов же загнал вниз — в речные ямы.

Наконец он вышел к водопаду.

— Уйди с этого места, здесь будут жить люди, — сказал Трикстер.

Но водопад и не думал уступать. Тогда Трикстер взял волшебную палку и ниспроверг водопад на землю. Сам же он решил удалиться, последний раз поев на земле. Для последней трапезы он сделал каменный котел и каменное блюдо и сел на вершине скалы — до сих пор там можно видеть следы его трапезы и даже отпечатки его ягодич. Потом он отправился в последний земной путь, погрузившись в океан и оттуда поднявшись на небеса.

Под высшим небом, где обитает творец, есть еще одно небо: его хозяин — Трикстер. Под ним еще один небесный мир, где властвует Черепаха. Наконец, хозяин земного мира — Кролик.

В одном из мифов рассказывается, как Трикстер предстал перед Творцом Земли. Он сказал, что старался выполнить все, чего желал Творец. Но единственный, кто может привести в исполнение замыслы Творца, — это друг Трикстера Кролик. В ответ он услышал упреки божества: ведь Трикстер был перворожденным, древнее всех, кого создал Творец. Он был послан на землю, чтобы научить людей сделать свою жизнь легкой и счастливой. Но Трикстер сам преопределил себе другую судьбу, и теперь все, даже крохотные насекомые, потешаются над ним.

Лишь концовка этого мифологического цикла напоминает нам о том, что дело, как и во всяком мифе, происходит в начале времен. Все деяния Трикстера — это эксперименты, которые должны научить людей (как маленьких детей) различать добро и зло, плохое и хорошее, полезное и вредное. Первобытный Одиссей совершает свои деяния во всех сферах мироздания — на земле, в мировом океане, на небесах. Перед слушателями миф разворачивается как история человеческого самосознания. Вместе с тем этот цикл мифов представляет собой и начало литературы — первобытную Одиссею, где вместе со страшными и священными событиями происходят забавные бытовые коллизии: мир перестает быть непознаваемым и страшным. Кроме того, в мифологическом мире было возможно то, что было запрещено в традиционном первобытном обществе, — существовала свобода от всех традиций.

Как Паук был признан старейшим из живых существ

У африканского народа акан излюбленный герой сказок — хитрый паук Ананси. В одной из сказок он должен рассудить зверей, спорящих о том, кто из них старше. В этом судебном процессе очевидны мотивы творения, свойственные тотемическим мифам.

Однажды все полевые и лесные звери поспорили, кто из них старше и достоин большего уважения. Каждый из них утверждал, что он старший.

Наконец они решили обратиться к судье и избрали судьей паука Ананси. Паук велел принести ему престол вождя, роль которого должна была играть скорлупа грецкого ореха. Он уселся с важным видом и принялся выслушивать тяжущихся.

Первой начала свою речь цесарка: она — свидетельница первого лесного пожара, который она затоптала, ведь с тех пор у нее красные ноги. И животные готовы были признать ее правоту.

Но тут заговорил попугай: он появился на свете, когда еще не было никаких орудий. Попугай первым изготовил кузнечный молот и так долго стучал по железу, что клюв его сделался кривым. И это было похоже на правду.

Тогда заговорил слон. Он старше попугая и цесарки: ведь слон родился тогда, когда небесный бог раздавал зверям их носы. Слону и достался самый удобный и большой нос, а прочим на такие носы уже не хватило материала...

Но прения на этом не закончились, ибо кролик заявил, что родился тогда, когда еще не было ни дня, ни ночи. Однако следом дикобраз рассказал, что родился тогда, когда земля еще не была доделана — она была мягкая, как масло, так что по ней нельзя было ходить.

Казалось бы, дикобраз оказывался старшим. Но тут взял слово сам Ананси. «Надо было сразу обратиться к нему, — сказал паук, — тогда не о чем было бы спорить». Ведь он родился тогда, когда земли не было вообще и не на чем было стоять. Когда умер отец Ананси, его негде было хоронить: пришлось пауку похоронить отца в собственной голове...

Тут все звери признали паука старейшим.

Паук действительно мог претендовать на то, что родился прежде земли — ведь его паутина висит в воздухе и не нуждается в земной основе. Но перед нами не космогонический миф, а сказка о хитроумном судье, поразившем воображение наивных зверей удивительным рассказом: такие сказки были распространены по всему миру, и лучше всего известны легенды о библейском судье Соломоне.

Однако сюжеты сказки, как правило, восходят к древним мифам, повествующим о начальных временах. Реликт такого мифа сохранился и в славянской традиции: в Полесье верят, что именно паук «сновал» — основал, выткал свет... У африканского народа ашанти демиург — бог

неба Ньяме (Оньяме, «сияющий») подобно пауку сплел свой мир, в центре которого и живет. Благодаря ему возникли дождь и солнце, произошли люди. Прежде он жил на земле, но потом удалился на небо. В мифе индейцев сиу в начале мира был только паук: он тянул нити с севера на юг и с востока на запад. На одной из нитей он сделал два узла, из которых творец создал двух женщин — прародительниц людей: от одной произошли красные люди (индейцы), а от другой — белые (европейцы).

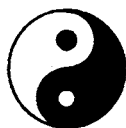
Как хитрец Мауи чуть не спалил мир

В полинезийских мифах культурными героями были братья Мауи, младший из которых — любопытный насмешник — часто своими проделками напоминал Трикстера. Эти проделки закончились для него плохо, а одна из них чуть было не погубила мир.

Мауи, как и всякий человек, не мог не задумываться о происхождении мира и его явлений. Но его пытливость иногда была чрезмерной. Он долго допытывался, откуда люди взяли огонь: по молодости он не был еще посвящен в тайну его происхождения — ведь его собственная мать некогда добыла пламя в преисподней у своей прародительницы Махуики.

Люди отмахивались от назойливого мальчишки, который хотел разгадать тайну огня, и уверяли его, что не дадут огню погаснуть, а если это и произойдет — его мать знает, как добыть огонь.

Однажды Мауи дождался, когда вся деревня уснула, и залил водой все очаги. Наутро же хитрец заявил, что голоден, и велел слугам приготовить что-нибудь поесть. Те бросились к очагам и увидели, что огонь погас. Все взрослые собрались в святилище марая, и Мауи услышал, как слуг посылают в преисподнюю. Но слуги боялись идти в нижний мир к его страшной хозяйке. Тогда на этот подвиг вызвался Мауи.

Пришлось матери посылать своего младшего сына в преисподнюю, к его прародительнице. Она велела Мауи быть почтительным и сразу назваться, чтобы хозяйка нижнего мира не погубила выходца с земли.

И правда, когда Мауи спустился в мрачную преисподнюю, он увидел изукрашенный резьбой дом, в котором сидела страшная старуха. Она спросила скрипучим голосом, напоминающим треск горящих головней, какой смертный осмелился явиться к ней. Мауи назвался, и старуха признала младшего внука.

Так и быть, она даст ему огонь, но внук должен быть осторожен с ним. Старуха сорвала с пальца ноготь, тот загорелся ярким пламенем, и этот ноготь она дала внуку.

Но Мауи был не из тех, кот слушает разумные советы. Он бросил ноготь на землю, и пламя погасло, а затем вернулся к бабушке, и та снова дала ему ноготь. Расширившийся герой повторил свою шутку и так возвращался на пламенем восемь раз, пока у старухи не остался последний ноготь.

Тут хозяйка преисподней рассвирепела настолько, что подземный огонь окутал ее жилище. Она бросила свой последний ноготь в Мауи, но, по счастью, этот ноготь, подобный молнии, не долетел до мальчишки, а с грохотом ударился в землю.

Мауи пустился наутек, но пламя устремилось за ним. Хитрецу пришлось вспомнить о своих магических способностях и, превратившись в сокола, взмыть в небеса — но огонь поднимался уже до небес. Он подпалил крылья соколу — с тех пор у соколов подпалины на крыльях. Напрасно Мауи бросился в пруд и попытался скрыться в водах — вода скоро закипела, а вокруг все пылало. Пришлось Мауи позвать к высшим силам: небесные боги увидели, что земля объята пламенем, и послали спасительный дождь. Лишень обрушился и на разбушевавшуюся старуху: та успела только бросить несколько искр деревьям. С тех пор стволы деревьев содержат огонь: если потереть их друг о друга, можно добыть пламя.

Проделка Мауи обернулась в конце концов благом для людей — ведь они научились добывать огонь сами и им не нужно было спускаться для этого в преисподнюю.

Героический Кролик

Кролик у индейцев — совсем не безобидное существо, а культурный герой, героические черты которого в мифах более развиты, чем черты Трикстера (хотя о хитрости Кролика известно всем, кто помнит сказки дядюшки Римуса).

У южноамериканских индейцев чакро кролик — маленький, но хитрый персонаж, перехитривший самого ягуара. В начале времен только ягуар владел огнем: все принесли ему свою добычу, чтобы он мог приготовить ее на огне, и должны были делиться с прожорливым зверем. У ягуара был большой очаг. Кролик же часто пробегал мимо, и стоило ягуару отвернуться, как кролик откладывал в сторону несколько тлеющих угольков.

Однажды хищник заметил, что кролик таскает угли, и предупредил его:

— Не трогай огонь, обжжешься!

Но кролик прикинулся, что ему очень холодно, поднял уголек и унес с собой. Добычу он бросил на лужайку, и вся она запылала пламенем. Ягуар пытался потушить пламя, да куда там...

Так огонь достался людям, ягуар же, наоборот, лишился своего сокровища. Озлобленный зверь решил отобрать огонь у людей и подговорил женщину, чтобы она залила его водой. Но сколько ни старалась женщина, кувшин ее уже опустел, а в очагах еще было много огня. Заговорщики только обжгли себе ноги — с тех пор у ягуара лапы с подпалинами.

Обгоревший неудачник вернулся в свое логово, где его ждала голодная жизнь — ведь люди больше не делились с ним добычей. Но на помощь ему пришел маленький охотник — оцелот. Он показал ягуару, как надо охотиться. Так страшный хищник стал убивать добычу, но должен был есть ее сырой — ведь у него не было огня.

Кролик повторяет здесь подвиг Мауи — освобождает из рук хозяина и таким образом добывает для людей огонь. В Северной Америке кролик — настоящий культурный герой.

В мифе североамериканских виннебаго кролик, как и Грикстер, оказывается Перворожденным. Более того, его рождение чудесно — он родился от девственницы. Девственное зачатие свойственно многим культурным героям: ведь они выступают в мифе как первые люди, у них не может быть отца...

Мать Кролика умерла вскоре после родов, и воспитывала его бабушка, которая, как станет ясно из мифологического рассказа, и была Землей, отданной Творцом под власть Кролика.

Тем временем кролик гулял возле бабушкиного дома, пока не встретил странное двуногое существо, которое, как казалось, едва держалось на ногах. Кролик хотел даже сбить его с ног одним дуновением. Но существо, вместо того чтобы упасть, выстрелило в кролика, и тот побежал к бабушке со стрелой, застрявшей в теле. Бабушка объяснила, что внучек, должно быть, встретил кого-то из своих дядьев, а тот решил поохотиться на племянника, о котором ничего не знал.

Кролик сначала хотел выстрелить из той стрелы, которую вытащил из раны, во встретившуюся дичь, но стрела не слушалась его и не желала лететь. Бабушка объяснила внуку, что для стрельбы нужен лук, и тот принялся приставать к бабушке, чтобы та сделала ему лук и стрелы. Наконец он добыл себе дерева на дровяки и лук и озаботился добыванием перьев. Чтобы получить перья, ему пришлось подняться в орлиное гнездо (вспомним мифы о разорителях гнезд): орел схватил Кролика, чтобы отнести его детям, не зная, что тащит в гнездо мифологического хитреца. Кролик убил птенцов и в оперенье одного из них спустился на землю. Стрелы с орлиными перьями были священным оружием — когда бабушка попыталась прикоснуться к ним, молнии сверкнули в оперенье (женщинам непозволительно прикасаться к оружию, оно для них — табу).

Но главное — нужно было достать кремневые наконечники (индейцы не знали железа). Добыть их можно было у деда Кролика, но перед тем как обратиться к нему с просьбой о наконечниках, следовало бы угостить его табаком. Табак же был у другого деда — к нему и отправила внука бабушка.

Внук знал, что маленькому кролику не добыть табака и, прежде чем явиться к деду, сделался очень большим. Старик испугался и решил отделаться от страшного существа

одной полной трубкой, но тому было мало одной трубки — ведь Кролику нужно было много наконечников. Старик жадничал и предлагал Кролику две, потом три, четыре трубки, пока тот не погнался за дедом, просыпающим повсюду табак, и не убил его. Дед его оказался огромным... кузнечиком. Но нас не должны удивлять тотемические превращения — ведь речь идет о начальных временах, и читатель помнит, как у бушменов кузнечик богомол был культурным героем, создавшим весь мир. Сам Кролик взял немного табака, и так табак распространился по всей земле.

Бабушка, узнав о смерти брата, принялась было браниться, но внучек пригрозил старухе расправой, и та умолкла.

Наступил черед другого деда — Кремня. Кролик опять принял гигантские размеры, и опять дед пытался отделаться от него — подсунуть кремень похуже, из запястья или лодыжки. Внук погнался за жадным стариком, и на бегу тот повсюду рассыпал кремень — наконечники для стрел (виннебаго рассказывали даже, что не делают сами наконечников, а достают их из земли). Но Кролик убил беглеца и выбрал лучшие наконечники — голубого и белого цвета. И опять бабушка принялась ругать внука, но испугалась его угроз. Сделанные же им стрелы сверкали как молнии.

Наконец герой вышел на охоту. Он тут же подстрелил лося и велел ему упасть у деревни, где жил злой дух — вождь по прозванию Острый Локоть. Охотник отправился по следу добычи и у крайнего дома, где жила старуха с внуком, узнал, что Острый Локоть уже забрал себе лося. Тогда он попросил старуху отправить своего внука к вождю, чтобы тот потребовал назад хотя бы стрелу. Как ни боялась старуха вождя, внук все же пошел. Острый Локоть тут же распорол своим локтем ему живот и велел слугам подвесить его просушиться, чтобы потом приготовить из него еду, — ведь он был злым духом — людоедом.

Пришлось Кролику идти на выручку друга. Он попросил у старухи точильный камень и явился с ним к Острому Локтю. Тот хотел было расправиться с Кроликом, но герой переломал его локти, а потом и ноги о точильный камень. Настал черед расправиться с потомством людоеда — все его беременные жены и дети были сожжены.

После этого подвига Кролик решил навестить третьего своего деда. Им был медведь. Внук принес ему целый мешок желудей и предложил угоститься. Дед вышел из берлоги, съел гостинец, но внуку сказал, что нашел только половин-

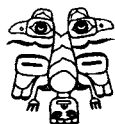
ку желудка. Затем зверь стал похваляться перед удивленным внуком, что ничего не боится. Кролик стал испытывать его храбрость и выяснил, наконец, что дед боится его стрелы — она может поразить его под мышку. Этой стрелой охотник и поразил зверя.

Опять пришлось бабушке сетовать из-за смерти брата. Но и тут она успокоилась — ведь теперь у них было вдоволь мяса и сала. Они разделали тушу, но еду стали готовить отдельно — ведь внук уже вырос и не мог больше жить с бабушкой.

Рассказ о первой охоте на медведя — один из повсеместно распространенных тотемических мифов. Медведь повсюду, где он водится, считается родственником человека, который сам дает себя убить, — и здесь зверь рассказывает, как его следует поразить стрелой.

Герой же отправился навещать других своих родственников. Для этого ему надо было переправиться через реку. Тогда Кролик позвал краба, снял с него панцирь и в получившейся лодке достиг жилища своих дядьев. Родственники были странными — у них были одни головы, но не было тел. Тем не менее они приготовили Кролику еду и дали нож, чтобы он мог отрезать пищу. Не обученный застольным манерам Кролик порезал себе нос — с тех пор он у него такой формы, а у индейцев есть поговорка — «порезать себе нос» — то есть отправиться в гости.

Но это была не самая большая опасность. Когда Кролик отправился в другой дом, родственники сами решили полакомиться племянником — ведь они были злые духи. Но на то он и Кролик, чтобы находить лаз из жилища. Племяннику удалось убежать от прожорливых дядей, а когда те бросились за ним и попытались перебраться через ручей, то, естественно, упали в воду и утонули — ведь у них не было рук и ног. Кролик выловил головы и сжег их, а пепел выбросил в воду — там они должны были превратиться в рыб, которые могли только покусывать людей за лодыжки. Расправился герой и с еще одним вредоносным существом, очередным своим дедом — гигантским муравьем: после поражения этот гигант стал обычным насекомым.

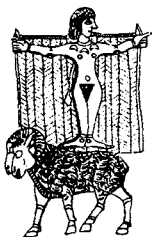
Но не всегда Кролик был удачлив в своих предприятиях. Однажды он обнаружил отличную дорогу и решил поймать того, кто в состоянии такие дороги делать. Он принялся делать силки, но сети из веревок и даже сухожилий неизменно оказывались порванными неведомым богатырем. Наконец он сплел силки из волос своей бабушки и наутро услышал песню. Некто призывал Кролика развязать его, иначе плохо будет всем людям — всему живому. Бабушка, в отличие от внука, уже догадалась, кто попался в силки, и даже прибила своего внука за глупость кочергой.

Крича от боли, Кролик побежал к силкам и увидел в них что-то сияющее. Он хотел развязать сеть, но не мог к ней приблизиться из-за жара. Пришлось ему бежать за ножом и, повернувшись задом, освободить пленника. Но зад его остался подпаленным — ведь в силки своей бабушки-Земли он поймал само Солнце! Кто еще мог проложить лучшую дорогу во Вселенной!

Другой раз он едва не стал жертвой собственного любопытства. Он увидел некое огромное существо, на котором сидели люди, кричащие от ужаса. Кролику захотелось прокатиться на нем, как его ни отговаривали сидящие. Тут существо и проглотило кролика. Если бы не бабушка, пришедшая за внуком, сидеть бы ему в желудке чудовища. Но мать-Земля заставила чудовище отрыгнуть внука. Теперь уж он знал, что делать.

Прихватив с собой острых кремней, он вновь явился к прожорливой твари и дал себя проглотить вместе с другими несчастными. Оказавшись внутри, он принялся резать внутренности монстра, пока не разрезал его сердце. Потом герой проделал отверстие в боку чудовища и вывел всех проглоченных на свободу.

Читатели Библии знают, что пророк Иона был проглочен морским чудовищем Левиафаном и извергнут им по велению самого Господа. Североамериканский Кролик больше напоминает здесь другого культурного героя — карело-финского Вяйнямёйнена. Вяйнямёйнен проникает в утробу великана Випунена (или тот проглатывает героя), чтобы набраться у него мудрости. Он строит там кузницу, выковывает шест, которым ранит

внутренности великана, распирает его пасть или делает прямо в утробе великана первую лодку и три дня плавает по его «жилам». Испытывающий муки великан вынужден поделиться своими знаниями с Вяйнямёйненом. Вяйнямёйнен выбирается из утробы, исполненный мудрости Випунена.

Кролик не только доставлял неприятности своим родственникам, но иногда был и их благодетелем. Он вернул своему деду скальп, который его враги увезли за море. В благодарность тот оставил его в своем доме, дал власть над всеми вещами, заповедав не прикасаться к женщине, живущей за перегородкой, — она имеет силу отдать ему во власть любую красавицу. Сам же старик отправился на небо.

И правда, все вещи подчинялись его желаниям. Но Кролик не был бы трикстером, если бы не попробовал запретного: он добился любви той женщины, к которой не смел приближаться, — ведь она была могущественным духом воды. Вступив с ней в связь, Кролик потерял способность властвовать над всеми вещами. Потеряв эту способность, он явился к бабушке жаловаться и опять получил от нее кочергой. Ведь если бы это любвеобильное создание не нарушило запрета, все вещи сами подчинялись бы людям и они жили бы в золотом веке...

Тем не менее культурный герой все же облагодетельствовал человечество — своих дядьев и теток. Ведь он убил и прогнал в преисподнюю всех злых духов, злых птиц прогнал на небо и очистил землю для жизни людей. Оставалось теперь договориться с полезными животными о том, как они будут служить человеку. Он уже приготовил масло, чтобы дать его тем животным, которыми будут питаться люди. Но среди них оказались строптивцы.

Первым о том, чем бы он хотел питаться, Кролик спросил Лося. И тот ответил, что хотел бы есть людей. Кролик велел показать Лосю зубы, и те действительно оказались страшными зубами людоеда. Тогда Кролик дал Лосю некий плод, сказав, что это и есть кровь людей. Зверь начал было есть, но тут же переломал все зубы. Наказанный Лось заплакал и разрешил людям охотиться на него.

Следующим был Медведь. Он сразу разрешил людям убивать его, только перед этим они должны поститься, ина-

че он закроев берлогу лапой. Наконец Конь сразу согласился подчиняться людям и работать на них.

Все устроив, Кролик сказал, что теперь люди могут жить в довольстве и не умирать. Но мудрая бабушка отговорила его. Все должно иметь конец — даже деревья падают и умирают. Если бы люди жили вечно, они заполнили бы всю землю, стали бы голодать и терпеть страдания...

Кролику было жаль людей — ведь они были его дядьями и тетками (отца у него не было). Но делать было нечего — сама мать-Земля лишила людей бессмертия.

Настоящим устроителем мира после потопа был Великий Кролик (Заяц) Манабуш (Манабозо) в мифах алгонкинов, хотя и он сохранял способности трикстера. Когда Манабуш охотился со своим братом волком, тот был проглочен обитавшей в глубинной воде змеей. Манабуш обратился в пень и убил выползшую на солнце змею. Тогда змеи вызвали потоп, но Манабуш спасся на вершине дерева, которое росло по мере прибывания вод. Затем Манабуш добывает землю, посылая нырнуть за ней различных животных. Это удается мускусной крысе: она приносит кусочек ила, из которого Манабуш творит землю. Обустроивая мир, Манабуш борется с чудовищами. Проглоченный страшной змеей (или гигантским лососем), он убивает ее и выводит из ее чрева проглоченных ранее животных, своих братьев — медведя, оленя, ворона и прочих. Затем он добывает огонь, водворяет солнце на небо, восстанавливает землю после потопа, создает людей из скелетов животных (в другом варианте мифа женится на мускусной крысе и от этого брака происходит человеческий род) и утверждает правила жизни.

Согласно эпическим сказаниям алгонкиноводелаваров «Валламолум», вначале землю скрывали воды, над которыми клубились туманы; в них пребывал вечный и незримый Великий Дух (Ма-

пито). Он сотворил землю, небеса, солнце, луну, звезды и привел их в движение. По его замыслу задул ветер и воды спали, возник Белый остров. Великий Дух сотворил бессмертных духов, первую человеческую пару — юношу, «деда всех людей», и «первую мать», даровал людям рыб, черепах, зверей и птиц. Но Злой Дух сотворил злые существа — огромных рыб, оводов, moskitov. Поначалу в мире царил согласие и люди беззаботно бродили в поисках первой пищи — ягод. Но Великий Змей принес беды, среди людей начались распри. Великий Змей задумал истребить человеческий род и наслал потоп. От потопа людей спас культурный герой предок индейцев — «дед людей» Нанабуш, «славный заяц». Он жил на Черепашьем острове — символе земли, куда устремились по нарастающей воде люди. Благодаря магическим действиям Нанабуша земля — Черепаха — стала увеличиваться в размерах. Так люди спаслись на спине Черепахи.

У индейцев оджибве Манабуш сделал человека из глины, велел повернуться лицом к востоку и ждать его возвращения. На следующее утро оказалось, что человек исчез. Так же исчезли второй человек и женщина, вылепленные Манабушем: их уносил злой дух. Тогда Манабуш создал четырех могущественных птиц, которые, сидя на четырех концах земли, охраняли вновь сделанных людей от злого духа. Эти охранители концов земли известны многим космогоническим мифам — мы еще расскажем об индийских богах локапалах.

Ворон-творец

Трикстер — странное существо, даже человеческие свойства которого необычны, воистину его левая рука не знает, что делает правая. Своим ви-

дом и поступками он объединяет и одновременно разделяет мир культуры и мир природы. Его самоуверенность, обжорство и похоть призваны вызывать отвращение и смех. Трикстер способен совершать подвиги даже тогда, когда он имеет самый негероический вид — оказывается кроликом или койотом.

Но чаще всего роль трикстера-творца у народов Северного полушария выполняет ворон. Изворотливый ум и всеядность этой птицы известны всем мифологическим традициям: ворон может быть и хищником, и довольствоваться падалью, поэтому считается нечистой птицей. В Библии его относят к гадам, он оказывается сродни пресмыкающимся, хотя имеет крылья и способен подниматься в небеса. В одном из библейских мифов рассказывается, что после всемирного потопа Ной сначала выпустил из ковчега ворона на поиски свободной земли, но тот не вернулся в ковчег, ибо предпочел досыта наесться падалью. Лишь выпущенный вслед голубь принес в ковчег оливковую ветвь — свидетельство возрождающейся после потопа плодородной силы земли. Ворон же в наказание почернел — в ковчеге он был еще белым... У народов Севера потоп не был катастрофой, которая уничтожила восставших в своей гордыне против Бога исполинов: с потопа — разлива мировых вод — начиналась мифологическая история земли.

Как ворон измерял землю

У северного народа манси, живущего в низовьях Оби, рассказывали, что некогда весь мир был с болотную кочку, вокруг же простирались бесконечные воды. Всего то небольшая юрта и помещалась на островке, а жили в ней старик и старуха, да с ними белая птица — ворон.

В мире же было беспокойно — ветер во все стороны раздувал землю, и она разрасталась, так что из юрты уже не видно было ее края.

Вот и решил старик отправить свою белую птицу посмотреть, намного ли выросла земля. Целый день отсутствовал ворон, облетая землю, — можно было успеть сварить целый котел рыбы...

И снова старик отправил птицу, и ворона не было уже три дня — так выросла земля. На третий раз ворон не вернулся, когда миновала зима, напрасно прождали его и следующую зиму. Старик уж подумал, что птица погибла, но ворон вернулся. Правда, стал он черным.

— Где ты летал так долго? — спросил старик.

— Я летал три зимы и три лета и едва облетел всю землю, — отвечал ворон.

— Почему же ты стал черным?

— Я увидел умершего человека и съел его, — признался ворон.

— Уходи прочь, — сказал тогда старик. — Если ты съел человека, то не сможешь больше сам охотиться, убивать зверей и ловить рыбу. Питаться будешь лишь тем, что останется от добычи человека.

Ворон улетел, и с тех пор он так и живет.

О том, как ворон стал черным, рассказывали и австралийцы, которые считали его громовой птицей. Но самым популярным героем мифов и сказок ворон был у чукчей, эскимосов и индейцев Северной Америки. Предполагают, что вороны мифы были известны людям еще в древнем каменном веке, когда они только подошли к Чукотке и Камчатке и стали заселять Америку. Ворон — почитаемая птица, ее нельзя убивать. Он и вправду, как сказано в мифе манси, живет у человеческого жилья и не пропускает случая воспользоваться тем, что оставляет от своей добычи человек. Более того, эскимосы, кормящие собак, всегда отдавали кусок сидящему рядом ворону. В мифах же ворон оказывается творцом — устраивает землю, оберегает ее от бедствий.

Как Ворон устроил землю

Американские эскимосы рассказывают, как Ворон со-
здал остров Нунивак возле Аляски. Сначала он подобрал
ком земли и укрепил его на столбах над морем. Но на такой
земле неудобно было жить, и Ворон сломал подпорки. Зем-
ля стала плавать в воде и зимой столкнулась с куском
льда — так и возник остров Нунивак. Тогда Ворон воздвиг
на острове гору, призвал на помощь южный ветер и изрезал
береговую линию бухтами. Вскоре Ворону понадобился по-
мощник, он привел на остров пушного зверя — Норку.

То был первый Норка — зверь огромных размеров.
Норка тоже построил на острове гору, да не простую, а та-
кую, чтобы, катаясь с нее, старики снова становились моло-
дыми. Но мудрый Ворон остановил Норку в его благих наме-
рениях: ведь людей станет слишком много, если они не бу-
дут умирать, и им все равно не хватит пищи.

Однако у помощника Ворона не убавилось энтузиазма:
он предложил весь снег на острове превратить в сало. И здесь
Ворону пришлось спорить с Норкой: если еда станет такой
обильной, богатеть и жиреть будут не только хорошие, но и
плохие охотники, а это — несправедливо. Наконец Ворон ус-
тал спорить с помощником и ударил его так, что гигантский
зверь разбился на тысячи маленьких пушных зверьков. Тогда
люди смогли добывать норку и шить себе теплую одежду.

Ворон и сам был гигантской птицей в эти времена пер-
вотворения и, конечно, был, как и в последующие времена,
необычайно прожорлив. Чтобы устроить людей, он сделал
себе брови из кустарников и бороду из травы, сам же поле-
тел на реку Юкон на Аляску и стал требовать себе в пищу
человеческих первенцев. Однако люди оказались храбреца-
ми и отказали этому юконскому Ироду. Тогда Ворон решил
заняться более полезным делом. У истоков Юкона он сле-
пил из снега двух птиц, самца и самку, клювы им сделал из
кончика своего клюва, а на оперение пожаловал целых че-
тыре своих пера. Этим своим искусственным помощникам
он велел носить на Нунивак рыб, зверей и норок. Люди же
так и не догадывались, кто посылает им добычу. Но Ворон
(как мы уже знаем из его споров с Норкой) вовсе не желал,
чтобы на его острове был райский уголок, поэтому вместе с
охотничьей добычей он послал на Нунивак ветры и болезни.

Несмотря на свои сверхъестественные способности,
Ворон не смог нормально устроить собственную жизнь.

Он женился на женщине — гигантском Крабе, но его жена не могла жить без воды и погибла. Ворон похоронил жену вдали от селения людей: там с тех пор и стали хоронить всех умерших.

В мифе индейцев Аляски, атапасков, Ворон создает всю Аляску. Но делает он это не из любви к творению, а опять-таки из-за неудачной женитьбы. Рассказывают, что Ворон женился на перелетной птице — гусыне или утке. Но вот жена со своим народом собралась лететь зимой на юг, и Ворон тоже решил отправиться с ними. Птицы предупреждали, что путь будет нелегок, но все равно Ворон пустился в дорогу. Поначалу он еще мог лететь сам, но вскоре устал, и его свойственники понесли Ворона на своих крыльях (вспомним русскую сказку о лягушке-путешественнице). Наконец все изнемогли, и Ворону ничего не оставалось, как создать землю, чтобы сесть и передохнуть. Так возникла Аляска, Ворон же отказался от жизни перелетной птицы.

Исследователи мифов и языков народов азиатского Северо-Востока и индейцев Северной Америки давно обратили внимание на близость их культур, в том числе мифов о Вороне. Америка была заселена из Азии еще в древнем каменном веке, более десяти тысяч лет назад, и по одной из гипотез миф о сотворении Аляски отражает как раз процесс этого заселения...

Йель — Великий ворон тлинкитов

У индейцев тлинкитов и других племен Тихоокеанского побережья Ворон Йель оказывается извечно существующим творцом. Правда, самые ранние мифы о нем записаны русским миссионером XIX в. И. Вениаминовым, который даже имя

индейского ворона сближал с наименованием библейского Бога — Эль.

Племена тлинкитов делятся на две фратрии — ворона Йеля и волка Канука. Рассказывают, что Йель и Канук однажды встретились и принялись спорить, кто из них старше. Канук заявил, что он жил с тех пор, как существует земля — «большая печенка», ворон же утверждал, что жил до сотворения мира. Тогда Канук, притворяясь, что хочет почтить ворона, снял свой головной убор — и тут хлынул дождь и все скрылось в тумане. Это были первые дождь и туман, и говорят, что ворон, пораженный чудом, признал старшинство Канука.

Мы уже знаем о соперничестве прародителей фратрий: очевидно, что миф о споре двух культурных героев рассказывали представители фратрии волка. Но в большинстве мифов все творение приписывается Йелю.

В мифе, записанным И. Вениаминовым, говорится, что Йель создал землю и человека, а также растения. Он достал в ином мире Солнце, Луну и звезды. Он любит людей, но часто гневается на них и тогда посылает болезни и несчастья. Обитает он на востоке, в верховьях реки Насс: восточный ветер приносит людям вести от Великого Ворона. У Йеля есть сын, который более благосклонен к людям и защищает их от гнева отца. Он же дает людям пищу и рыбу.

Позднее фольклористы записали менее благочестивый миф. Он начинается с потопа. Отец Ворона смог спастись от стихии и попал на небо вместе с сыном, но сын — Йель свалился с небес (как часто бывает с трикстером-неудачником). Правда, он упал на плавающие в океане водоросли, где его обнаружил вождь обитавших там существ и даже усыновил пришельца с небес. Тогда Йель занялся творением и создал людей из раковины моллюска. Рассказывают, что Йель создал одних только мужчин, а женщин ему пришлось добывать на далеком острове. Люди мерзли без огня, и Ворон смог похитить огонь у вождя-солнца. Потом он создал для них лесную дичь и морскую рыбу, сотворил собаку — помощника человека и раскрасил оперенье птиц в разные цвета.

Йель добыл для людей пресную воду, и здесь ему опять пришлось столкнуться с Кануком. Канук хранил воду в колыбели на острове и не делился ей ни с кем. Йель явился к сопернику и принялся рассказывать ему разные истории, пока не усыпил его. Сам Ворон испачкал свою постель, в чем и обвинил заснувшего хозяина (недаром он был трикстером). Кануку некуда было деваться — чтобы успокоить якобы оскорбленного гостя, он вынужден был уступить ему часть пресной воды. На радостях Йель рванулся из жилища Канука прямо через дымовое отверстие и от этого весь почернел. Зато, вернувшись домой, он выплюнул воду — так возникли озера и реки.

В те времена первотворения приливы и отливы происходили очень редко. Они подчинялись тому же Кануку или старухе, которая жила в скале или на острове посреди торфяного болота. Люди страдали от редкости отливов — ведь из-за этого они не могли собирать съедобных моллюсков. Йель притворился, что собирает яйца морских ежей, и так проник в жилище хозяйки прибоев. Тут-то он принялся колоть хозяйку иглами морских ежей, пока та не устроила так, что отливы стали регулярны.

Он научил людей устраивать праздники, совершать погребальные и шаманские обряды, сделал первую лодку, снасти для рыбной ловли.

Ревнивый старец и герой-любовник: подвиги юного Ворона

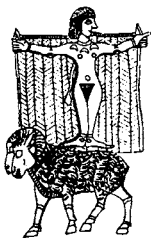
В главном мифе индейцев-тлинкитов рассказывается о том, как в начале времен, когда земля еще не была устроена, в своем жилище у истоков реки Насс жил старый Ворон — вождь. Собственно, его жилище и было тогда Вселенной, устроенным космосом, и сам старый Ворон был также воплощением луны и хозяином воды — от него зависели приливы и отливы.

Старый Ворон жил со своим семейством, состоявшим из сестры, жены и двух слуг — хитроумных птичек. Но жизнь эта была далека от идиллии. Сестра Ворона, не имевшая мужа, постоянно искала себе спутника на стороне, вне дома. Это очень беспокоило старика: ведь появившиеся в доме племянники стали бы преследовать его собственную жену. Поэтому он убивал несчастных детей, которых при-

носила в дом сестра. Когда же ему самому приходилось отлучаться, он прятал свою жену в ящик, который подвешивал под потолком. Стоило только его жене взглянуть на постороннего мужчину, как слуги-птички, что прятались у нее под мышками, летели к старику доносить о случившемся.

Но однажды несчастная сестра старого ревнивца после гибели очередного сына отправилась на побережье, где встретила некоего вождя или тотема в облике касатки. Мудрый Касатка и посоветовал сестре Ворона прибегнуть к чудесному девственному зачатию, чтобы сохранить жизнь потомку. Та проглотила камешек и родила неуязвимого Йеля.

Как и в христианском мифе о непорочном зачатии, новорожденный «формально» считался сыном доброго покровителя, подобного новозаветному Иосифу, мудрого советчика Касатки (тем более что касатка относилась к фратрии Канука — фратрии «женихов»), но в действительности был родичем верховного существа — Ворона.

Йель стал жить на побережье, и матери пришлось сделать для него лук и стрелы, чтобы тот смог прокормиться. Подобно пушкинскому царевичу Гвидону юный ворон совершает свой первый подвиг — подстреливает птиц. Одна из них — остроклювая небесная птица, другая — водоплавающая утка. Добыча дала возможность герою и его матери перевоплощаться и передвигаться в разных стихиях: Йель, одеваясь в шкуру небесной птицы, приобрел способность летать, мать же его могла плавать в облике водоплавающей птицы.

Теперь Йель смог отомстить ревнивому дядьке: он проник к нему в дом и соблазнил его жену. Конечно, верные птички сообщили старому Ворону о несчастье, но тот не мог просто расправиться с племянником. Пришлось ему задавать племяннику трудные задачи, чтобы погубить соперника.

Сначала старый Ворон велел Йелю свалить дерево, сердцевиной которого был острый камень — обсидиан. Но Йель сам был из камня и справился с задачей. Тогда старик велел ему расщепить ствол, чтобы из него можно было сделать лодку-долбленку. Когда Йель выполнил задачу, расщепив ствол до сердцевины, коварный Ворон заставил дерево закрыться, но и тут Йель смог освободиться. Наконец Во-

рон отправился с племянником на рыбную ловлю и хотел столкнуть его за борт, но Йель опять остался невредим — зато он научился делать лодку и ловить рыбу!

Старику ничего не оставалось, как погубить весь мир, которым он уже не мог распоряжаться. Мы помним, что этим миром было его жилище, и в нем Ворон устроил потоп. Но потоп был не страшен ни Йелю, ни его матери: в облике небесной птицы он взлетает под небосвод, который был потопком в жилище старого вождя, и острым клювом втыкается в небеса. Тем временем мать Йеля оборачивается водоплавающей птицей и плавает в разбушевавшихся волнах. В конце концов вода стала спадать и комок водорослей появился на поверхности. Из этого комка и появляется настоящая земля. Ее принимается обустраивать Йель, совершая свои деяния культурного героя.

Читателю уже знакомы многие мотивы пересказанного тлинкитского мифа — они известны и в других мифологиях. Но более всего история с рождением Йеля напоминает знаменитый греческий миф о Кроносе, который глотал своих детей, ибо боялся, что они лишат его власти. Его опасения оправдались после того, как его сестра и супруга Рея спасла новорожденного Зевса, дав проглотить Кроносу запеленатый камень.

Как ворон прекратил потоп

Небольшой оленеводческий народ коряки, живущий на Камчатке, по-другому рассказывает о вороне и потопе.

В начале времен, давным-давно, зарядил такой дождь, что стал заливать всю землю. Тогда старый ворон Куйкынику (чье имя и означает «Большой Ворон») сказал своим сыновьям, чтобы они наловили оленей, пасущихся возле жилищ. Оленей — самое большое богатство оленеводов — он загнал в большую ладью и лишь потом стал созывать всех зверей. Все поспешили в ковчег — даже мыши. Из него старик и составил упряжку и впряг мышей в ковчег.

Начало мифа напоминает библейскую легенду о Ноевом ковчеге. Но ворон проявляет здесь завидную мудрость — большую, чем Ной в одном из апокрифических — не вошедших в каноническую Библию — мифов. В этом мифе в ковчег к Ною также проникла мышь, но ее образ принял сам Сатана. Дьявол собрался уже было прогрызть дыру в ковчеге, но лев успел вычихнуть из своих ноздрей кота, и тот сожрал дьявола.

Куйкынняку же запасся другим средством, чтобы расправиться с врагами, — он набрал с собой мухоморов. Мухоморы у народов Севера заменяли алкогольные напитки, и скоро зелье пригодилось ворону.

Мыши дотащили ладью до моря, и ворон отправился в плавание со своим экипажем, а дождь все не прекращался. Наконец они доплыли до острова, где увидели поселок и женщину на берегу. Она расчесывала свои волосы и не оставляла это занятие, даже приглашая старика остаться у нее. Ворон сразу догадался, почему идет дождь: ведь женщина, расчесывающая волосы, — дух воды, а сами волосы напоминают дождевые струи.

Ворон остался в гостях и принялся угощать хозяйку мухоморами. Та поела и совершенно опьянела. Ворон же стал срезать у нее волосы (это напоминает уже библейский миф о Самсоне), а потом снял с нее одежды, оставив голой. Одежды злобной повелительницы дождя Куйкынняку закопал и для полного торжества срезал у пьянчужки даже брови и ресницы.

Потом ворон отправил одну из мышек домой — посмотреть, не прояснилось ли. Та переплыла море и вскоре вернулась — на земле действительно стало ясно. Куйкынняку оставил злополучную хозяйку дрожать от холода, а сам вернулся домой, обнаружив свою природу трикстера.

Но Ворон и сам может творить погоду — ведь он оказывается первым шаманом, сотворившим шаманский бубен. Он создал ветер, ударяя по медвежьей шкуре, а в другом мифе выдал своих дочерей за мужей-ветров.

Один из первых русских этнографов С.П. Крашенников еще в XVIII в. писал, что камчадалы считают главным божеством ворона Кутха. Он сотворил небо и светила, а землю спустил с небес или создал из собственного первородного сына. Рассказывают, что Кутх сошел со своей женой в воды мирового океана, и та родила там гигантского ребенка. Новорожденный всплыл головой на Запад, а ногами на Восток, а родители встали ему на ноги и шею, чтобы сотворить землю.

Сотворив землю, Кутх стал жить на Камчатке, где родил еще сына и дочь. От их брака и пошел человеческий род. Правда, и дети, и родители должны были ходить в одеждах из березовых листьев да и питаться вынуждены были березовой корой, ибо еще не сотворены были животные, а рыбу ловить Ворон и его семейство не умели. Зато у Кутха были лыжи, и он отправился на них неведомо куда — только горы и долины (долины рек) остались от его гигантской лыжни.

Уже сын Кутха изобрел рыболовные сети из крапивы, создал морских и наземных животных, а из их шкур стал шить одежды.

Ворон — помощник Творца

В чукотском мифе рассказывается, что в первоначальные времена повсюду было темно. На полуденной стороне земли сидел Творец и думал, как бы сделать свет. Он создал Ворона из обрывка шубы, забытой кем-то на стойбище, и велел ему продолбить дыру в земле — «Пойди, продолби зарю!» Из сделанного Вороном отверстия и брызнул свет. В других мифах сам Ворон нуждался в помощниках с более тонкими, чем у него, инструментами: для этого он подтачивает клювы куропатке и зимушке, чтобы они стали тоньше и короче. Творец посылает Ворона и сову сквозь сделанное в небе отверстие проведать

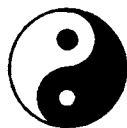

землю, и оказывается, что там уже живут люди. Творец или сам Ворон учат их есть мясо, пить, говорить (или каркать по-вороньи, из чего следует, что Ворон — тотем первых людей), шить одежду и плодить детей.

Но в других мифах людей приходится делать самому Творцу. По совету Ворона Творец создает человека, но делает его огромным, со страшными клыками. Этот монстр был в состоянии догнать любого зверя, разорвать его клыками и сожрать сырым — ведь он не знал огня. Но Творец испугался, что человек уничтожит все живое, и по совету Ворона снял у него шерсть с тела, уменьшил быстроту движений, укоротил зубы, зато дал человеку оленей и собак. И уж совсем тотемическим является миф о том, как Творец и Ворон встретили однажды полуоленья-получеловека. Пришлось им проводить операцию разделения этого чудовища, зато так сразу возникли и люди, и олени, и можно было научить людей пасти оленьи стада.

Есть мифы, согласно которым сам Ворон творит первую пару людей — мужчину и женщину. Они сидят во тьме и дрожат от холода. И тогда Ворон отправляется на поиски солнца-огня. Далеко на Востоке в чуме злых духов кэлэ, укравших солнце, шла игра в мяч. В этом мяче и было зашито солнце. Прodelав отверстие, чтобы проникнуть в землю злых духов, Ворон превратился в хвоинку и упал в воду. Девушка, жившая в чуме духов, выпила эту воду, и от нее Ворон родился в облике чудесного младенца. Младенец растет не по дням, а по часам и просит у своего «деда» — прародителя злых духов — игрушку. Дедушка, конечно, не может отказать «внуку» и дает ему поиграть мячом. «Внук» же немедленно подбрасывает мяч через дымовое отверстие высоко в небо. Там птицы пытаются разорвать мяч, но это оказывается под силу только самому Ворону с его мощным клювом. Солнце вырывается на небосвод, оболочка мяча становится месяцем, искры же становятся звездами. Но сам Ворон при этом опалил свои белые как снег перья и стал черным.

Рассказывают также, что не Ворон превратился в младенца, чтобы выпросить мяч-солнце: он отнял мячик у маленькой девочки, дочери духов, и сделал из него солнце. Мать несчастного ребенка настолько рассердилась, что сбросила девочку с высокого утеса в море, и у той выросли моржовые клыки — так появилась хозяйка морских животных, в других мифах известная как Седна.

В одном из мифов целому семейству Большого Ворона пришлось бороться с себе подобным злоумышленником — неким человеком-вороном, который проглотил солнце. Тогда дочь Большого Ворона принялась щекотать чудовище, и злодей, рассмеявшись, выплюнул солнце.

Хотя в чукотских мифах творения Ворон часто действует по поручению творца, но практически именно он совершает деяния демиурга: создает рельеф местности, животных, причем необходимых человеку — собак, оленей, китов, тюленей, птиц да и самого человека, обучает его охоте, морской и сухопутной, разным ремеслам и промыслам. Материалы, которыми пользуется Ворон для творения, не всегда аппетитны — не даром в большинстве традиций он считается нечистой птицей. Так, в одном из мифов земля и горы образовались из кала ворона, который летел над океаном, а реки и озера — из его мочи. В других мифах горы создаются более благопристойно — из камней, а русла рек Ворон прочерчивает своим крылом.

Решив однажды, что он достаточно облагодетельствовал людей, Ворон собрался стать невидимым и напоминать о себе только пугающими раскатами голоса — так он стал Громовой птицей.

Строптивая дочь Ворона

В мифе коряков у Ворона была дочь Йинианавыт — так называли одну из звезд созвездия Плеяд. Дочери не сиделось спокойно — ночью она бегала на лыжах по тундре и нарушала размеренную жизнь небесных людей, луны и прочих звезд. В наказание Куйкыннюку оставил дочь одну летом в тундре, да вдобавок отрезал ей ногу, чтобы она не могла двигаться. Но дочь не уступала в находчивости своему отцу: она приделала гусиное крыло как протез и взлетела на небо.

Жизнь на небе стала складываться для нее счастливо — ведь на ней женился облачный человек. Но Йинианавыт не забыла обиды, которую претерпела на земле. Она

стала собирать в звериную шкуру всех земных животных и растения и не пускать их на землю. Там начался голод. Лишь после примирения с отцом и укрепления родственных связей с небесными людьми (сын Ворона женится на облачной женщине) животные и растения возвратились на землю.

Семья Ворона воплощала все разнообразие космологических и тотемических связей в представлениях первобытного коллектива: жена ворона была дочерью Высшего существа или Рассвета, по другим мифам — женой хозяина моря, которую отнял Ворон, или женщиной-белым китом. Жена-белый кит способствует удаче в китовом промысле. Их дети вступают в брак с существами иных видов, которые воплощают разные природные силы и плодородие — с женщиной-травой, женщиной-черемшой, улиткой, раковиной, лисой, волчицей, горностаем, рекой, луной, зарей, облаком, хозяйкой погоды и т.д.; среди мужей оказываются мороз, рассвет, водоросль, рыба, краб, гусь, утка, чайка, собака, солнце, облачный человек, северный и южный ветры. Ветры уравнивают друг друга, создавая устойчивую погоду, а скандалы в семье Ворона грозят несчастьем всему живому: когда северный ветер покинул свою жену, началась буря, и пришлось упрашивать зятя вернуться обратно. Жена-раковина, которую муж обзывает безродной, приводит в дом своих родичей — морских животных. Даже море выбрасывает при этом на сушу котлы и блюда, так что семья Ворона получает пищу в избытке. Кроме того, дети Ворона отказываются от кровосмешения — браков внутри своей семьи, то есть устанавливают социальный порядок.

Но сам Ворон остается трикстером — он даже меняет пол, чтобы выйти замуж за богатого оленевода...

Ворон-охотник, пророк Иона и Красная Шапочка

МИФЫ
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Мы уже вспоминали, как индейский Кролик — трикстер — попал в желудок некоего чудовища. Сходный миф рассказывают о Вороне, но тот не просто стал жертвой собственного любопытства.

Однажды Ворон принялся охотиться на разных морских зверей. Звери шли к нему сами — ведь Кутх был великим шаманом. Но Ворон все отпускал добычу — она казалась ему слишком малой — пока из моря не приплыл сам кит. Тогда Ворон бросился к нему прямо в пасть — вот где он мог вдоволь наесться жира! Конечно, он поедает внутренности кита и выбирается живым из опасной проделки.

В другом мифе Ворон ведет себя еще изощреннее и охотится на самого... Волка. Впрочем, Волк, как всегда, сам виноват в приключившемся с ним несчастье.

Ворон занимался невинным занятием — катался на санках с горы. Это было богатырское катание — Ворон катился до самого моря и даже по льду перекатывался через океан. Тут и явился Волк, который и принялся просить своего двоюродного братца (ведь все звери в первобытном мире представлялись родственниками) дать покататься и ему. Как ни уверял Ворон Волка, что тот сломает санки, Волк отобрал их, трижды скатился с горы и, конечно, сломал столь ценную для жителей Севера вещь.

Расстроенный Ворон отправился домой, Волк же двинулся следом. Тут-то жадный зверь и стал жертвой трюка, который проделал Ворон — ведь он был и шаманом, и трикстером.

Волк увидел на дороге валяющиеся ноги Ворона. Для виду зверь даже пожалел братца — какой смертью погиб бедолага? Но жадность была сильнее родственных чувств, и Волк сожрал ноги Ворона.

Идет он дальше и видит, что валяются уже руки-крылья... Они отправились в ту же жадную пасть. Потом волк

обнаружил и все тело, съел и его, но тут Ворон, собравшись из частей, закашлял в животе прожорливой твари, да еще спросил, куда они направляются.

— К твоему жилищу, — честно ответил Волк.

Ворон принялся задавать и другие вопросы.

— Что это? — спросил он, подобравшись к внутренностям Волка.

— Почки, — отвечал Волк, уже чувствуя вороний клюв.

— А это?

— Легкие, — отвечал несчастный. Волку пришлось перечислять все свои органы, пока Ворон продолжал изучать анатомию. Когда Ворон добрался до сердца, волку и вовсе стало худо, но он продолжал брести к жилищу Ворона.

Так Ворон, лишившийся санок, доехал до дома на своем недруге. Уже возле жилья хитрец вцепился когтями в сердце волка, и тот упал замертво. Тогда жена Ворона разрезала брюхо зверя, и Куйкыннюку выбрался наружу.

Но на этом приключения не закончились — ведь у Волка был младший брат Таятхыт. Он заподозрил неладное и отправился по следам старшего брата. Те привели его к жилищу Ворона.

Конечно, хитрый Куйкыннюку ждал мстителя и пригласил его, как ни в чем не бывало, в жилье, да еще велел жене угостить гостя. Та выставила блюдо с головой зверя, и Таятхыт узнал старшего брата. Естественно, он не стал есть предложенное угощение, а после того, как ему предложили то же блюдо второй раз, перешагнул через миску и сказал, что соберет весь народ.

И правда, он привел всех лесных зверей — медведей, оленей, лосей, даже хитрого лиса. Куйкыннюку опять пришлось думать уже о большом угощении, но хитрец извернулся и тут.

Он пообещал простодушным зверям поделиться своим ягодным и ореховым запасом, и те, особенно медведи, конечно, обрадовались. Ворон же успел закопать рыбки жабры и хвосты в золу очага да наказал им дымить, как только сам хозяин выберется наружу. Пригласил Куйкыннюку зверей в дом, домочадцам же велел выйти за припасами и завалить дверь камнями. Звери удивились стуку камней, но Ворон успокоил их — это его домашние бросают ближе к двери орехи. Наконец домашние попросили Ворона принести одеяло, и тот успел выбраться наружу. Едва он вышел и

прикрыл домовое отверстие одеялом, как рыбы хвосты при-
нялись дымить, и все звери задохнулись внутри. Только Таятхыт да лис сумели выбраться.

И опять Таятхыт отправился за помощью. На этот раз он созвал морских зверей. Тут жена Ворона переполошилась — уже сушу нельзя было отличить от моря, так много зверей собралось у жилища хитреца. Но Ворон знал, что делать — он велел приготовить много краски из ольховой коры. Краска эта напоминала кровь, и когда ее вылили в море, морские звери погибли.

И снова Таятхыт отправился звать на помощь. На этот раз он созвал всех гадов — червей и гусениц. Но Куйкыннюку надел свои лыжи, подбитые оленьей шкурой, и передал всем червей.

Ворон же прогнал врага в его жилище, пригрозив расправиться и с ним. Но волк затаил злобу и в своем жилище снял волчью шкуру, выставив ее наружу. Всю зиму она провисела на снегу, а по весне волк пошел к Ворону спросить, нельзя ли вытряхнуть его шубейку. Куйкыннюку решил волку трясти ее прямо над входным отверстием, и обрадованный волк вытряс весь снег в жилище Ворона. Когда же он заглянул внутрь, то волка ждало разочарование — лишь маленькая горстка снега уцелела в теплом жилье врага.

Настал черед Ворона трясти свою кухлянку, и он явился к волку. Стоило ему тряхнуть лишь раз — вся волчья нора наполнилась снегом и все волки погибли.

Этот миф, начинающийся с рассказа о Куйкыннюку — Красной Шапочке и кончающийся целой эпопеей о войне зверей с Вороном, изображает Ворона хозяином зверей, хитрецом и могучим шаманом. Ворон не случайно оказывается в брюхе волка, наподобие библейского Ионы (который был поглощен китом) или Красной Шапочки — мы помним, что первобытный миф и волшебная сказка отражали обычай инициации, испытания, которое должен пройти герой, прежде чем достигнет своей цели. Главным мифологическим испытанием и было поглощение героя чудовищем: из его чрева герой возвращался наделенным сверхъ-

естественной мудростью и другими чудесными свойствами. Правда, Ворон и здесь остается трикстером и обжорой. В эскимосском мифе он пробирается в брюхо кита, где его кормит дух кита, но ворон заставляет самого морского зверя выбраться на сушу. Это большой праздник для людей, которые получают много пищи, но Ворон портит им этот праздник. Как только они вспарывают брюхо киту, зловредный трикстер вылетает оттуда и предрекает несчастье. Люди в ужасе разбегаются, мясо же достается одному Ворону...

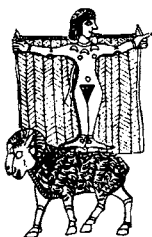
Неудача постигла при попытке проникнуть в утробу чудовища знакомого нам полинезийского культурного героя и трикстера Мауи. Если бы ему это удалось, люди перестали бы умирать...

Мауи, выудивший землю со дна океана (о чем еще будет рассказано) и похитивший огонь из преисподней, не оставил своих деяний, хотя, как мы видели, они оказывались опасными не только для него, но и для всего человечества. На этот раз он решил вновь спуститься в преисподнюю для состязания с самой богиней смерти Хине. Она была действительно ужасна — глаза ее пылали, голос напоминал гром, огромные зубы сверкали, волосы обвивались вокруг тела, как водоросли на волнах океана.

Себе в помощники он позвал птиц — ведь морские, болотные и прибрежные птицы могли проникнуть повсюду. Они должны были служить ему: и правда, когда Мауи захотелось воды, он велел принести их болотной цапле, а чтобы она могла ходить быстрее — вытянул ей ноги.

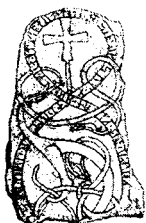
Герой дожидался, когда богиня уснет, и та действительно уснула, широко раскрыв пасть. Тогда Мауи и решил проникнуть к ней в утробу, чтобы убить ее изнутри. Свидетельницами его подвига должны были стать только птицы, при этом герой запретил им смеяться и петь — радоваться они будут тогда, когда он победит смерть.

Птицы замерли, когда герой полез в пасть чудовища, но когда снаружи остались только его пятки, маленькая трясогузка не удержалась и рассмеялась и пробудившееся чудовище проглотило Мауи. Ему не удалось пройти послед-

нюю инициацию, возродиться, побывав в утробе богини смерти, и избавить от смерти все живые существа.

Конечно, трикстеры — и Кролик, и Ворон, и Мауи — были настоящими культурными героями, совершали свои подвиги не только благодаря примитивной силе или сверхъестественным способностям, но и хитрости и находчивости — той сметке, о которой так любили слушать и читать поклонники легендарных хитрецов вроде Ходжи Насреддина. Но культурным героям все же скорее требовалось умение, чем просто хитрость и магические способности — недаром чрезмерная хитрость и эгоизм приводят Ворона к неудачам в его трюках.

Миф индейцев чероки рассказывает о необходимости особого мастерства для того, чтобы добыть благо — в нем говорится о самых начальных временах, когда все было не так, как сейчас, животные были людьми, а люди — животными. Некогда животные жили в темноте, а у людей на другом конце мира был свет. Добыть свет — украсть кусочек солнца — отправился сначала опоссум, решивший спрятать его в своем пушистом хвосте. Но солнце спалило шерсть на хвосте, поэтому теперь он у опоссума голый, и зверь вернулся ни с чем. Затем в путь отправился сарыч, решивший нести солнце на голове, но солнце сожгло ему перья на голове — поэтому она у него с тех пор голая, и его поход тоже окончился неудачей. Наконец помочь вызвалась бабушка-паучиха. Она сделала из влажной глины кувшин и принесла в нем частицу солнца; с тех пор гончарство — женское занятие.

Мы помним, что паук считался творцом мира в разных мифологиях. Но паучиха-гончар добилась одновременно двух целей — добыла благо природы и благо культуры: она не обожглась, унося солнце, и заставила стихию высушить — обжечь изготовленный ею сосуд. У многих народов мира творцы культурных благ и самого мироздания — гончары, ремесленники — демиурги.

**Земля, добываемая со дна
первозданных вод.
Земля, которая взялась неведомо откуда**

У народа, долго сохранявшего охотничий и собирательский уклад хозяйства — семангов Малакки, — сохранился миф о происхождении земли, принесенной... навозным жуком.

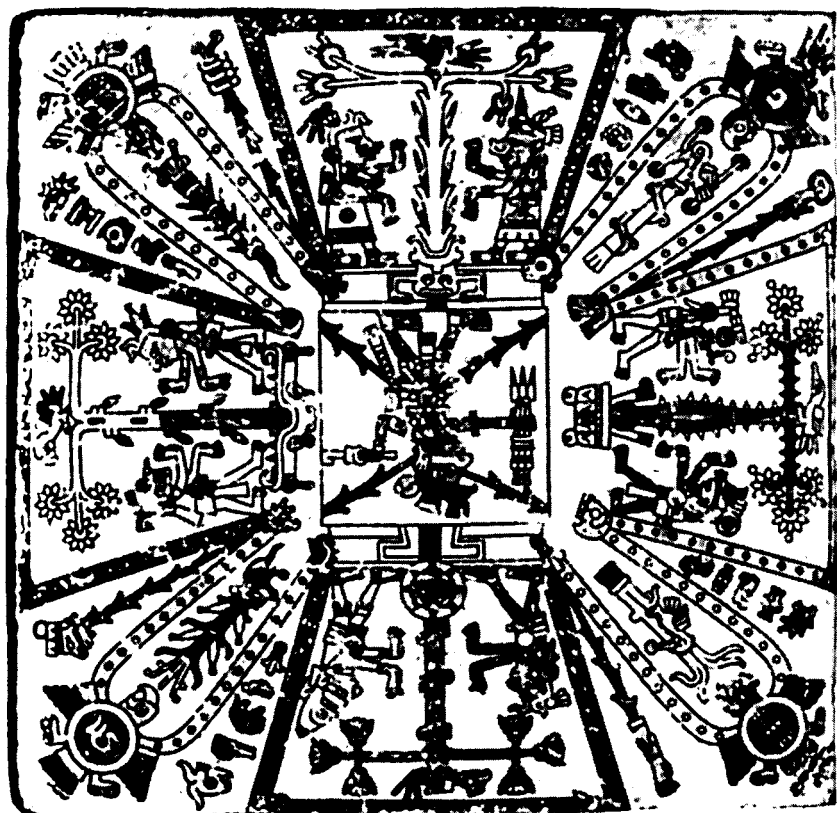
Создательницей мира почиталось первоначальное женское существо Манои. Манои считалась женой небесного бога Та Педна, который живет в солнечном свете или оказывается самим солнцем; иногда ее представляют в виде черепахи. Среди мирового океана с помощью своих внуков она водрузила на спину некоего подводного зверя ветвь дерева рамбутана. Так верх был отделен от низа. Тогда навозный жук — Тахэум принес землю снизу в виде комка самородной пыли, который стал быстро расти. Пришлось медведю Кавану утапывать его, иначе он бы дорос до свода неба.

Навозный жук-творец не должен смущать читателя: ведь и в Древнем Египте скарабей считался священным жуком — правда, навозный шарик, который катит это насекомое, ассоциировался не с землей, а с солнцем.

Австралийцы мурнгин рассказывали, что в начале — почти как в Библии — мир был покрыт водой. Две сестры плыли на плоту, наконец остановились, воткнули палки-копалки в дно и отправились по земле. Откуда взялась эта земля — из мифа неясно, но можно предположить, что сестры достали ее палками со дна первичных вод.

Странствуя, как и всякие культурные герои, они дали имена каждой области, а также многим вещам и животным, создали острова к северу от Австралии. Наконец они встретили мужчин и предложили им брачный союз. Тут выяснилось, что у самих создательниц мира были слишком узкие половые органы. Им опятьгодились их орудия — палками-копалками они расширили влагалища и обучили людей половой жизни. Затем они установили различные обряды, поймали солнце и зажгли от него первый огонь.

Изображение Вселенной с божевами ацтеков

**Паньгу держит
символ инь и ян**

**Фуси и
Нюйва.
Старинная
китайская
гравюра**

Громовник Лэйгун. Старинная китайская гравюра

Дракон лун. Старинная киаитская гравюра

Стрелок И убивает солнца, сидящее в виде воронов на солнечной шелковице.
Старинная китайская гравюра

Шумерский царь перед богом луны Нанной.
Рельеф

**Солнечный бог Уту выходит из-за гор,
на которых стоит крылатая Инанна.**
У подножия гор — бог Эйя, с которого стекают
реки. Оттиск вавилонской печати

Как часто бывало с австралийскими культурными героями, сестры, в конце концов, поссорились, но ссора эта была чисто женской: они не поделили украшения — яркие перья попугаев.

Занятия богов на острове Пасхи

Палкой-копалкой создал землю — остров Пасхи — и полинезийский бог Уоке. Это деяние завершило длинную цепь порождений. Полинезийцы острова Пасхи (Рапануи) рассказывали, как божества, соединяясь друг с другом либо с предметами и явлениями природы, порождают растения, животных, рыб, птиц, людей — они создали целую тотемическую теогонию, повествование о происхождении богов (*от греч. теос — бог и гония — происхождение*). Действия божеств осмыслены, ибо в случае неудачи они повторяют опыт, но все еще пользуются «естественными» средствами творения, а не навыками демиурга.

Вначале были лишь воздух и пустота вокруг. В первобытной тьме возникло некое дрожание и первое слово, породившее свет (в этом мотиве вероятно влияние миссионеров):

Пусть просохнет земля!

Пусть отступит море!

Тогда появились солнце, великий свет, и луна, малый свет, затем и звезды.

По другой версии, Атуа Мата Рири — Бог с гневным лицом, соединившись с Поро (Глыбой), произвел растение попоро... Атуа Метуа соединился с Рири Туна Раи («Угорь Туна») и произвел кокосовую пальму... Хина (богиня света и луны) соединилась с Руи Хакамаруи (Тихая ночь) и произвела солнце... Уру Ау, соединившись с Хина Оиои, произвел кур... Тики те Хату (Тики-Господин, Тики — первый человек или создатель первых людей) соединился с Херахера Кико Меа и создал камень... Бог продук-

тов оплодотворил рудники, и появился обсидиан... Бог порядка оплодотворил хаос, и возник порядок... Бог отличный оплодотворил деления вещей, и родились сумерки... Маленький бог движения оплодотворил бедность, и родились добро и зло...

Среди прочих божеств выделяется Макемаке — верховный бог в образе морской птицы, создатель островов, светил, первых людей и, возможно, животных.

Макемаке соединился с водой в калебасе, и появилась рыба ихихо, соединился с камнем, и появились другие рыбы, соединился с землей — «зловонной могилой» — появились божества Тиве, Рараи, Хова, Хину. Желая создать человека, он сначала соединяется с камнем, затем с водами моря, но то был напрасный труд — у него получались только рыбы. Наконец он соединяется с красной землей, и появляется человек. Когда тот спал, он оплодотворил его левые ребра и создал женщину.

Библейская версия сотворения человека сосуществует на Пасхе с иной: Макемаке заглянул в калебасу с водой и увидел свое отражение. Тогда он смог сотворить человека по своему подобию — «старшего сына». Бог слепил из земли шарик, проделал в нем дырку и дунул в нее. Оттуда вышел юноша. Макемаке усыпил его, вскрыл его грудь и пролил кровь на листок банана. Из него родилась первая женщина.

Первая хирургическая операция свидетельствует о понимании творения как особого умения — искусства демиурга. Деятельность другого божества — Уоке, под именем которого на Пасхе, возможно, почитали Ронго, нельзя назвать созидательной, но также можно считать вполне целенаправленной.

Уоке, бог-разрушитель, рассерженный на обитателей острова Пасхи, палкой-копалкой поднимал и опускал землю, которая тогда была большим материком. Палка сломалась, и от земли остался только маленький остров Пасхи — Рапануи.

Культурным героем, который целенаправленно выудил землю — Новую Зеландию — из глубин океана, был Мауи в мифах маори и других полинезийцев.

Мауи был младшим среди своих братьев и все время подшучивал над ними (всякий культурный герой чем-то напоминает трикстера). Поэтому они недолюбливали его и старались от него избавиться. Однажды они тайком собрались на рыбную ловлю, но Мауи узнал об этом и, изготовив волшебный крючок из челюсти своей покойной бабушки, проник в их лодку.

Братья хотели было повернуть обратно, чтобы избавиться от неожиданного помощника, но Мауи протянул руку — и берег скрылся из глаз: культурный герой в состоянии был сделать море больше. Мауи же велел братьям грести и, лишь когда они устали, позволил забрасывать удочки. Место оказалось удачным, и целая гора рыбы вскоре образовалась в лодке.

Братья собрались уже в обратное плавание, но Мауи напомнил, что сам он еще ничего не выудил. «Рыбы хватит на всех», — заговорили братья, но Мауи хотел показать им настоящую рыбную ловлю.

Рассердившись, братья не дали Мауи наживки, но тот стукнул себя по носу и смазал свой волшебный крючок кровью. Долго крючок опускался в море, пока, наконец, не зацепился за что-то в глубине. То было жилище сына Тангароа, властителя вод. Мауи напряг все силы и вытянул на поверхность огромную рыбу — целый остров — вместе с домами подводных жителей. С тех пор остров стал называться Рыба Мауи — то была Новая Зеландия.

Мауи велел братьям сидеть в лодке, пока он не помирится с богом вод, покой которого нарушила его рыбная ловля. Но только он ушел, братья принялись делить новую землю: они ссорились и били по ней палицами, стараясь захватить участок побольше. Рыба Мауи задрожала от этой борьбы и заметалась по воде. От этого на ее поверхности появились складки — горные хребты и долины, скалистые берега. На берегу же остался лежать рыболовный крючок Мауи — он образовал изогнутое побережье залива.

Нам еще придется читать о рыбной ловле скандинавского громовника Тора — он едва не выловил из океана мирового змея, кольцом обернувшегося вокруг земли.

Космический зверь, выходящий из моря

В карельских и финских эпических песнях-рунах чудесный бык выходит из моря. Он настолько огромен, что между его рогами ласточка может лететь целый день, а белка целый месяц может прыгать по его хвосту. Сам верховный бог Укко пришел, чтобы забить быка, ему должны были помогать другие сверхъестественные существа — Палвонен и Вироканнес. Но бык движением головы раскидал незадачливых «мясников». Убить этого быка может только герой-кузнец Ильмаринен. Но и тот не может справиться с первого раза — ему нужен для этого большой молот. Лишь большим молотом смог кузнец поразить в лоб «быка Виро» (бык Эстонии), и тогда сварили мясо для «всех людей Калевы». Иногда быка — или гигантского вепря — убивает, напротив, старец, чудесный маленький человечек, вышедший из моря, или сам бог грома Туури.

В образе этого бога видят влияние скандинавского громовника Тора, сражавшегося своим молотом с мировым змеем, который опоясал всю землю, свернувшись в мировом океане. Однако еще в XIX в. ученые обратили внимание на то, что чудесный вепрь выходит из моря и в другой мифологии, далекой от финской, но обнаруживающей неожиданные и многочисленные связи с дальним Севером.

Индийский миф рассказывает о том, как сам творец Праджапати в виде ветра витал над водами, пока не увидел землю на дне. Тогда он обратился в вепря и достал немного грязи со дна океана. Сначала земля была маленькой — с кабанью голову, но потом стала разрастаться. С тех пор под любой жертвенный костер необходимо класть землю, вырытую кабаном: ведь всякая жертва устанавливает связь меж-

ду небом и землей, и жертвенный костер должно раскладывать прямо на космогонической основе всего творения. В другом варианте индийского космогонического мифа рассказывается, как земля в давние времена оказалась переполненной живыми существами. Она изнемогала под бременем гор и в конце концов погрузилась в воды мирового океана. Тогда сам великий творец Вишну обратился в вепря с глазами, подобными звездам, и нырнул в глубь мирового океана. Он поддел землю своим клыком и понес ее на поверхность. Но это увидел некий асура (это индоиранское обозначение демонических существ было заимствовано и финно-уграми для обозначения духов — «хозяев» разных природных объектов), который захотел овладеть землей. Вишну одолел в поединке асуру и утвердил землю в середине мирового океана.

В карело-финской руне, напротив, божество или чудесный герой побеждает великанского вепря или быка. Но суть не в этом. Дело в том, что и в мифах финских и других народов земля держится на рогах огромного быка, стоящего на рыбах в водах мирового океана. Сюжет руны о пире на весь мир явно восходит к космогоническому мифу о сотворении земли, которую воплощало гигантское животное, выходящее из моря, и о первом жертвоприношении — установлении космического порядка.

Другой мотив мифа о Вишну также напоминает рассказ, известный большинству финно-угорских народов. Во время борьбы с асурой вепрь-Вишну своим гигантским копытом пробил в земле отверстие, да еще обронил туда свое семя. От этого семени возникли демоны преисподней. У финно-угров демиург или его противник также проделывают отверстие в земле: это вход в преисподнюю; через отверстие проникают на землю злые духи, болезни и вредоносные насекомые.

Архаичным и повсеместно распространенным мифом, повествующим о сознательном тво-

рении мира, является миф о добывании земли со дна первичного океана. За ней приходится нырять творцу или его помощнику.

Мир из земли, поднятой со дна океана или спущенной с небес

Индейцы Северной Америки сахаптины рассказывали, как творец мира и всего сущего Кумокумс сидел некогда на берегу озера Туле и решил создать землю. Для этого он достал со дна пригоршню грязи и начал ее формировать перед собой. Первоначальная пригоршня все увеличивалась в размерах, и скоро все озеро оказалось окружено землей. Немного земли он бросил на запад и на север, и там образовались горы. Ногтями прочертил он на горах русла рек и наполнил их водой. Затем он создал растения, птиц, рыб и животных и решил отдохнуть: залечь в спячку, как медведь. Он вырыл себе нору под дном озера под первоначальным холмом, из которого лепил землю, но теперь этот холм высох и превратился в скалу. Чтобы иметь возможность видеть, что происходит на земле, Кумокумс проделал в скале отверстие и с тех пор через него наблюдает за миром.

Перед нами распространенный образ удалившегося от дел творца — культурного героя. Он еще не отделился от своей тотемической — медвежьей природы.

Индейцы алгонкины (из племени чейеннов) рассказывали, что изначально существовал только Великий Дух Махео, заключавший в себе всю Вселенную. Его сила была столь велика, что бог решил найти для нее выход. Он творит великое озеро соленой воды, затем водных обитателей — рыб и птиц, затем свет и воздух небес.

Гусь жалуется творцу, что птицы устают все время плавать. «Тогда летайте», — отвечает творец.

Птицам мало воды и неба — они просят бога сотворить третью космическую стихию обитания — землю. Но для этого Махео необходима их помощь. Полярный гусь, кряква, гагара пытаются найти землю в воздухе и под водой, но тщетно. Лишь маленькая птичка лысуха ныряет и

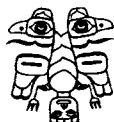

приносит в клюве частицу ила. В награду Махео сделал ее мясо илистым на вкус, и отныне никто не пытается ее съесть. Махео тер катышек ила в ладонях, и тот рос и рос, так что его уже нельзя было удерживать в руках. Тогда Махео положил его на спину черепахи, где земля все разрасталась, пока не образовалась Бабушка-Земля. Затем Махео при помощи Земли творит из своего правого ребра первого мужчину, а из левого ребра — первую женщину, от которых пошел человеческий род, и создает животных — оленя, антилоп, буйвола.

Рассказы миссионеров о библейском творении наслонились здесь на традиционный миф о земле, поднятой ныряющей птицей со дна океана. Близкий мифологический сюжет известен и жителям Полинезии, но поскольку острова были привычны для их картины мира, птице приходится не поднимать их со дна, а обнаруживать в бесконечных просторах мирового океана.

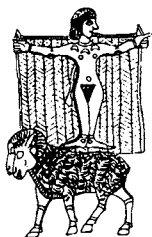

Повелитель неба Тамапоули Аламафоа правил вместе с Тангалоа-Вождем, Тангалоа-Строителем и Тангалоа-Аутолонголонго (Вестником). Тангалоа-Аутолонголонго в образе чайки был послан найти землю. Он увидел над поверхностью моря нечто вроде белесой ткани, но не понял, земля ли это, и с тем вернулся на небо. Боги вновь отправили его вниз, в этот раз он решил, что все-таки видит землю, и с тем возвратился. Боги вновь послали его вниз, а чтобы ему было где отдохнуть, Тангалоа-Строитель спустил с неба лавину пористых камней (характерная для Полинезии порода вулканического происхождения). Так возникла новая земля, Эуа. Отдохнув там, Тангалоа-Аутолонголонго нашел и старую землю: это была Ата, великая мать-Земля, но она еще не имела ни растительности, ни обитателей. Тангалоа-Вождь указал Аутолонголонго на плод, тот сорвал его и посадил на земле. Из этого плода возникли лианы, покрывшие землю. Затем Аутолонголонго оторвал стебель лианы, и когда он начал гнить, из него возник червяк. По велению богов своим клювом Аутолонголонго разорвал червя надвое, из половинок червяка и его остатков на клюве возникли первые люди, которых потом стали считать духами.

В африканских мифах земля также посылается небесными богами сверху — в виде песка, но и в этом сюжете угадывается исходный — о земле в водах первичного океана.

В мифе африканцев йоруба бог Олодумаре послал бога Одудува с неба, чтобы сделать что-то с водой, покрывавшей всю землю. Одудува в ковчеге со своими детьми, женами и старейшинами долго плыл по океану, пока не обнаружил «отверстие в воде» (водоворот), и остановился там. По указанию Олодумаре он кинул в воду песок и выпустил из ковчега пятипалого петуха. Тот разбросал песок и сотворил сушу. Тогда Одудува послал птицу оге проверить, как идут дела, но она не вернулась. Затем был послан голубь, который через несколько дней вернулся и сообщил, что суша возникла. Одудува послал хамелеона испытать, насколько прочна земля, и тот медленно и осторожно зашагал по еще сырой почве — с тех пор он сохранил эту походку.

На этот африканский миф о творении, возможно, опять-таки повлиял библейский миф о Ноевом ковчеге, откуда Ной выпустил голубя проверить, начала ли убывать вода Всемирного потопа. В варианте мифа йоруба рассказывается даже, что творение начал брат Одудувы Ориша Нла, но не закончил дело, потому что напился пальмового вина и заснул: библейский образ Ноя, вкусившего плода виноградной лозы, и здесь повлиял на африканский миф, но в соответствии с представлениями о дуальном творении этот образ раздвоился на образы культурного героя и неудачника-пьяницы.

В ином варианте мифа йоруба инициатор творения — высший небесный бог Олорун. Мир был пустынным и болотистым, и небесные боги редко спускались туда на паутине. Тогда Олорун и повелел Ориша Нла создать землю: дал ему раковину улитки с рыхлой землей, голубя и пятипалую курицу. Ориша спустился в болото, высыпал землю, и его помощники разбросали ее так, что болото превратилось в су-

шу. Четыре дня Ориша обустроивал землю, а на пятый вернулся на небо: с тех пор у йоруба — пятидневная неделя, и пятый день посвящен Орише Нла. Место, где началось сотворение земли, получило название Ифе — «широкий», «обширный»: там возник священный город йоруба (вспомним о Вавилоне — «Воротах бога»). Затем Ориша Нла был вновь послан Олорун, чтобы создать растения, людей и обеспечить их жизнь. Олорун дал своему помощнику и орех пальмового дерева — из него можно было делать масло и вино.

Дуалистический миф о двух культурных героях и в этом повествовании вторгается в рассказ о творении. Ориша Нла принял участие и в творении людей: он лепил их из глины, но оживлял их — давал людям душу — Олорун. Однажды Ориша Нла спрятался, чтобы подсмотреть, как Олорун оживляет людей, но всезнающий высший бог усыпил своего помощника.

Земля, добытая крабом

У гондов, народа в Центральной Индии, еще в XIX в. христианским миссионером был записан космогонический миф, начинающийся добыванием земли, но включающий едва ли не большую часть космогонических мотивов всех мифологий. На представления гондов сильнейшее влияние оказал индуизм с Всевышним творцом Брахмой или Праджапати, родившимся из лотоса, но не обошлось и без влияния христианских легенд.

Родившийся из лотоса творец пребывал в одиночестве на волнах мирового океана. Однажды он потерял себе руку и из грязи, что стерлась, создал ворону, которая уселась к нему на плечо. Так же он создал и краба, которого пустил в воду. Творец велел вороне облететь мир и принести ему земли. Но ворона не нашла земли: она увидела только краба, который высовывался из воды, опираясь лапкой о дно океана. Ворона сильно устала и села на спину краба: в те време-

на у него не было панциря, и следы вороньих когтей остались навсегда на его спине. Ворона стала советоваться с крабом, как бы ей достать земли, и краб ответил, что смог бы это сделать, но творец должен дать ему за это твердый панцирь. Конечно, краб получил желанный дар, а затем нырнул на дно и достал оттуда клешней земляного червя — отметка от клешни видна на червях до сих пор. Этот червь и выплюнул щепотку земли, которую краб отдал творцу, а тот рассеял по морю. Так выросла суша. Творец же спустился на землю, и из нарыва на его теле там появились земные участники творения — Махадео (одно из имен индуистского бога Шивы) и Парвати (жена Шивы).

Махадео стал мочиться, и из его божественной мочи выросли разные овощи. Их поела Парвати и забеременела: восемнадцать сонмов брахманских богов и двенадцать гондских вышли из ее чрева. В лесу же, покрывающем землю, размножились люди — гонды. Они были необычайно прожорливы и поедали все, что им попадалось, — самую нечистую пищу, гадов и насекомых, сырые и незрелые плоды. Они не только не мылись, но и валялись в грязи и навозе. От них пошла такая вонь и грязь, что Махадео решил их извести.

Бог созвал к себе гондов, из грязи своего тела создал белку, и гонды, конечно, бросились за ней. Она и завела их в Железную пещеру на красной горе. Махадео завалил пещеру огромным камнем, и лишь четверо гондов осталось снаружи.

В легендах Средиземноморья рассказывается о другом герое, который запер в пещере или за неприступными горами нечистые народы: то был Александр Македонский, завоевавший весь мир и дошедший до народов Гога и Магога на крайнем Севере в скифских землях, расположенных за Кавказским хребтом. Но эти народы, в отличие от гондов, должны вырваться из своего заточения только перед концом света...

Гондская же богиня Парвати почувствовала, что не стало слышно гондского духа. Она пожалела людей и принялась поститься, чтобы заставить всевышнего творца выяснить, куда делись гонды. Всевышний услышал ее молитвы и через солнечного бога Нараяна обещал Парвати вернуть гондов.

В неких горах рос чудесный желтый цветок, и всевышний послал гром и молнию, чтобы оплодотворить его. Тогда из цветка появился чудесный герой — Линго, на пупке которого сверкал алмаз — знак чудесного рождения. Девять лет герой беззаботно играл в ворохе шафрана возле своего цветка, но потом задумался о своем одиночестве. Он поднялся на гору и увидел четырех гондов возле Железной пещеры. Линго пошел к ним, и те приняли его как брата. Герой научил этих диких охотников рубить деревья и готовить поле под пашню, засеял поле рисом. На поле явились антилопы и чуть не потравили рис, но Линго убил их стрелами, а затем велел развести огонь, чтобы научить людей готовить жареное мясо. Но сколько братья ни били камнем о камень, они не могли высечь огонь. Пришлось идти к костру великана-людоеда, чтобы украсть огонь у него. Линго пустил стрелу и проложил ею дорогу прямо к великану, младший же гонд, дрожа от страха, пробрался к костру, возле которого спал людоед. Он уже схватил было головешку, но искра упала на великана, и тот едва не поймал неудачника.

Пришлось Линго самому идти за огнем. По дороге он взял тыкву, воткнул в нее палку и натянул два своих волоса — так получился первый музыкальный инструмент. Герой принялся играть на своем инструменте, и музыка была такой, что сам великан, а потом и его жена пустились в пляс. Линго так развеселил людоедов, что те отдали ему семь своих дочерей в жены, так что каждому из братьев досталось по две жены, и лишь младший получил одну. Но стоило Линго остаться вместе со своими невестками, как те стали обольщать красавца. Тогда герой прогнал их, и злые жены пожаловались своим мужьям, будто это Линго хотел совратить их. Братья зазвали его в лес и там засыпали стрелами, а потом вырвали глаза Линго и стали играть ими как мячом.

Но Всевышний не услышал молитвы, что творил ежедневно Линго, и отправил ворону узнать, что с ним случилось. Вещая птица рассказала, что герой мертв. Всевышний послал ворону с живой водой, и та оживила Линго. Тогда герой отправился на поиски прочих гондов, запертых в пещере: ни луна, ни солнце не могли поведать ему, где их искать, лишь мудрый отшельник рассказал, где заточил гондов великий Махадео.

Чтобы добиться от Махадео освобождения людей, Линго пришлось совершить подвиг отшельничества: он по-

стился целый год, так что не мог уже поднять веки, а на костях осталась только кожа. От этого подвига даже трон Махадео содрогнулся, и бог спустился со своей горы, чтобы узнать, что нужно подвижнику. Линго попросил освободить гондов, и Махадео стал обещать ему все блага земли, лишь бы не отдавать ее людям. Но Линго не соглашался, и тогда бог придумал для него трудную задачу: пойти на берег моря и принести птенцов гигантской птицы Биндо.

Миф о разорителе птичьих гнезд оказался, таким образом, известен и в Центральной Индии.

Герой обнаружил птенцов в их огромном гнезде, родителей же там не было — они улетели за добычей — мозгами слонов, которыми привыкли кормить своих чад. Герой не стал разорять гнездо и решил дожидаться птиц, а сам тем временем уснул. Тут из воды выползла огромная морская змея и полезла к гнезду, но Линго вовремя проснулся: герой убил змею, разрубив ее на части, и уснул вновь. Когда к птенцам прилетели родители, те отказались есть слоновьи мозги — они хотели отдать их Линго, ведь он спас им жизнь. Птицы спросили, чем они могут отблагодарить героя, и тот попросил их принести птенцов Махадео. Птицы посадили птенцов на крылья и отправились к богу: делать нечего, тому пришлось выпустить гондов.

Благодарные гонды сетовали Линго на свою жизнь — ведь в пещере у них не было ни крошки во рту. Линго привел их к реке, напоил водой, накормил чистой пищей — рисом и просяными лепешками. Затем он основал город гондов, разделил народ на кланы, назначил верховного жреца, сам же ушел от людей, приобщившись к сонму богов.

Ныряющая птица и творение земли: самодийская космогония

Самым распространенным мифом о добывании земли со дна океана остается миф о ныряющей птице, известный народам Северной Евразии и Америки. Может быть, этот миф — свидетельство тех древнейших времен, когда предки этих народов жили вместе еще в древнем камен-

ном веке и рассказывали одинаковые мифы. Во всяком случае, образ водоплавающих птиц — любимый образ скульпторов эпохи верхнего палеолита, один из древнейших сюжетов мирового искусства.

У жителей Крайнего Севера Восточной Европы и Сибири — самодийцев — распространен известный повсюду миф, согласно которому вначале все было покрыто безбрежным водным пространством.

По повелению творца гагара ныряет под воду и достает со дна комочек глины, из которого и создается земля. Сначала она была неустойчивой, шаткой, и чтобы придать ей устойчивость, был водружен Большой камень — два хребта на севере и юге у нганасан, Уральские горы или подземная опора земли у ненцев. Дальнейшее устройство мира нередко связывается с деятельностью двух демиургов: у ненцев Нума и Нга или хозяина неба и хозяина земли, у нганасан — Дёйба-Нгуо (или другого бога) и Моу-нямы — матери-земли. У ненцев хозяин земли сотворил тело человека, а хозяин неба вдул в него душу и создал оленей; хозяин земли достал железо из земли, а хозяин неба — кремь с неба, вместе они при помощи кремня и железа высекли первый огонь. У нганасан Моу-нямы дает устраивающему землю Дёйба-нгуо траву, ягель, чтобы паслись олени.

В одном из мифов нганасан Земля-мать Моу-нямы и Солнце-мать Коу-нямы вначале плавали в первобытном океане. Шкура Моу-нямы была покрыта льдом, и ее дети — зооморфные духи дямада послали птичку ущипнуть мать и сказать, как им холодно и неудобно жить. Тогда Моу-нямы сблизилась с Коу-нямы, лед растаял и установился современный климат. Шкура Моу-нямы покрылась травой и прочей растительностью, из нее выползли первые люди — голые черви. Впрочем, они не становятся настоящими людьми (как и в полинезийском мифе о творении земли): они прирастают к шкуре — телу матери-земли и превращаются в каменных идолов.

С космогоническими мифами о добывании земли из воды, как и в прочих мифологиях, у самодийцев связан миф о Всемирном потопе. На первозданной земле выросло мировое дерево — береза с семью ветвями и семью корнями, пронизывающими весь мир. Люди поклонялись ей и прино-

сили жертвы, но корни березы стали гнить. Когда сгнил последний корень, береза рухнула, из ее ствола потекла кровь, а потом воды, поглотившие все реки. Люди спаслись на плоту, куда взяли и животных, лишь шаманы укрылись на священной горе, заклинаниями запретив воде затопить ее. Самый могущественный из шаманов сумел направить воду назад, в русла рек. За потопом последовали засуха и голод, от которых спаслись только юноша и девушка. От них пошел новый человеческий род.

В других вариантах нганасанских мифов бог сделал Землю, но она вся была покрыта водой. Утка ныряла в воду и в клюве приносила землю, пока не насыпала гору — сопку. После этого на вершине сопки родилось солнце. Оно высушило землю, оставив озера и реки. Мать Земли Моу-нямы вместе с матерью Огня Туй-нямы отделила хорошую землю от глины, а глину поместила на дно водоемов, укрепив его камнями, в воду пустила рыбу, на земле вырастила лес, чтобы люди могли делать жилища — русские строить свои избы, а самоеды делать жерди для чумов и иметь дрова. Два комка земли превратились в первых людей. Первые мальчик и девочка сначала ели траву, а потом повстречали оленей. От этих первых людей и оленей пошли все люди и олени. Мать огня Туй-нямы дала людям огонь. С тех пор Моу-нямы поселилась в земле, а Туй-нямы — в жилищах.

К этиологическим мифам относится характерный нганасанский миф о лунных пятнах.

Пятна на луне — это шаман, который отправился на небо, чтобы узнать, когда женщинам придет срок родить. Он стал мужем луны, прижался к ней — и так и остался там. С тех пор все видят, как он обнимает жену, а по убыванию луны отсчитывают срок месячных.

Как Нуми-Торум сотворил мир: обско-угорская космогония

Верховным богом соседи самодийцев — обские угры ханты и манси — считали Нуми-Торума, «Верхнего бога», «Большого старика» (Алле-ики), Сорни-Торума («Золотого Торума»), обитавшего на небе: слово «торум» имело много значений — «небо», «Вселенная», «погода», «бог». Нуми-Торум велел гагаре, плававшей в водах мирового океана,

трижды нырять на дно, пока она не вынесла в клюве ил, из которого Нуми-Торум стал творить землю. В облике гагары, согласно мифам манси, скрывался бог преисподней Куль-отыр, богатырский повелитель злых духов (кулей). Он оставил часть земли в клюве, но когда земля, по повелению Нуми-Торума, стала разрастаться, утаенная часть тоже принялась расти, и гагара выплюнула ее из клюва, создав горы (Урал) на ровной поверхности. Чтобы земля не разрасталась до бесконечности и не утонула от собственной тяжести, Нуми-Торум велел Вит-кулю — водяному — пожирать ее. Лесные пожары также делают землю легче и позволяют ей держаться на поверхности океана.

Гагара в мифах разных финно-угорских народов оказывается воплощением злого творца: Омоля у коми, Куль-отыра у манси; даже у саамов она считается женой черта. К «добрым» водоплавающим птицам относились лебедь, гусь и утка.

У хантов противником Нуми-Торума был злой дух Кынь-Лунг. Они были братьями, рожденными богиней-матерью Анки-Пугос. Когда уставший от творения бог уснул на созданной им земле, Кынь-Лунг попытался сбросить его в океан и принялся таскать по всей земле. От этого возникли неровности почвы, а земля стала разрастаться. Нуми-Торум не смог жить на земле со злым братом: по Млечному Пути он удалился на небо.

Чтобы земля была устойчивой на водах океана, Нуми-Торум, по совету своей сестры богини земли Калтащ-экви, бросил на нее свой пояс, украшенный тяжелыми пуговицами, и он превратился в Уральский хребет, опоясавший середину земли.

Побежденный противник бога-творца проник в преисподнюю, вонзив в землю посох и проделав в ней отверстие (в других вариантах отверстие своим посохом проделывает Нуми-Торум). С тех пор через это отверстие на землю из преисподней проникают вредоносные твари — насекомые, прежде всего — комары-кровопийцы, мучащие жителей тайги, а также болезни. Богиня — покровительница людей Мых-ими, в мифах хантов тождественная Анки-Пугос и мансийской Калтащ-экви, — загораживает это отверстие своими котлами.

Обско-угорский фольклор сохранил фрагменты самого архаичного мифа о творении, когда за землей ныряют (без божественного повеления) две птицы — большая гагара и малая гагарка. Лишь на третий раз птицам удалось достать крупицу земли со дна океана. Они так долго были под водой, что у гагары кровь пошла горлом и окрасила ей грудь. У гагарки кровь потекла из затылка, с тех пор у них красный затылок (этиологический миф об окраске птиц подтверждал истинность мифа о творении). Земля, вынесенная на поверхность океана, стала сама разрастаться и растет все больше и больше.

Другой миф причудливо соединяет библейскую легенду о потопе с древним космогоническим мифом. Безымянные старик и старуха живут в доме на кочке посреди вод океана. С неба прилетают две железные гагары, которые по очереди выносят по кусочку земли и прилепляют их к бревнам избы. У старика есть белый ворон, которого тот в конце концов выпускает проверить, не выросла ли земля. Первый раз ворон летает недолго, во второй — исчезает на полдня. Наконец он возвращается лишь на третий год — но уже черным. Старик спрашивает ворона, почему тот почернел, и тот признается, что нашел на краю земли труп человека и поклевал падали. Тогда старик заклил его: ворон не будет сам добывать зверя и рыбу — он всегда будет питаться падалью. Сходный апокрифический миф рассказывается о Ное, который выпустил ворона из ковчега, чтобы он узнал, отступили ли воды Всемирного потопа: такой миф был известен также саамам.

Еще один миф о сотворении мира содержит мало аппетитную на современный взгляд подробность. «Светлый муж-отец», как именуется Нуми-Торум уже под влиянием христианства, создал этот мир, который отождествляется с Сибирью. У него уже есть сын, который спрашивает у отца, не может ли он создать посреди океана холм, на котором мог бы уместиться? Сын сам высмаркивает из глотки соплю,

которые и становятся основой земли. Но тут творец видит нечто, всплывающее и вновь тонущее. Это оказался черт — куль, несомый ветром. Тогда мальчик выпускает своих помощников — двух гагар, которые и разрывают черта.

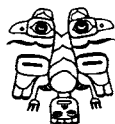
Затем мальчик решается отправить птиц на поиски настоящей земли: одна из них скрывается под водой почти на семь лет (без семи месяцев) и не достает земли, другая ныряет через семь лет и стряхивает со своих крыльев каменистую землю.

Творцы мира Ен и Омоль: космогония коми

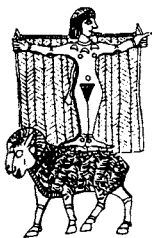
В мифах коми (соседей обских угров и самодийцев) при сотворении мира бог Ен противостоит своему брату Омолу (или Кулю у коми-пермяков) как творец хорошей и праведной части мира создателю всего плохого и злого. Имя Ен означает «бог, небо» и близко именам других небесных богов, в том числе удмуртского Инмара. Имя Омоль — «плохой, гадкий» — по некоторым предположениям отражает наименование высшего бога Юмала у соседей коми — западных финнов. Имя Куль — общее для наименования злого духа у коми и обских угров.

Согласно одному из мифов, Ен и Омоль вылупились из двух яиц, снесенных уткой в первичном океане, куда упали еще четыре яйца. Мать просит детей достать яйца и разбить их о ее тело; сама она поднимается в воздух и, бросаясь вниз, разбивается о воду: ее разросшееся тело становится основанием земли. Когда Ен ныряет за яйцом, Омоль покрывает море льдом, но Ен разбивает лед громом и молнией и творит землю на теле матери из одной части яйца, а из другой создает солнце; из другого яйца он делает себе помощников. Омоль создает луну, болота и озера и злых духов из двух других яиц.

По иным вариантам мифа, Ен и Омоль плавали по мировому океану в образах лебедя и гагары (иногда летали как два голубя). Лебедь сильнее гагары — он повергает ее в ужас громовыми раскатами своего голоса: молния опалает бока гагары, и та в страхе ныряет в воду — таковы этиологические мифы о происхождении грома и поведении гагары. Гагара по приказу Ена приносит земли со дна, и они создают землю. В других мифах землю добывает помощ-

ник бога — голубь Ена, а ворон Омоля мешает ему. Земля достается Ену; Омоль просит лишь места, достаточного для того, чтобы воткнуть в землю кол. Из отверстия в земле он выпускает злых духов, гадов, вредных животных. Ен творит небо (а также звезды, солнце, леса, реки и т.д.). Тогда соперник Омоль строит второе небо, Ен — третье и т.д. до семи небес, которые получили цвета радуги. По другому мифу Омоль сотворил медное небо, чтобы отделить Ена от творения. Затем Ен громом и молнией низвергает Омоля и злых духов на землю, где те рассеиваются по лесам, болотам, рекам, превращаясь в леших и водяных. По просьбе Омоля Ен разделил земные богатства между людьми и злыми духами — лешими (ворса), водяными — вакулями (васа) и т.п.

Рассказывают также, что Ен сначала один плавал на лодке по безбрежному океану. Ему некуда было пристать, и в сердцах бог плюнул в воду; тут и появился его двойник в такой же лодке — Омоль (в другом мифе Ен сотворил Омоля из своей тени). Ен превратил его в гагару и велел нырять на дно океана, чтобы достать земли, сам же тем временем заморозил поверхность океана. Лишь с трудом гагаре удалось пробиться на поверхность и вынести всего три песчинки. Из них Ен сотворил землю.

Еще один миф повествует, как Ен и Омоль сидели в перевозданном болоте в виде двух лягушек, но Ен был слеп и глуп, а Омоль — зряч и хитер. Спасаясь от комаров, Омоль решил залезть повыше на кочку, взяв с собой Ена, но комары преследовали их и там, так что рассердившийся Омоль сбросил вниз Ена и упал сам. Внизу лягушки превратились в людей, а Омоль выбил себе два зуба так, что они стали рожками. Из крови Омоля возникают животные и женщина, которая становится его женой. Ен попытался похитить женщину, но потерпел неудачу и решил отгородиться от Омоля: он создал небо, где поселился со своими голубями. Голуби летали повсюду, но их преследовали вороны Омоля; лишь один голубь вернулся к Ену, неся в клюве кусочек тины. Его уже догонял ворон, но Ен придушил злобную птицу. Из тины и возникла земля, а из воды, которая пролилась из глотки ворона, — моря и океаны.

Омоль проник на небо к Ену в отсутствие бога и разжег пламя у входа в его обитель. Однако добрая жена Омоль дала Ену шелковый лоскут: он отбросил пламя к небесному жилищу Омоль, так что тот, подобно Люциферу, упал на землю вместе со всеми своими тварями, оглохнув при падении.

Лягушка — нечистое животное во многих мифологиях, злой дух оадзь у саамов, в мифах коми может оказаться благодетельным существом. Христианизированные коми-зыряне, равно как и самоеды, рассказывают, что во время Всемирного потопа Ноев ковчег прохудился и лягушка заткнула дыру и спасла все живое. Поэтому нельзя убивать лягушек. Вспомним, что и в представлениях финнов «лягушкой» называлось основание чудесной мельницы сампо. Лягушка, как хтоническое существо, добывает землю и оказывается одной из основательниц мироздания.

Земля, добытая со дна первичного океана, начинает расти; растут и камни, созданные Еном, — они превращаются в горы, и тогда бог прекращает их рост. Ен сотворил также солнце, а Омоль — луну. В одном из мифов рассказывается, что светила были сотворены, когда на земле уже жили люди и сеяли там хлеб: луна — творение Омоль — не дала тепла, и у людей стал вымерзать хлеб. Тогда Ен создал солнце — Шонди. Рассказывают также, что луна появилась потому, что Омоль оторвал кусок от солнца, сотворенного Еном. Сначала светила пребывали рядом на небе, но потом солнце и луна — брат и сестра — стали играть в прятки: с тех пор они и гоняются друг за другом. Рассказывают, что луна, созданная Омолем, когда-то пожалела сиротку, которую обижала злая мачеха. Она взяла девушку, идущую с коромыслом, к себе — с тех пор на луне виден силуэт этой девушки. Ен же за доброту признал луну своим творением.

Ен сотворил и ветер, но Омоль выпустил его на волю, и тот стал ломать дома, разметывать стога и валить деревья. Люди взмолились, чтобы Ен смирил стихию, и тот успокоил ветер. Однако Омолю иногда удается выпускать ветер наружу в виде вихря.

Соперничество Ена и Омоля продолжилось и в процессе творения животных: Ен создал белку, чтобы охотники могли добывать мех, Омоль — куницу, которая стала пожирать белок. Тогда Ен сотворил собаку, чтобы она помогала человеку охотиться и стерегла его жилище. Ен сотворил полезных животных — петуха и курицу, тетерева, куропатку, рябчика, чтобы человек мог охотиться на них и добывать пищу: Омоль же создал ястреба, филина и ворону, равно и как хищных зверей. Рассказывают также, что Ен сотворил лишь одну лягушку, а Омоль — прочих животных: лося, оленя, зайца, кошку, рыб, а также вредных тварей: мышей и крыс, насекомых, которые считались у коми воплощениями болезней. Тогда Ен стал улучшать творение: кошке он дал шерсть и велел ловить мышей, окрасил кончики ушей зайца в черный цвет, чтобы его могли есть люди (как творение Ена). Омоль хотел извести зайцев и погнал их к обрыву — они могли спастись, только если найдутся твари, более трусливые, чем зайцы: лягушки испугались бегущих зайцев, и те уцелели на земле. Когда кончики ушей зайца побелеют, наступит конец света.

Сибирские дуалистические космогонии: соревнование ныряющих творцов

Дуалистические легенды Евразии о творении, схожие с распространенными повсеместно и изученными А.М. Золотаревым дуалистическими мифами, исследовались великим отечественным филологом и культурологом А.Н. Веселовским. Он показал, как на древнюю основу мифа о близнецах — культурных героях у народов Северной Евразии — наслаивались позднейшие влияния, иранские (даже манихейские — о чем еще пойдет речь в конце книги) и христианские, когда творцу противостоит сатана.

У эвенков-тунгусов мир творят два брата — младший, добрый хозяин верхнего мира, и старший, злой хозяин нижнего мира. Младший создает мир людей — средний. Для этого он заставлял птиц нырять на дно океана за илом. Гагаре это не удается, за это он наказывает ее, раздвинув

пальцы на лапках. Наконец немного земли приносит в клюве гоголь, младший брат целует его, оставляя белый след на голове. Младший брат создает землю и отдыхает на ней, а старший брат, пытаясь украсть ее, тянет из-под спящего, но земля только растягивается и делается большой, как сейчас. Младший брат создает утку, лебедя, росомуху, лисицу, людей, старший — гагару, дятла, медведя, комаров. Созданных им людей младший брат прячет в амбар и приставляет сторожить собаку, тогда еще не имевшую шерсти. Старший брат соблазняет собаку, дав ей шерсть, собака пускает его в амбар, он дует на людей и своим дуновением приносит болезни и смерть. Младший брат наказывает за это собаку, заставляя ее отныне служить человеку.

Пожалуй, самый архаичный вариант космогонического мифа, где еще нет антропоморфных творцов, но есть знакомые нам хтонические животные, записан недавно у эвенков-орочонов А.И. Мазиным.

Когда-то были лишь земля и небо. В воде жили змея и лягушка. На небе светили солнце, луна, звезда Чалбон (Венера), на небе же обитала хозяйка верхнего мира буга с небесными помощниками. Змея была очень старой и мерзла в воде. Вот она и попросила лягушку добыть земли со дна и вынести ее на поверхность, чтобы лежать на ней и греться на солнце. Лягушка нырнула и достала землю, но никак не могла укрепить ее на поверхности воды. Змея же тем временем уже подплывала, чтобы найти себе пристанище. Испуганная лягушка перевернулась и лапками стала поддерживать землю — так она и держит ее до сих пор.

Когда на поверхности моря появилась земля, буга решила поселить там мамонта — сэли. Змее не понравилась эта затея, и она принялась гнать мамонта с земли. Они стали драться и дрались до тех пор, пока оба не провалились под землю. Там они примирились и стали духами-хранителями нижнего мира. Кучи земли, которые они наворотили во время борьбы, превратились в горы, рывины — в реки и озера.

Мамонт — гигант древнего каменного века, останки которого часто находят на Европейском Севере, — в представлениях коми (равно как

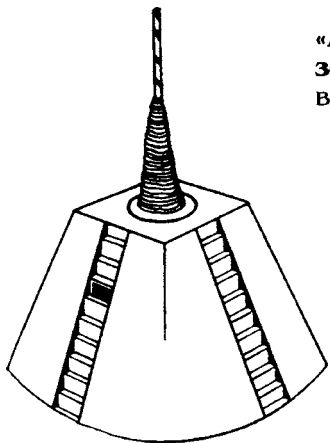
ненцев и обских угров) жил в первоначальные времена творения. Мамонт — «земляной олень» — был так тяжел, что проваливался под землю по грудь — там, где он ходил, возникали русла рек и ручьев. Наконец вода залила всю землю: коми, которые знали библейскую легенду о потопе, рассказывали, что мамонт хотел спастись в Ноевом ковчеге, но не смог там поместиться. Он стал плавать по водам (подобно гигантскому животному иудейских мифов — реему, или единорогу в славянских легендах), но птицы принялись садиться ему на «рога» (бивни), и зверь утонул — так все мамонты исчезли. Сысольские коми-рудокопы рассказывали о мукуле — подземном черте, от которого оставались гигантские окаменелости под землей. У манси вит-куль — водяное чудовище, мамонт: он обитает в водоворотах, которые образуются оттого, что мамонт роет рогами (бивнями) землю и топит лодки. Но в начале времен и он был полезен: небесный бог Нуми-Торум заставил его есть землю, которая разрослась на поверхности мирового океана и могла утонуть от собственной тяжести.

Коми и другие народы Севера действительно часто находили кости мамонта в отложениях на берегах рек и изготавливали из них костяные рукояти, трубки и т.п.: в эпосе коми рассказывается о нартах, сделанных из мамонтовой кости.

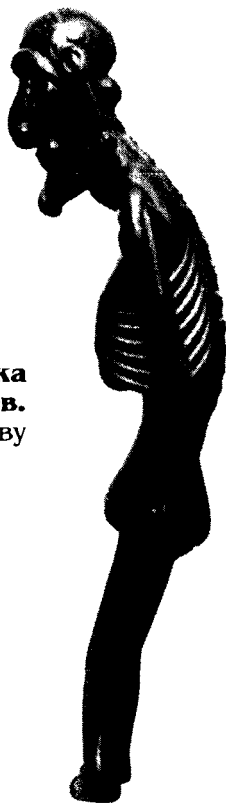
Еще в XVIII веке у эвенков был записан космогонический миф, повествующий о начальном водном пространстве и борьбе космических стихий — воды и огня (мотив, знакомый нам по самодейскому фольклору): птицы, добывающие землю, здесь не упоминаются, их заменяют творец и сатана.

«Амбар хозяйна чистой земли». Модель Вселенной в мифологии догонов

Изображение предка у полинезийцев.
Резьба по дереву

Поммо — всадник с копьем. Резьба по дереву

Ту — полинезийский бог войны. Резьба по дереву

Тангароа — полинезийский бог моря. Резьба по дереву

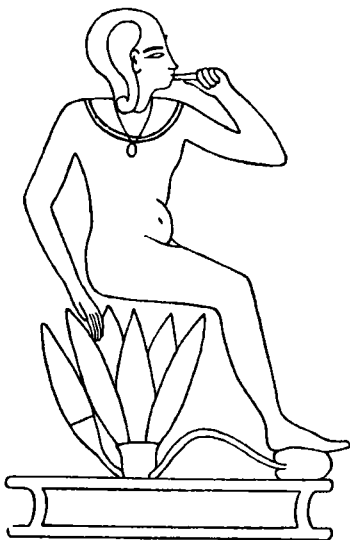
Ронго — полинезийский бог плодородия

Резьба церемониального дома у маори

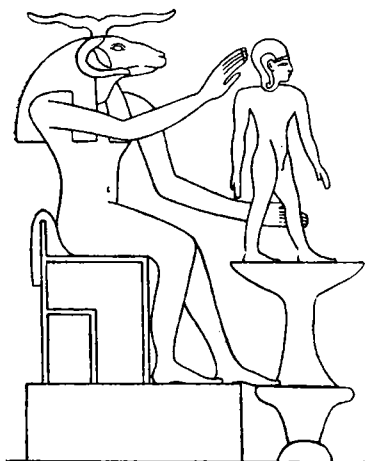

Бог воздуха Шу разделяет небо и землю.
Египетский рисунок

**Бог солнца Ра
рождается из лотоса.**
Египетский рисунок

**Бог Хнум ваяет человека
на гончарном круге.**
Египетский рисунок

Творец Буга — в этом мифе мужское воплощение Вселенной и верховное божество — послал огонь, который поборол воду. Из сожженной воды образовалась земля. Тогда Буга создал свет и отделил его от тьмы. Затем он спустился на землю, где вступил в борьбу с сатаной — Бунинкой, считавшим себя творцом мира. Буга победил, но Бунинка пытался портить все, что создавал Буга, и, в частности, испортил созданные Бугой двенадцатиструнные гусли — шаманский инструмент, позволяющий перемещаться по всем сферам мироздания. Буга заставляет сосну — мировое дерево — вырасти со дна озера, в то время как сосна Бунинки все время падает. В конце концов Буга сотворил людей, а души порочных мертвецов отдал Бунинке.

Сходные мифы известны у финно-угорских и тюркоязычных народов, что позволяет предполагать давнее влияние на их фольклорные традиции дуалистической иранской мифологии: ведь некогда, в бронзовом веке, когда иранцы жили в Северной Евразии, все эти народы (точнее, их предки) были соседями. Повлиял на дуалистические мифы и буддизм, распространившийся в Центральной Азии в форме ламаизма. Очевидно уже позднее, в период христианизации, на эту древнюю основу наслонились христианские апокрифические легенды о Боге и Сатане.

В якутском мифе некогда земля была вся залита водой. Над ней летал творец Айы-Тойон, пока не увидел плавающий пузырь. Творец спросил его, кто он. Тот ответил, что он — сатана и живет на земле под морем. Айы-Тойон взял этот кусок земли и прилег на нем отдохнуть. Сатана задумал его утопить и стал тянуть из-под него землю, но та только разрасталась и вскоре покрыла большую часть воды. В другом варианте злой дух ныряет за землей на дно океана, и, принеся ее на поверхность, не может сдержать злобного крика: от этого земля неровно ложится на поверхность мировых вод, на ней появляются горы и ущелья.

Алтайцы рассказывали похожий миф. Вначале не было ни неба, ни земли, лишь Ульгень носился над бездной, подобно летучей мыши-нетопырю, но не находил пристани-

ща. Тогда он создает своего товарища и младшего брата — Эрлика. Эрлик (в образе птицы) ныряет за землей и приносит ее. Ульгень создает сушу и людей, сторожить которых приставляет собаку, а Эрлик создает болото. Эрлик соблазняет собаку, не имевшую тогда еще шкуры, шубой, подбирается к людям и через дудку, вставленную в задний проход, вдувает в них душу. Разгневанный Ульгень изгоняет Эрлика под землю. В другом варианте мифа Ульгень, наученный обитающей в мировом океане Белой матерью, создает небо, землю, всех тварей и трех гигантских рыб, на которых держится земля. Ульгень создает ровную землю, а Эрлик портит ее кочками и топями. У шорцев Ульгень от скуки творит небо, светила и ровную землю, а Эрлик воздвигает на ней горы.

Наконец, в еще одном варианте мифа творец, именуемый Курбустан (имя, восходящее к иранскому верховному божеству Ормазду, о котором еще пойдет речь), летал над водами с еще одним существом: оба они имели облик черных гусей. Двойник божества вдруг взволновал воду и брызнул ею в лицо творца: он хотел утопить Курбустана, но вместо этого сам упал в первозданную пучину. Тогда двойник взмолился к господе, чтобы тот спас его, и бог создал камень посреди вод, на котором и уселся злоумышленник. Тогда творец повелел ему спуститься на дно и достать земли. Двойник послушал творца и достал горсть земли. Бог рассыпал эту горсть по поверхности первозданных вод, и возникла земля. И снова бог велел своему помощнику нырять и принести земли. То нырнул, взяв две пригоршни, — одну из них ныряльщик засунул в рот, другую отдал богу. Бог посеял еще одну пригоршню, и земля стала разрастаться на поверхности океана и во рту злоумышленника. Тот стал задыхаться и хотел было спрятаться от бога, но бог обнаружил его и заставил выплюнуть землю — так на ровной поверхности возникли неровности и кочки. «Ты согрешил, — обличил своего помощника творец, — поэтому твой народ будет полон злых замыслов, мой же народ будет иметь светлые помыслы. Меня будут именовать Курбустаном, тебя — Эрликом».

Зооморфные существа и боги, добывающие землю со дна первобытного океана, как правило, используют для творения свои «естественные

способности»: орудия — палки-копалки — лишь случайно оказываются в их руках. Другое дело — рыбная ловля: чудесный крючок полинезийского культурного героя Мауи является уже инструментом демиурга.

Демиург и космогония. Поколения богов

Греческие слова «демиург» и «космогония» относятся, казалось бы, к уже знакомым нам образам творцов и мифам о сотворении мира. Но эти слова в греческом языке и мифологии имеют особое значение. «Демиург» означает не просто творца: это слово относится к «ремесленнику», который создает свои изделия для народа — «демоса». «Космос» — это не просто мир, а Вселенная, устроенная в соответствии неким порядком, планом: этим словом можно было обозначать и мироздание, и государственное устройство, и даже наряд, правильное и нарядное убранство, украшения. И ремесло, и космогония требовали, говоря современным языком, разработанной технологии.

Творцы, с которыми мы имели дело, не всегда имели такую технологию, тем более — план, по которому следовало творить мир. У них творение обычно бывало спонтанным, они пользовались подручными средствами — самыми неожиданными, а иногда и мало аппетитными. Творить мир сначала им вообще не приходилось — ведь, как правило, он уже существовал до них. Человечество не сразу пришло к представлению о мире, созданном по плану неким демиургом, рассчитывающим, как совершить творение в пространстве и времени.

Представления о космогонии как творении во времени, расчлененном на некие эпохи, а не о спонтанном происхождении разных вещей в не-

кую не расчлененную на отрезки эпоху первотворения, «время сновидений» и т.п. мифические времена, были связаны в архаическом — родоплеменном — обществе с понятными всем реалиями повседневной жизни, сменявшимися друг друга поколениями. Конечно, в мифах эта смена поколений была обусловлена деятельностью сверхъестественных существ, как в приведенном полинезийском мифе. Но и в сверхъестественном мире смена поколений богов — теогония — и деятельность творца была связана с трудностями, которые творец должен был преодолевать. В мифе о вороне Йеле его старый дядюшка стремился к тому, чтобы новые поколения погибли, мир остался таким, как нужно было ревнивому старцу, и чтобы изменить мир, Йелю нужно было выполнить сложные «ремесленные» задания.

Справляется ворон и с неким первобытным чудовищем, вроде волка или кита. Но они служат ему источником пищи. Настоящий демиург творит из первобытного чудовища мир.

Мир, сотворенный из тела первосущества Кецалькоатль и богиня земли

Мифологический сюжет о сотворении мира из первозданного существа, естественно, включает повествования о поколениях богов и о начале человеческих существ. Таков миф, распространенный у индейцев Центральной Америки — тольтеков и ацтеков (нагуа или науатль), создавших удивительные цивилизации до завоевания Америки испанцам. Их жрецы разработали космогонию, которую описавший ее мексиканский исследователь Мигель Леон-Портилья назвал «философией нагуа».

В основе этой философии лежало знакомое нам у многих народов двойственное — дуальное —

начало, воплощение первобытных представлений о единстве и борьбе противоположностей. Верховный бог тольтеков оказывался одновременно и отцом, и матерью Вселенной — андрогинном.

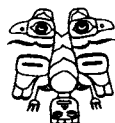
Верховное божество породило четырех сыновей: красного Тескатлипоку, черного Тескатлипоку, Кецалькоатля и Уицилопочтли. Они воплощали четыре стороны света — восток, север, запад и юг, четыре первоначальные стихии космоса — землю, воздух, воду и огонь — и четыре эпохи творения. От них произошли все боги.

Вначале сыновья вместе создавали космос — небо, землю и преисподнюю — обители мертвых. Но один из Тескатлипоков решил возвыситься над братьями и превратился в солнце, землю же населил первыми человеческими существами, сотворенными из пепла: в пищу им были предназначены желуди. Братья были возмущены нарушением равновесия в мире, и Кецалькоатль разрушил это первое солнце и первую землю. Сохранилась лишь память о первой эпохе творения, именуемой «Солнце».

Вторая эпоха стала веком нового «Солнца», когда еще один из богов населил небо и землю гигантскими чудовищами. Они были настолько огромны, что их падение сокрушало творение, и второе Солнце погибло от крушения их тел. Третья эпоха также не привела к согласию братьев — один из Тескатлипоков создал огненный дождь, который уничтожил мир. Наконец, четвертая эпоха закончилась страшными ветрами, которые уничтожили Вселенную и первых существ — человекообразных, населявших землю. Ни одна из стихий, претендующих на господство, не могла править миром — ее правление было разрушительным.

Тогда боги собрались на совет в городе Теотиуакане — культовом центре и центре мира, чтобы договориться о том, как сотворить мир, где можно будет жить людям. Они решили принести себя в жертву, чтобы создать «Солнце движения», новый век.

Прежде всего нужно было создать новую землю. Кецалькоатль и Тескатлипока сотворили и принесли с небес богиню земли, опустив ее в первозданные воды. Это было странное существо, состоящее из множества глаз и ртов. Кецалькоатль и Тескатлипока, превратившись в змеев, обвили богиню и сжали ее так, что раскололи пополам. Из од-

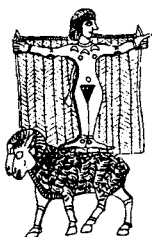
ной половины получился небесный свод, а из другой — поверхность земли. Чтобы вознаградить богиню, претерпевшую такое насилие, они сделали ее матерью всего: из ее кожи пустили побеги все растения, из ее волос выросли цветы и травы, из многочисленных глаз возникли колодцы, источники, пещеры, из ртов — реки и большие пещеры, из носа — долины гор, из плеч — горы.

И вновь боги собрались на совет в Теотиуакане, чтобы решить, как им создавать солнце и луну — ведь не существовало еще ни света, ни тепла. Два божества стали оспаривать право стать светилами — гордый Владыка Улиток и тихое божество, стыдившееся своей непривлекательной внешности, ведь именовался этот бог «Прыщавым». Для того чтобы творение прошло успешно, нужно было сначала совершить жертвоприношение, а затем самому броситься в пылающий очаг, чтобы стать светилом. Владыка Улиток принес в жертву золотые шипы и яркие птичьи перья, Прыщавый же совершил ритуал покаяния (который потом повторяли мексиканские жрецы).

Когда настал час главного испытания, гордец четырежды пытался броситься в очаг, но пугался раскаленных углей. Смирный же бог сразу бросился в пламя, которое мгновенно поглотило его. Тогда и гордец бросился следом в пламя, но было уже поздно: Прыщавый стал сияющим солнцем, на гордеца же хватило лишь столько света, чтобы стать лунной.

Светила появились на небе, но оба они были неподвижны. Лишь когда все боги принесли себя в жертву, началось космическое движение светил и стала возможна жизнь. Поднялся сильный ветер, убивший богов: он дул так сильно, что солнце сдвинулось с места и побежало по своему пути; когда же оно окончило его, двинулась луна. Так светила разъединились и с тех пор стали показываться в разное время суток.

Это начальное жертвоприношение имело страшные последствия в истории индейской цивилизации: считалось, что движения светил необходимо поддерживать регулярными человеческими жертвами, воспроизводящими первоначальный акт творения. Ацтеки, завоевавшие Центральную Америку, когда страна тольтеков пришла в упа-

док, вели настоящие священные войны, чтобы захватить пленных и принести их в жертву своему верховному солнечному божеству Уицилопочтли, который был одновременно и богом войны.

Но боги были бессмертны и вернулись к жизни, чтобы вновь собраться на совет — ведь нужно было воссоздать живые существа, людей. Тогда Кецалькоатль, воплощение божественной мудрости, вызвался отправиться в преисподнюю, чтобы обнаружить там кости человеческих существ, погибших в прошлые века — то есть совершить очередное жертвоприношение, умереть ради воссоздания жизни. Ему пришлось спуститься в самые глубины преисподней, где он выпросил у ее владыки кости. Однако Кецалькоатль знал о коварстве правителя загробного мира и поспешно бросился в бегство со своей добычей. А тот заставил перепела — своего слугу — преследовать творца. Кецалькоатль ускорил бег и упал прямо на кости, которые поломались при падении.

С драгоценной добычей Кецалькоатль вернулся к богам, и они собрали все кости в глиняный сосуд — мы еще не раз встретимся с уподоблением человека сосуду, а творения — работе демиурга-гончара. Костям нужно было вернуть жизнь, и Кецалькоатль оросил их кровью из своего детородного органа. Вновь кровавая жертва стала основой для сотворения человека — недаром слово «человек», макеуаль, значит «добытый подвигом». Люди, созданные из костей разной длины, стали разными по полу: мужчина получился выше, чем женщина.

Людей нужно было прокормить, и Кецалькоатль задался целью добыть для них зерна кукурузы. Бог мудрости знал, что зерно хранит красный муравей за «Горой нашего пропитания». Сам он превратился в черного муравья, и это позволило ему договориться с собратом. С полученным зерном он вернулся на совет богов, те разжевали кукурузу и вложили ее во рты первых человеческих существ. Но кукурузу нужно было выращивать, и об этом должны были заботиться боги дождей — Тлалоки, обитатели четырех сторон света.

Кецалькоатль же стал первожрецом и культурным героем, правителем золотого века. Он научил людей всем ремеслам и искусствам, астрологии, жертвоприношениям и

молитвам. Тогда не было ни несчастных, ни бедных. Пищи было такое изобилие, что еда не имела никакой цены: початки кукурузы были такой же величины, как большие песты для каменных ступ, в которых толкли зерно. Хлопок не нужно было окрашивать — он вырастал окрашенным в разные цвета. В жертву же богу достаточно было приносить лишь змей (само тотемическое имя Кецалькоатль означало «Змей, покрытый зелеными перьями») да бабочек.

Мир тольтеков стал соответствовать первоначальным божественным основам, воплощаемым четырьмя элементами и символами. Земной круг, омываемый водами, делился на четыре сектора. Восток — страна восхода солнца, область света и плодородия, ее символ — белый цвет; север — черная область смерти; запад — страна, где заходит солнце, имеет красный цвет; юг — страна шипов и голубого цвета. Верховным божеством почиталось древнее божество двойной природы, нарядом которого была юбка из звезд (и здесь представления о космосе и женском наряде совпадали).

Кецалькоатль жил в своем городе Тула (Толлан) в центре мира, пока в стране тольтеков не появились некие маги или воплощения древнего божества Тескатлипока — божества черного цвета, ночи, покровителя колдунов. Они стали убеждать Кецалькоатля в необходимости человеческих жертв — ведь мир старел, его силы нужно подкреплять кровью. Но мудрый бог жалел свой народ — тольтеков.

Тогда маги дали ему взглянуть на себя в зеркало (и это также был символ Тескатлипоки, чье имя и значит «Дымящееся зеркало»), чтобы бог убедился, насколько он постарел, и убедили принять опьяняющий напиток из агавы, чтобы подкрепить свои силы. К опьяневшему богу они привели прекрасную принцессу — его сестру, и жрец, привыкший к воздержанию, предался наслаждению в страшном грехе — инцесте, которое истощило его силы и отдалило от подданных.

Маги же обратили свои чары против жителей Тулы, и тольтеки стали погибать во множестве. Очнувшийся от дурмана Кецалькоатль ужаснулся и в великой скорби решил покинуть свою землю, удалившись в страну Востока.

Древние гимны рассказывают, как Кецалькоатль отплыл на восток на волшебном плоту из змей или отправился к восходящему солнцу с погребального костра. Так или иначе, это была очередная символическая смерть, переносящая бога в иной мир.

Индейцы верили, что их благодетель должен вернуться с Востока, из белой страны, и с ним вернется золотой век. И когда каравеллы Кортеса — белых завоевателей — стали прибывать к побережью Америки, их приняли сначала не за тех, кем они были на самом деле...

Паньгу — устроитель космоса.

Инь и ян

По другую сторону Тихого океана, в Китае, который именовался Срединным царством и Поднебесной, ибо его владыки считали, что их престол располагается в центре мира, где небо соприкасается с землей, существовало множество космогонических мифов и божеств-демиургов. Они не были сведены в строгую систему, но повествовали о строительстве миропорядка. О первосуществе Паньгу поведал книжник Сюй Чжэн (III в. н. э.), создавший «Исторические записи о трех правителях и пяти императорах». Они начинались с рассказа о сотворении мира.

Во времена первозданного хаоса Вселенная по форме напоминала огромное куриное яйцо. В нем и зародился первопредок Паньгу. 18 тысяч лет он спал в этом яйце, а проснувшись, решил выбраться наружу. Топором Паньгу ударил во мрак перед собой, и яйцо раскололось. Светлое и легкое начало, образованное духом ян, поднялось вверх и стало небом, а тяжелое и темное, образованное духом инь, — вниз и стало землей. Отделив небо от земли, Паньгу уперся ногами в землю и головой подпер небо, чтобы не позволить им вновь обратиться в хаос. От его вдохов поднимались ветры, от выдохов гремел гром; когда великан открывал глаза, наступал день, закрывал — ночь спускалась на землю. Когда Паньгу был в хорошем расположении, стояла ясная погода, когда гневался — поднималась буря.

Каждый день Паньгу вырастал на один чжан (около 3 м), и небо становилось выше на 1 чжан, а земля толще на

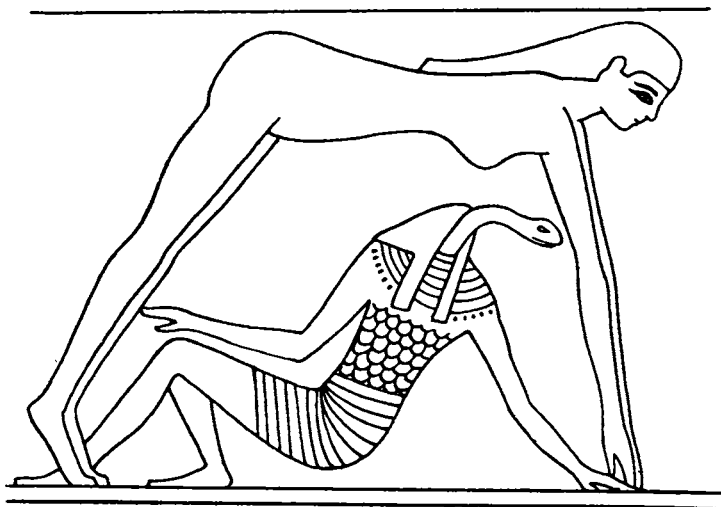
1 чжан. Через 18 тысяч лет рост атланта Паньгу достиг 90 тысяч ли (ок. 45 тыс. км): так же высоко поднялось небо и такой же толстой стала земля. Наконец Паньгу упал и умер — воплотился в природу. Его вздох стал ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый — луной, туловище с руками и ногами — четырьмя странами света и пятью священными горами, кровь — реками, жилы — дорогами, плоть — почвой, волосы и усы — звездами, кожа и волосы на теле — травами, цветами и деревьями, зубы и кости — золотом и камнями, костный мозг — жемчугом и нефритом, пот — дождем и росой, а от паразитов, ползавших по его телу и оплодотворенных ветром, возникли люди. В позднем Средневековье Паньгу изображали настоящим ремесленником — с топором и долотом в руках в момент отделения им неба от земли, но в преданиях его облик был не вполне человеческим: он напоминал то ли пса, то ли дракона...

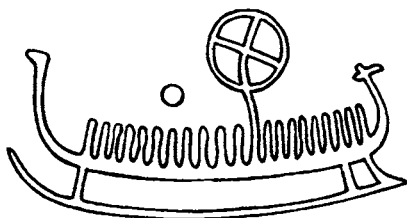
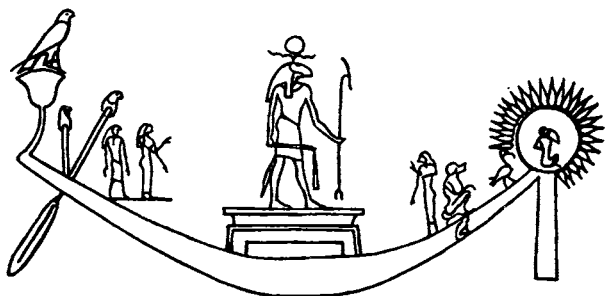
Паньгу изображали также с солнцем в одной руке и луной — в другой. Легенда гласит, что первосущество не сразу правильно расположило светила: они одновременно скрывались за горизонтом, и на земле наступала тьма. Тогда повелитель Вселенной повелел исправить ошибку. Чтобы не сбиться, Паньгу написал на левой ладони иероглиф «солнце», а на правой — «луна». Он протянул левую руку и призвал солнце, затем — правую, вызвав луну; так Паньгу повторил семь раз, установив смену суток и время убывания луны.

Два космических начала пронизывают всю картину мира Китая: это темное начало инь и светлое ян. Может быть, первоначально инь означало тeneвую — северную сторону мировой горы или желток первозданного яйца. Как мы уже видели, дуальные противопоставления оказывались в основе мифологических описаний Вселенной у народов мира. Инь стало означать темное женское — хтоническое начало, землю, север, тьму, смерть, луну, четные числа и т.д. Ян, напротив, стало светлым мужским началом, воплощением неба, юга, жизни, солнца, нечетных чисел. Оба начала противостоят друг другу и вместе с тем нераздельны.

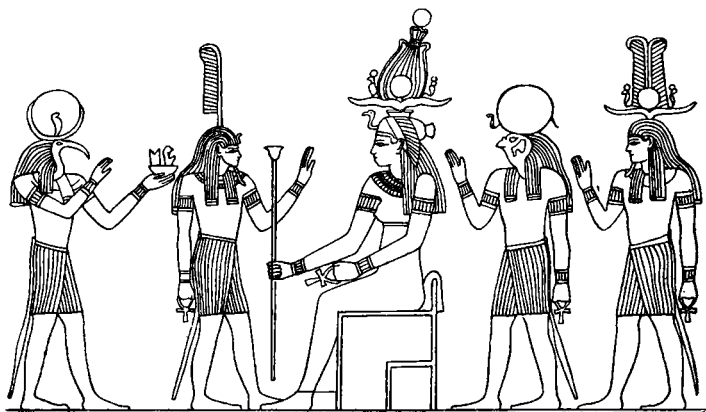

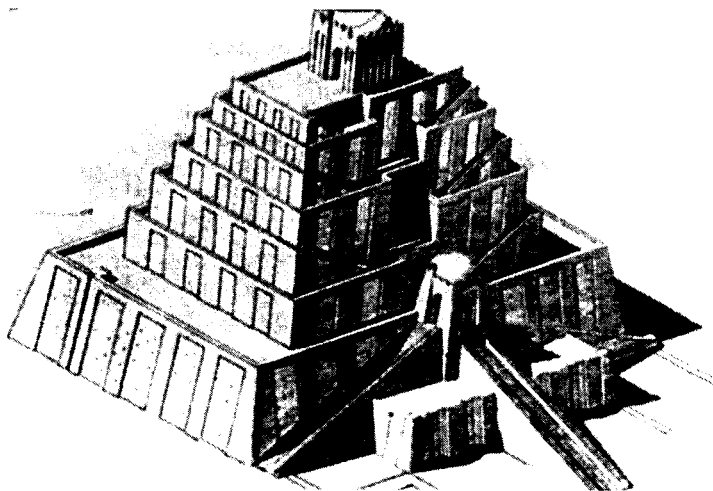
Бог земли Геб с головой змеи под богиней Неба.
Египетский рисунок

**Представления о солнечной ладье известны
были многим народам мира: вверху —
египетская солнечная ладья, внизу —
наскальное изображение бронзового века, Швеция**

**Египетские боги с головами птиц
и в тотемических головных уборах**

**Зиккурат — воплощение «модели мира»
в Месопотамии. Зиккурат царя Набонида в Уре.
VI в. до н. э. Реконструкция**

**Вавилонский бог вод
Эя в наряде,
изображающем рыбу.
Рельеф**

**Битва Мардука
с Тямат. Оттиск
вавилонской
печати**

Идзанаки и Идзанами.
Бог достает остров
из первичного океана

Не только космос, но и быт пронизан двумя началами. Когда правитель поднимается на престол, чтобы принять вассалов, он обращается лицом на юг, к небу, его подданные обращены на север, у подножия престола. Правитель объезжает Поднебесную только посолонь, лицом к югу — в противоположном направлении можно двигаться лишь при похоронах. Таким образом, спина человека относится к инь, а лицо и грудь — к ян.

Фуси и Ньюва. Супруги-творцы

По версии китайского антропогонического мифа люди произошли не от паразитов на теле первосущества, а от воплощений ян и инь — первопредков Фуси и Ньюва — брата и сестры. Когда Вселенная была еще только создана, они жили на священной мировой горе Куньлунь, высота которой уступала, однако, высоте Паньгу — насчитывала всего 11 тысяч ли (7 тысяч км). Впрочем, облик первопредков не был вполне антропоморфным: они были наполовину змеями, что выдавало их хтоническую природу, а змеиные хвосты на изображениях Фуси и Ньюва были переплетены, символизируя брак первопредков. Как и повсюду, их брак — брак брата и сестры — не мог считаться правильным. Но у первопредков не было выбора — ведь они жили в только что созданном мире. Поэтому Фуси поднялся на мировую гору и обратился к небу: «Если небу угоден наш брак, пусть дым от разожженного костра поднимется вверх». Дым поднялся вверх столбом, и благодаря этому небесному знаку на свет появилось человечество. Правда, перед браком невеста должна была стыдливо прикрываться веером — так в Китае стали поступать все невесты.

Первоначально, однако, Фуси и Ньюва не были связаны между собой. Фуси был культурным героем и жрецом, его имя означает, что он способен был добывать жертвенных животных. Он научил людей охоте и рыбной ловле, добыл огонь и стал поэтому первым поваром — научил готовить вареное мясо (что было важнейшим культурным

деянием в мифах многих народов). Он изобрел гусли и орудия труда, обучил людей правилам жемчужности. Он же оказался создателем иероглифов и символов ба гуа — «восьми триграмм», которые символизировали небо, землю, воду, огонь, горы, гром, ветер и болота — основные стихии и элементы космоса.

Предание о Фуси гласит, что его мать, девушка из райской страны, зачала его, наступив в болоте Грома на обнаруженный ею след великана. Хотя зачатие было чудесным — девственным, считают, что отцом Фуси был громовник Лэйгун — он являлся в облике великанского дракона с человеческой головой. Поэтому Фуси мог подниматься на небеса по известной ему лестнице, расположенной в центре мира, — ведь он был родственником небесного бога; так он смог добыть и огонь. Фуси стал владыкой Востока, первым правителем, и, вероятно, сначала он считался первопродком восточных племен.

Рассказывают, что Фуси сидел однажды на квадратном алтаре и прислушивался к свисту ветров, дующих со всех восьми направлений. Тогда он и стал чертить линии ба гуа: три цельные линии обозначали небо, три прерванные — землю и т.д. Недаром Фуси изображают с циркулем в одной руке и диском солнца — в другой: он был демиургом и воплощением небесного начала.

Имя Нюйва (Нюй гуа) может означать лягушку — духа дождя и земного плодородия, что соответствует символу инь. В одном из вариантов антропогонического мифа Нюйва решает сотворить людей как своих детей, чтобы оживить мир, который был еще пустынен и безмолвен, и избавиться от одиночества. Сначала она лепила каждого человечка из глины, и они оживали, но потом, утомившись, упростила работу: стала опускать в глиняную жижу лиану или веревку, а затем стряхивать ее. Летевшие на землю комочки превращались в людей. Вылепленные самой Нюйва люди — это богатые и знатные, а сотворенные с помощью веревки — это бедные и ничтожные. Чтобы род людской продолжался сам и богине не приходилось бесконечно заниматься производством новых существ, Нюйва установила обычаи бракосочетания (стала богиней-свахой), деторождения и обязанности по воспитанию детей.

Ньюва восстановила также космическое равновесие после катастрофы, вызванной ссорой бога воды Гунгуна и бога огня Чжужуна. Гунгун, змей с головой человека, рогатой и покрытой красными волосами, считался злобным божеством, что характерно для мифологических воплощений водной стихии, а вражда его с огнем была вполне естественной. Разместившись на огромном плоту вместе со своими чудовищными помощниками, Гунгун впряг в него водяные существа великой реки и поднял огромные волны, чтобы расправиться с Чжужуном. Но бог огня опалил врагов своим пламенем, выпущенным с небесной колесницы.

Побежденный Гунгун стал биться рогатой головой о гору Бучжоу, подпиравшую небо, и она сломалась. Одна из сторон земли разрушилась, часть небосвода отвалилась, солнце и луна закатились (в ворота, открывшиеся возле мировой горы), и на небе возникли огромные проломы, а на земле — ямы. Землю поразили пожар и потоп. Чтобы спасти людей, Ньюва починила небосвод. Она собрала камни пяти цветов, расплавил их в жидкую массу и ею заделала отверстия в небе, затем убила гигантскую черепаху Ао, обрубив у нее ноги и поставила их с четырех сторон земли как опоры для неба. Ньюва также преградила дорогу потоку, для чего сожгла тростник и сгребла пепел в запруды. Затем она убила зловредного черного дракона и изгнала злых и хищных зверей и птиц. Говорят также, что она взвалила на спину квадрат земли и схватила в охапку круг неба, сделала весну мягкой, лето жарким, осень убивающей, зиму сохраняющей — то есть была настоящим Творцом.

После благодеяний Ньюва наступил золотой век — животные стали помощниками людей, и стоило им только захотеть, у них появлялся бык или лошадь. Тигров и барсов можно было таскать за хвосты, а змей брать в руки — настолько они были безобидны. Съедобные растения росли в таком изобилии, что их не успевали собирать. Если рождался ребенок, его клали в птичье гнездо, и ветер убаюкивал дитя, раскачивая гнездо как люльку. Подобно Фуси, Ньюва создала свой музыкальный инструмент, чтобы увеселять людей. Это был органчик, тринадцать трубочек которого были вставлены в полую тыкву — сосуд, в котором некогда спаслись от потопа прародители (о чем будет рассказано ниже).

Но мир перестал быть таким, как прежде. Небосвод остался перекошенным к западу — инь, и туда продолжали клониться светила. На юго-западе земли возникла огромная

впадина — мировая бездна Гуйсюй, туда устремились воды всех рек, в том числе и небесной — Млечного Пути. Там скрывается девятиглавый змей — Хозяин земли: он пожирает девять гор — опоры Вселенной, а вместо земли выплевывает из своих пастей болота.

После смерти Ньюва ее тело, подобно телу Паньгу, дало жизнь многим чудесным вещам. Ее кишки обратились в десять богов, сама она, имевшая способность к семидесяти превращениям, обратилась во множество явлений Вселенной.

Плененный громовник и сотворение людей

Фуси и Ньюва действуют совместно в другом предании о потопе, который бог грома Лэйгун, разгневавшись, наслал на людей.

Однажды, когда люди работали в поле, стала надвигаться страшная гроза. Некий крестьянин бросился чинить крышу, под которой прятались от грозы его дети — мальчик и девочка. Гроза же все усиливалась, и крестьянин задумал что-то странное: он выставил на карниз крыши железную клетку и встал рядом с открытой дверью, вооружившись рогатиной, с которой ходили на тигров.

Вскоре с одним из раскатов грома сам Лэйгун с деревянным топором, синим лицом и горящими глазами спустился на своих крыльях. Тут храбрец зацепил его за пояс рогатиной и запихнул в клетку. Захлопнув ловушку, он втащил клетку в дом.

Уныло сидел плененный громовник в клетке, а поймавший его храбрец направился на рынок, чтобы купить приправ и приготовить из бедного бога изысканное блюдо. Перед уходом он наказал детям не давать громовнику ни капли воды.

Только он ушел, Лэйгун принялся стенать, жалуясь на жажду, и добросердечная девочка дала несчастному несколько капель. Громовник сразу повеселел и велел детям выйти из дому. Когда дети выбежали, страшный гром потряс небо и землю. Лэйгун вырвался из своей клетки. Прежде чем подняться на небо, он вырвал свой зуб и велел детям посадить его в землю: когда начнется потоп, они смогут спрятаться в выросших из земли плодах.

Громовник отличается скандальным нравом у самых разных народов. Мы уже пересказывали бушменский миф о громае и молнии. У семангов Малакки в начале грозы женщины выбегали из хижин с ножами и бамбуковыми трубками, наполненными водой: они надрезали себе вены, собирали кровь в трубки, смешивая воду — «кровь земли» — со своей кровью, выплескивал жидкость «навстречу грому» и кричали: «Уходи!» Если же гроза не прекращалась, то хижины приходилось покидать для совершения того же обряда и мужчинам. Миф объясняет смысл этого обряда. Громовник считался не только сердитым, но и ревнивым. Когда он возвращался в свое жилище и не находил там жены, то принимался грохотать, разыскивая ее. Тогда земные женщины должны были выбегать из хижин, чтобы показать, что это не жена бога прячется на земле, а если гром не успокаивался, то мужья должны были подтвердить, что это их верные жены.

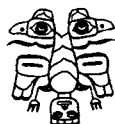
Интересно, что и у славян боялись грозы и особенно градовых туч, которые можно было отогнать, выбрасывая на улицу кочергу, размахивая острыми предметами и т.п., но среди этих предметов-оберегов известны и свадебный венец, и фата...

Русский филолог и историк А.А. Шахматов в начале XX в. записал у мордвы-эрзи замечательную свадебную песню, исполнявшуюся при приготовлении свадебного карая:

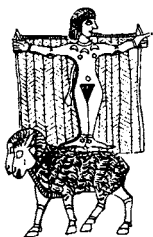
Перть, перть, благый бурьгине,
Уж перть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть вергедеть,
Каракарчи васыдить.

Перевод этого текста таков:

Со всех сторон злой гром,
Уж со всех сторон молния,
И закричат, и блеснут,
При встрече соединятся.

Из последующего текста выясняется, что весь этот гром и молния гремят и освещают дом отца жениха, куда должна прибыть невеста. Почему об этом поется в свадебной песне, нам поможет прояснить миф, записанный русским писателем А. Мельниковым-Печерским. Громовник Пурьгине-паз решил жениться на земной девушке, имя которой Сыржа, Заря, что впрочем, может выдавать небесное происхождение. Но во время брачного пира громовержец разошелся, принялся с грохотом сотрясать стол, а потом его взгляд засверкал молнией, дом загорелся, а жених с невестой вознеслись прямо на небо...

В одной мордовской сказке образ самого громовника несколько приземлен, ибо он изображен богатым государем (инязоро), зато он не только женится на земной девушке, но и поражает молнией семиглавого змея.

Обозначение грома и громовержца в мордовском языке заимствовано из балтийского: там громовник именуется Перкунас. Он тоже оказывается героем свадебных песен, но его гнев вполне определенно мотивирован: Перкунас участвует в небесной свадьбе месяца и солнца, но месяц изменяет солнцу с утренней зарей (вспомним мордовскую Сыржу), и Перкунас разрубает его мечом — так объясняется убывание луны. Гневливый громовник есть и в мифологии финнов: когда небесный бог Укко ссорится со своей женой Рауни, гремит гром и начинается плодородный дождь. Мотив же небесной свадьбы солнца и луны известен и финской, и саамской мифологии — повсюду, где племена балтов жили по соседству с финнами. У финнов этот миф точно повторяет балтский; земную девушку сватают солнце и месяц, но она предпочитает сына Полярной звезды.

Миф о женитьбе громовника широко распространен у индоевропейских народов: громовержец оказывается супругом земной богини, которая вдобавок изменяет ему с хтоническим — змеевидным существом, так что не напрасно гневается бог грома. Существует даже реконструкция той мифологической фразы, которая еще в эпоху праиндоевропейской общности описывала расправу громовержца с обидчиком. Индолог Я.В. Васильков обратил внимание, что эта фраза напоминает зачин мордовской песни: «Перть, перть, благый бурьгине». Мордва оказалась наследницей древнейшей индоевропейской поэтической формулы, хотя индоевропейский миф, видимо, был передан ей уже при позднейшем балтийском посредстве. Интересно также, что русское слово «благый» — благой — в мордовском языке получило обратный смысл — «злой». Такое же значение родственное слово имеет в литовском языке. Впрочем, в мордовском фольклоре существует представление о чудесном зачатии, когда дети рождаются от связи девушек с небожителями: такие дети именуются также «благими».

Миф о гневливом небесном боге напоминает нам сюжеты, связанные с низвержением на землю строптивой или неверной небесной богини: там она становится хтонической богиней плодородия или даже правительницей преисподней. Это вариант космогонического мифа о разделении неба и земли, и о нем еще пойдет речь.

Но миф о «священном браке» небесного бога и земной богини связан, как правило, и с антропогоническим мифом. В китайской традиции гнев громовника, казалось бы, не имеет отношения к происхождению людей; однако и здесь сюжет завершается антропогонией.

Вернувшийся отец обнаружил бегство бога и понял, что нужно ждать беды. Он тут же стал строить железную лодку. Дети же играли с подаренным им зубом, посадили его в землю, и — о, чудо! — на их глазах из него вырос росток, а на следующий день — огромный плод. Это была тыква-горлянка. Любопытные дети отрезали ее верхушку и внутри обнаружили не семена, а множество зубов. Дети повыворивали зубы, а сами забрались внутрь огромной тыквы.

На третий день хлынул невиданный ливень. У детей было убежище, отец же вскочил в свою железную лодку. Вода все прибывала и достигла небес. Отец подплыл к небесным вратам и принялся колотить в них; тогда дух неба велел дождю прекратиться. Вода спала так же быстро, как поднялась, и несчастный герой упал вместе с лодкой с небес на землю, разбившись вдребезги. Тыква же была мягкой и лишь подпрыгнула несколько раз, упав на землю.

Дети выбрались наружу и увидели, что все люди на земле погибли. Лишь Фуси и Ньюва остались на земле и получили прозвание «братец-тыква» и «сестрица-тыква». Небо еще не настолько отдалилось от земли, чтобы стать недосягаемым, и дети по лестнице могли добираться до небесного дворца и играть там.

Когда дети выросли, брат захотел жениться на сестре. Та помнила о древних запретах, но ведь они были единственной парой на земле. Вскоре Ньюва родила бесформенный комочек мяса. Супруги удивились, разрезали его на кусочки и, завернув в ткань, отправились в небесный дворец. Порыв ветра вырвал у них сверток, мясные комочки упали на землю и превратились в людей. Упавшие на листья получили прозвания по листьям, упавшие на стволы деревьев — по деревьям: так возникли разные роды людей.

Мифологические рассказы о тыкве, из которой появились новые поколения людей, популярны в Восточной Азии.

Мон-кхмеры в Лаосе рассказывают о том, как брат и сестра поймали крысу, та предупредила их о грядущем потопе и посоветовала спастись в полем стволе дерева. После потопа по совету птицы они поженились. У женщины родились две тыквы. Однажды она уронила пест и разбила одну из тыкв: из нее вышли народы тай, лы, лао и другие. Нагре-

тым куском железа она проткнула другую тыкву, и вышли кхму: их кожа темная, потому что они испачкались в угле. Осколки тыкв превратились в скалы около деревни, именуемой «Деревня тыквы».

У народа шан (Мьянма — Бирма) известен миф о том, как во время потопа спастся только мудрый Литлонг. Небесные божества велели ему построить плот, в который было разрешено взять только корову. Когда потоп кончился, на обсохшей земле начался пожар, но Литлонг вновь уцелел: он рассек живот у коровы и там укрылся. В желудке коровы он нашел два семени тыквы и посадил их. Выросшие огромные тыквы были прожжены молнией бога громовника Линлауна: из одной вышли сами шан, из другой — остальные народы, животные, птицы, полезные растения. Землю для нового поколения людей благоустроил бог ясного неба Саопанг. В него ударила молния Линлауна, и части его тела превратились в духов местностей. Из его правого глаза возникло солнце, из левого — луна, язык стал огнем, нос превратился в золото и серебро.

Иной китайский миф, сохранившийся в виде шутиливой басни, рассказывает о том, как первобытное воплощение хаоса стало основой мироздания из-за неудачной хирургической операции.

Владыка Южного моря Шу — Быстрый и владыка Северного моря Ху — Внезапный любили навещать владыку Центра — Хуньтуня, воплощение Хаоса. Хозяин был приветлив с гостями, но сам не мог вполне наслаждаться жизнью, ибо представлял собой бесформенное существо: у него не было ни глаз, ни ушей, ни рта — ни одного отверстия в голове. Друзья решили как-то отблагодарить хозяина и, взяв топор и сверло в качестве хирургических инструментов, за семь дней просверлили ему недостающие семь отверстий. Но бедолага Хуньтунь успел только печально вскрикнуть и умер.

Очевидно, Хуньтуня постигла судьба Паньгу. Впрочем, как и сам Паньгу, он не был настолько симпатичным, насколько его описывает приведенная басня: это был дикий зверь, напоминавший одновременно огромного пса и бурого медведя,

который ненавидел всех добрых тварей, зато ластился к злодеям. Подобно псу, он играл со своим хвостом и ловил его зубами. Такие воплощения хаоса известны в разных мифологиях: правда, их облик, как правило, змеиный: змея, окружающая мир, кусает себя за хвост, воплощая бесконечность Вселенной.

Не менее архаичным был облик богини Гуйму — «матери бесов».

У Гуйму голова тигра, ноги дракона-луна, брови и глаза — других драконов, породы которых во множестве были известны китайским мифам. Но главное — не эти ее хтонические черты, а то, что она способна породить небо и землю, то есть оказывается богиней изначального хаоса. Но рожает она не небо и землю, а бесов, причем во множестве — целую тысячу ежедневно. Бесы переполнили бы землю, но «мать бесов» поедает их вечером...

Мы еще встретимся с богиней, воплощающей первоначальную космическую стихию и пожирающую своих детей, — то будет египетская небесная богиня Нут, к утру съедающая звезды. Вообще мифологические прародители-творцы постоянно проявляют склонность к истреблению своего потомства, для которого оказываются тесными границы первоначальной Вселенной.

Первое время после отделения неба от земли с земли можно было попасть на небо по особым небесным лестницам. Люди, боги и духи смешивались между собой, каждая семья стала сама совершать обряды, ранее совершавшиеся только шаманами, и люди потеряли уважение к богам. Тогда начались стихийные бедствия, и мир едва не погиб. Окончательно небо и земля были разделены по приказанию небесного владыки Чжуаньсюя, поручившего своим внукам Чжуну и Ли перерезать дорогу между небом и землей. Первый поднял небо вверх, а второй придавил землю книзу. Люди и боги перестали смешиваться, и всюду воцарился порядок.

В определенном смысле творение мира продолжается во время борьбы с потопом. Сначала в борьбу с потопом вступает сын небесного владыки Чжуансюя Гунь. По совету совы и черепахи он украл из небесного дворца чудесную землю сижан — брошенная на поверхность земли, она сразу вырастает и образует горы и дамбы. Но верховный владыка Шан-ди узнал об этом и велел убить Гуня. Из тела Гуня чудесным образом вышел дракон: его сын — великий Юй, а сам Гунь обратился в некое животное. Шан-ди велел Юю завершить дело Гуня, дал ему сижан и послал в помощь дракона Инлуна. Сижан Юй повелел нести за собой на спине большой черной черепахе. Усмиряя потоп, Юй насыпал насыпи (из самых высоких образовались горы), исправлял течение рек и проводил каналы (русла для них чертил своим хвостом дракон Инлун).

Искусный стрелок из лука И, сын верховного божества Ди-Цзюня, был послан на землю, чтобы избавить ее от чудовищ (подобно греческому Гераклу). В те времена на небе появилось сразу десять солнц, что грозило страшной засухой. Одним из подвигов И стало то, что он поразил стрелами девять из них, оставив одно.

Мир из тела великана

Миф о Паньгу имеет многочисленные параллели у самых разных народов. Самая известная из них — рассказ о великане Пуруше в древнейшем собрании индийских (индоарийских) гимнов — Ригведе.

Пуруша — первая жертва

В начале мира боги создали первочеловека Пурушу. Тысячеглавый, тысячеглазый, тысяченогий, он покрывал всю землю. Боги принесли его себе в жертву. Из жертвенного масла, возникшего при жертвоприношении, были созданы все животные — те, что летают, живут в лесу (дикие) и в селении (домашние). Из той же жертвы родились и гимны — религиозные напевы.

Пуруша был расчленен, и из его частей возникли упорядоченные части общественного и космического устройст-

ва. То были четыре сословия — варны: из уст произошли брахманы (жрецы), из рук — кшатрии (воины), из бедер — вайшьи (земледельцы), из ног — низшее сословие, шудры.

Светила и космические стихии были также сотворены из его тела: из разума — месяц, из ока — солнце, изо рта — огонь, из дыхания — ветер, из пупа — воздух, из головы — небо, из ушей — страны света, из ног — земля.

Жертвоприношение — расчленение тысячеглавого хаотического создания — и было, собственно, космогоническим актом. Ближайшая параллель ему содержится в русском духовном Стихе о Голубиной книге: она свидетельствует о еще неясном для ученых воздействии индийской традиции на русскую.

Голубиная книга

Русский духовный стих рассказывает об огромной Голубиной книге, которая выпала с небес во времена крестителя Руси Владимира Святославича. Писал ее сам Иисус Христос — Царь небесный, а прочесть ее не под силу никому, ибо сам пророк Исаия читал ее три года, а смог прочесть лишь три листа, но библейский царь Давид — Давыд Евсеевич — может рассказать о ее содержании. Тогда Владимир и задает ему главные вопросы (правда, в порядке, обратном тому, что приведен в гимне Ригvedы, — Владимир начинает с вопросов о космическом устройстве и завершает вопросами об устройстве социальном):

От чего у нас начался белый вольный свет?

От чего у нас солнце красное?

От чего у нас млад-светел месяц?

От чего у нас звезды частые?

От чего у нас зори утренни?

От чего у нас ветры буйные?

От чего у нас дробен дождик?

От чего у нас ум-разум?
 От чего наши помыслы?
 От чего у нас мир-народ?
 От чего у нас кости крепкие?
 От чего телеса наши?
 От чего кровь-руда наша?
 От чего у нас в земле цари пошли?
 От чего зачались князья-бояры?
 От чего крестьяны православные?

Царь Давыд Евсеевич говорит ему не по книге, но «по памяти»:

У нас белый вольный свет зачался от Суда Божия,
 Солнце красное от лица Божьего,
 Самого Христа, Царя Небесного;
 Млад-светел месяц от груди его,
 Звезды частые от риз Божиих,
 Ночи темные от дум Господних,
 Ветры буйные от Свята Духа,
 Дробен дождик от слез Христа,
 Наши помыслы от облац небесных,
 У нас мир-народ от Адамия,
 Кости крепкие от камени,
 Телеса наши от сырой земли,
 Кровь руда наша от черна моря.
 От того у нас в земле цари пошли:
 От святой главы от Адамовой;
 От того зачались князья-бояры:
 От святых мощей от Адамовых;
 От того крестьяны православные:
 От свята колена от Адамова.

О библейской космогонии здесь напоминает лишь происхождение ветров от Святого Духа, ибо «в начале» Дух Божий, подобно ветру, веял над водами. Кроме того, кровь возводится к Черному — Красному морю (в стихе — черно море), по которому прошел народ Божий во время исхода из Египта. В остальном картина мира, рисуемая в стихе, близка индийской, как и рассказ о том, «какая рыба всем рыбам мати»:

Кит-рыба всем рыбам мати...
 На трех рыбах земля основана.
 Стоит кит-рыба — не сворохнется;
 Когда же кит-рыба поворотится,
 Тогда мать-земля восколыбнется,
 Тогда белый свет наш покончится.

Праотец Адам представлялся в апокрифической христианской традиции первобытным великаном. Его голова — череп — стала Голгофой, Лысой горой, на которой был возведен крест; Иисус был похоронен в этой голове, как в пещере.

Имир и скандинавская космогония

В богатой космогоническими сюжетами скандинавской мифологии первосущество, как и у тольтеков, было андрогинным. Но то был не бог, а подобный Пуруше великан — воплощение первозданного хаоса.

В «Младшей Эдде», собрании скандинавских мифов, созданном скальдом и историком Снорри Стурлусоном в XIII в., пыливый странник Гюльви спрашивает у богов — Высокого, Равновысокого и Третьего: «Что же было в начале?» И бог, именуемый Высоким, отвечает словами из первой и самой знаменитой мифологической песни «Старшей Эдды» — «Прорицания вёльвы», провидицы. Если под именем Высокого скрывался глава скандинавских богов Один, то он хорошо знал эти слова — ведь они были адресованы самому богу, когда тот спустился в преисподнюю Хель, чтобы поднять вёльву из могилы и узнать у нее о начале и грядущих судьбах мира.

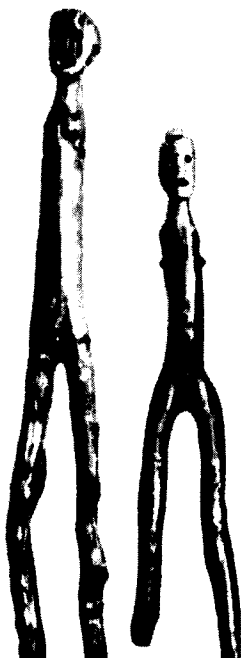
В начале времен
 не было в мире
 ни песка, ни моря,
 ни волн холодных [— был лишь великан Имир].

На памятном камне с острова Готланд изображена картина мира, как ее представляли скандинавы: солнечный диск с двумя малыми светилами, воплощающими восходящее и заходящее солнце, мировое дерево и ладья мертвых внизу, плывущая по водам преисподней.

Аск и Эмбля.
Деревянные фигурки из германского святилища в Шлезвиге

Эрос. Греческий рисунок на вазе

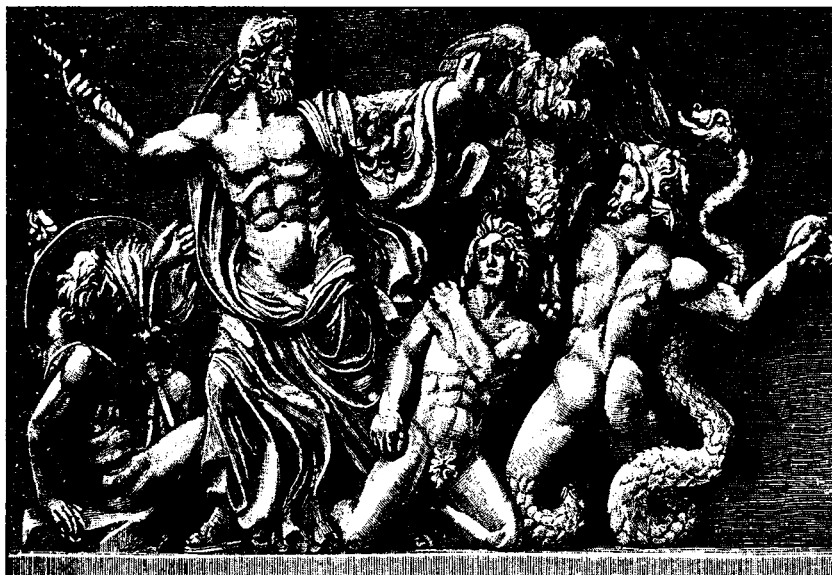
**Рея передает
Крону
завернутый
в пеленки
камень,
чтобы спасти
от смерти
новорожден-
ного Зевса.**
Римский
мраморный
рельеф. Рим.
Капитолийские
музеи

**Нимфа
Адрастея
кормит Зевса
из рога
молоком
божествен-
ной козы
Амалфеи.**
За деревом —
бог Пан,
играющий
на флейте.
Римский
мраморный
рельеф. Рим.
Ватиканские
музеи

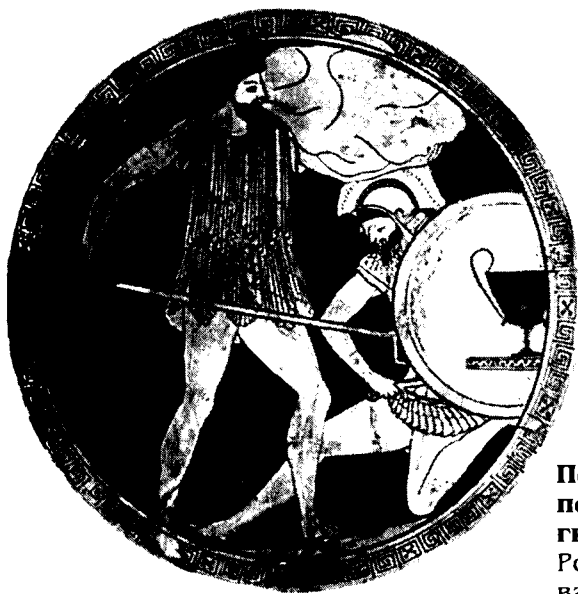
Двенадцать богов-олимпийцев.
Мраморный рельеф

Гигантомахия. Зевс поражает перуном гигантов.
Фрагмент рельефа Пергамского алтаря.
II в. до н. э. Берлин. Пергамон-музей

Афина поражает гиганта.
Роспись на вазе

Посейдон поражает гиганта.
Роспись на вазе. Рим

Всадники у дерева.
Роспись на донце русской прялки

Земли еще не было,
и небосвода
бездна сияла,
трава не росла.

Зияющей бездне — Гиннунга гап — Равновысокий дает иное название — Нифльхейм, Мир тьмы. Он был создан в начале времен. В его середине бурлит поток, называемый Кипящий Котел, а из потока вытекают десять рек с мрачными именами — «Холодная», «Свирепая», «Буря», «Волчица»... Еще одна река течет у самых врат преисподней — Хель.

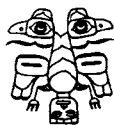
Насколько это суровое «нордическое» начало мира не похоже на библейское повествование о рае — прекрасном саде, который насадил Бог на востоке! Из этого сада — земного рая, как верили в средневековой Европе, — тоже во все стороны света вытекают реки, но это были не мрачные «Буря» или «Волчица», а плодородные Тигр и Евфрат, Инд и даже Дунай...

Изначальный холод и мрак скандинавской космогонии напоминает о суровой природе Исландии. Но из слов некоего Третьего бога выясняется, что раньше этой холодной Бездны, расположенной где-то на севере, на юге существовала Страна огня, Мусспель (или Мусспельхейм), где «все горит и пылает».

Конечно, исландцы могли живо представить такую страну нестерпимого жара, и не отплывая со своего острова, — исландские гейзеры с кипящей водой свидетельствовали об этом жаре, исходящем из преисподней. Но мы видим, что эта мифологическая предыстория Вселенной соответствует представлениям Снорри о географии: холодной Великой Швеции на севере (северо-востоке) и Стране Черных Людей на юге.

В Мусспель никому, кроме обитателей этой страны, нет доступа не только из-за зноя, но и потому, что на краю Мусспеля сидит великан Сурт, чье имя значит «Черный»: в руке у него пылающий меч, и в конце времен он должен спалить весь мир.

Но до конца времен еще далеко, и обитатели небесного града богов асов — Асгарда — рассказывают Гюльви о

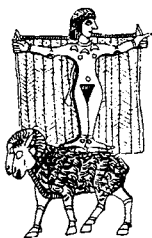

том, как пришли в соприкосновение изначальные области холода и жара. Потоки, несущие свои ядовитые волны из Мировой бездны, оледенели на холоде, яд выступил из них росой и превратился в иней, который заполнил бездну на севере. Но южнее шли дожди и дули ветры, а там, куда залетали искры из Мусспеля, было тепло и сухо. Иней стал таять от проникающего с юга теплого воздуха, и из стекающих капель и брызг ледяного потока «Бурные волны» возник великан Имир. Недаром иное его имя — Аургельмир, «Шумящий в потоке».

Эта первая «натурфилософская» теория о самозарождении жизни на земле казалась бы почти материалистической, несмотря на чудовищность первого живого существа, если бы не дальнейшая ее мифологическая эволюция...

Первое двуполое существо, появившееся от взаимодействия двух стихий — жары и холода, вспотело во сне, и в подмышке из его пота появились другие великаны — мужчина и женщина. Одна нога Имира зачала с другой шестиглавого сына: значит, Имир был андрогинном — двуполым существом. От него пошло племя инеистых великанов — хримтурсов, турсов или ётунов, злобных первобытных существ, самый облик которых был чудовищным.

Пытливый Гюльви продолжил свои расспросы — ему было интересно, чем питался Имир в начале времен. Оказывается, не только Имир возник из инея — с ним появилась и чудесная корова Аудумла, из вымени которой текли четыре молочных реки. Эти реки уже ближе представлениям о райских потоках — от молочных рек питался Имир. Сама же корова лизала соленые камни, покрытые инеем. К исходу дня на камне появились волосы, на другой день — голова и наконец весь человек. В отличие от ётуна Имира он был не только могуч, но и хорош собой. Его прозывают Бури-Родитель. У «Родителя» появился сын — по имени Бор, «Рожденный», но жители Асгарда умолчали о том, кто была его мать. Видимо, время андрогиннов еще не прошло, но прародителю богов уже неприлично было приписывать женские функции. Зато у Бора была уже жена, правда, из племени великанов — ведь других женщин не было в рождающемся мире. Она родила Бору трех сыновей — Одина, Вили и Ве (это имя значит «Жрец»), которые стали правителями на небе и земле —

богами (теперь мы можем догадаться, что за троица богов сидела на трех престолах перед Гюльви).

Далее начинается драма сотворения мира. Сыны Бора убили Имира, и из его жил вытекло столько крови, что в ней утонули инеистые великаны. Лишь одному из них — Бергельмиру («Ревущий как медведь») с его семьей удалось спастись от этого потопа в ковчеге — и здесь библейский сюжет вторгается в языческую мифологию. Но потомство Бергельмира не было людьми, как потомство Ноя, — это были инеистые великаны, ётуны. Тело же Имира бросили в Мировую бездну и сделали из него землю.

Тело великана стало разлагаться и дало жизнь многочисленным существам, которые населяют мир скандинавской мифологии. Из червей, размножившихся в теле Имира, возникли карлики. По воле богов они приняли человеческий облик и получили разум. В Прорицании вэльва говорит, что первые карлики были созданы богами из крови и костей Имира, а они уже наклепили много себе подобных человечков из глины — плоти первого великана. Одни карлики, подобно червям, живут в земле, другие — в камнях. Это подземные хтонические существа и боятся дневного света, недаром их дом именуется Нидавеллир — «Поля мрака» и стоит на севере. Правда, дом этот золотой — ведь карлики оказались владельцами подземных сокровищ (как гномы европейского фольклора).

Потоки крови великана Имира стали водами, которые боги сделали океаном, окружающим землю. Кости Имира стали горами, валуны и камни (которыми полна Скандинавия и Исландия) превратились в его зубы и осколки костей, мозг бросили в воздух и сделали облака.

Мир был создан из человекоподобного существа, человек — из стихий и элементов космоса. Значит, этот космос можно было понять, описать в космогонических мифах и освоить...

Равновысокий же продолжал свой рассказ. Из черепа Имира сделали небосвод; при этом землю пришлось с четырех сторон загнуть, чтобы сделать опоры для небосвода. Тут пригодились карлики: четверых посадили под каждый изгиб и назвали по сторонам света — Восточный, Западный, Северный и Южный.

Первоначальный мир, таким образом, представлял собой подобие геометрической фигуры, ориентированной по сторонам света: земной круг, четыре стороны которого были приподняты в качестве опор, оказывался одновременно и квадратом. Эта геометрическая фигура, воплощающая космос, — космограмма — свойственна мифам о строении космоса (космогоническим мифам) многих народов: в Индии такую фигуру называют мандалой. Это символическое сочетание простейших геометрических фигур, обозначающих космос, не случайно. Сотворение мира заключалось в том, что из бесформенного Хаоса, Мировой бездны, создавались правильные формы. Таковым было мифологическое представление о пространстве.

Творение же — и рассказ о нем в «Младшей Эдде» — шло своим чередом, и наступил черед сотворения времени. Время в архаических обществах измерялось по движению светил, и боги стали искать в окружающем их наполовину хаотическом мире материал для сотворения небесных тел.

«Они взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из Муспелльсхейма, и прикрепили их в середину неба Мировой Бездны, дабы они освещали небо и землю. Они дали место всякой искорке: одни укрепили на небе, другие же пустили летать в поднебесье, но и этим назначили свое место и уготовили путь. И говорят в старинных преданиях, что с той поры и ведется счет дням и годам». Старинные предания, на которые ссылается Равновысокий, — это знаменитое «Прорицание вельвы» в «Старшей Эдде».

Язык провидицы — вельвы — в поэтической «Старшей Эдде» более темен, что вообще свойственно поэзии. Вельва описывает начало времен несколько по-иному, чем Равновысокий. Первоначальный хаос включал и небесные светила:

Солнце не ведало,
где его дом,

звезды не ведали,
где им сиять,
Месяц не ведал
мощи своей.

Когда сыны Бора в «Прорицании вёльвы» поднимают землю из Мировой бездны, Солнце уже светит с юга. Боги не создали светил, но упорядочивают их размещение и пути.

О происхождении Солнца и Луны рассказывается уже в «Младшей Эдде», когда Гюльви спрашивает, как боги управляют ходом светил. Приходит черед рассказывать Высокому: «Одного человека звали Мундильфари. У него было двое детей. Они были так светлы и прекрасны, что он назвал Месяцем сына своего, а дочь — Солнцем. И отдал он дочь человеку по имени Глен. Но богов прогневала их гордыня, и они водворили брата с сестрою на небо, повелев Солнцу править конями, впряженными в колесницу солнца, а солнце боги сделали, чтобы освещать мир, из тех искр, что вылетали из Муспелльсхейма. Эти кони зовутся Ранний и Проворный. Под дугами же у коней повесили по кузнечному меху, чтобы была им прохлада. В некоторых преданиях это называется кузнечным горном».

«Месяц управляет ходом звезд, — продолжает Высокий, и ему подчиняются новолуние и полнолуние. Он взял с земли двух детей, Биля и Хьюки, в то время как они шли от источника Бюргир и несли на плечах коромысло Симуль с ведром Сэг. Имя отца их — Видфинн. Дети всегда следуют за Месяцем, и это видно с земли».

Содержание этого текста, даже если прочесть ученый комментарий к «Младшей Эдде», остается непонятным: вроде бы предлагается «рациональное» объяснение правильному движению светил по небосводу — боги поставили возницами небесных колесниц людей. Но если для созданных из искр светил были сделаны колесницы, а к ним еще специальные приспособления — меха, раздувающие, как в кузнечном горне, огонь солнца, — то кто управлял ими до случайного появления на земле двух детей, которых гордый родитель прозвал именами светил? Наконец, какое от-

ношение к сотворению мира имеет рассказ о других детях, шедших за водой, где даже коромысло имеет собственное имя?

Обычный ответ на эти вопросы находят в «детском» и даже примитивном мышлении древних людей, наивно объясняющих мир в своих мифологических рассказах. Но ученого исландца Снорри Стурлусона можно было заподозрить в чем угодно, но только не в наивности. Он, конечно, знал, что имя отца, гордого красотой своих детей, подобных светилам, значит «Движущийся в определенные сроки» — миф имел для Снорри символический смысл. Но в самом мифе назван по имени даже земной муж Солнца, который не имел отношения к ее небесному будущему. И это позволяет обнаружить в рассказе Снорри действительно очень древний миф, который свойствен мифологиям многих первобытных племен. Как мы видели, рассказывая о происхождении мира, первобытные люди считали светила и другие явления природы такими же людьми, как они, часто — первопредками своего племени. В начале времен — в эпоху сотворения мира — они превратились в светила, скалы и источники, в зверей и т.п. Эти мифы не были примитивными — они представляли собой первый опыт систематического, преднаучного описания мира, переносили на весь мир родоплеменные отношения. Осколок такого древнего мифа о земном происхождении светил сохранился и в древнеисландской традиции, и Снорри поместил его в свою копилку мифологических сюжетов. При этом он должен был совместить этот миф с другим, более поздним мифом о создании светил из искр богами — отсюда противоречия в тексте «Видения Гюльви».

Старый «тотемический» и новый «символический» мифы различаются и в рассказе о детях, следующих за Месяцем. Символический смысл про-

ясняется, если выяснить значение имен небесных детей: Биль и Хьюки — это «Месяц на ущербе» и «Молодой Месяц». Они несут ведро Сэг — это «Море» с приливами и отливами, коромысло Симуль — это «Лунный луч». Здесь и содержится загадка о связи приливов и отливов с фазами луны. Но разгадать любую загадку можно лишь тогда, когда догадываешься о связанном с ней сюжете. А сюжет этот хорошо известен мировому фольклору: считается, что пятна на луне — это люди, которые ночью, в неположенное время, пошли за водой или нарушили другой запрет и были наказаны за это нарушение обычая (вспомним бушменские и другие мифы о происхождении лунных пятен).

Уже из этого сюжета ясно, что для мифологии смена дня и ночи — это не простое течение времени. Ночь — опасное и запретное время суток. Об этом свидетельствует и само происхождение ночи, миф о котором в «Младшей Эдде» не связан прямо с мифом о происхождении светил. На северном крае земли, где нашли прибежище уцелевшие великаны-ётуны, в Ётунхейме, один из них породил дочь, «от рождения черную и сумрачную, по имени Ночь». Далее следует рассказ, в котором можно обнаружить еще один вариант сотворения мира: первым мужем Ночи стал человек по имени Нагльфари, а сына их звали Ауд. Следующим ее мужем стал Анар, и у них была дочь, прозванная Землею. Наконец, последним мужем этой страшной, но, очевидно, любвеобильной великанши стал Деллинг, из рода богов-асов. У них появился сын, похожий на отца, — светлый и прекрасный, которого и называли День. В этом мифе земля и день также возникают из Хаоса, но этот Хаос — не Мировая бездна, пустота, а Мировая Тьма, Ночь. Боги не создают дня и ночи, а упорядочивают их смену — Снорри устами Высокого повествует о том, как Один дал Ночи и Дню двух коней и две колесницы и послал их на небо, чтобы они каждые сутки объезжали всю землю. Впереди мчится Ночь, правящая конем Инеистая Грива, и пена, падающая каждое утро с его удил, — это роса, орошающая землю. Конь Дня зовется Ясная Грива — эта грива и освещает землю и воздух.

Множество имен, упоминаемых Снорри, в «Младшей Эдде» часто не связано ни с каким мифологическим сюжетом. Тем не менее они очень важны для людей, рассказывающих мифы: знать имя — значит знать происхождение и назначение явления или божества; поэтому многим мифологическим персонажам приписывается подробная генеалогия, наподобие тех, которые описываются в сагах об исландцах. И наоборот, для богов, творящих мир, дать имена — значит совершить акт творения.

В Прорицании вёльвы о начале творения говорится:

Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные,
ночь назвали
и отпрыскам ночи —
вечеру, утру
и дня середине
прозвище дали,
чтоб время исчислить.

Это не простое исчисление, и Один вопрошал вёльву о тайнах творения не потому, что сам был малосведущ в этих тайнах: время в скандинавской мифологии было конечно, и каждый день напоминал о грядущем конце мира — о нем и хотел узнать у провидицы бог.

К этим тайнам подбирается и прикидывающийся протестом Гюльви. Он спрашивает о том, почему дева Солнце так быстро мчится в своей колеснице, будто спасается от самой смерти. И тут выясняется, что ее действительно преследуют два чудовищных волка: одного именуют Обман — и он перед гибелью мира настигнет Солнце. Имя другого — Ненавистник, и он в конце времен схватит Месяц. Забегая вперед — ближе к концу света, Гюльви спрашивает, кто породил этих волков. Оказывается, что они порождения некой, пока не названной великанши. Злобное племя великанов — ётунов, троллей или турсов — расплодилось на краю света по-

сле того, как один из них спасся от потопа — крови Имира, ставшей водами. Они угрожают существованию всего мира.

Мир был сотворен благодаря взаимодействию противоположных стихий — жара и холода, но вместе с гармонией, созданием правильных форм пространства и равномерного течения времени боги-творцы привнесли в этот мир смерть и разрушение. Ведь мир сотворен из тела убитого великана — злобного, но не совершавшего преступлений первобытного существа. Мир, основанный на крови (пусть она и превратилась в мировой океан), обречен на конечную гибель — ее ждут и страшатся и боги, и люди.

Но Имир не был просто убит — он стал жертвой, которую расчленили по определенным правилам, чтобы из хаоса — нерасчлененного и чудовищного — создать космос. Эта первая жертва, на которой (или из которой) строится весь мир, — широко распространенный мифологический сюжет. Он сохранился и в поэтическом творчестве — в балладах о том, что город или крепость можно построить, только если положить в основу, под фундамент, невинную жертву. В обрядах многих народов мира положено при строительстве приносить специальную жертву — чаще не человека, а животное, или хотя бы пустить первой кошку в новый дом. Представление о том, что обустроявая землю — свое культурное пространство, человек совершает насилие над природой, было присуще человечеству с первобытных времен. За это насилие надо было платить выкуп — жертву. Со времен сотворения мира и богам, и людям приходилось приносить жертвы, чтобы их космическое здание оставалось прочным и не рухнуло — вспомним миф о Кецалькоатле.

Смысл первой жертвы — Имира — заключался еще и в том, что этот чудовищный великан был все же человекоподобным существом. Созданный из его тела мир был понятен людям. Расчленение его тела было и первым уроком анатомии, причем в буквальном смысле. Для исцеления больных в древности и Средневековье принято было произносить заговоры, в которых части тела, плоть и кости больного перечислялись так же, как части тела Имира. Космос — или макрокосм — приравнивался по своему составу к человеку (микрокосму). Такие заговоры содержат древнейшие германские заклинания, относящиеся к X в. и именуемые Мерзбургскими; сам Один-Водан произносит заговор.

«От полома кости, от потока крови, от вывиха членов.

Склейся кость с костью, слейся кровь с кровью,
К суставу сустав, как слепленный, пристань».

Когда Гюльви вежливо подивился тому, какую огромную и искусную работу выполнили боги, он спросил, как была устроена земля. Тогда Высокий ответил: «Она снаружи округлая, а кругом нее лежит глубокий океан. По берегам океана боги отвели земли великанам, а весь мир в глубине суши оградили стеною для защиты от великанов. Для этой стены они взяли веки великана Имира и назвали крепость Мидгард».

Небесный Асгард и земной Мидгард. Сотворение человека

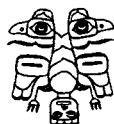
Мидгард — «внутреннее огражденное пространство», крепость, построенная в начале времен богами для защиты от великанов, противопоставлена в скандинавских мифах Утгарду — внешнему пространству, расположенному за оградой. Древнескандинавское слово «гард» означало вообще огражденное или освоенное место.

За этим огражденным пространством лежит уже враждебный мир хаоса, холода на севере — как в земле великанов Ётунхейме, или непереносимого жара на юге, как в Мусцелльсхейме. Мир богов и людей расположен в центре освоенного — устроенного богами — космического пространства.

Но вернемся к вопрошающему Гюльви, который переходит от сотворения мира к сотворению человека: «Великое дело совершили боги, сделав землю и небо и укрепив солнце со светилами и разделив сутки на день и ночь. А откуда взялись люди, населяющие землю?» Тогда Высокий продолжил свой рассказ. Три сына Бора — Один, Вили и Ве — шли однажды берегом моря и увидели два дерева. Из этих деревьев они сделали людей. Один дал им жизнь и душу, Вили — разум и движение, Ве — облик, речь, слух и зрение. Боги дали им даже одежду и, конечно, имена: мужчину и женщину назвали Аск — Ясень и Эмбля — Ива (или Лоза). От них и произошел людской род, который боги поселили в стенах Мидгарда.

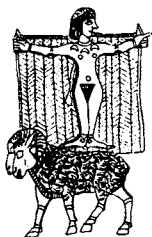
Другой — божественный — персонаж задавал сходные вопросы в другом памятнике древнеисландской литературы и получал на них несколько иные ответы: это был Один в «Прорицании вёльвы». Провидица также рассказывает, как три благих аса отправились к берегу моря и увидели на берегу «не имевших судьбы» безжизненных Аска и Эмблю. Но спутниками Одина названы боги Хёнир и Лодур, о которых в мифах почти ничего, кроме того, что они приняли участие в сотворении человека, не известно. Правда, Хёнир еще однажды упомянут как спутник Одина, но третьим спутником был Локи: думают, что он и скрывался под именем Лодур. Имена Хёнир и Лодур могут означать «Острый» и «Прорастающий»: полагают, что оба имени имеют прямое отношение к древесной сущности первых людей. Один дал людям дыхание, Хёнир — дух, или ум, «заострив его», сделав из «чурбана» разумного человека, Лодур — тепло и румянец. Неудивительно, что боги использовали для сотворения человека подручный материал — деревья (почти как в сказке о Буратино), как они использовали другие дары первоначального хаоса для сотворения светил и т.п. Но и в этом сюжете просматривается древний тотемический миф о людях — первопредках племени, которые стали деревьями.

Наконец, сама вёльва, разбуженная от мертвого сна Одним, проговаривается еще об одном

мифе, повествующем о происхождении людей: она именуется людьми «детьми Хеймдалля». Этот загадочный бог выступает в мифах как страж богов, но специальная «Песнь о Риге» повествует о его участии в сотворении не только людей, но и целых сословий.

Песнь о Риге — мифологическая социология

Многомудрый ас Хеймдалль, говорится в песни, странствовал по свету и забрел в дом, дверь которого была отперта и у огня сидела чета стариков — Прадед и Прабабка. Хеймдалль назвался Ригом — у богов было принято менять имена и обличья во время своих странствий. Он давал старикам мудрые советы, и те, как могли, приветили гостя, накормив его грубым хлебом бедняков, смешанным с отрубями. Риг оставался с ними три дня и три ночи провел в их постели, лежа между хозяевами. Прабабка родила после этого ребенка, которого окропили водой (этот очистительный обряд был известен многим народам до введения христианства) и назвали Трэлем. Вырос он сильным, но сутулым и безобразным с виду, занимался грубой работой, плетя лыко и таская хворост. Эти занятия соответствовали его виду и имени — ведь Трэль значило «Раб». Под стать ему была взявшаяся невесть откуда подруга — кривоногая дева с приплюснутым носом по имени Тир — «Рабыня». Они родили многих сыновей и дочерей (их рабские имена — «Скотник», «Грубиян», «Вонючий» и т.п. — перечисляются в песне), способных удобрять поля, возводить ограды, пасти свиней и коз, — отсюда пошел род рабов.

Риг же вновь отправился странствовать и явился в дом, где хозяева имели более благообразный вид: старик был в узкой рубахе с подстриженной бородой, хозяйка занималась прядением и носила на плечах застешки (характерный признак свободной женщины в Скандинавии эпохи викингов). Они именовались Дедом и Бабкой. После трех ночей, проведенных с ними Ригом, у них родился пригожий рыжий ребенок, прозванный Карлом. Это имя означало свободного мужчину, крестьянина. Крестьянским хозяйством и стал заниматься Карл — он приручал быков, ладил соху и пахал землю,

строил дома. Ему привезли невесту в дорогой одежде из козьей шерсти; ключи на ее поясе свидетельствовали о том, что она — хозяйка, а сама она именовалась Снёр — «Сноха». Это имя означает, что Карл и Снёр стали настоящей супружеской парой — вступили в законный брак, признаваемый их родителями. Их дети родились в довольстве и носили крестьянские имена — от них ведут свой род крестьяне-бонды.

Риг же отправился в путь, чтобы посетить еще один дом: двери его были распахнуты на юг, кольцо на дверях свидетельствовало о богатстве хозяев. Мать и Отец сидели в доме, любясь собою. Отец прилаживал тетиву к луку, белолицая хозяйка опраивала свою дорогую одежду. Риг и им преподал мудрые советы, хозяйка же накрыла на стол и подала хлеб из пшеницы, яства на драгоценной серебряной посуде и вино в кувшине. Риг вновь наградил хозяев не только советами: через девять месяцев Мать родила светловолосого ребенка, чей взор был устрашающ, как взгляд змеи. Этот взор принадлежал человеку, которому суждено было властвовать над другими, ибо он был наречен Ярлом, «Вождем». Ярл рос в палатах, потрясал щитом, точил стрелы и упражнялся в метании копий и владении мечом, скакал на коне, умел натравливать охотничьих собак. Тут из лесов вновь появился Риг, который назвал Ярла сыном и стал учить его тайным знакам — рунам. Бог дал Ярлу наследные земли, но тот сам отправился через лес в соседние земли, которые стал покорять в сражениях. Своим людям он щедро раздавал сокровища, разбрасывал драгоценные кольца.

Мифологическая социология обязывала скандинавскую знать соответствовать высокому образцу. В XII в. ярл Рёгнвальд Кали перечислял девять искусств, которыми он владел: ярл мог играть в тавлеи (род шашек), разбирался в рунах, мог читать книги и заниматься ремеслом, скользить на лыжах, стрелять и грести, играть на арфе и слагать стихи — висы.

Настала пора женитьбы, и сваты от Ярла поехали к дому Херсира (так именовались вожди небольших племенных объединений в Скандинавии). Дочь Херсира Эрна — «Умелая» — стала супругой Ярла и родила ему детей, младший из которых звался Кон — «Отпрыск». Дети унаследовали лю-

бовь к занятиям отца, но младший ведал также руны — целебные, такие, что он мог оказать помощь при родах, волшебные, которые могли притупить меч, могучие, способные успокоить море. Он знал птичий язык и мог усмирить огонь — в знании рун юный Кон соперничал с отцом и был настолько хитер, что приобрел право именоваться Ригом, по имени божественного предка. Но собственное имя юного Кона означает не что иное, как королевский титул — Конунг.

Конец «Песни о Риге» не сохранился целиком. Из его фрагментов ясно, что вещий ворон напомнил конунгу, когда тот охотился в лесу на птиц, что тому пристало воевать на коне. Ворон — птица Одина, сеятеля раздоров и битв: он прокаркал, будто земли датских конунгов Дана и Данпа лучше, а дома — богаче, чем владения Кона. Понятно, что после этого Кон должен был обратить оружие против соперников...

Таинственный Риг — главный герой песни — очень похож по своим поступкам на Одина, и многие комментаторы песни полагают, что Хеймдалль по ошибке отождествлен с Ригом. Но главное в «Песни о Риге» — мифологические представления о становлении человеческого общества, которые кажутся непривычными для всех, кто знаком со средневековой «социологией». Во-первых, аристократы — конунги, ярлы и херсиры, а не рабы, — должны представлять древнейшее сословие. Во-вторых, в средние века рабы вообще не имели самостоятельного сословного статуса — они были целиком зависимы от хозяев: три сословия европейского средневековья — это крестьяне, рыцари (дворяне) и священники. Их главные занятия — работа, война и молитва — признавались равно необходимыми, ибо рыцари должны были защищать телесную жизнь кормящих их крестьян, а попы — заботиться о спасении их душ. «Социология» «Песни о Риге» — мифологическая: сословия возникают как мифологическая Вселенная и развиваются от грубых и хаотических форм ко все более совершенным. Недаром красота и юность при-

писывалась лишь вождям — вечно юные боги также были последними — младшими из сверхъестественных творений. Эта первобытная теория эволюции не призывала к усовершенствованию общества: Трэль и его потомки, по виду мало отличающиеся от безобразных хтонических тварей преисподней, должны были навсегда оставаться рабами — это был рабский род. Напротив, магические знания, которыми был наделен Ярл, не были направлены на благополучие всех сословий — они демонстрировали сверхъестественное право родовой аристократии на власть.

Народные легенды южных славян — болгар и македонцев — сохранили этот архаичный взгляд на мир. В райском саду Адам и Ева успели наплодить немало детей, но праматерь не успела помыть их всех к приходу Господа. Она показала Ему только чистых деток, и Он благословил их. Тогда Еве стало жаль немытых — она и их привела к Господу. Те тоже получили благословение, но из чистых получились князья да цари, и из нечистых — трудовой люд.

Итак, боги наделили доделанных ими из подручного материала людей жизнью и судьбой и переместили с края света, берега моря, в центр мира — Мидгард, сделали из объектов природы носителей культуры, породили сословия и научили вождей магической мудрости. Другие человекоподобные существа — великаны и карлики — возникли сами до сотворения настоящих людей — и заселили окраины обитающего мира и земные недра. Для богов настал черед обустройства сам Мидгард. В середине мира, рассказывает Высокий, боги построили себе город и назвали его Асгард. «Там стали жить боги со всем потомством, и там начало многих событий и многих распрей на земле и на небе».

Пока речь во всех скандинавских мифологических рассказах шла о том, что боги обитают на созданной ими земле. Но из слов Высокого неясно, где же все-таки расположен Ас-

гард — в середине земли или на небе? Гюльви тоже интересовало, как можно попасть с земли на небо, и Высокому этот вопрос показался настолько наивным и неразумным, что он даже рассмеялся — ведь всем известно, что боги построили мост от земли до неба. Люди зовут его радугой. Он очень прочен, но именуется Биврёст — «Трясущейся дорогой»: мост тот подломится, когда по нему поедут на своих конях огненные сыны Муспелля перед концом света. Но Биврёст и сам пламенеет: красный цвет радуги — это пламя, которое заслоняет небо от инеистых великанов. Этот мост именуется еще Мостом Асов, потому что боги каждый день съезжаются по нему на суд в свое главное святилище. Это святилище с престолами и было построено в первую очередь для Одина и его двенадцати асов на поле Идавёлль в середине города Асгарда. «Нет на земле дома больше и лучше построенного. Все там внутри и снаружи как из чистого золота. Люди называют этот чертог Домом радости», — рассказывает Высокий. Но из этого рассказа следует, что Асгард одновременно находится и на небе, и на земле, в ее середине.

Читатель уже мог обратить внимание на то, что мир тьмы — Нифльхейм — был погружен в глубины Мировой бездны, преисподнюю. Но одновременно мир тьмы располагался на краю света — там великан породил Ночь. Кромешная — внешняя — тьма со всех сторон окружала возникающий мир богов и людей, и центр этого мира становился центром космоса вообще. Там росло мировое древо — Иггдрасиль, о котором еще пойдет речь в специальном разделе.

Царство богов в Мидгарде.

Война асов и ванов

Мир богов начался с убийства чудовищного великана — из его расчлененного тела, воплощавшего первобытный и нераздельный хаос, был создан космос — царство культуры, и боги-асы стали первыми культурными героями, изобретателями благ. Сразу после сотворения космоса, определения путей, которыми должны были двигаться светила, асы, собравшиеся на Идавёлль-поле, само имя которого могло значить «поле неустанной деятельности», стали строить высокие капища. То были жилища богов, которые служили одновременно и храмами: главным из них стал Чертог Радости Глядсхейм с двенадцатью престолами для асов и

престолом для Всеотца, — дополняет «Старшую Эдду» Снорри Стурлусон.

Боги построили кузницу, создали клещи и другие кузнечные инструменты и стали ковать сокровища — так рассказывала Одину сама вёльва, вспоминая первые дни после творения. Божественные труды были вознаграждены играми на вечнозеленом лугу: боги играли в золотые тавлеи, «все у них было только из золота».

Это наивное описание «золотого века», напоминающее о жажде богатств, к которым стремились германские варвары, дополнялось не столь уж наивным отношением к ремеслу, прежде всего — кузнечному, как к божественному делу — делу демиургов. Огонь самого солнца в мифе раздувался кузнечными мехами — кузнецы у многих народов почитались сверхъестественными умельцами, обладающими магическими знаниями. Имя знаменитого эпического кузнеца, которому посвящена специальная песнь в «Старшей Эдде», — Вёлунд — сродни имени провидицы вёльвы: он кует сокровища и одновременно строит козни против пленившего его конунга (русское слово «козни» родственно слову «кузнь, кузнец»).

Сами боги-асы были кузнецами, но чаще этим ремеслом занимались черные альвы, та часть природных духов, что обитала в земных недрах и каменных жилищах: ведь руда и драгоценные металлы были скрыты в земных глубинах. Впрочем, и скандинавские знатные люди не брезговали кузнечным ремеслом. С кузнецами — изготовителями стихов — сравнивали и поэтов-скальдов. Ас Локи, породивший чудовищ, которые должны сгубить мир, на поэтическом языке именовался «кузнецом несчастья». Но пока еще боги пребывали в золотом веке, и казалось, ничто не предвещало их грядущей гибели.

Но и золотые тавлеи — игра богов — не беззаботное развлечение: ведь в этой игре всегда

есть проигравший. Еще римский историк Тацит во II веке писал о том, что германцы относились к игре (в кости) как к важному делу и азарт их доходил до того, что, проигравши все, они ставили на кон свою свободу и тело. Игра была в древности сродни поединку и гаданию о главном — жизни или смерти. Одна из величайших эпопей мировой литературы — индийская «Махабхарата» («Великая битва») разразилась из-за соперничества двух божественных царских родов, один из которых проиграл другому царство: Ж. Дюмезиль сравнил эту битву с той войной — первой войной в созданном богами мире, которая разразилась между асами и ванами — двумя родами богов в скандинавской традиции.

Из «Прорицания вёльвы» мы не знаем, чем закончилась божественная игра — знаем только, что «золотой век» длился недолго, и его конец связан с явлением трех великанш из Ётунхейма. Кто были эти великанши и как они вмешались в божественную игру — неясно: можно лишь догадываться, что они и были тремя норнами, прервавшими течение «золотого века» — мир стал открыт грядущему. Тогда асы вернулись к божественным трудам, создали племя карликов и самих людей. Карлы были созданы чудесными умельцами — они научились создавать волшебные предметы, которые не под силу было сделать и самим богам. Затем боги наделили жизнью и сознанием Аска и Эмблю — тут и упоминаются в открытую норны: они стали «судить суд» и «выбирать жизнь детям людей».

Далее и следует рассказ о первой войне. Война началась тогда, когда в мир богов неведомо откуда явилась еще одна зловредная колдунья. Боги пронзали ее копьями и трижды пытались сжечь в чертоге Одина, но она вновь рождалась из пламени и творила волшебную колдовским жезлом, покоряя своему чародейству умы. Помимо имени Хейд — обычного прозвания ведьм — она звалась еще и вёльвой: неясно, рассказывает ли пробужденная Одином провидица о самой себе — ведь она жила до начала времен. Но собственное имя колдуньи было Гулльвейг, и оно было символическим

для всей эпохи германского варварства — от первых походов против Рима до эпохи викингов: оно значило «Сила золота» или «Жажда золота».

Асы терпели ущерб от незваной пришельцы, и судя по прорицанию вёльвы, ущерб они связывали с кознями ванов, богов плодородия, ибо, воссев на «троны могущества», они стали совещаться, брать ли им с ванов выкуп или стерпеть обиду. Стерпеть обиду означало страшное унижение для людей архаического общества — тем более на это не мог пойти воплощавший идеалы викингов Один. Он начал войну, метнув копье в войско ванов. Мы так и не поймем до конца, виноваты ли были ваны или в распре из-за золота были виновны все боги — в «Прорицании вёльвы» нет описания этого сюжета, ведь древние слушатели (и сам Один) и так знали, из-за чего началась первая война. Мы можем лишь предполагать, что ваны подослали Гулльвейг к асам, ибо они были богами плодородия, изобилия и, стало быть, богатства; кроме того, они были сведущи в колдовстве. Вообще обычаи ванов были не те, что у асов: у этих богов плодородия существовал даже обычай брака между братьями и сестрами, среди «нормальных» людей и богов считавшийся тягчайшим преступлением — кровосмешением.

В распре с этим странным родом богов потерпели поражение асы, стены Асгарда рухнули, но боги заключили мир и обменялись заложниками. Обряд, который совершили боги, заключая мир, кажется нелепым и мало аппетитным: асы и ваны подходили к чаше, плевали в нее, а чтобы этот труд и знак мира не пропал втуне, поясняет Снорри в «Младшей Эдде», они сотворили из слюны человека, которого прозвали Квасир. Имя этого существа проясняет для нас суть ритуала: это имя родственно русскому слову «квас» и означает легкий хмельной напиток. Слюна была естественным ферментом, необходимым для брожения хмельного питья. Значит, асы и ваны не просто плевали в сосуд — они готовили питье для пира, который и должен был закрепить мир. Пир — священное действие у германцев, затеять распрю на пиру считалось преступлением. «Пир на весь мир» должен был состояться после первой мировой войны — войны между асами и ванами.

Квасир же стал мудрейшим человеком, и не было вопроса, на который он не мог бы ответить — а такая способность более всего ценилась средневековыми скандинавами. Квасир остался у асов — стал заложником мира.

Заложниками вообще должны были стать «лучшие люди», говорится в «Саге об Инглингах», и они должны были получить почетные места в своих новых обителях. От асов к ванам пошли Хёнир и великан Мимир, от ванов в Асгарде поселились морской бог Ньёрд, бог плодородия Фрейр. Вместе с братом в Асгарде оказалась и Фрейя. Но странная и даже страшная судьба ждала часть этих заложников. Мимир и Квасир считались мудрейшими среди асов и ванов. Когда Хёнир получил в Ванахейме (Жилище Ванов) причитающееся ему место вождя, Мимир стал его советником. Но когда Мимира не было рядом с Хёниром на тинге — собрании ванов, тот не мог сам принять решения: «Пусть решают другие», — говорил этот ас. Тогда ваны заподозрили, что асы обманули их и Хёнир не такой уж хороший вождь. Их гнев пал на невинного Мимира — но такова судьба заложников. Ваны отрубили Мимиру голову и отправили ее к асам. Тогда Один взял голову Мимира, набальзамировал ее и произнес заклинание, так что голова ожила и бог мог беседовать с ней о судьбах грядущего.

Мы уже знаем, что Один умел оживлять мертвых — он поднял из могилы вёльву, чтобы узнать о конце света. Создания, жившие в начале времен, как вёльва, обладали и тем знанием об их конце, каким не мог владеть Один, рожденный позднее: значит и Мимир был скорее первобытным великаном, чем богом из асов, — отсюда его необычайная мудрость. Другой миф об Одине обнаруживает эту древнюю и даже враждебную богам природу Мимира. Мимир был хозяином источника мудрости, который течет у корней мирового дерева — ясеня Иггдрасиль. Один хотел напиться из источника, но Мимир потребовал в залог у бога его глаз, который и скрыл в своем источнике. Может быть, из-за этого залога и сам Мимир оказался в заложниках у ванов и поплатился головой, но и Один ради мудрости, глубинного прозрения лишился части зрения внешнего.

Так или иначе, гибель Мимира не привела к очередной распре между асами и ванами. Согласно «Саге об Инглингах», Один сделал Ньёрда и Фрейра жрецами у асов, так что они стали богами-днями, равными асам. Жрицей стала и Фрейя, которая научила асов колдовать. Но судьба еще одного заложника оказалась не менее драматична, чем судьба Мимира. Квасир много странствовал по свету и учил людей мудрости. Но два зловредных цверга-карлика, Фьялар и Га-

лар, заманили его в гости, чтобы поговорить с глазу на глаз, и там убили. Карлики пошли на страшное преступление — убийство гостя. Чтобы решиться на такое и вступить в конфликт с богами, нужно было мечтать об обретении сверхъестественных ценностей. И карлики обрели такую ценность: кровь Квасира, смешанную с медом, они слили в две чаши в котел, прозванный Одрёрир. Это имя значило «Приводящий дух в движение» и, стало быть, относилось к самому напитку, а не только к сосуду. Этот напиток и получил название «меда поэзии», ибо каждый, кто пробовал его, становился скальдом или ученым.

«Наука» в те времена не была отделена от поэзии — знание о мире было мифологическим, а значит, поэтическим знанием, знанием священных преданий и магических заклинаний. Магия вообще оказывалась в древнем обществе сродни науке, ибо в представлении людей того времени позволяла овладеть тайнами материального мира, подчинить его себе. И в Средние века поэзия, риторика были непременно предметами высшего образования: недаром сам рассказ о «меде поэзии» включен исландским ученым Снорри в раздел «язык поэзии» — часть «Младшей Эдды».

Преступные карлы завладели священным напитком и, чтобы скрыть преступление, сказали асам, что Квасир сам захлебнулся в собственной мудрости, «ибо не было человека столь мудрого, чтобы выпросить у него всю мудрость». Мы видим, что эти хтонические твари оказались тут же наделенными языком метафор: Квасир, сам бывший воплощением напитка, содержавшего мудрость богов, действительно погиб (захлебнулся) в другом напитке, изготовленном из его крови. Это было только начало мифологической истории меда поэзии — он еще должен оказаться во власти великанов, потом — у Одина, а уж бог поделится им с людьми...

Можно заметить, что отношения между разными родами мифологических существ — богов, карликов, великанов — строились на основе обмена ценностями и злодеяниями: к асам была по-

дослана Гулльвейг, Один обменял глаз на способность провидения и получил от ванов голову Мимира. Этот обмен был связан с конфликтами и жертвами: жертвоприношение становилось и основой культа скандинавских богов.

Мир богов и людей — Мидгард, Срединное огороженное пространство — в скандинавской мифологии окружал мир чудовищ и первобытных великанов — Утгард, расположенный за оградой, внешнее не организованное, не огражденное пространство, воплощение первобытного хаоса.

Ограда Мидгарда была создана богами из первобытного великана Имира, принесенного в жертву и расчлененного так, чтобы из этих членов создать мир богов и людей. Ледяные волны мирового океана и рек первобытного хаоса омывали этот мир. В мировом океане свернулся во круг земли гигантский змей Ёрмунганд, или Мидгардорм — Змей Мидгарда. Его первое имя значит «Великанский посох» и может свидетельствовать о том, что сам змей некогда воплощал мировой столп — космическое древо, соединяющее все миры, как ясень Иггдрасиль.

Но мир скандинавской мифологии уже был разделен на две части — Мидгард и Утгард, и Змей Мидгарда разделял их. Когда наступит конец света и Мировой змей выползет на сушу, он поразит ядом громовержца Тора и сам погибнет от его молота-молнии, выкованного чудесными кузнецами-карликами.

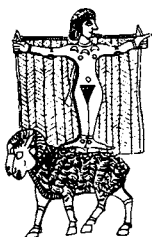
Брак с матерью-землей.

Отцовское и материнское начала: космогония качинов

Народ качины в Мьянме (Бирме) создал космогонический миф, который начинается подобно библейскому.

В начале времен земля была лишена формы, а свет и тьма смешаны друг с другом. В пустом пространстве клубились лишь туман и дым.

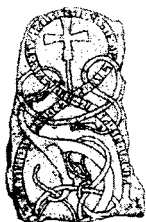
Тогда на небесах возникло отцовское начало, а внизу, на земле — материнское. Они слились вместе, и между не-

бом и землей возникли два первосущества — отец и мать. То были наты — божества хранители земли.

Тем временем туман и дым стали сгущаться, пока не приобрели форму шара. Он был нетвердым и напоминал жидкую грязь. Но наты принялись выжимать из земли дурные соки, и она стала твердеть. Те же соки, что просочились вглубь, образовали камень. Камень ожил и превратился в нага — змеевидное хтоническое существо. Владыка же натов небесный Таджамин (так качины звали Индру) создал светила.

Интересно, что на Полтавщине в 1930-е гг. была записана легенда, противоположным образом объясняющая происхождение Вселенной: она произошла в результате космического взрыва (так объясняют происхождение Вселенной и некоторые научные теории). Вначале на ветру колыхалось нечто, напоминающее шар: он взорвался, куски его полетели в разные стороны и из них возникли земля, солнце, месяц и зори.

На затвердевшей земле наты породили людей — отца и мать. Они жили на земле беззаботно, но скоро им наскучило одиночество. Первопредки стали мечтать о человеке, который правил бы всей землей. Тогда они решили продолжить свой род.

Первым на свет появился лягушонок. Первенец сказал родителям, что он и есть тот человек, что будет править землей. Но отец сказал ему, что он — лягушонок и не должен править землей: его дело — жить у берегов рек. Лягушонок квакнул и ускакал в свое обиталище. С тех у берегов рек живут лягушки.

Вторым сыном оказался... обезьяна. Он также заявил свои права на землю: ведь у него все как у людей — голова, руки, ноги похожи на отцовские. Но и ему отец сказал, что он — лесной зверь. Пришлось обезьяне скрыться в глухом лесу, и с тех пор ее лицо сморщено от огорчения.

Похожие мотивы сохранили севернорусские легенды. После грехопадения и изгнания из рая Адам и Ева боялись показывать Богу своих детей.

Они прятали их — кого в лесу, кого в море, кого в земле. От тех, кто спрятался в лесу, пошли медведи, от спрятанных в море — морские звери, в земле — гады.

Потом первая пара качинов породила еще много тварей, но все они были не людьми, а зверями. Жена уже устала рожать, но муж все ждал человеческого первенца. Наконец и в бирманском мифе появился человек — венец творения. Новорожденный мальчик был необычайно умен. Он освоил ремесла, которых не знали родители. Наконец он спросил родителей, как их зовут, и выяснил, что у них нет имен.

Тогда сын дал имена отцу и матери. Сам же он прозвался «Властелин мира».

Этот мир нуждался в усовершенствовании, и его властелин прежде всего отделил сушу от воды, создав мировой океан. Затем ему пришлось отделить небо от земли. На небе стал править Таджамин, а на земле — он сам. Властелин земли женился на дочери Таджамина, которая спустилась к нему с неба, и попросил тестя навести порядок на небе. Ведь тогда на небе было девять солнц и ночь не сменяла день. Тогда Таджамин отделил день от ночи, а дневное светило стали сменять ночные.

Вскоре у молодых появился первенец. Ему дали имя Магам, и он продолжил устроение мира, начатое отцом. Когда он завершил работу, то поселился на самой высокой горе в центре земли, чтобы охранять всех живущих на ней.

Прародители в бутылке: теогония йоруба

Йоруба сохранили немало космогонических мифов, уже пересказанных выше. Знаменитый исследователь Африки Лео Фробениус пересказал еще один — весьма архаичный.

Одудува в этом мифе — богиня плодородия и жена творца Обаталы. В начале мира они пребывали внутри закрытого калебаса — сосуда из тыквы. Обатала лежал в верхней, Одудува — в нижней части сосуда. И конечно, женщина принялась браниться — ей не нравилось в тесном сосуде. Обата-

ла тоже разозлился и в гневе вырвал Одудуе глаза. Та в отместку прокляла супруга — пусть он ест одних улиток! И правда, с тех пор Обатале приносят в жертву улиток...

Неведомо, прозрела ли Одудува и как супруги выбрались из тыквенной бутылки, но богиня родила на воле мальчика Аганью и девочку Емаю. Имя Аганью означает пустынное, незаселенное место, Емая — «Мать рыб», то есть новорожденные воплощали землю и воду. Они тоже вступили в брак и родили Орунгана — «Высокое небо», то есть воздушное пространство. Новорожденный принялся преследовать мать и овладел ею.

От этого кошунственного деяния тело богини стало пухнуть, из него вытекло две реки, образовав лагуну, а потом тело несчастной разорвалось на части. Из него вышли 15 богов пантеона: Дада — божество растений, Шанго — громовник, Огун — бог железа и войны, Олокун — бог моря, Олозо — бог лагуны Олозо, Ойя — богиня реки Нигер, Ошун — богиня реки Ошун, Оба — богиня реки Оба, Ориша-Око — бог земледелия, Ошози — бог охоты, Оке — бог гор, Айе-Шалагу — бог богатства, Шанкпанна — бог оспы, Орун — бог солнца, Ошу — богиня луны.

Рассказывают, что здесь и был основан столичный город Ифе, название которого значит «набухать», «лопаться». Но и третье поколение богов не могло сдержать темперамента: Шанго стал преследовать реку Ойю...

Мифы о творении часто начинаются с того, что творец оказывается в некотором замкнутом пространстве: так, полинезийский Тангороа пребывал в яйцеобразной раковине. Микронезийцы науру рассказывали о том, что их творец, напротив, первоначально передвигался по водному пространству, пока не набрел на круглую раковину. Долго творец пытался разбить раковину, но это ему не удавалось. Наконец он произнес заклинание — сказал, что хочет творить, — и нажал на створки раковины, которые раскрылись. Проникнув внутрь, творец обнаружил лишь темноту, ибо внутри не было ни луны, ни солнца. Зато вскоре он нашел там еще три раковины, из которых и сотво-

рил луну, солнце, небо, землю и море. Эти мифологические рассказы сходны с мифами о мировом яйце, о которых еще пойдет речь: чтобы сотворить мир, творец сам должен уподобиться зародышу...

Калebas из тыквы, в котором пребывали пер-
вотворцы у йоруба, напоминает нам о тыквах, из
которых вышли все люди в мифах Восточной и
Юго-Восточной Азии. Сосуд этот был рукотвор-
ным, но кто его создал, из мифа не ясно...

Земли, нанизанные на железную ось: космогония догонов

Настоящий демиург-ремесленник известен в мифологии африканского народа догонов в Мали. Этот народ уже в эпоху Средневековья славился своим кузнечным искусством и другими ремеслами, поэтому и мир был создан у них богом-кузнецом и гончаром.

Мир, согласно сложной космологии догонов, принадлежит 14 демиургам Амма, которые господствуют над четырнадцатью землями, расположенными друг над другом: семь вверху и семь внизу. Людьями населена верхняя из нижних земель, другие населяют хвостатые люди, сохранившие свой реликт — хвост, как признак хтонических существ. В «верхних мирах» живут рогатые люди, посылающие на землю болезни; они мечут вниз камни — воплощения грома и молнии. Земля — круглая и плоская, она окружена пространством мирового океана, а все это обвивает змея, прикусившая свой хвост; а если она отпустит его, все рухнет в воды мировой пучины. Каждая земля имеет свои небо, где живет Амма, и светила, через центры земель проходит железная ось, вокруг которой вращаются миры, солнце же неподвижно.

Перед нами — механизм, описывающий Вселенную: его мифическая железная ось — продукт ремесленных навыков догонов.

Самый старший и могущественный из богов был Амма земли людей: он первым создал землю и положил ее на железо, которым владел изначально, — основа земли также мыслилась как произведение ремесла, изначально умения бога. Амма создал также небо, воду, растения, животных, людей, духов, в том числе духа воды Номмо, который спустился с неба вместе с водой по радуге (миф о радуге как небесном мосте известен едва ли не всем мифологиям). Первые люди жили под первым деревом (вспомним библейское древо жизни — о мировом древе еще пойдет речь). Состарившись, люди превращались в змей, которые, в свою очередь, превращались в духов.

Космогонический миф подробно описывает создание Вселенной Аммой. Вначале Амма, подобно гончару, создал из глины солнце и луну. Солнце раскалено добела, его окружает спираль из восьми витков красной меди, а луну — спираль из белой меди. Звезды — это глиняные шарики, которые Амма бросил в пространство. Землей стал сжатый Амма и пущенный им в пространство ком глины, принявший форму женского тела. Амма возжелал соединиться с матерью-землей, но ему помешал термитник (ее клитор) и его пришлось срезать (эксцизия — обычай инициации у многих африканских народов, подобный обрезанию). Первое соитие оказалось неудачным: вместо ожидавшихся демиургом священных близнецов родился шакал Йуругу — существо, олицетворяющее беспорядок, хаос. Поскольку у него не было пары, он стал искать себе супругу и преследовать собственную мать — землю.

Амма же вновь соединился с землей. Божественный дождь, семя Аммы, оплодотворил землю, и родились близнецы — духи Номмо.

Номмо были странные существа. Их красные глаза были широко раскрыты, как у настоящих людей, но язык раздвоен, как у змей. Их конечности были лишены суставов и очень гибки, а гладкие тела покрыты короткими зелеными волосами — так должна была покрыться растительностью вся земля. В общем, это были настоящие хтонические существа — полузмеи. Каждое из этих существ имело по восемь членов, и самих их было восемь: число восемь было символом Речи — ведь сама речь членится на отдельные слова.

Номмо — это вода морей, рек, дождей, а также солнечные лучи, выкованные из меди, они воплощают порядок, плодородие, жизнь. Когда Номмо глянули вниз, они увидели свою

мать-землю нагой и безмолвной, ведь она была лишена речи. Тогда духи спустились вниз. Из волокон небесных растений Номмо сделали Земле наряд — юбку (вспомним одно из значений греческого космос — «наряд»), а эти волокна заключали в себе также и Слово, и Земля получила Речь (вспомним евангельское изречение — «В начале было Слово»).

Но гадкий шакал Йуругу продолжал преследовать мать-землю. Напрасно та пыталась скрыться от выроodka, превратившись в термита и спрятавшись в термитнике — собственном чреве.

Муравей или термит оказывается воплощением земного чрева и изобилия земли у многих народов. Вспомним миф индейцев-тольтеков о муравье — хозяине кукурузного зерна. Сами люди в мифах часто уподоблялись муравьям.

Йуругу настиг землю и в термитнике и осквернил ее, земля стала сухой и бесплодной. Мало того, шакал овладел нарядом матери, а вместе с ним — и речью. Шакал овладел и божественным словом и смог поэтому помогать колдунам-пририцателям.

Пришлось Амме продолжить созидание без участия оскверненной матери-земли, и он создал первую человеческую пару из глины. Чтобы люди обрели души, Номмо начертили на земле два контура — мужской и женский, один поверх другого: каждое человеческое существо изначально было наделено и мужской, и женской душой. Это должно было обеспечить постоянное рождение близнецов.

Первая пара людей породила восемь первоначальных предков — четырех старших мужчин и четырех младших женщин, все они были двуполоыми — андрогинами, и поэтому каждый из них мог один воспроизводить потомство. От них произошли восемь семей догонов. Номмо спустились на землю и вошли в нее через термитник — проникли в то чрево, из которого сами возникли, и очистили оскверненную землю благодаря своему свету и влаге.

За ними спустились в чрево земли и восемь первопредков; там, слившись с водами Номмо и постигнув их сущность, они сами превратились в Номмо, как бы родившись вновь. Первопроходцем был восьмой, старший из перво-

предков, но наибольшей благодати сподобился седьмой из них. Ведь само число семь — символ совершенства, соединяет числа четыре (символ женского начала) и три (мужское начало). Он также получил знание Слова, но не путем насилия, а благодаря особому уменью — ткачеству.

Седьмой первопредок приник ртом к термитнику, входу в земное чрево, и изрыгнул хлопковые нити: меж его верхних зубов тянулись нити нечетной основы для прядения ткани, а между нижних — четные нити. Открывая и закрывая рот, он принялся ткать, как ткацкий станок, и одновременно произносил слова. Так слово стало одеждой, а одежда (космос) — словом: ткань так и называется на языке догонов сой — «сказанное слово». Говорят, муравей увидел, как происходит эта творческая работа в термитнике, и пересказал все людям.

Превращенные первопредки поднялись из чрева земли на небо, где господствовала первая пара Номмо. Небожители запретили первопредкам собираться вместе, но дали им восемь разных зерен для еды, а отвечать за дары должен был первый предок. Тот, однако, не взял последнего зерна — оно показалось ему слишком маленьким. Но восьмой предок вскоре проголодался, и они собравшись вместе с седьмым, съели одно зерно.

Запрет был нарушен, и предки стали нечистыми, так что не могли больше жить в небесном мире. Тогда они решили спуститься с неба, взяв с собой все, что может быть полезно людям. Для спуска бы создан первый космический аппарат. Первый предок взял корзину с квадратным основанием и круглым ободом, перевернул ее и покрыл небесной глиной, сделав с четырех сторон по десять ступеней. Корзина представляла собой не только космический аппарат, но и модель мира, ибо ее обод воплощал Вселенную, квадратная крыша — небо, круглое отверстие в днище — луну, восемьдесят ступенек — число предков, а также символическое число всех тварей. Этот ковчег именовался «амбаром Хозяина чистой воды» и был разделен на восемь отсеков, в каждом из которых лежало зерно, но эти же восемь отсеков символизировали восемь главных органов Номмо.

Первый предок был кузнецом, и на крыше он разместил кузнечные инструменты, а также лук и стрелы. Одну из стрел он укрепил в отверстии корзины, другую вонзил в небо, соединил обе стрелы веревкой, и все было готово к спуску. Но перед спуском предок-кузнец украл у небесных куз-

нецов огонь для своей кузницы, став, таким образом, Прометеем — культурным героем, а затем по небесному мосту — радуге — начал спускаться вниз.

Вослед ему полетели гром и молнии — это обворованные небесные кузнецы принялись бросаться головнями. Но движение ковчега лишь ускорило, правда, не обошлось без неприятностей: при приземлении кузнечные инструменты упали на конечности догонского Прометея; из-за перебитых конечностей культурного героя у людей появились суставы.

Спустившись с ковчега, первый предок-кузнец разметил землю для полей, распределил ее между восемью родами людей и обучил их севу. За ним спустились предок кожевников, предок певцов и прочие первые специалисты-демиурги.

Седьмой предок был «Хозяином Слова», а восьмой, Лебе, — самой Речью. Он успел спуститься из ковчега раньше, что привело в ярость Хозяина Слова. Он восстал против всех предков, превратившись в огромную змею, и разбросал все семена, привезенные на землю. Тогда люди убили его, съев тело змея, а голову отдали предку-кузнецу. Тот закопал голову, положив сверху камень.

Так нарушилась последовательность поколений — ведь седьмой предок должен был поведать людям Слово. Пришлось Лебе умирать и отправляться под землю. Под ритмические звуки молота начавшего работать предка-кузнеца седьмой предок приблизился под землей к могиле Лебе и проглотил его, отчего их жизненные силы смешались. Затем пожиратель изрыгнул Лебе с потоком воды — так образовалось водное пространство и потекли пять рек. Изрыгнутые кости Лебе превратились в цветные священные камни, обозначившие контур, подобный очертаниям человеческой души, который делают Номмо при каждом рождении. Но настоящие люди не должны быть двуполоыми: во время инициации женская душа мужчины устраняется при обрезании, мужская душа женщины — при эксцизии.

После первой мифологической драмы — появления убийства и смерти — земля вновь была очищена дождями. Тогда предок кузнец стал обучать людей искусству сева и другим ремеслам.

Сам Лебе возродился, принеся людям новые слова. Эти слова должен был передавать своим ритмом священный барабан: каждый род догонов имеет такой барабан и свою речь.

Лебе же дал жизнь двум сыновьям, старший из которых стал прародителем племен догонов — дион, домно и

оно, а младший сын другого отпрыска Лебе стал предком племени ару.

Но Лебе, несмотря на чудесное возрождение, был смертным человеком и однажды умер. Его похоронили в земле и помнили о его могиле. Но вот догонам пришлось оставить свою землю, и они решили забрать с собой кости своего первопредка. Старший из них — Дион, чье имя означает «Землекоп», раскопал могилу, но увидел, что вместо останков Лебе там лежит живая змея. Змея и показала путь догонам на новую родину, проведя их подземными ходами. Догоны взяли с собой лишь немного земли с могилы первопредка. На новой родине Дион соорудил алтарь в честь Лебе, положив землю под квадратный камень, и стал жрецом своего прародителя.

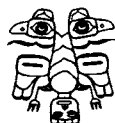
Мифы догонов пересказывали французскому этнографу Марселю Гриолю догонские жрецы. Исследователи до сих пор спорят, насколько пространенной у догонов была эта сложная мифологическая система, а насколько она была актом индивидуального творчества человека, изощренного в составлении фантастических рассказов.

Так или иначе, рассказы о поколениях богов, которые в конце концов дают начало земным людям и народам, известны многим мифологиям, и брак неба (воплощения оплодотворяющей небесной воды — Аммы) и земли — один из широко распространенных мифологических сюжетов. Не менее распространены мифы о разделении слитых в изначальных объятиях земли и неба.

Один из относительно простых мифов о браке неба и земли записан у зуны — индейцев Северной Америки.

Брак неба и земли: индейский вариант теогонии

Творец Авонавилона обитал один в первозданной тьме. Наконец силой своей мысли он создал жизнетворные туманы, а затем превратил себя в солнце: туманы сгустились в его лучах и возникли дожди и мировые воды, а солн-

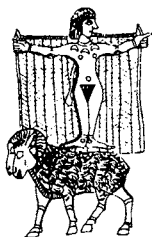

це осветило поверхность безграничного моря. Он создал мир из своего тела двойственным, состоящим из «четырежды сладчайшей всеобъемлющей матери-земли» и «всепокрывающего отца-неба». Сначала небо и земля лежали вместе, слившись в брачных объятиях, и от этого появились животные и люди. Но затем земля оттолкнула от себя небо и отдалилась от него.

Люди поначалу жили в самой нижней из четырех пещер нижнего мира, но там было темно и тесно, и они давили друг друга. Тогда солнце создало из пены морской двух Возлюбленных близнецов: левого — старшего и правого — младшего и наделило их магическими атрибутами — луком-радугой, стрелами-молниями, божественным щитом и кремневым ножом — магическим ножом войны. Этим ножом, использованным в начале времен в мирных целях, братья вырезали на поверхности земли горы и равнины, холмы, скалы, реки и каньоны.

Стрелами они пробили толщу земли и проникли в нижний мир к людям, где и стали жить как их вожди. Решив вывести людей из тьмы, они магическим ножом прорезали потолок их пещеры, затем следующей, третьей, четвертой и наконец привели их под солнце, на остров, лежавший в центре земли посреди перевозданных вод. Люди, черные, как тьма пещер, в которых они обитали, и нагие, как звери, едва не ослепли на свету. Они в ужасе смотрели на свободный мир, покрытый водами, неустойчивый, окруженный чудовищами. Близнецы повели людей на восток, к солнцу. Повсюду, где они шли, воды отступали (как перед Моисеем, что вел Богоизбранный народ через Черное море), и появлялась земля, пригодная для жизни. При помощи магических щита, лука и молнии они осушили воды и очистили землю от чудовищ. Затем они дали людям начала культуры, учредили жреческую иерархию и разделили народ на фратрии Зимы, тотемом которой стала ворона, и фратрию Лета, тотемом которой считался попугай.

Постоянно повторяющимся мотивом индейского мифа, как и мифа догонов, оказывается близнечный — мир изначально представляется двойственным. У зуньи мать-земля сама разрывает изначальные объятия, в которые ее заключил отец-небо.

В мифе полинезийцев маори трудный акт разделения родителей — неба-отца и матери-земли — должен был совершить их сын Тане.

Разделение неба и земли: полинезийский вариант теогонии

В мире, где не было ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, Ранги-небо лежал в объятиях Папы-земли, и их дети могли лишь ощупью пробираться между ними. Наконец темнота и теснота стали для них невыносимы, и они собрались под деревьями, которые с трудом смогли пробиться искривленными ветвями между телами неразлучных вселенских отца и матери. Один из сыновей неба и земли — Ту-матауенга — предложил даже расправиться с родителями. Но бог деревьев Тане воспротивился убийству и предложил силой разлучить их, отодвинув небо далеко-далеко — сам он хотел жить у сердца матери-земли, питающей корни деревьев. Отец ветров Тафири-матеа принялся было спорить с братом, убеждая его, что спокойнее жить во тьме в родительских объятиях, но прочие боги хотели свободы и света.

Первым вызывался оторвать отца от объятий матери бог полей и огородов Ронго-ма-Тане, но сколько ни силился он выпрямиться, подняв на плечах небо, оно оставалось неподвижным. Тогда на помощь брату пришел Тангароа, отец морей, рыб и пресмыкающихся тварей, за ним — Хаумиатикитики, отец диких ягод и съедобных корений, наконец Ту-матауенга, который создал мужчин и женщин, также томившихся в неволе. Но первые отец и мать были привязаны друг к другу такими прочными канатами, что богам не удалось порвать их. Тогда Ту-матауенга разрубил канаты. Это оказались руки Ранги: его кровь хлынула на землю, превратившись в охру, которой потом стали пользоваться люди как краской.

Тут поднялся Тане, отец лесов, птиц, летающих насекомых и всех, кто любит свет и свободу. Он уперся руками в небо, и земля издала глухой стон и сотряслась, ибо почувствовала, что Ранги выпустил ее из объятий. Боги впервые увидели просторы земли под высоким небом.

Тане решил утешить мать, дав ей невиданный наряд. Он принялся сажать деревья, но это был его первый опыт садоводства: бог посадил деревья кронами в землю... Птицы

отказывались летать в таком лесу. Тогда бог вытащил самое большое дерево и посадил его корнями в землю. Дерево сразу стало зеленым, а земля обрела красивый наряд. Люди принялись играть в саду Тане и стали пользоваться дарами его братьев.

Но Тане смотрел на небо, темное и холодное, где одиноко страдал от холода его отец. Тогда Тане поместил солнце на спину Ранги, а луну прикрепил к его груди. Но этого было мало, и Тане стал странствовать по небесам в поисках наряда для отца. Наконец он нашел огненный плащ и покрыл им отца с севера на юг и с востока на запад. Но огненное сияние, исходившее от Ранги, не понравилось Тане, и он сорвал плащ с отца, так что остался лишь маленький лоскут на краю неба — там до сих пор видна заря.

Ночью лишь луна освещала Ранги и весь мир, и сын опять отправился на поиски украшений для отца. Он вспомнил, что у подножия Великой горы на краю мира, где еще сохранялся первобытный мрак, он видел волшебные Блестки, детей своего брата Уру. Тане попросил у брата украшения для их отца, и тот, конечно, позволил Тане набрать целую корзину звезд. Вернувшись, Тане принялся прикреплять детей света — звезды — к небу, разместив самые яркие по сторонам света, а в центре расположив созвездие Южный Крест. Корзина тоже осталась на небе и продолжает излучать сияние: это — Млечный Путь.

Боги не долго беззаботно любовались красотой вновь созданной Вселенной. Тафири-матеа не забыл о своей распре с братьями. Некоторое время он сжимал в кулаке подвластные ему ветры, но вскоре выпустил их, и буря обрушилась на землю и детища Тане, подняла гигантские волны, едва не вычерпав море. Тафири хотел сдуть все существа с лица земли. Тогда дети Тангароа испугались и бросились спасаться на сушу, что привело к дополнительным раздорам между братьями. Лишь Ту-матауенга не поддался стихии: его дети — люди — оказались сильнее всех. Они не боялись ветра и подчинили детей Тане: стали делать из деревьев лодки, чтобы покорить и детей Тангароа. Так люди стали повелителями леса и моря.

По другому мифу, возникшему под христианским влиянием, людей создал Тане. Из глины боги слепили куклу-женщину, а Тане одарил ее дыханием, и она превратилась в женщину — Хине-аху. Потом Тане взял ее в жены, но у

них рождались только девочки. Тики — первый мужчина. — был создан богом войны Ту-матауендой. Тики затем женился на Хине-аху и стал отцом мужчин и женщин, заселивших землю.

Мы видим, как в полинезийском мифе демиург создает наряд — «космос» — для земли и неба, а люди становятся ремесленниками, подчиняющимися стихии. Миф полинезийцев Самоа повествует о другом творце, своими руками сотворившем весь мир — им оказывается Тангалoa, божество (атуа) лесов — так на Самоа звучит имя Тангарoa.

Тангалoa жил один в бескрайнем просторе, где не было ни неба, ни земли, ни океана. Он обитал на одинокой скале, именовавшейся Папа — так называлась земля в мифе маори, у самоанцев же это слово означало «основание», опору. Но недаром настоящее имя Тангалoa было Тангалoa-фаатутупунуу, что означало — Тангалoa — Творец Земель.

Творец велел скале:

— Разверзнься, расколись на части!

Так появились Лежачий Камень, Пемза, Риф, Скважистый Камень, Утес, Кремень, Коралл — их имена включали в себя имя Папа. История земли начиналась с геологии, выделения минералов и каменистых пород.

Затем Творец обратился на запад и вновь заговорил со скалой. Он ударил по скале правой рукой, и она раскололась с правой стороны. Так твердь отделилась от океана. Волны океана накрыли Пемзу, и лежачий камень сказал:

Благословенна пемза, омытая морской водой!

Но Пемза отвечала, что скоро все камни будут омыты океаном — благословенной морской водой.

А Тангалoa вновь обратил взор на правую сторону изначальной Скалы, и тогда появилась пресная вода. Творец опять велел скале разверзнуться, и на этот раз возникло Небо. И снова Творец обратился к скале, и она родила Небесные Опоры, «вождей», что должны поддерживать Небо.

Затем появились на свет удивительные существа, воплощающие Неисчислимость или Бесконечность, Даль и Беспредельность, точнее Пальма, что достигала кроной небес. Но развернуться в пространстве эти существа, вопло-

щающие первобытные абстрактные категории, могли только после того, как небо поднялось над землей.

До этого дело, однако, не дошло, ибо творец продолжал извлекать из первичной Скалы все новые творения. Сначала это были мальчик по имени «Два облака» и девочка по имени «Два ручья»: они должны были обитать вне небес — на земле. Затем появилась еще одна пара с поэтическими именами: мальчик «Низинные облака» и девочка «Пустыньность моря».

Наконец появился некий Человек в окружении своих интеллектуальных потенций — Духа, Сердца (как воплощение переживаний, психических состояний), Воли и Думы. Несмотря на то, что все они появились вместе, они не были слиты воедино. Напротив, все эти создания, извлеченные из мировой Скалы, вынуждены были плавать — несмотря на духовность некоторых из них — в волнах первичного Океана, ибо у них не было иного пристанища.

Тогда творец стал совещаться со Скалой, как быть дальше. Порешили, что Сердце, Дух, Воля и Дума должны слиться воедино в человеке. Так он обрел мудрость — способность мыслить. Человеку-мужчине была создана пара — женщина, воплощение земли.

Неисчислимости и Дали тоже велено было соединиться: более того, Даль была женщиной, и эта первобытная абстракция не была лишена важнейшей для архаического общества способности — производить потомство. Неисчислимость и Даль породили сына — Беспредельность. В качестве жилища им было уготовано небо, но оно было пустынным, не на чем было остановиться взгляду.

Тем временем удел был назначен и паре, именовавшейся «Два облака» и «Два ручья» — они, естественно, должны были поселиться там, где есть пресная вода. Обитатели морской воды тоже были готовы заселить просторы Океана: потомки «Низинных облаков» и «Пустыньности моря» должны были стать населением морской стихии.

Наконец, человеку и его жене-земле был уготован удел по левую руку от Тангалoa, на юге.

Настал черед обустроить космос, и Творец велел Небесным опорам поддерживать небо. Те взвалили было на себя небо, но не выдержали тяжести — оно рухнуло вниз. Пришлось звать на помощь могучие травы — эта тропическая растительность появилась первой на земле, лишь потом возникли другие растения. У трав хватило сил удержать не-

бо, оно поднялось над землей, но оставалось пустынным — в нем парили лишь Илу — Неисчислимость и Мамао — Даль. Они-то и произвели на свет День и Ночь. Но Тангалoa велел им создать и Небесный Глаз — Солнце.

Творческие способности небесных жителей оказались необычайными, ибо после этого они произвели на свет еще одно небо. Небесным Опорам пришлось отправиться и поддерживать следующий небосвод. Илу и Мамао заселили и его, а потом породили следующее небо — и так девять небес! На девятом небе творцы наконец остановились, избрав его жилищем для себя.

Но и сам Тангалoa не прекращал творения. Он создал подобных себе Тангалoa Неподвижного, которого сделал вождем небес, Тангалoa, Посещающего Земли, — ему были подвластны возникающие в океане острова, Тангалoa, Вытаскивающий Земли — достающий острова со дна океана. Но главным был помощник Творца — Тангалoa-савали, Посыльный, которого Творец отправил для начала проверить, что творится на небесах. На девятое небо, во владения назначенного туда Неподвижного вождя, Посыльный должен был собирать на совет всех небожителей.

Посыльный явился на первое небо и спросил у Дня и Ночи, не появилось ли у них потомства. Выяснилось, что День и Ночь родили Темное небо и Светлое небо, а также бесчисленные звезды. Кроме того, у них оказалось еще четверо детей, у которых не было еще никакого предназначения: их звали Мануа, Самоа, Солнце и Луна.

Больше всего хлопот вызывали первые два потомка, ведь судя по их именам, они были хворыми. И правда, их тела были разъедены по краям и покрыты рытвинами и горами — ведь это были острова Западной Полинезии.

Пришлось Тангалoa собирать совет на девятом небе, в главном святилище — Святилище Покоя. Там было решено, что дети Илу и Мамао, населившие восьмое небо, станут мастерами и спустятся на землю. Все эти ремесленники — а их была тьма — носили имена Тангалoa (вспомним о значении слова демиург). Но сначала им следовало построить Главный дом — для вождя, обитающего на девятом небе.

Затем Творец велел Дню и Ночи отправить двоих своих детей на землю, где они станут вождями людей — правителями Мануа и всех островов Самоа. Так был учрежден общественный порядок и назначены вожди, имеющие божественное происхождение.

Лишь затем Тангалоа вернулся к обустройству космоса. Солнцу велено было следовать за днем, а луне — за Ночью. Их истинным повелителем был главный творец, недаром Луна и Солнце именуются «теньями Тангалоа». Он же predetermined пути всех светил по небу.

Посыльный же Тангалоа-савали решил проверить, выросли ли прочие острова, первым делом — Фиджи. Посыльный увидел, что Фиджи расположены слишком далеко — так просто до них не доберешься. Тогда он поднял глаза к творцам, что обретались на небе, и те поняли, чего хочет Посыльный. По их воле на его пути из океана стали подниматься острова Тонга — по ним Тангалоа-савали и мог добраться до Фиджи. Он отчитался перед верховным Творцом, и тот сам на Туче отправился посмотреть на созданные земли. В целом творец остался доволен творением, но все же ему пришлось доделать острова — он утоптал их ногами, чтобы людям проще было передвигаться.

Настал черед Тангалоа-савали заселять новые земли. Первые пары — пары вождей — он брал с собой с неба, они были потомками Тангалоа. Повсюду творец помогал своему Посыльному, создавая на его пути новые острова, чтобы тот мог спокойно переступить с одной прочной земли на другую. Но острова не могли быть населены лишь вождями небесного происхождения.

Тогда творец велел Тангалоа-савали взять небесного человека — сына Тангалоа по имени Фуэ, посадить его под лучами солнца в главном святилище Солнца на одном из островов, и ждать, когда у него появится потомство (имя Фуэ означает «Лиана», ведь Тангалоа и на Самоа оставался богом растительности). Ждать пришлось недолго, и Посыльный позвал творца посмотреть на потомство, произведенное Фуэ. Творец увидел, что тот породил множество тварей, похожих на червей. Тогда творец принялся мять и вертеть этих червей, пока у них не появились человеческие головы, руки, ноги и туловища. Тут уже можно было наделить их сердцем и духом. От этих доделанных творцом людей произошли все племена.

Возвращаясь на небо, творец велел все вождям править лишь своими землями, не покушаясь на чужое.

Рассказ о червях, которые завелись в теле Имира, уже известен нам по скандинавскому мифу (не более аппетитен и китайский миф о

людях, возникших из паразитов, ползавших по телу Паньгу). Иная самоанская версия мифа о происхождении земли и людей содержит подробный рассказ о поколениях первоначальных существ.

В начале жили супруги, которые именовались Жарким Огнем и Горящим Пламенем. У них и родился сын Папа-эле — Утес. Утес взял в жены Пемзу, и у них тоже родился сын — Лежачий Камень, или Огниво. Он женился на Кремне и произвел Яркий Свет — он появился из высекаемого Кремнем огня. Свет, в свою очередь, женился на некоей Зенице — воплощении глаз, Взгляда (вспомним, что в предыдущем мифе о происхождении человека Сердце появилось прежде человека), и от них произошел Священный Блеск. Блеск женился на траве Мутия, как самоанцы называют травку, прорастающую между прибрежными камнями, и они произвели на свет сына — цветок Мауутонга. Так стали появляться травы, которые дали жизнь Кустарнику, а уж тот женился на дереве Таваи. От них произошло Мыльное дерево Тои, из которого стали делать весла и домашнюю утварь, листья же использовались как мыло. Тои женился на Фуафуа — дереве, высота которого достигает 20 м: его используют для строительства лодок. Они родили дерево Масаме, из которого стали строить дома. От них произошли поколения других деревьев, древесина которых также была необходима для домашних ремесел. Наконец одно из деревьев избрало в супруги побег омелы, и от них произошел кустарник Ваи-лоа: его используют для изгородей, и кора идет на изготовление косметических снадобий, в том числе для помады.

Тангалоа, бог растений, взглянул с неба на землю и увидел, что его подопечные слишком буйно и высоко выросли на земле. Тогда он послал своего слугу Фуэ-Лиану, чтобы он пригнул верхушки растений. Затем он отправил на землю Посланника-Тули, чтобы тот проверил работу Фуэ. Посланник вернулся на небо и доложил творцу, что Фуэ явно перестарался — деревья опутаны лианами и не могут расти свободно.

Тангалоа велел Посланнику вновь отправиться на землю и прибить Фуэ дубинкой. Тот и вправду принялся охаживать чересчур исполнительного слугу, так что Фуэ

свалился на землю. Но и там он пустил пышные побеги. Однако пока Тули опять докладывал на небе о земных делах, Фуэ успел загнить, и множество червей завелось в его останках. Снова Тули пришлось отправляться на небо с очередным известием, и Тангалоа отправил его на землю вместе с духом (аиту) по имени Нгаио. Из червей Нгаио стал делать людей.

Сначала он сделал голову, а Тули попросил, чтобы в ее название было включено его имя. Поэтому «затылок» по-самоански звучит как тулиули. Наступил черед туловища, и Тули опять попросил увековечить его имя: живот стал называться тулиманава. Его имя стало также составной частью наименований коленей и локтя: мы знаем, что дело здесь не только в тщеславии свидетеля сотворения — ведь имя всегда оказывается необходимой частью творения.

Ссора неба и земли

В мифах филиппинцев висаяя речи о браке неба и земли нет — мир начинается с их спора.

Когда на земле еще не было людей, а были только небо и море, небо принялось похваляться, что оно сильнее моря. Море решило доказать свою силу, подняло волны и забрызгало небо. В ответ то принялось метать вниз камни, пока в море не образовались острова.

На одном из островов выросло первое растение — оно не имело веток и листьев. То был бамбук. К бамбуку подлетела птица и принялась клевать его колено: колено треснуло, и из него вышел первый мужчина. Тогда птица принялась за другое колено и выклевала женщину. Они стали мужем и женой и родили множество детей, но среди них были хорошие и плохие. Среди первых людей начались ссоры, и родители рассердились на детей.

— Вы плохие, — сказали они своим потомкам.

— Вам нельзя жить вместе. Расселяйтесь по разным островам, — велел им отец.

Дети ушли, и те из них, кто поселился на жарких островах, стали черными, попавшие на прохладные острова стали белыми, прочие — коричневыми или желтыми. Так возникли разные народы.

Разделение земли и неба: египетский вариант теогонии

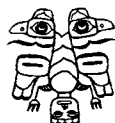
МИФЫ
О СОТВОРЕНИИ
МИРА

Каждый из многочисленных островов Полинезии или Филиппин имел свою мифологию; каждый из многих городов Древнего Египта имел свое верховное божество и собственный космогонический миф. Мифы Полинезии и Египта, несмотря на несхожесть их культур, обладают некоторым сходством, как и все мифологические системы. И в Полинезии вожди претендовали на божественное происхождение, но их власть, конечно, была далека от власти фараона, который сам был земным богом. Вместе с тем полинезийские космогонические мифы, записанные современными этнографами, известны нам лучше, чем мифы Древнего Египта, дошедшие по преимуществу на уцелевших в гробницах папирусах, и нередко смысл фрагментов древнеегипетских мифов оказывается понятней при сравнении с мифологией далекой Полинезии.

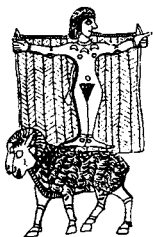

В египетском городе Гелиополе — «городе Солнца», как называли его греки, — творцом и первосуществом считался Атум — «Совершенный». Он возник из Нуна — первичного океана, которого Атум именовал своим отцом, когда не было еще ничего — ни неба, ни земли, ни почвы, ни змей — священных хтонических существ. Другое его имя — Хепри — означает «Ставший», «Сущий», «Возникший сам по себе». Один из «Текстов Пирамид» прославляет Атума: «Привет тебе, Атум, привет тебе, Хепри, который возник сам! Ты поднялся в твоём имени «холм», ты возник в твоём имени Хепри!»

Значит, Атум поднялся как холм среди вод мирового океана (что напоминает нам первичную скалу в полинезийском мифе о творце Тангалоа). В другом тексте, где Атум отождествляется с солнечным богом Ра, говорится, что в своём сердце он размыслил все образы будущих созданий. Но творить одинокому творцу было не из чего, и он совокупился с собственной рукой и поглотил собственное семя, а

затем изрыгнул изо рта бога воздуха Шу (буквально — «пустота», «свет») и богиню влаги — львицу Тефнут, первую божественную пару. Океан Нун благословил творение, велел ему возрастая. Но творец не мог расстаться с первоначальной троицей богов: Тефнут стала его Оком, воплощением солнечного жара, который призван был жечь его врагов. Более того, в гелиопольском сказании о творении говорится, что первая супружеская пара богов поднесла Атому Око после того, как он сам соединил свои члены. Значит, творец должен был создать сам себя.

Атум видится в этом мифе антропоморфным — предстает в образе человека. Более того, он и изображался с двойной короной на голове — считался владыкой «обеих земель», Верхнего и Нижнего Египта. Но его воплощениями были также змея и знакомый нам по бушменским мифам ихневмон — хтонические существа, воплощения нижнего, земного мира. Недаром Атум оказался не только первичным холмом, но и прародителем земли.

Сходство Атура — змеи и ихневмона — с мифологическими персонажами бушменских и прочих, кажущихся «примитивными», мифов о творении — не чисто внешнее. Многочисленные боги Египта имели свои зооморфные — тотемические — ипостаси.

От первой пары, рожденной Атуром, произошли бог земли Геб и Нут, богиня и воплощение Неба. Бог воздуха Шу и его супруга разделили землю и небо: Нут поднялась в виде небосвода над Гебом, опираясь о него руками и ногами, Шу стал своими руками поддерживать небосвод в таком положении.

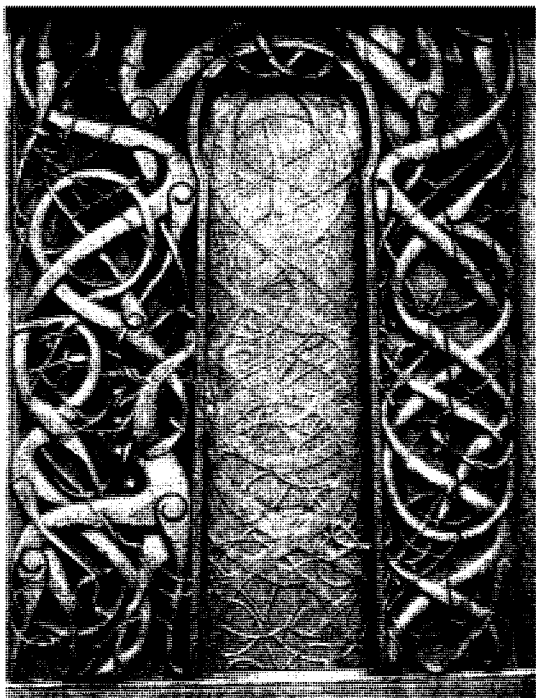
Мы уже знаем, зачем нужно было разделить небо и землю: пока они пребывают слитно, в объятиях, на земле нет места для прочих существ. На одном из папирусов изображен момент разделения этой брачной пары.

Но Геб и Нут успели родить близнецов Осириса и Исиду, а также Сета и Нефтиду. Осирису суждено было стать первым убитым и воскресшим для вечной загробной жизни,

**Вавилонский крылатый демон
у мирового дерева**

**Олень у мирового
дерева.** Резьба
портала церкви
в Уресе. Норвегия

**Бубен саамского
шамана,
на котором
изображены все
ярусы Вселенной.**
Мировой змей
соединяет эти
ярусы.

Иероглифы —
изображение
пяти
священных
гор

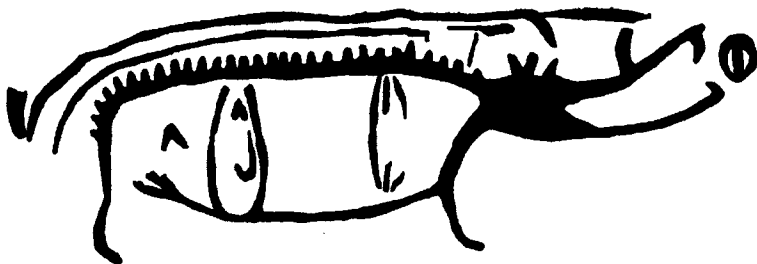
Си-ванму — владычица Запада (слева).
Старинная китайская гравюра

**Змея, пожирающая свой хвост, —
символ вечности.**
Рельеф королевского дворца в Дагомее

Чудовище, пожирающее солнце.
Писаница эпохи неолита на Шишкинской скале
в верховьях Лены

одним из главных богов египетского пантеона. В целом этот пантеон в Гелиополе представлял собой эннеаду — девятку, состоявшую из Атума и порожденных им богов.

Кроме того, порождениями Геба и Нут оказались многочисленные звезды. Они следовали за солнцем Ра, и когда тот отдыхал на западе, светили на небе, но утром Нут пожирала своих детей — они исчезали. В начале времен Геб пришел в ярость из-за гибели звездных детей и даже сравнил свою супругу со «свиньей, которая поедает своих поросят». Пришлось их отцу, богу воздуха Шу, поднять свою дочь над землей и успокоить сына, ибо небо не только поглощает своих детей на западе, но и вновь ежедневно рождает их на востоке. И никто из них не упал еще на землю.

В египетских текстах сохранился и архаичный вариант мифа, где прародительницей всего оказывается небо Нут, но совсем не в облике свиньи: демиург-солнце в виде золотого теленка рожден без участия мужского божества небом — богиней-матерью Нут, представлявшей огромной коровой с рассыпанными по ее телу звездами. Но бог Шу и тут должен быть «на подхвате» — он поддерживает звездный живот небесной коровы.

Гелиополь не случайно именовался греками «Солнечным городом». В нем особо почитался бог солнца Ра, воплощением которого был сокол: его изображали в виде человека с головой сокола, которую увенчивал солнечный диск. Он был не столько творцом, сколько воплощением стабильности космического порядка. В своей солнечной ладье ночью Ра спускался в преисподнюю, где должен был сражаться с воплощениями хаоса, стремившимися погубить солнце и с ним — весь мир. В менее драматичной версии мифа богиня Нут каждый вечер поглощает Ра, чтобы родить его вновь — утренним солнцем. Рассказывали также, что Ра вылупился из яйца, снесенного некоей птицей Гоготун на первичном холме. В начале времен, говорится в другом мифе, на поднявшемся из хаоса холме вырос цветок лотоса, и из него появилось «солнечное дитя» — Ра, «осветившее землю, пребывавшую во мраке». На многих ритуальных сосудах есть изображения двух небесных коров, стоящих по сторонам лотоса, в котором, как Дюймовочка, сидит новорожденное солнце.

Когда бог Ра был отождествлен с Атумом, солнце стали представлять в трех ипостасях: Хепри, воплощение становления, считался утренним солнцем, Ра — солнцем в зе-

МИФЫ

О СОТВОРЕНИИ

МИРА

ните, Атум — вечерним солнцем (ведь творец всего нуждался в отдыхе, да и сам был близок хтонической стихии, земле). В других мифах Хепри отождествлялся со скарабеем — жуком, который катит солнечный шар по небу.

Ра-Атум стал во главе эннеады богов, считался отцом богов, отцом фараона — ведь боги эннеады и были первыми царями в Гелиополе, создателем мира, а также Луны — Тота. Когда дневное солнце Ра ночью спускается в преисподнюю, чтобы светить для умерших, его заместитель Тот освещает землю. Луна стала другим оком Ра-Атума, что вызвало ревность его первого Ока — Тефнут: пришлось творцу помещать оба светила на своем челе, и луна стала его левым глазом. (Существовали также представления, что солнце и луна — это два глаза небесного сокола Гора.)

С Оком творца связана и египетская антропология — миф о происхождении людей. Они возникли из слез, проливаемых ревнивой Тефнут. Но эта мотивировка явно вторична: дело в том, что слово «люди» — ремет в древнеегипетском языке — похоже на слово «слезы» (ремит).

Такой способ объяснять происхождение мира и человека уже знаком нам по полинезийскому антропогоническому мифу: там названия членов человеческого тела якобы содержат имя божественного посланника — свидетеля творения. Этот способ именуется в науке «народной этимологией».

В Гелиополе почитался также фетиш Ра — камень-obelisk Бенбен, возникший из водного хаоса (как холм Атума или скала Тангалоа). На камне появился Бену (от слова «бен», «возникать») — бог в виде феникса (цапли), и началось творение мира. Бену — «тот, который из себя возник» — считался душой (ба) солнечного бога Ра.

Обелиск или стела — характерный памятник египетского монументального искусства. Он воплощал, как мы видим, центр мира или первозданную скалу: другим таким воплощением были самые знаменитые египетские монументы — пирамиды. На одном из обелисков сохранился

высеченный иероглифами еще один космогонический миф, происходивший из другого столичного города Египта — Мемфиса.

В Мемфисе почиталась своя эннеада, возводившаяся к местному демиургу — Птаху (Пта), создавшему восемь других богов, своих ипостасей, в число которых мемфисские жрецы включали и гелиопольского Атума. Они утверждали, что Птах в облике Нуна породил Атума. Сам Мемфис, расположенный в верховьях дельты Нила, именовался «Весами обеих Стран» — то есть Верхнего и Нижнего Египта, а также Хет-ка-Пта, «Палата души (ка) Пта», откуда происходит греческое название Египта. Птах творит мыслью и словом, т.е. сердцем — вместилищем разума и языком, повторяющим мысли посредством творческого слова (вспомним библейское: «И сказал Бог...»). Сердце «дает выходить всякому знанию и язык повторяет все, задуманное сердцем»; «...сердце и язык получили власть над (всеми) членами, ибо они познали, что он (Птах) в каждом теле, в каждом рту всех богов, всех людей, всех зверей, всех червей и всего живущего, ибо он мыслит и повелевает всеми вещами... Его девятка богов перед ним в виде зубов и губ в его устах... называвших имена всех вещей», его уста породили Шу и Тефнут, породили всю эннеаду. Так Птахом «была дана жизнь миролюбивому, и была дана смерть преступнику, и были созданы всякие работы и всякие искусства, труды рук, хождение ног, движение всех членов, согласно этому приказанию, задуманному сердцем и выраженному языком и творящему назначение всех вещей... И он родил богов, он создал города, он основал номы, он поставил богов в их святилища, он учредил их жертвы, он создал их тела по желанию их сердец».

Но и у Птаха был двойник, с которым он слился в единое божество: это был бог Татенен, имя которого означает «Поднимающаяся земля». Значит, и в Мемфисе был известен миф о земле, поднимающейся из первичного океана. Татенен был божеством земли и преисподней, к нему спускалось ночью солнце, ему принадлежали минералы, из него росли растения. Была у Птаха и жена — львиноголовая богиня Сехмет, которая отождествлялась с Тефнут, и считалась дочерью Ра и его Оком. Способность Птаха сливаться с другими божествами была такова, что иногда он воспринимался как андрогин — двуполое божество.

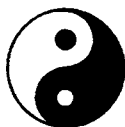
Птах считался покровителем ремесленников, поэтому греки отождествили его с Гефестом.

Но, пожалуй, самым известным демиургом-ремесленником может считаться бог-гончар Хнум, рожденный Нуном. Он изображался с головой барана, но баран на Ближнем Востоке отнюдь не считался воплощением глупости: прежде всего он считался воплощением плодовитости, а значит, творческих потенций. На гончарном круге из глины Хнум создал человека и его духовного двойника (ка), а также животных. Хнум как творец человека был властителем человеческой судьбы и даже помощником при родах. Его считали творцом цивилизации: он создал города, разделил поля, сотворил обе Земли Египта. В греко-римский период, когда был построен знаменитый храм Хнума в Эсне, считалось, что он «придал форму всему» — создал людей, богов, животных и весь мир на гончарном круге.

В Гермополе (*др.-егип.* Хемену, «восемь») почиталась огдоада — восемь изначальных космических божеств — тех, из которых возник мир: Нун и Наунет — водная стихия, первичный океан, Ху и Хаухет — бесконечность в пространстве, Кук и Каукет — мрак, Амон и Амаунет — сокрытое, невидимое. Казалось бы, речь идет об абстрактных понятиях, но эти боги имели вполне конкретный и очень характерный для египетской мифологии «тотемический» облик: мужские божества изображались с головами лягушек, а женские — с головами змей. Эти божества с хтоническими чертами рассматривались как элементы первобытного хаоса, первичного океана, из которого поднялось солнце (вспомним образ Атума).

С превращением Амона, бога ставшего видимым солнца, в главного бога Египта в его новой столице — Фивах, он ставится во главе огдоады, а потом и эннеады — воплощения всех богов Египта. «Эннеада была в твоих членах, — говорится в одном из папирусов об Амоне, — все боги составляли части твоего тела». Он «создал твари, чтобы они жили, он указал путь для людей, и их сердца живут, когда они видят его». В другом папирусе говорится, что из глаз Амона появились люди, а из уст — боги, что сближает образ Амона с более древним творцом — Атумом. Но сам Амон входит в триаду богов, которая составляет небесную семью: его жена — богиня неба Мут, которая сближалась с другой богиней неба Нут, наделялась обликом небесной коровы и считалась «матерью

матерей»; их сыном был лунный бог Хонсу, бог времени и счета — ведь время исчислялось по убыванию Луны.

«Стоватные» Фивы, воспетые Гомером — центр культа Амона, — превращаются в египетской мифологии в центр мироздания. «Фивы — образец для всех городов, — свидетельствует древний папирус. — Вода и земли были в них вначале. И появился песок, чтобы обозначить границу пахотных земель и обозначить их основную почву, на холме. Так стала земля. Потом появились люди, чтобы благоустроить все города».

Амон именуется при этом «душой живою», дающей жизнь всему, но невидимой, как воздух: недаром его изображали в образе человека, окрашенного в голубой цвет — цвет неба (но сохранялся и его тотемический облик, подобный облику Хнума — Амон тоже имел голову барана). Этого египетского бога считают прообразом библейского Творца, сделавшего человека «душою живою».

В эпоху Нового Царства — в середине II тысячелетия до н. э. — Амон отождествляется с гелиопольским богом солнца Ра и превращается в Амона-Ра. Он считается отныне царем всех богов и творцом, создавшим все сущее. В нем, как в воплощении вселенского — космического — начала, существуют все боги, люди и предметы. Амон-Ра — отец фараона, покровитель его царства и войска. Космический порядок становится основой социального устройства.

Энки — шумерский демиург

В шумерском мифе «Энки и мироздание» — одном из древнейших известных на клинописных табличках мифологическом тексте — организатором мирового порядка выступает бог мудрости Энки. Начинается все со священного брака с землей.

Энки отправляется в путешествие по земле, оплодотворяет ее и определяет судьбу городам и странам. Определив судьбы стран, он обеспечивает плодородие земли. Как ярый бык он соединяется с рекой Тигр, представленной в виде дикой коровы, и наполняет ее животворной водой. Он назначает бога Энбилуру надзирать за каналами. Затем он вызывает к жизни — «называет по имени» — болота и тростниковые заросли, наполняет источники рыбой и назначает для надзора за ней особого бога, «называет по имени» животворный дождь (за ним надзирает бог Ишкур). Он заботится о плуге, бороне и ярме и назначает для присмотра за ними Энкимду. Он «называет по имени» пахотную землю, производит на свет злаки и плоды и назначает надзирать за ними богиню Ашнан. Он заботится о мотыге и о форме для кирпичей, назначив для надзора за ними бога Куллу. Он покрывает растительностью горные страны, умножает их скот и передает все это в ведение бога Сумукана, «царя гор». Он возводит стойла и загоны, наделяет скот жиром и молоком и передает его в ведение бога Думузи. Он проводит границы городов и государств, устанавливает межевые камни и назначает бога солнца Уту «для надзора за всей Вселенной». Энки — хранитель божественных сил ме, определяющих судьбы жреческой и царской власти, искусств и ремесел. Известен миф о похищении ме дочерью Энки богиней Инанной, решившей облагодетельствовать дарами цивилизации ее родной город Урук. Она отправляется в резиденцию Энки, тот устраивает в ее честь пир и, захмелев, дарит ей ме. Протрезвев, Энки посылает погоню, чтобы вернуть ме. В семи сражениях силы Энки терпят поражение от сил Инанны, ме прибывают в Урук и оказываются потерянными для Энки.

В тексте «От начала начал, от дней сотворения мира» («Энки и Нинмах») Энки — создатель людей. Люди нужны, чтобы трудиться на богов и избавить тех от необходимости добывать пищу. Энки и Нинмах вместе с богиней Намму («матерью, создавшей небо и землю», «давшей жизнь всем богам») лепят человека из глины «над бездной» — т.е. из глины первозданного мирового океана Абзу, придав человеку облик богов. Изготовив человека и определив ему судьбу, боги устраивают пир. Захмелев, Энки и Нинмах вновь творят людей — но на этот раз неудачных, хромых, глухих и слепых уродцев (этиологический мотив происхождения болезней и уродства).

Шумерские мифы были во многом восприняты Вавилоном.

**«Когда вверх»:
вавилонская теогония**

Знаменитый мифологический эпос Вавилонии именуется «Энума элиш» — «Когда вверх», по первым словам глиняной таблички с клинописью, которая содержала начало вавилонской поэмы. Так же по первым словам в еврейской традиции принято обозначать книгу Бытия — «В начале». Вавилонская поэма о творении размещалась на семи табличках, что напоминает о семи днях творения в Библии, и записанные на них тексты исполнялись «в начале» — в начале каждого года, во время главного вавилонского праздника — годового торжества Акиту. Это происходило во II тысячелетии до н. э.

В начале времен, «когда вверх безымянным небо, внизу земля безымянной была» — то есть небо и земля еще не существовали — были только подземный мировой океан пресных вод Апсу и его супруга Тиамат, «Море» — воплощение мирового хаоса. Апсу и Тиамат, мешая свои воды — пресные и соленые, создали первую пару сверхъестественных существ, чудовища Лахму и Лахаму — ил, оседающий у слияния рек и моря. Из этого ила возникла земля — плодородная почва Месопотамии.

Они родили Аншара и Кишар — горизонты неба и земли, те, в свою очередь, — бога неба Ану (в одном из вариантов мифа и бога ветров и бурь Энлиля), а тот — бога Нудиммуда, или Эйю, бога вод и мудрости. Так родилось несколько поколений богов, которые, в отличие от своих неподвижных родителей, стали водить хороводы и шуметь. Они начали раздражать Апсу своим шумом и суетой. Апсу решил уничтожить богов вопреки Тиамат, которая жалела своих детей. При этом он пользовался поддержкой злого советника Мумму — он уговорил Апсу истребить богов, чтобы океан-прародитель мог отдыхать днем и спать ночью.

Боги встревожились, узнав о злом замысле. Но всеведущий Эйя сотворил могучее заклинание, которое успокоило разбушевавшиеся воды мирового океана: Эйя наслал на Апсу магический сон и убил его — с тех пор воды первичного океана пребывают во сне и бездействии, не угрожая всему живому. Мумму же бог связал и продел ему веревку через нос — превратил в раба. Эйя отнял у Апсу царскую тиару и одеяние из золотых лучей, а затем возвел над убитым священное жилище, названное «Апсу». Этот храм долго высился в одном из древнейших городов Месопотамии — Эреду.

В жилище-храме бог со своей супругой Дамкиной зачал Мардука, бога — покровителя Вавилона. Бог родился взрослым, и его грозный облик восхитил прочих богов: у Мардука было четыре глаза и четыре уха, воплощавшие его всевидение и всеведение, из уст же его вырывалось пламя.

Обрадованный дед Ану создал для Мардука игрушки — породил ему на забаву четыре ветра, чтобы внук забавлялся с ними. Ветры возмутили покой Тиамат, да и старшие боги не смогли смириться с гибелью их родителя. Они принялись побуждать Тиамат отомстить за супруга, укоряя ее, что она спокойно снесла его гибель, как теперь переносит плен Мумму. Тиамат вооружила своего великанского первенца Кингу, сделав его вторым мужем и вручив ему таблицы судьбы — власть над прочими богами. Она породила полчище чудовищ — ядовитых змей и драконов, среди которых были человек-скорпион и кентавр: их возглавил Кингу.

Совет богов, о котором повествует вторая табличка, в отчаянии воззвал к Эйе, напоминая ему о былых победах. Увы, дальнейший текст в табличке испорчен, и мы не знаем, устранился ли Эйя выступить против Тиамат или потерпел поражение. Совет богов вынужден был отправить к Тиамат Ану, чтобы просить о мире, но богиня хаоса одним мановением руки обращает его в бегство — она уже решила на месть.

Тогда боги обратились к могучему Мардуку, чтобы он выступил против праматери, и он согласился, но его условием была власть над всеми богами и их судьбами. На пиру, о котором повествует третья табличка, боги вручают Мардуку власть.

Четвертая табличка повествует о возведении Мардука на царский престол. Но боги ждали знака, свидетельствующего о реальной силе Мардука. Бог заставил исчезнуть и вновь появиться свои царские одеяния, блестящие, как созвездие. Тогда боги провозгласили Мардука царем, вручили

ему скипетр, и тот стал вооружаться для битвы. Его оружием стали лук и стрелы, булава, молния и сеть, которую держали за концы четыре подаренные ему дедом ветры, а также боевая колесница, воплощение вихря, — Мардук выступил как демиург, снабженный не только природным, но и рукотворным оружием. Тело свое Мардук наполнил пламенем и создал семь ураганов.

Ступив на боевую колесницу, Мардук выступил против рати чудовищ, вызвав смущение в их рядах своим грозным видом. Лишь Тиамат не устрашилась, но попыталась лъстивыми речами обмануть бога. Но Мардук был непреклонен: он упрекал праматерь в том, что она выступила против богов и передала власть недостойному Кингу. Бог вызвал Тиамат на поединок. Чудовищная праматерь раскрыла свою пасть, чтобы поглотить восставшего против нее потомка, но бог вогнал в ее пасть ветры, так что Тиамат не могла сомкнуть челюсти, и ветры раздули ее утробу. Бог пронзил стрелой чрево и сердце чудовища, и сопровождавшее ее демоническое войско обратилось в бегство. Но демонам не удалось избежать сети Мардука: бог отобрал таблички судьбы у Кингу и, повесив их себе на грудь, стал подлинным владыкой богов.

Мардук вернулся к трупу поверженной Тиамат, рассек ее артерии и велел северному ветру гнать прочь ее кровь — чтобы вышедшие из праматери воды хаоса не затопили земли. Тело побежденной богини хаоса Мардук рассек на две части, из верхней сделал небо, заперев в нем первозданные воды и приставив к ним стражу, чтобы воды хаоса не обрушились на землю, созданную из другой половины чудовища. Он построил новый чертог для богов — Эшарру, где поселились Ану, Энлиль и Эйя.

Пятая табличка сохранилась не полностью. В ней говорится о деяниях Мардука, которые навек прославили вавилонян — халдеев как знатоков астрономии и астрологии. Мардук учредил календарь: надзор за соблюдением календаря оставался одним из главных дел царя Вавилонии. Бог определил течение года, месяцев и дней, установив их порядок в соответствии с изменениями луны. Мардук укрепил Полярную звезду — неподвижный центр небосвода. Месяцу он доверил хранение ночи, велел убывать по мере наступления на луну солнца. Он установил три небесных пути для звезд: путь Энлиля на севере, путь Ану в зените, путь Эйи на юге. Наблюдать за порядком звездного неба призвана была планета Юпитер.

Мардук сотворил обиталища богов, воздвиг ворота, через которые должно всходить и заходить солнце, заставил сиять луну. Над головой Тиамат Мардук создал гору и пронзил ее глаза: из них истекают Тигр и Евфрат («глаз» и «источник» обозначаются в аккадском языке одним словом). Бог насыпал горы над пронзенными сосками Тиамат, и из них истекают реки, впадающие в Тигр. Хвост Тиамат он загнул на небо, превратив в Млечный Путь, а промежность сделал опорой неба.

Возвратившись с победой, Мардук устроил триумф — провел перед богами пленных чудовищ. Вид их был настолько ужасен, что бог обратил их в статуи, поставив эти трофеи у ворот жилища Апсу. Боги же провозгласили его царем неба и земли.

В шестой табличке рассказывается, как Мардук решил избавить богов от физического труда и сотворил людей, чтобы они обеспечивали богов пищей, совершая храмовые ритуалы.

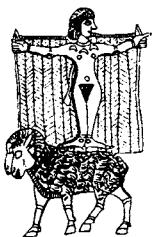
Благородный победитель простил тех древних богов, что примкнули к Тиамат. Но они должны были построить для него новый дом, который будет именоваться Вавилоном. Боги принялись за труд, и тогда Мардук решил создать им помощника — Луллу, что означает одновременно «дикарь» и «богатырь древних времен».

Эйя дал ему совет, как создать человека: для этого нужно казнить главу мятежников Кингу. Смешав с глиной кровь Кингу, Эйя слепил человека, наделенного душой.

Боги были освобождены от тяжелых трудов, чтобы править миром. Мардук разделил их на тех, кто должны вместе с Ану править небом, и тех, кто будет следить за порядком на земле.

Благодарные боги взялись за работу последний раз, смешали лопатами глину, создали кирпичи и воздвигли Мардуку Вавилон с храмом-зиккуратом — небесным Эсагила.

Храм-гора зиккурат призван был разделять небо и землю и одновременно соединять их: недаром само имя «Вавилон» означало «Ворота бога». Воспоминание об этом зиккурате сохранилось в Библии: это рассказ о Вавилонской башне.

По окончании работ они собрались на пир в новом жилище. На собрании боги избрали семь божеств судеб, которым должны были подчиняться все божества. Мардук положил перед собранием свое оружие, и Ану увековечил лук бога-победителя, усыновив его и возведя в ранг божества. Затем он возвел Мардука на царский престол. Боги дали ему клятву верности, Аншар же побудил всех богов воздавать ему невиданные прежде почести до конца времен. Боги провозгласили его пятьдесят имен, определяющих его функции — функции всех главных богов пантеона. Мардук же должен был обеспечить порядок не только в мире богов, но и в мире людей — «черногловых», которые должны приносить жертвы и почитать всех богов.

Цари Вавилона следовали этому заведенному богами порядку. Царь участвовал в новогодней драме, когда читался, как Священное писание, космогонический эпос «Энума элиш». Знаменитый законодатель Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) начинал древнейший свод законов с цитаты из космогонического мифа:

Когда державный Ану, повелитель богов,
И Энлиль, владыка земли и неба,
Отдающий повеления всему народу,
Поручили судьбы Мардуку, первенцу Эйи,
Исполнение обязанностей Энлиля
Для всех людей
И возвеличили его среди богов,
Назвали Вавилон гордым именем,
Поставили его превыше всех среди четырех сторон
Света,
Посреди него установили навечно
Нескончаемое царство,
Основанья которого нерушимы,
Как основанья земли и неба.

Основания мировой империи нерушимы, потому что ее центр — это центр созданного богами космоса. Немало царств, считавших себя вечными и нерушимыми на этом основании, ушли в небытие, как и боги, и герои, которым приписывалось сотворение этого фундамента.

Мы видим, как в Египте и Вавилоне, равно как и в древней Мексике, космогонический миф перерастает в историю, цари и жрецы продолжают поддерживать космический порядок, установленный демиургом, во дворце и храме. Та же традиция известна на Дальнем Востоке.

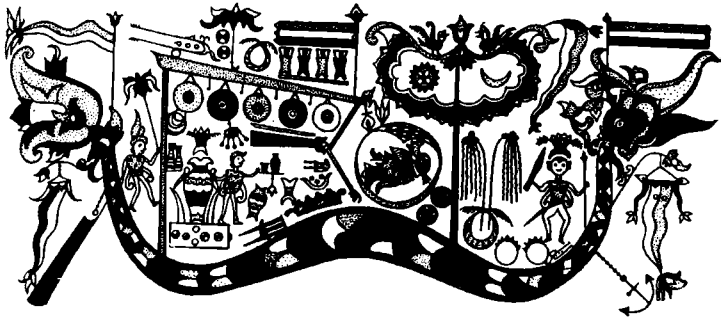
Идзанаки и Идзанами — супруги-демиурги

Японские мифы содержат рассказ о демиургах — боге и богине, устроивших мир и давших рождение мириадам богов.

Вначале был хаос, похожий на океан масла или на яйцо, содержащее зародыш. Оттуда возникают первые богами, сначала триада высших одиноких божеств, не имеющих пола и сокрытых от глаз людей, затем еще четверо незримых божеств, наконец, пять пар богов и богинь — братьев и сестер. То были семь первых поколений богов.

Последней из божественных пар рождаются Идзанаки и Идзанами — первый мужчина и первая женщина. Они антропоморфны и могут рожать других богов, и им высшие небесные божества, появившиеся раньше, повелевают оформить землю, которая все еще в жидком бесформенном состоянии, подобно всплывающему маслу, медузой носится по морским волнам. Идзанаки и Идзанами, встав на Плавающий Небесный Мост, втыкают небесное копьё, украшенное драгоценностями, в море хаоса и размешивают его до тех пор, пока жидкость не загустевает в земную твердь (вспомним индийский миф о пахтанье). Затем они выдерживают копьё, а капли соли, упавшие обратно в море, образуют остров Самозагустевший. Взойдя на него, Идзанаки и Идзанами превращают его в срединный столб земли — мировую ось, а затем совершают брачный обряд — они должны обойти вокруг мирового столба и произнести брачный диалог. Однако при первом совершении обряда они ошибаются: первой брачные слова произносит женщина — Идзанами. Поэтому первые порождения Идзанаки и Идзанами были неудачны: их первенец оказывается лишенной рук и ног пивякой — его отправляют прочь на тростниковой лод-

Корабль духов даяков-нгаджу.
Штевень оформлен в виде птицы,
корма — в форме змеи

**Пахтанье
мирового
океана.**
Индийская
миниатюра
XVIII в.

По одному из вариантов мифа сам Вишну уподобился горе Мандаре и стал пахтать океан. Рельеф в Ангкоре. Камбоджа.

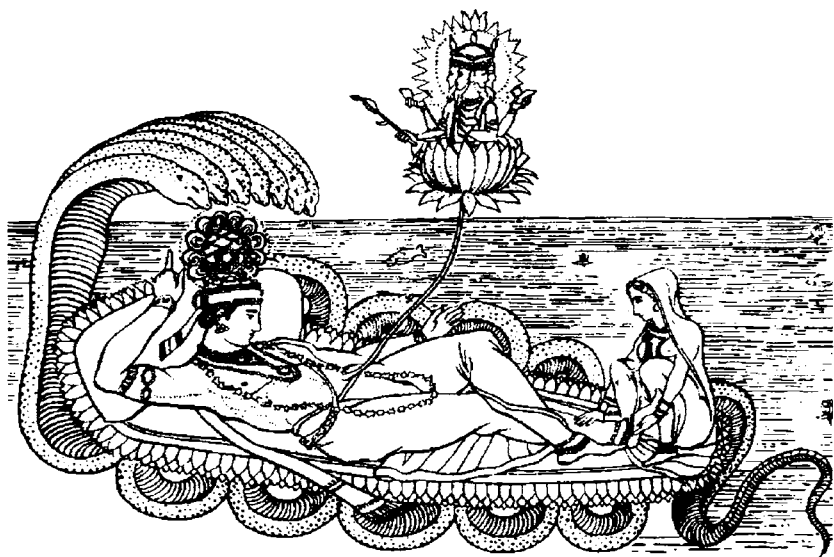
Васуки — царь нагов

Варуна на морском чудовище. Акварель

**Брахма,
плывущий
на лебедь**

Вишну, возлежащий на змее Шеше.
В ногах — его супруга Лакшми

ке, а созданный остров непрочен, как пена. Боги отказываются от своих первенцев, а затем повторяют брачный обряд правильно. Теперь от их брака появляются острова, составляющие страну Японию, и множество божеств, заселяющих землю: боги земли, жилища (входа и кровли), ветра и моря, гор и деревьев, равнин и туманов и прочие.

Наконец рождается бог огня, опаляющий при рождении лоно Идзанами. Но даже в предсмертных муках богиня продолжает порождать новые сверхъестественные существа: из ее выделений рождаются боги рудных гор и вязкой глины (необходимой для гончарства), даже из мочи является богиня быстротекущих вод.

Когда Идзанами умирает, Идзанаки совершает погребальный обряд и оплакивает жену: из слез его появляется Плачущая богиня болот. В скорби бог отсекает мечом голову богу огня — из этой головы и крови, стекающей с меча на хребты гор, являются новые горные божества.

Земля же остается не устроенной окончательно, и бог в отчаянии отправляется за Идзанами, чтобы увести ее обратно в верхний мир. Но Идзанами уже отведала «пищи с очага подземной страны», и ей заказан путь обратно. Она запрещает супругу смотреть на нее, но бог нарушает запрет и видит, что в ее теле копошатся черви, а сама она готова произвести на свет страшных богов грома и огня. Идзанаки в ужасе бежит, но Идзанами, превратившаяся в царицу демонов, посылает за ним в погоню воинство подземного мира. Идзанаки спасается при помощи своего головного убора и гребня — они превращаются в виноград и ростки бамбука, которые преграждают дорогу фуриям, начинающим их пожирать. Бог бежит, размахивая мечом за спиной, — отбиваясь от бесчисленного загробного воинства, и успевает сорвать три персика, растущих на дереве у выхода из подземной страны, — вкусить пищи живых. Тогда сама Идзанами пускается в погоню, но ее муж успевает подвинуть огромную скалу ко входу на тот свет.

У этой скалы спасшийся Идзанаки расторгает свой брак с Идзанами (как прежде он заключил его у мирового столпа), и та в ярости обещает ежедневно душить тысячу живых существ, но Идзанаки обещает каждый день возводить специальные хижины для полутора тысяч рожениц. С тех пор число рождений превышает число смертей.

Бог же совершает очищение в реке, во время которого из посоха, пояса, одежды Идзанаки, а также из капель воды

рождается множество божеств: поначалу то были божества зла, ибо Идзанаки смывал с себя скверну загробного мира. Наконец из капель воды, омывшей левый глаз Идзанаки, рождается богиня солнца и покровительница земледелия Аматэрасу, получившая в управление верхний небесный мир, из воды, омывший его правый глаз, — бог луны Цукуёми, получивший царство ночи, а из воды, омывшей его нос, — бог ветра и водных просторов Сусаноо, получивший равнину моря.

Сусаноо же был недоволен разделом владений: он плачет, отчего высыхают моря и источники. От обиды Сусаноо хочет даже отправиться в землю своей матери — загробный мир, и рассерженный Идзанаки изгоняет его, не пуская в преисподнюю. Изгнанный бог отправляется к Аматэрасу, чтобы попроситься. Со страшным шумом он поднимается на небо, и богиня, думая, что брат хочет отнять ее страну, вооружается, подобно Афине, чтобы встретить угрозу. Но Сусаноо жалуется на судьбу и даже предлагает Аматэрасу вступить с ним в брак. Произнося брачный договор, боги творят новые божества: из меча Сусаноо Аматэрасу творит богинь, из украшений своей сестры Сусаноо делает богов. После этого Сусаноо возгордился: во владениях Аматэрасу он совершает страшные прегрешения: засыпает межи на ее рисовых полях, уничтожает оросительные каналы, оскверняет ее жилище испражнениями, врывается в запретные покои, где богиня ткала ткань. Оскорбленная Аматэрасу удаляется в горную пещеру, свет покидает землю, исчезает чередование дня и ночи.

Приходится небесному кузнецу и богине-литейщице изготовить огромное магическое зеркало, которое вместе с магическим ожерельем они вешают на священное древо, принесенное с небесной горы и посаженное возле пещеры. Туда же они приносят долгопоющих птиц — петухов, чтобы имитировать рассвет. Наконец, богиня танцев пускается в пляс на перевернутом чане, развязав завязки своей одежды и оголившись. Этот танец вызывает такой хохот мириадом богов, что Аматэрасу, удивленная этим весельем во тьме, подходит к выходу и спрашивает, что так развеселило богов. Хитрая плясунья отвечает ей, что на свете появилось великое божество, которое превосходит саму Аматэрасу, и боги радуются ее появлению. Ревность не была чужда и великой богине — она захотела посмотреть на соперницу, и тут боги поднесли к выходу из пещеры зеркало, отразившее

лик самой Аматэрасу. Пока изумленная богиня всматривалась в свое отражение, бог-силач за руки вывел ее наружу из пещеры, вход в которую преградили веревками.

На радостях боги заполнили тысячу праздничных столов искупительными дарами. Оскорбителя же богини лишили бороды, вырвали ему ногти и изгнали навсегда из божественного мира.

Аматэрасу, вернувшись на небо, посылает Цукуёми спуститься на землю, но там богиня пищи предлагает ему еду, которую сама изрыгает изо рта. Оскорбленный Цукуёми убивает ее. Разгневанная Аматэрасу заявляет, что отныне они «не должны быть видимы вместе»: с тех пор солнце и луна живут раздельно. Но из тела убитой богини появляется множество благ: в ее голове заводятся шелковичные черви, из глаз произрастает рис, из ушей — просо, из утробы — пшеница, на лядвях вырастают бобы.

Это мифологическое повествование содержит целый комплекс отчасти уже знакомых нам мифологических сюжетов, начиная от мирового яйца и кончая рассказом о солнечном затмении, борьбе водного хаоса, воплощенного Сусаноо, с солнечным божеством. Здесь рассказан и миф о небесной богине, оказавшейся, в силу совершенного проступка, в преисподней. Там она превратилась во властительницу загробного мира, и напрасно Идзанаки, подобно греческому Орфею, спускался за ней в преисподнюю — Идзанами стала злобным демоническим существом и принялась преследовать бывшего супруга. Это преследование живо напоминает уже рассматривавшийся нами сюжет о Бабе-яге, от которой можно спастись, бросив гребень, превращающийся в лес, и т.п. Не менее интересен и сюжет «царевны Несмеяны» — чтобы добиться ее расположения, надо ее развеселить: это в состоянии сделать трикстер — в японском мифе это богиня, исполняющая непристойным образом обрядовый танец и обманывающая солнечное божество.

Эти мифологические рассказы включают подробные перечни многочисленных божеств, создаваемых «по случаю», — почти так же, как тотемические первопредки первобытных народов творили мир в своих странствиях. Но перечни эти не случайны в японской традиции: они включены в книжный эпос Кодзики — «Записи и деяниях древности», составленный в VII—VIII вв. В этих записях специально говорится о том, какие боги были предками правящих японских родов. Аматэрасу считалась прародительницей самих императоров, недаром их регалии включали зеркало — символ солнца. Среди мириадов упомянутых в Кодзики божеств перечисляются предки правителей японских провинций, чиновных родов и прочие.

Боги земли и падшие ангелы

Идзанами, ставшая богиней преисподней, имеет судьбу, схожую с судьбой многих небесных богинь, ставших хтоническими существами. Превращение небесной богини в богиню земли — вариант космогонического мифа о разделении земли и неба. Таков миф о Калтащ-эква — богине земли у обских угров.

Ма-анкв, «Земли бабушка», «Земная женщина», Калтащ-эква была старшей сестрой и женой небесного бога творца Нуми-Торума. Она участвовала в сотворении мира и человека: это Калтащ-эква надоумила Нуми-Торума укрепить землю, плавающую на поверхности океана, горным поясом — Уралом; она вдохнула жизнь в тела первых людей.

Затем, однако, в небесном семействе произошла ссора: Калтащ-эква потребовала, чтобы Нуми-Торум построил себе новое жилище из костей всех зверей и птиц. Нуми-Торум возмутился: что будут есть люди, если он убьет всех зверей и птиц? Женщина, однако, настояла на своем, и бог отправил щуку собирать всех рыб, кулика — всех птиц. На-

конец собрались все, кроме мудрой совы. Она явилась лишь на третий зов и отговорила бога приносить себе в жертву все живое, попрекнув его, что он уподобляется женщине, если следует ее советам. Тогда Нуми-Торум, разгневавшись, принялся бить Калтащ-экви и наконец сбросил ее вниз через отверстие, которое вело с неба на землю: та поселилась в горе Сакв, запершись за железной дверью. Истосковавшийся бог потом разыскал свою супругу: та родила ему на земле сына, который стал главным покровителем всех людей — Мир-сусне-хумом.

Согласно другому варианту мифа, разлад в небесном семействе произошел, потому что Калтащ изменила своему небесному супругу с его противником Куль-отыром: он и здесь не оставлял своих козней (как саамский Перкель и противники небесных богов в мифах индоевропейских народов). Нуми-Торум в гнев трижды ударил жену о небесную твердь, а затем сбросил сквозь небесное отверстие на землю. Между небом и землей она родила Мир-сусне-хума: сама судьба предназначила ему быть посредником между людьми и богами, добром и злом, небесным отцом и хтонической богиней плодородия.

Мы уже упоминали о подобных вариантах космогонического мифа, когда рассказывали о гневе ревнивого громовника. Нуми-Торум также наделен функциями громовержца. Продолжением небесного «священного брака», так или иначе, оказывается рождение потомства, и Калтащ-эква не случайно считается покровительницей рожениц.

Калтащ-эква также оказалась посредницей между небом и землей: она воплощала земные воды (низовья Оби) и была связана с горой, связующей небо и землю. Даже ее прославленные в песнях косы, по одной из которых поднимался соболь, а по другой спускался бобр, напоминают о мировом дереве и мировой реке, соединяющих все миры мифологической Вселенной: недаром

соболь устремлен к вершине, в бобр — вниз, к водной хтонической стихии.

Обско-угорские женщины, как и другие представительницы прекрасного пола в финно-угорском мире, с древних времен любили многочисленные металлические украшения, в том числе зооморфные. Косы они украшали изображениями птиц — ворона, ястреба, тетерева, которые именовались «существами вершины кос». И в погребение за пазуху умершей клали ее любимые украшения; среди них были змеи, лягушки, ястребы и вороны — существа верхнего и нижнего миров, а также посредники между этими мирами — ведь ворон питался падалью и был сродни хтоническим гадам. Женский наряд воплощал Вселенную — космос: недаром и в греческой традиции Вселенная и женский убор обозначались одним и тем же словом — космос.

Сброшенная с неба Калтащ-эква стала богиней земли; ее эпитеты в фольклоре — «кожистая земля», «волосатая земля». Она почиталась как защитница от болезней и подавательница детей. Сама Калтащ-эква считалась прародительницей людей Мось — родового объединения обских угров. Ее представляли в облике зайчихи или гуся — животного первопредка (тотема), бабочки — «зверя счастья». Будучи прародительницей людей, Калтащ-эква не только считалась помощницей при родах, но и предопределяла людские судьбы: она отмечала на специальных бирках весь жизненный путь людей. Поэтому ей следовало приносить жертвы не только после рождения ребенка, но и тогда, когда он вырос и мог сам отправиться на охоту. От нее зависела и посмертная судьба — богиня определяла, в ком из потомков должен возродиться умерший.

В мифах и песнях обителью Калтащ-экви считалось подножие семи берез; там, у корней мирового дерева, воплощающего семь миров Вселенной, богиня наделяет судьбой и силой рождающихся на свет людей (как это делают мойры и норны в греческой и скандинавской мифо-

логиях). Еще более древним оказывается миф, где Калташ в образе птицы сидит в гнезде на мировом дереве: из снесенного ею яйца появляется первая женщина-прародительница (сходные мифы известны у финских народов, в том числе у эстонцев и мордвы, и широко распространены во всем мире — о них еще пойдет речь в главе о мировом яйце).

Другая сибирская богиня, участь которой была сходна с участью Калташ у обских угров — кетская Хоседэм. Кеты — древний народ на Енисее — сохранили архаичную мифологию, в которой Хоседэм первоначально была праматерью (эм — «мать»), супругой небесного бога Еся.

Она провинилась перед богом, когда заступилась за непослушного сына — хозяина «западного неба»: он не пожелал одеться потеплее вопреки совету отца и замерз. Из-за этого теперь дует холодный ветер. Хоседэм же была изгнана из жилища на седьмом небе. По другой версии, сама Хоседэм ушла от супруга к Месяцу и живет теперь на далеком северном острове в устье Енисея или даже в скале посреди океана, где стоит ее чум. Там она обитает в облике отвратительной старухи и оттуда посылает все несчастья людям: порчу, болезни, непогоду и саму смерть, ибо она пожирает души людей.

Ее противник — культурный герой и первый шаман Альбэ. В поисках ее подземного жилища он прорубил скалы, создав тем самым русло Енисея. Он преследовал богиню зла вдоль по всему Енисею, отчего образовались острова на этой реке; погоня продолжалась и на небе: ее след — это Млечный Путь, «дорога Альбэ». Герой смог спалить Хоседэм на костре, и из ее тела образовались гады — лягушки и комары. Сам же Альбэ превратился в горный хребет на восточном берегу Енисея.

В главе о вороне мы рассказывали, как в эскимосском мифе он отнял мячик у маленькой девочки, дочери духов, и сделал из него солнце. Мать несчастного ребенка настолько рассердилась, что сбросила девочку с высокого утеса в море, и от

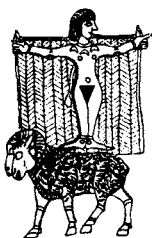
удара у той выросли моржовые клыки — так появилась хозяйка морских животных, в других мифах известная как Седна.

Рассказывают также и о скандале в семействе Седны: отец выдал Седну замуж, но поссорился с зятем и убил его. Он повез дочь назад на лодке-каяке, но море взволновалось и убийца решил откупиться от него жертвой, бросив дочь в море. Седна пыталась спастись — хваталась за борт каяка, но отец обрубил ей пальцы, так что вместо рук у Седны теперь ласты: ее пальцы превратились в морских зверей, сама же она стала хозяйкой всех животных на суше и на море, правительницей погоды, духов и загробного мира. От нее зависит удача в охоте: если люди грешат, она не дает морских животных.

Жизненные коллизии сделали Седну мужененавистницей. У нее либо нет мужа, либо ее супруг — пес, от которого она породила предков чужих для эскимосов народов — белых и краснокожих — индейцев, а также злых духов, похожих на собак.

У индейцев ирокезов был свой миф о сброшенной с небес прародительнице.

В небесном мире, населенном животными, под корнями дерева верхнего мира жена небесного вождя прабабка людей Атаентсик (Авенхаи) увидела, нарушив запрет, отверстие в нижний мир. Чтобы наказать ослушницу, правитель небесного мира вырвал дерево с корнем, а Атаентсик оказалась сброшена вниз. Ее поддержали на поверхности мирового океана бобр, ондатра, выдра и черепаха. Ондатра нырнула, достала со дна горсть земли и положила ее на панцирь черепахи — основание земли; постепенно горсть выросла и образовала сушу. У дочери Атаентсик рождаются братья-антагонисты Йоскеха или Таронхайавогон («тот, кто поддерживает небесный свод») и божество зимы Тавискарон. Злой Тавискарон при рождении смертельно ранил мать — так возникла смерть, и Атаентсик поместила ее тело на дерево (так стало принято хоронить у индейцев). Тело умершей стало солнцем, а голова — луной. Братья же начали обустривать мир по своему разумению: Таронхайавогон — слишком хорошим, а Тавискарон — слишком плохим. В конце концов Тавискарон погиб в поединке с братом.

В древнейших известных нам мифологических текстах, сохранных на шумерских клинописных табличках, говорится о мужском божестве, наказанном в начале времен и изгнанном в преисподнюю.

В шумерской мифологии небо и земля изначально мыслились как гора, основой которой была земля, персонифицировавшаяся в богине Ки, а вершиной — небо, бог Ан. От их союза родился бог воздуха и ветра Энлиль, сам именованный «Великой горой», а храм его в городе Ниппуре звался «домом Горы»: он отделил небо от земли и устроил космос — Вселенную. Благодаря Энлилю появляются и светила. Энлиль влюбляется в богиню Нинлиль и силой овладевает ею, когда она плыла по реке в своей барке. За это старшие боги изгоняют его в подземный мир, но Нинлиль, уже зачавшая сына — бога луны Нанну, следует за ним, и Нанна рождается в преисподней. В преисподней Энлиль трижды принимает облик стражей загробного мира — «стража ворот», «человека подземной реки» и «перевозчика» — и рождает с Нинлиль трех подземных богов (в том числе владыку преисподней Нергала) — в замену Нанне, себе самому, Энлилю, и Нинлиль. Они возвращаются в небесный мир. Отныне Нанна в барке в сопровождении звезд и планет путешествует ночью по небу, а днем — по подземному царству. Он рождает сына — солнечного бога Уту, странствующего по небу днем; ночью же он путешествует по подземному миру, принося умершим свет, питье и еду. Другое его дитя — планета Венера, богиня любви Инанна (Иштар).

Затем Энлиль обустроивает землю: он взрастил из земли «семя полей», произвел на свет «все полезное», изобрел мотыгу и даровал ее людям. Мотыгой он проделал дыру в земле, и оттуда выходят люди (видимо, предполагалось, что ранее они росли под землей, как трава). Его сыновья — Нингирсу и Нинурта — покровители земледелия, «верховный пахарь Энлиля» и «земледелец Энлиля».

Энлиль — древнейший умирающий и воскресающий бог, но он вынужден спуститься в преис-

поднюю не как жертва, а как преступник: однако и это преступление связано со «священным браком» небесного (атмосферного) бога и земной богини, воплощения воды и плодородия.

Как мы видели, в разных дуальных символических системах женское начало связывается с нижним миром, преисподней, и одновременно плодородием — всепорождающим первоначальным хаосом.

Разделение Хаоса и Космоса: греческая теогония

Самый знаменитый, за исключением библейского, миф о творении — греческий. Он донесен до нас поэтом Гесиодом (VIII—VII вв. до н.э.): его эпическая поэма так и называется — «Теогония» — «О происхождении богов».

Сами музы — дочери царя богов, громовержца Зевса, рожденные им от богини памяти Мнемозины, — научили пастуха Гесиода песням о богах. Они и поведали поэту, что прежде Вселенной существовал лишь Хаос, вслед за ним зародилась «широкогрудая Гея» — Земля. В ее недрах существовал сумрачный Тартар — бездна, преисподняя. Наряду с этими первоначальными стихиями перворожденной основой бытия оказался и «сладкоистомный Эрос».

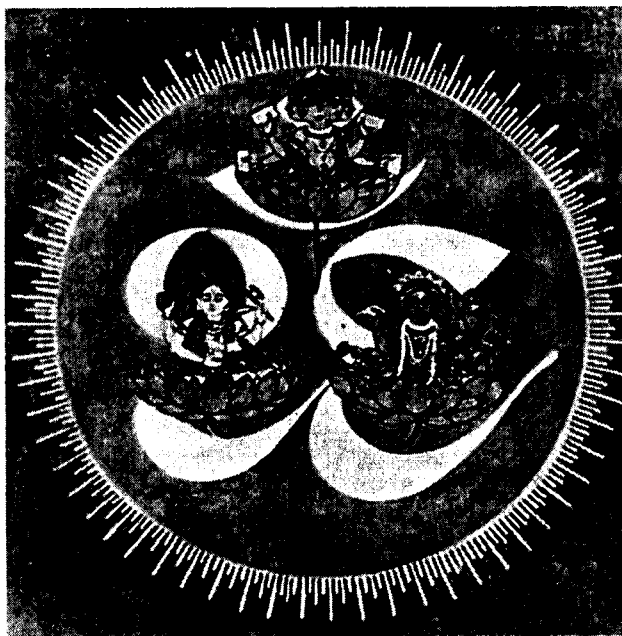
Первоначальный облик Эроса далек от последующих эротов или амуров, крылатых пухлотелых младенцев, которых мы привыкли видеть в европейской живописи. Первобытный Эрос воплощал стихию любви, взаимного влечения разобщенных, хаотических элементов Вселенной: без любви, воплощенной в физическом соитии, не мыслилось рождение мира. Орфики — последователи Орфея, веровавшие в спасительные мистерии, связанные с этим растерзанным

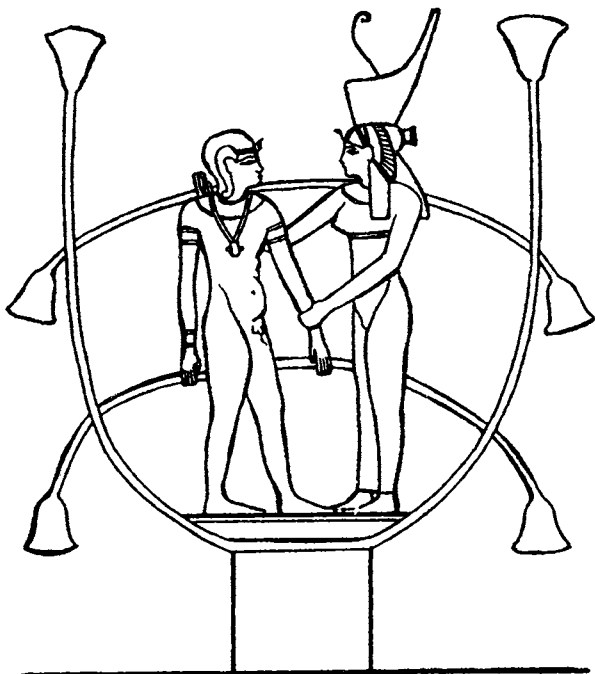

**Сурья на
солнечной
колеснице.**
Темпера

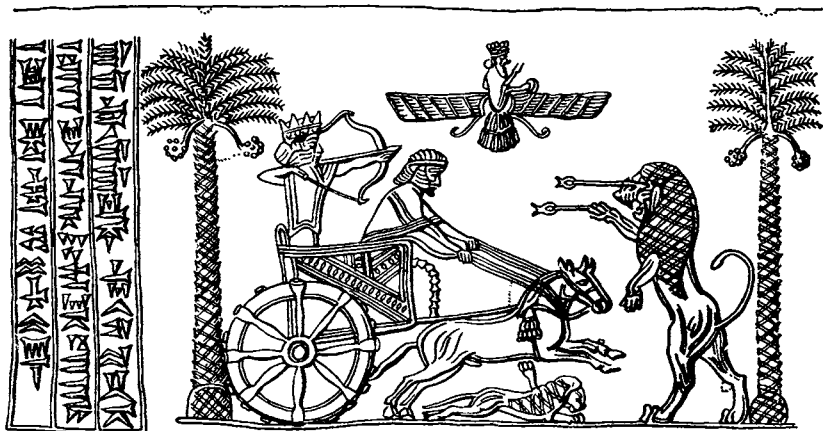
**Индийская
тронца.**
Сверху — творец
Брахма,
читающий
священные веды.
Вишну, защитник
Вселенной,
держит в руках
лотос, Шива,
разрушитель,
держит топор.
Индийская
миниатюра

Египетские боги Исида и Гор в цветке лотоса

Ахурамазда парит над охотящимся царем
Дарием. Оттиск печати

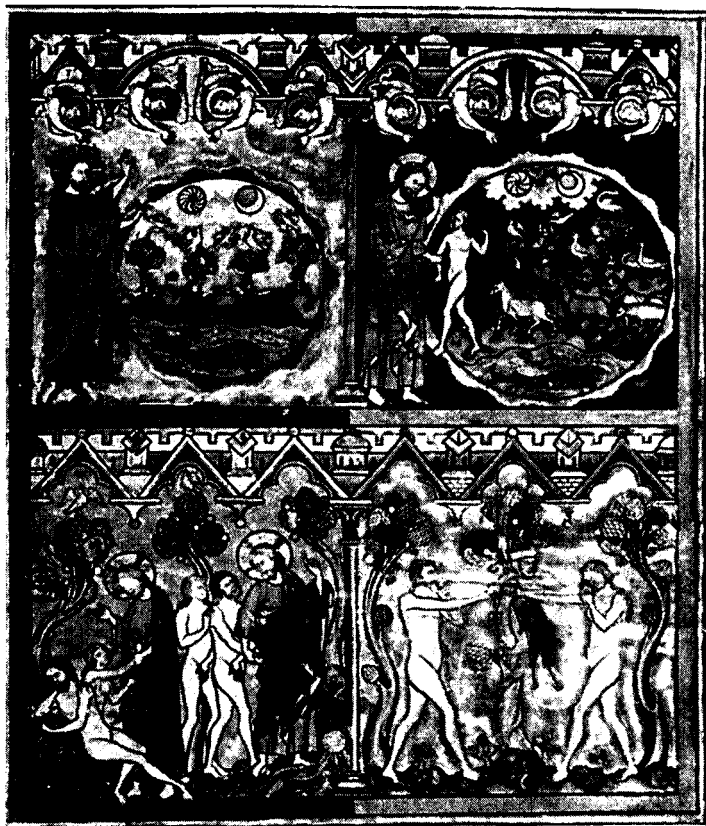

Жертвоприношение царя Угарита верховному богу Илу. XIV в. до н. э. Песчаниковый барельеф

Зерван рождает Ормазда и Ахримана.
Серебряная пластина. Луристан, VIII в.

**Сотворение мира по Библии. Слева направо —
вверху:** сотворение Вселенной, сотворение Адама;
внизу: сотворение Евы и заповедь не вкушать
от древа познания, грехопадение. Французская
миниатюра XIII в.

менадами певцом, хоть и наделяли Эроса золотыми крыльями, но представляли его четырехголовым двуполым существом, издававшим одновременно рев быка, рычание льва, шипение змеи и блеяние барана. Он был рожден чернокрылой Ночью, которая понесла от Ветра и снесла серебряное яйцо, откуда и вылупилось столь чудовищное воплощение первобытной любви. О «ветренных женщинах» (понесших от ветра), праматерях, еще пойдет речь в разделе о мировом яйце. Конечно, орфики опозитизировали чудовищный облик своего божества, ибо четыре его головы призваны были означать четыре времени года: Зевс (овен) воплощал весну, Гелиос (лев) — лето, Аид (змея) — зиму, Дионис (бык) — Новый год. Но эти поэтические интерпретации связаны уже с олимпийской мифологией победившего Зевса, предводителя младшего поколения богов.

Хаос и Космос

Из Хаоса родились черная Ночь и Эреб, воплощение Мрака. Эта первая пара дала жизнь сияющему Дню — богине Гемере, и Эфиру — воплощению света и воздуха.

Гея также была наделена способностью к самостоятельному рождению потомства: первым делом ею был порожден Уран (в римской традиции — Сатурн), звездное небо, которое покрыло землю, затем — соленое и поэтому бесплодное море — Понт. Отныне у Земли появился небесный супруг — Уран, эти две космические стихии породили третью — Океан, омывающий Землю. Уран же пролил на спящую Гею плодородный дождь, отчего на земле возникла жизнь, впадины ее тела наполнились водами, превратившись в реки и озера, земля покрылась растительностью, леса и поля наполнились зверями и птицами.

Океан был первым из поколения титанов: их было шесть братьев и шесть сестер (титанид). Само имя «титан», возможно, связанное с солнечным жаром, восходит к мифам догреческого населения Балкан. Титанам суждено было вступить в брак между собой и породить новое божест-

венное поколение. Океан и титанида Тетфида (Тетия, ее имя родственно словам, обозначающим праматерь) породили все реки и морских богинь — три тысячи океанид. Гиперион и Тейя родили небесные светила: Гелиоса — Солнце, Луну — Селену и Зарю — «розоперстую Эос» (в римской традиции — Аврора). Эос вступила в брак с Астреем, и от них произошли все звезды, а также ветры — суровый северный Борей, восточный Эвр, южный Нот и ласковый западный Зефир. Титаниде Фемиде суждено было стать богиней правосудия и супругой Зевса. Великий трагик Эсхил считал ее и матерью Прометея, восставшего против Зевса, но Гесиоду был известен миф о рождении Прометея и его брата Эпиметея от титана Иапета и океаниды Климены; они родили также Атланта и Менетия.

От брака титанов Коя и Фебы родились Астерия и Лето, будущая мать Аполлона и Артемиды: считалось, что Феба основала знаменитый храм и оракул в Дельфах, который она передала своему внуку Аполлону.

Наконец, от брака младшего титана Кроноса и Реи суждено было родиться Зевсу.

Но бесконечное соитие Урана и Геи продолжалось, и земля стала рождать чудовищ. Из ее чрева появились три циклопа, мощноруких кузнеца, которые имели лишь один круглый глаз во лбу и громоздили жилища из огромных камней (их называют мегалитами или циклопическими сооружениями). Их кузницы располагались в жерлах вулканов — недаром вулканы порождали грохот и пламя. Еще более ужасными были следующие порождения Геи и Урана: три этих великана имели по сотне рук и пятьдесят голов. Сам Уран ужаснулся виду своих детей: как только они рождались, он заключал их в недра земли — чрево матери, и Гея испытывала бесконечные муки.

Наконец Земля замыслила освобождение от мучительного супружества. В своих недрах она породила железо и выковала из него огромный серп. Но это первое создание культуры было не орудием труда, а оружием: показав его детям, Гея призвала их освободиться от отца. Лишь младший из них — коварный Кронос — решился поднять руку на родителя.

Когда, ведя за собою Ночь, Уран вновь возлег на широкую грудь Геи, спрятавшийся Кронос оскопил отца серпом. Кровь отсеченного члена оросила землю, и та породила новую череду ужасных созданий: то были Эринии, демоны ме-

сти, и Гиганты, блещущие доспехами копыеносцы. Само их имя свидетельствует о том, что гиганты были порождены Геей. Но из капель крови Урана родились также древесные нимфы Мелии — воплощения ясеня и его плодов. В одном из вариантов греческого антропоморфического мифа из плодов ясеня и возник род людской.

Отсеченный же детородный орган оскопленного небесного божества упал в воды Океана. Семя Урана смешалось с морской пеной, которая прибилась к берегам Кипра. Из этой пены и явилась прекрасная дева Киприда — богиня любви и красоты Афродита, сопровождаемая Эросом.

Уран же проклял детей и предрек им грядущую кару за то, что они подняли руку на отца.

Эпическая поэма несколько переименовала сюжет традиционного космогонического мифа: суть его — в отделении земли от неба, которое дает пространство для жизни на земле всех существ. Небо отдалилось от земли на такое расстояние, что если бросить с него медную наковальню, та будет лететь девять дней до земной поверхности. Такова же глубина Тартара.

Силы старых творений Хаоса не иссякли, и они были готовы к отмщению: Ночь произвела в наказание новому поколению титанов сонм страшных божеств. То были Танатос — Смерть, Эрида — Раздор, Апата — Обман, Керы — демоны бедствий, болезней, смертельных ран, Гипнос — Сон, за которым следовали толпы мрачных видений, Немесида — богиня возмездия, мойры — демоны неотвратимой судьбы, неизбежно Грядущая Старость.

Эрида породила тяжкий Труд, а также Голод, Зависть и Скорби, Битвы, Убийства и Ложные клятвы, Судебные тяжбы и Беззаконие. Преисподняя — Орк — стала загробным пристанищем преступников.

Но и светлое начало уже существовало в мире. Эрида воплощала не только тяготы жизни, но и понуждение к труду, соревнование людей в стремлении к достойной и богатой жизни. Понт породил с Геей Нерейя: он рожден был старцем, воплощением мудрости и правды, добрых советов. Ему, рожденному во времена первотворения, известны все тайны мироздания, он — мудрый прорицатель, но получить его проро-

чество может лишь тот, кто овладеет им силой, сможет побороть его (такое оказалось под силу лишь Гераклу — ведь Нерей, одно из воплощений морской стихии, изменчив, как море). Тот стал отцом 50 морских богинь nereид.

Морские божества были плодовиты, но не все их создания были благими: Гарпии — полуженщины, полуптицы — стали похитительницами человеческих душ, чудовищные старухи Граи и их сестры Горгоны, Ехидна — полунимфа, полужмея, были злобными демонами, обитавшими на краю мира.

Океанида Стикс, воплощение страшной реки преисподней, родила сонм демонов, которые стали окружением владыки богов — Зевса. Первым из них была Зависть, имя которой в греческом языке означает также Ревность и Рвение. За ней последовали Победа — Ника, Власть и Мощь.

К потомкам титанов относилась и Геката, богиня мрака, ночных кошмаров и колдовства, силу которой даровал сам Уран. От нее зависит победа в сражении и судебном состязании.

Кронос же занял место отца, став владыкой мира. Но свершенное им не давало покоя владыке мира: он боялся, что его дети повторят его деяние. Поэтому он велел Гее приносить всех рожденных ею детей и пожирал свое потомство. В его утробе оказались Гестия — богиня жертвенного огня и домашнего очага, Деметра — богиня всеобщего плодородия, Гера — будущая царица богов, Аид — грядущий владыка преисподней и Посейдон — бог морей.

Перед рождением Зевса Рея взмолилась к своим родителям — Урану и Гее, и те посоветовали ей укрыться на Крите в пещере, где можно было спрятать новорожденного, Кроносу же дать спеленатый камень. Детоубийца Кронос проглотил камень, не заметив подмены. Зевс же рос на Крите, вскармливаемый молоком чудесной козы и медом, а охранявшие его дети Земли куреты били своим оружием о щиты, когда младенец плакал.

Зевс быстро возмужал и женился на океаниде Метиде, воплощении Мысли. О дальнейшем рассказывает греческий писатель-мифógrafo Аполлодор. Жена дала Зевсу мудрый совет: опоить отца волшебным напитком, чтобы он изрыгнул поглощенное потомство. Хитрость удалась Зевсу, и его братья и сестры были освобождены; первым же вышел из чрева Кроноса камень, спасший Зевса. Его Зевс сделал фетишем — пупом земли.

Речь идет о «вторичном» творении — явлении богов и центра Вселенной из уст первого божества — вспомним египетские мифы об Атуме.

Битва богов — титаномахия

Кронос не был повержен — с ним было первое поколение богов, титанов. Спасенные божества объединились вокруг Зевса на Олимпе, он же пообещал всем потомкам Урана, которые присоединятся к богам, славу и почести. Океан и его дочь Стикс с детьми Рвением, Мощью и Победой стали на сторону олимпийцев. Титаниды Фемида и Мнемосина оказались в окружении Зевса. Прометей также выступил на стороне олимпийцев — недаром его имя значит «Промыслитель». Пострадавшие от Урана циклопы вручили Зевсу выкованные ими гром и молнии — оружие громовержца-демиурга. Десять лет сражались олимпийцы с титанами, пока Зевс не решился освободить из Тартара Сторуки. Целые скалы бросали они в титанов — воплощений стихий, уже подступивших к Олимпу. Перуны Зевса испепеляли все вокруг. Но весь этот вселенский грохот перекрыл жуткий крик козлоногого божества лесов — Пана: он обратил титанов в бегство — с тех пор слова о паническом страхе вошли в поговорку. Наконец древние порождения Урана и Геи были побеждены: Зевс заковал титанов и низверг их в Тартар, за нерушимые медные ворота. Ночь — первозданная тьма — окружает Тартар, и только яростные вихри пронесутся в мрачной бездне. Сторуки стали на страже, чтобы древние воплощения первобытных хаотических сил не вырвались на волю, в рождающийся космос, мировой порядок. Лишь Атлант был избавлен от Тартара, но он должен был держать тяжелую ношу — небесный свод.

Война богов с титанами привела к новому смешению некогда разделенных стихий, которые грозили превратить возникающий Космос в первобытный Хаос. Победа богов привела к установлению космического порядка, при котором хаотические силы оказались скованными в мировой бездне, Тартаре, и не могли больше угрожать Космосу.

Но их прародительница Гея не могла стерпеть, что ее дети оказались низвергнутыми в Тартар. Она вступила в брак с самой преисподней и породила стоголового полузмея-получеловека Тифона. Он успел наплодить новых чудовищ: Тифон сочетался с Ехидной, и от этого союза произошли псы Орф и Цербер, а также лернейская Гидра и Химера, Сфинкс и Немейский лев. Хтоническое чудовище Тифон поднялось из мрачной бездны, и Зевсу опять пришлось вступать в сражение и испепелять врага молниями. Змей весь был пронизан огнем, и земля вокруг плавилась от его жара. Зевс низверг его в Тартар и придавил вулканом Этной, но и оттуда он выбрасывает свой жар наружу.

Победитель воздвиг царский чертог на Олимпе. Он поделил с братьями по жребию все сферы мироздания, оставшись небесным громовержцем, уступив Аиду преисподнюю, а Посейдону — воды. Землей три высших божества должны были править вместе. Каждый олимпиец получил свой удел — обязанности и почести. От браков богов родились новые поколения сверхъестественных существ, и Зевс был самым плодовитым из олимпийцев.

Но Зевс, как и его отец, боялся сыновей, которые могли быть сильнее его. Правда, в отличие от Кроноса, он не стал уничтожать своих детей, но когда царь богов узнал от Урана и Геи, что его сын от Метиды будет сильнее его, он поглотил свою супругу, которой обязан был победой над отцом. Та была беременна, но не сыном: головные боли стали мучить громовержца, пока тот не позвал божественного кузнеца Гефеста, который топором рассек ему голову. Из головы Зевса и вышла Афина, богиня мудрости, порожденная им и Метидой — богиней мысли. И в чреве громовержца Метида давала мужу мудрые советы.

И хотя супругой Зевса стала Фемида, богиня справедливости (ей иногда приписывается рождение мойр и ор — богинь, воплощений времен года), а затем Гера, царица богов, мир, в котором он царил, и сами его владыки были далеки от совершенства.

Зевс, как и большинство громовников — богов плодородия, — был чрезвычайно любвеобилен. Он преследовал смертных женщин и богинь, и рассказывали, что сама мать громовержца Рея упрекала его за похотливость. Зевс пригрозил, од-

нако, что овладеет собственной матерью, если та не прекратит его попрекать. Чтобы избавиться от домогательств сына, Рея превратилась в змею, но Зевса это не остановило — он сам стал змеем и, обвинившись вокруг матери, исполнил свою угрозу. Гера сначала также не уступала его притязаниям. Но хитрый громовержец прикинулся кукушкой — священной птицей Геры, и богиня прижала птицу к груди. Тут Зевс принял собственный облик и овладел богиней насильно. Конечно, в царской семье на Олимпе не было гармонии, и Гера возглавила заговор против Зевса, за что громовник подверг ее пытке — подвесил ее на цепях к небу.

Кроме того, в мире еще обитали порождения хаотических стихий — Гиганты и чудовища. Чтобы справиться с ними, нужна была помощь смертных людей — героев и главного греческого героя — сына Зевса Геракла (здесь пригодилась любовь бога к смертным женщинам).

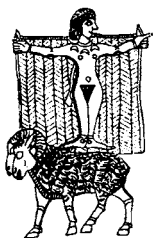
Прометей — культурный герой и трикстер

Греческая традиция не сохранила развернутого антропологического мифа. Очевидно, что его главным героем был Прометей. Он вылепил людей из земли и воды, подобно гончару, сделал их прямоходящими и способными смотреть в небо — подобными богам. По другому варианту мифа, боги создали все живые существа в глубинах — чреве матери-земли, используя землю и огонь, Прометей же и Эпиметей должны были заняться распределением способностей между людьми и животными. Эпиметей позаботился о том, чтобы звери были защищены своими шкурами и когтями, люди же остались беззащитными, нагими, без ложа и оружия. Тогда Прометей должен был украсть у богов огонь, а у Гефеста и Афины — их искусства, чтобы передать их людям. Перед нами известный миф о близнецах — культурных героях, один из которых — «Промыслитель», другой — «крепок задним умом» (таково значение имени Эпиметей). Согласно Эсхилу, Прометей нашел людей жалкими, подобными мура-

вьям, обитающими в темных пещерах, но он дал им разум, научил строить дома и корабли, носить одежду, читать и писать, приносить жертвы богам и гадать о судьбе.

На этот древний близнечный миф наслои­лась олимпийская мифология, в которой все культурные начала приписывались Зевсу: он ввел государственное право, представления о стыде и правде. Но Гесиод сохранил древний миф о начале соперничества Зевса и Прометея, где греческий культурный герой выглядит как настоящий трикстер — мифологический плут.

Прометей затеял соревнование в мудрости с самим Зевсом, когда люди только еще договаривались о своих отношениях с богами и о жертвах, которые они должны приносить олимпийцам. Герой приготовил тушу гигантского быка, мясо и потроха которого завернул в шкуру, а кости прикрыл соблазнительным жиром. Царю богов Прометей предложил выбрать принадлежащую ему часть. Зевс, конечно, почувствовал коварный замысел в таком дележе, но все же прикоснулся рукой к жирным кускам: тут и обнаружилось, что они прикрывали кости. С тех пор люди стали приносить в жертву богам животных, но сжигали на алтаре лишь кости.

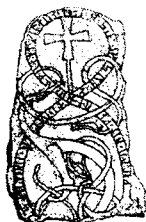
Зевс затаил гнев, который обратил против людей. Он глубоко запрятал источники пищи, так что лишь тяжким трудом можно было добывать пропитание (об этом рассказал Гесиод в поэме «Труды и дни»). Громовержец решил не давать огня людям — пусть прозябают на земле. Но Прометей похитил огонь, унеся его с Олимпа в полом тростнике.

Тогда Зевс осуществил месть, которая коварством превосходила хитрость Прометея. Он велел Афине и Гефесту создать для людей «подарок», несущий несчастья. Гефест создал из земли и воды женщину, красоту которой даровала Афродита, а Афина одела в серебряное платье и увенчала золотым венцом — косметика и наряд создавались одновременно с космосом. Но Гермес, олимпийский плут и вестник богов, должен был вложить в это прекрасное создание собачий разум, лстивые речи и двуличную душу. Так была сотворена Пандора, чье имя означает, что она получила дары

от всех богов. Ее красота поразила даже олимпийцев. Пандоре был вручен богами еще один дар — ларец, дивно изукрашенный Гефестом, но содержащий все пороки, болезни и бедствия. Прометей предупреждал брата, чтобы он не принимал от Зевса никаких даров, но Эпиметей соблазнился красотой Пандоры и вступил с ней в брак. Женская красота и любопытство Пандоры оказались губительными для людей. Несмотря на запрет открывать ларец, Пандора подняла крышку, выпустив все несчастья, и захлопнула ее навсегда, когда на дне оставался последний дар богов — надежда...

Прометей же был прикован за коварные деяния против богов к срединному столпу, поддерживавшему небосвод (его отождествляли с Кавказским хребтом). Прометей уподобился своему брату Атланту, держащему небо на краю земли, но его муки были горше — орел Зевса выклевывал печень хитроумного героя, и от судорог Прометея происходили землетрясения. Но подвиги, совершенные на благо людей, были не напрасны: смертный герой Геракл избавил Прометея от мук, убив мучителя-орла.

Гермес — божественный плут

Настоящим трикстером в олимпийском пантеоне был Гермес, рожденный от брака Зевса и горной нимфы Майи. Родив его в пещере, мать завернула сына в пеленки, но тот, росший сверхъестественно быстро, незаметно вышел из колыбели. В странствиях (свойственных культурным героям и трикстерам) Гермес наткнулся на стадо коров, принадлежавших Аполлону, и, обернув корой их копыта, похитил стадо. Напрасно Аполлон искал пропажу: найти воришку ему помогло только собственное изобретение Гермеса. Спрятав коров, маленький бог убил двух из них и из кишок животных, натянутых на черепаховый панцирь, сделал лиру. По чудесной игре он и был обнаружен, а кишки и шкуры коров оказались неопровержимой уликой.

Аполлон потребовал было расправы над вором, но Майя показала ему невинно спящего в колыбели младенца. Началась тяжба, в которой принял участие и Зевс, и тут воришка вынужден был признаться, что похитил коров, а двух принес в жертву 12 богам, разделив ее на 12 частей. Когда Аполлон изумленно спросил, кого Гермес считает двенадцатым богом, тот назвал себя — ведь он, проголодавшись, съел всего лишь

двенадцатую часть жертвы, а остальные части сжег. С тех пор так стали приносить в жертву мясо животных.

Аполлон же не мог забыть звуков лиры и обменял музыкальный инструмент на похищенное у него стадо. И тогда Гермес стал богом не только воров, но и торгового обмена. С торговлей было связано заключение договоров, изобретение весов, безопасность странников на дорогах — всему этому должен был покровительствовать хитроумный бог.

Как божество — покровитель странников Гермес мог проникать во все сферы мироздания, в том числе провожать души в Аид (недаром в Средние века его сравнивали с германо-скандинавским Одином, также не лишенным плутовских качеств). Но кроме того он же изобрел музыку, помог мойрам составить алфавит, создал астрономию и даже искусство гимнастики — был подлинным культурным героем.

Поколения героев и людей

Пирра — дочь Эпиметей и Пандоры — стала женою Девкалиона, сына Прометей, которым суждено было спастись в ковчеге после потопа, устроенного Зевсом: они создали новое человечество. По совету богов, полученному от оракула, уцелевшая после потопа пара должна была бросать через голову «кости праматери». Девкалион догадался, что кости праматери — это камни, кости всеобщей матери-земли. Из тех камней, что бросал Девкалион, появлялись мужчины, из брошенных Пиррой — женщины. У детей Прометей и Эпиметей тоже родились дети, в том числе Эллин — родоначальник греков, эллинов.

Но до этого богам и героям предстояла битва с хтоническими чудовищами, порожденными Геей, — гигантами. Аполлодор описывает их ужасающий вид: заросшие густыми волосами лица и торсы, змеиные конечности. В отличие от титанов они были смертны, но чтобы победить их, согласно велению судьбы, которой подчинялись и боги, необходимо было участие в гигантомахии — битве с гигантами смертных. По совету Афины Зевс призвал на помощь своего сына от смертной женщины Алкмены — Геракла. Он сразил гиганта Алкионея, который набирал силы от самой земли. И вновь Зевс поразил большую часть врагов своими перунами, Геракл же добивал гигантов своими стрелами. Затем настал черед чудовищ Хаоса, живших на окраинах ойкумены и угрожавших людям: своими подвигами Геракл

и другие герои очистили мир от этих созданий. Смертные люди участвовали в устройстве греческого космоса наряду с богами.

В начале поэмы «Труды и дни» Гесиод рассказывает о разных эпохах в истории человечества, первой из которых был Золотой век. То было царство Кроноса, когда земля сама плодоносила, а люди питались плодами дикой природы — желудями, фруктами и медом, жили долго и беззаботно, не зная старости и тяжкого труда. У них все было из золота, ибо люди не знали еще жадности и ценности драгоценного металла. Мы помним, что не все было безмятежно в этом мире, равновесие которого поддерживалось детоубийством, совершаемым самим Кроносом. Но Зевс наградил людей Золотого века, превратив их в демонов, которые после смерти стали покровителями людей новых поколений.

Люди следующего, Серебряного века не были подобны беззаботным и мудрым первопредкам. Они были своенравны и не желали поклоняться богам (вспомним о ссоре Зевса с Прометеем, который избавил людей от разорительных жертвоприношений). Зевс истребил их, отправив в преисподнюю к Аиду, где они живут, не зная ни радости, ни печали. Но и их почитают люди как предков.

Но вот наступил Медный век, и Зевс создал новое поколение людей из древка копья. То были могучие и суровые мужи, не сеявшие и не жавшие, но возлюбившие войну и славу, поклонники бога войны Ареса. Все у них, даже дома, были из меди. Своим оружием они сами истребили друг друга, сойдя в мрачный Аид.

На земле же Зевс создал поколение героев — полубогов, рожденных земными женщинами. Они были сильны и благородны, но погибли со славою под Троей, сражаясь за Елену у греческих семивратных Фив, оспаривая наследие Эдипа. После смерти Зевс поселил их в Элисии — на Елисейских полях, Островах Блаженных в далеких водах Океана. Там живут они беспечальной жизнью.

Последний век — нынешний, Железный. И хотя боги заботятся о благе, зло господствует в мире. Люди не чтут ни богов, ни родителей, не верны закону гостеприимства и клятвам, не знают правды и добра — все заменяет насилие. Богини Совесь и Фемида покинули людей — они унеслись в горные сферы, на Олимп, оставив людям беды и тяжкий труд.

Мы видели, как египетская космология «перерастает» в историю, фараон становится наследником божеств — устроителей мира. Греческая космология перерастает в философию и естественные науки. Космогонические мифы вообще располагали к философствованию, потому что ставили начальные вопросы, при ответе на которые невозможно было обойтись без абстрактных категорий, начиная с Хаоса и Космоса: представления о бесконечности, начале и конце, характере света и мрака и т.п. будили самую архаическую мысль. Первые греческие философы восприняли этот арсенал мифологической мысли, иногда используя традиционные методы «народной этимологии», чтобы превратить персонажи мифологической фантазии в философские и естественнонаучные категории. Так, Кронос стал отождествляться с «хроносом», вечным временем, Рея превращается в «поток», «истечение», даже имя Зевса переиначивается и отождествляется с глаголом «жить». В этой мифофилософской системе материальный мир не существовал, пока господствовало только «время», когда же Эрос соединил Зевса и Хтонию, воплощение аморфной материи, мир стал видимым.

Союз Зевса и Хтонии описывался еще как «священный брак» неба и земли, соблюдался даже ритуал снятия покрывала — символ лишения невесты девственности. Но покрывало это представляло собой первую географическую карту — на него нанесены были очертания всех континентов и островов. Сама же Хтония превратилась в Гею, но не в стихию, управляемую материнскими инстинктами, а в пространство, где мог ориентироваться человек.

Планета Земля оказывается в центре античного Космоса: ни она, ни небо не нуждаются ни в каких мифологических опорах, ибо земля равно

удалена от всех прочих космических объектов — ей некуда падать. Этой механической системе уже не нужны боги и герои, которые сдерживали бы стихии Хаоса.

Философские категории формировались и в рамках других мифологических систем, искавших ответа на вопрос о неизбежности и прочности Космоса. Эту неизбежность, как правило, воплощала мировая ось — первичная скала или мировое древо.

Мировое древо — космическая ось. **Священная акация бамбара**

У африканского народа бамбара космогонические мифы представляют высшее эзотерическое — доступное посвященным, жрецам — знание, заключающее в себе философию бытия и Вселенной.

Мир произошел из пустоты, наделенной движением — гла. Пустота в своем движении — вибрации — породила звучащий двойник, и появилась пара — гла гла (ведь без пары невозможно творение). Гла гла породила субстанцию зо сумале — «холодную ржавчину», образовавшую твердые и блестящие вещества (здесь угадывается неясное присутствие демиурга-кузнеца). Передвижения и столкновения обеих пустот гла привели к космическому взрыву, который излил вниз — на будущую землю — тяжелую и плодородную материю, основу творения. Благодаря продолжающейся вибрации возникли знаки, которые призваны были обозначить еще не созданные предметы. От гла отделилось сознание и перешло на нерасчлененные предметы мироздания для пробуждения у них самосознания и наименования их. В ходе творения появились дух Йо, который шел в процесс творения 22 основных элемента и 22 витка спирали, организовавших вселенское вихревое движение. Эти витки спирали «размешали» Йо, и в результате возникли звук, свет, все существа, все действия, все чувства. От Йо произошли и демиурги Пемба, Фаро, создавшие мир в его конкретных формах.

Конечно, изложение этой космологии в исполнении разных информантов выглядит не таким стройным, как в описании этнологов. Кроме того, появление духа Йо и особенно 22 элементов, предопределяющих появление всех форм бытия, напоминают представления о такой же предопределяющей роли древнееврейского алфавита, состоявшего из 22 букв, — ведь этим письмом написана Библия. Возможно, 22 элемента и дух Йо навеяны бамбара миссионерами, рассказывавшими о библейском творце — Йахве.

Демиург Пемба считался творцом материального мира. Он продолжил начальное вихревое движение и породил в нем Фаро (здесь дело обошлось без духа Йо). Движения Фаро были уже более упорядочены: он двинулся сначала на запад, потом на юг, север, и восток, определив стороны света. Он создал и семь небес и духа воздуха Телико. Пемба же через семь лет вихрем спустился на землю и, создав горы и долины, сам превратился в семя акации, из которого выросло дерево баланза — акация.

Но первое дерево, одиноко растущее на земле, вскоре высохло и погребло; остался только прямоугольный брус (пембеле). Этот брус, воплощение Пемба, был один на голой земле, но под ним стал скапливаться и гнить земной мусор. Эти продукты гниения Пемба замесил слюной, вложив в эту массу свою душу-дыхание. Так возник его двойник Пемба дья, стражем которого демиург сделал Фаро, хозяина неба.

Но вскоре лежащий как бревно демиург услышал голос, исходящий снизу: «Поднимайся, я истощена». Голос принадлежал женскому существу с остроконечными ушами, звериной грудью и хвостом. Это была воплощавшая землю Мусо Корони Кундые — «Маленькая старуха с белой головой». Она уверила Пемба в своей любви, стала его супругой, получила от него множество семян и родила растения и животных: ведь и ей досталась творческая сила Пемба — слюна демиурга.

Земля наполнилась живыми существами, которые стали плодиться и размножаться, почитая Пемба как своего творца. Тогда и творец восстал из своего бездействия и по-

**Библейский миф о сотворении Адама
и изгнание из рая.**
Западноевропейская миниатюра IX в.

Сотворение Евы. Адам пашет землю после изгнания из рая. Болгарская миниатюра XVIII в.

Падение восставших ангелов. Сверху — Сатана намеревается занять трон на севере небес.

В центре — возгордившийся Сатана, **внизу** — падшие ангелы низвергаются в пасть ада, где лежит связанный Сатана.

Западноевропейская миниатюра XI в.

Вавилонский демон Лилиту — прототип еврейской Лилит. Рельеф, II тысячелетие до н. э.

Ной выпускает голубя из ковчега. С болгарской иконы начала XIX в.

просил жену посадить его в землю — ведь в нем оставалась сила семени. Он немедленно пустил корни и снова стал акацией — необычным деревом, которое зеленело в период засухи и засыхало в период дождей.

Из предшествующих мифологических рассказов мы уже можем понять, что дерево и брус, вставшие на бесплодной земле, появились там, чтобы ее оплодотворить: дерево было фаллосом небесного божества, вступающего в брак с матерью, землей, слюна была аналогом семени, из которого появилась и сама богиня мать (вспомним Атума, творящего богов из собственных уст). Конечно, это было космическое или мировое дерево, которое даже в лежачем виде воплощало Вселенную, но в её горизонтальных координатах: вспомним русскую загадку о дороге — «лежит брус во всю Русь».

Люди, до того жившие в скалах, созданных тем же Пемба, теперь приходили под его крону укрываться от жара. Пемба же принимал их мольбы и отвечал на вопросы, как оракул. Кроме того, он продолжал деяния демиурга — научил людей добывать огонь. Люди же были бессмертны и не знали ни языка, ни одежды. Здесь, казалось бы, очевидны следы представлений о библейском рае, когда люди еще не отведали плода от дерева познания. Но африканские реалии напоминают о себе в этом рассказе о Золотом веке: пра-мать людей научила их наносить насечки на лица, чтобы различать людей по полу: три насечки были символом мужского начала, четыре — женского.

Люди получали тогда — в Золотом веке Пемба — всю пищу с неба. Дух воздуха Телико в сезон дождей, которые проливал на землю Фаро, бросал с седьмого неба камни, которые содержали съедобные орехи. Женщины выжимали из орехов масло, и однажды одна из них вытерла руки о ствол Пемба. Ему понравилось это приношение, и с тех пор все люди вытирали о ствол мирового дерева руки, покрытые маслом.

Но этого творцу оказалось мало. Он перестал довольствоваться своей «Маленькой старухой» и захотел, чтобы все женщины принадлежали ему, питая его своей силой. Его жены стали рожать ему потомство — животных и растения.

Праматерь разгневалась на супруга и удалилась от него, Пемба же в ответ проклял свою жену. Тогда в ярости праматерь вступила в брак с бесплодным брусом, который продолжал валяться на земле, но только покалечилась от этого союза. Тогда она стала калечить всех людей — обычаи обрезания и экцизии восходят к этому скандалу в божественном семействе.

Золотой век на земле кончился. С введением кровавых обрядов люди познали боль и болезни. Пемба и Фаро пытались усмирить гнев демонической праматери и лишиться ее власти над живыми существами. Наконец «старуха» умерла, но перед смертью она искупила свою вину перед человечеством и совершила важное культурное деяние — научила людей земледелию, что спасло их от голода.

Мы уже знаем, что разлучение космических супругов необходимо для того, чтобы продолжить творение — освободить место для жизни и деятельности людей. Существенно, однако, что и демоническая старуха оказывается в мифе бамбара демиургом — создает земледелие, которое и в самом деле создали женщины.

Пемба старел, и ему уже не хватало той жизненной силы, которой вынуждены были делиться с ним женщины. Ему понадобилась кровь. Тогда все люди принялись вскрывать себе вены, чтобы поделиться кровью с творцом. Вместе с кровью они как бы отдавали фетишу половину своего тела и своего двойника дья. Зато взамен Пемба не только омолаживался сам, но и омолаживал стариков.

Это не привело, однако, к новому Золотому веку. Люди слабели от потери крови, и одновременно их становилось все больше и больше. Голод и болезни стали терзать человечество.

Но в мире существовал еще один демиург — Фаро, небесное божество воды (вероятно, первоначально дух реки Нигер), громовник. Это он в виде воды, которая с седьмого неба падала на седьмую часть земли, пролил жизнь на землю. Увидев, что создание земли, начатое Пемба, не закончено, он наполнил водой пустоты, образовав источники. На земле распространилась жизнь.

Фаро был одинок и в своем вихревом движении сам оплодотворил себя. На пустынном холме он породил двух

близнецов, с появлением которых выросла первая трава. Затем роса упала на холм и образовала источник — реку, течением которой управляла мифическая рыба. Она тоже породила двух близнецов, от которых родились предки народа рыбаков — бозо. Фаро создал рыб, населил моря и реки, а затем поднялся на небо, сохранив при этом облик хозяина рыб — плавники и хвост.

Пемба понимал, что Фаро с плодородными водами одолевает его. Небесный демиург научил людей есть томаты, которые восстановили их жизненные силы, ибо их сок превращался в кровь. Фаро готов был уважить Пемба и давать ему воду, если он уступит молодому богу женщин: те не должны больше рожать от дерева. У покинутого людьми и оскорбленного старого демиурга еще хватило сил начать борьбу. Он вырвал себя с корнем из земли и сразился с Фаро. Молодой демиург вышел победителем.

Через семь дней после битвы жены Пемба первыми покинули побежденного. Они поселились у реки, стали пить воду, в которую Фаро подмешивал томатный сок, и рожать чудесное потомство — близнецов, у которых не было суставов. В благодарность матери приносили Фаро три томата, если у них рождался мальчик, и четыре — если девочка.

Мужчины же отказались от культа баланза и даже стали использовать ветви священного дерева для того, чтобы разводиться подаренный им Пемба огонь. Пемба проклял их, и лишь очередная жертва, принесенная старейшинами, утихомирила его гнев: старейшины надрезали свои языки и стали лизать раскаленный от гнева ствол, чтобы Пемба простил их. Эти благочестивые предки превратились в птиц и стали бессмертными существами, которым подвластен был огонь, поэтому их особо почитают кузнецы и гончары, которым необходима власть над огнем.

Мировое же дерево баланза продолжало цвести, ветви, цветы и плоды содержали жертвенную кровь и считались целебными — их давали людям и животным. Но вот однажды некий человек забрался на его крону и срезал все почки. Наказание последовало сразу за нечестивым поступком — сверхъестественная сила ньяма стала преследовать преступника. Напрасно он бежал в чужую страну — ньяма настигла его и там, и он упал замертво.

Люди еще не знали, что такое смерть — ведь она только что возникла в силу проклятия Пемба. Они пытались кормить умершего, не похоронили его, а уложили, как спя-

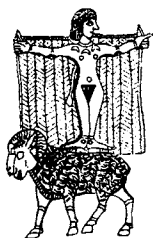
щего. Но труп разложился, и освободившаяся ньяма напала на других людей и умертвила их. Родители умершего разыскали сына и унесли его кости с собой. Они вернулись к дереву-фетишу, и оно приказало им посыпать размолотыми костями его ветви — отныне мировое древо не нуждалось в крови, но и люди не будут больше омолаживаться. Так древо жизни стало деревом смерти — на земле появилась смерть.

В отчаянии люди отправились к Фаро с мольбой о помощи. Владыка вод призвал их почитать Нигер как священную реку. Он не мог снова сделать людей бессмертными, но был в состоянии отдалить смертные муки. В своей проповеди он обучил людей слову и языку. Но люди, отвернувшиеся от Пемба, предали и Фаро.

Дух воздуха Телико решил захватить власть, и люди последовали за ним. Фаро победил Телико, но не покинул людей, а снабдил их суставами, чтобы они были способны к работе (раньше люди рождались без суставов), и отменил рождение близнецов.

Победив баланза и Телико, Фаро возобновил созидание, установив порядок, который существует поныне. Он распределил по порядку элементы Вселенной, и все они находятся в его власти. Он определил четыре стороны света и установил границы Вселенной, измерил высоту неба, глубину земли, расстояние между странами света, учредил время, сезоны года, заменил первоначальный мрак регулярной сменой дня и ночи. Землю он разделил на семь частей, которые соответствуют семи небесам, создал морскую бездну, первые колодцы, водоемы, режим дождей, виды животных и растения, разделил людей на расы и касты, назначил каждому роду живых существ вид пищи, пищевые запреты и правила поведения. Через кузнецов Фаро дал людям восемь зерен злаков, созданных тогда же, когда и люди, но остававшихся в тайне на небе. Эти восемь зерен являются основой человеческого существа, люди носят их символ в ключицах.

Мировое древо в мифологии бамбара было центром мира в Золотом веке, подобно тому, как в библейском мифе древо жизни располагалось в центре рая. Однако в библейском раю мировое древо было посажено Творцом, у бамбара же оно воплощало Творца; точнее даже — его детородный

член, оплодотворяющий землю и все земные создания. Мировое древо баланса — воплощение священного брака бога-творца с богиней матерью, матерью-землей. По завершении творения мировое древо заменяет река, питающая людей и землю.

Ашваттха — священная смоковница индийцев

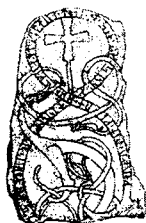
В древнеиндийской книге гимнов Ригведе есть гимн-загадка, три строфы которого посвящены чудесному дереву:

Два орла, два связанных друг с другом товарища, -
Обхватили одно и то же дерево.
Один из них ест сладкую винную ягоду,
Другой наблюдает, не вкушая.

Где орлы о доле в бессмертии,
О наделах, не мигая, зывают,
Там — могучий пастух всего мира,
Мудрый, вошел в меня, глупого.

На дереве том, где вкушающие мед орлы
Селятся, размножаются все,
На вершине его, говорят, — ягода сладкая,
До нее не доберется тот, кто не знает отца.

Любую загадку может разгадать лишь тот, кто знает «ключ», смысл вопроса. Отчасти читатель, помнящий рассказ библейской Книги Бытия о древе жизни и древе познания добра и зла, догадывается, что речь идет о мировом дереве, дарующем не только пищу бессмертия, но и высшее знание, которым наделяет «могучий пастух всего мира», получить которое может лишь тот, кто знает отца — как своего собственного, так и верховного пастыря, то есть знает генеалогию, возводящую любой человеческий коллектив ко временам

первотворения. Это древо жизни, ибо на нем «все размножается».

Разгадать, что символизируют орлы, силится уже не одно поколение ученых. Кажется, это просто, ибо мировое дерево всегда связано с набором знакомых нам из других мифов противопоставлений: жизнь/смерть, правое/левое и т.д. Соответственно один орел должен воплощать положительное начало, скажем, солнце, день, другой — отрицательное, которое в этом противопоставлении связано с луной, ночью и т.п. Но индийская религия, даже в самой архаической — ведийской — форме претендует на сокровенное знание, и орлы, один из которых клюет пищу мудрости, а другой наблюдает за ним, могут воплощать два вида знания — низшее, «потребительское», и высшее, созерцательное. Высшее знание — ягода на вершине — доступно лишь тому, кто знает о своем подлинном происхождении.

В ведийской традиции известен ритуальный и мифологический символ — смоковница, именуемая «ашваттха», «лошадиная стоянка». Ашваттха именуется так потому, что к нему привязывали главное жертвенное животное — лошадь. По одному из мифов, весь мир был создан из тела жертвенного коня. Близнецы Ашвины — конные боги Ригведы, воплощающие день и ночь, утреннюю и вечернюю зори, подобны орлам, сидящим на мировом дереве.

Ашваттха описывается иногда как дерево, перевернутое вверх корнями: «Наверху ее корень — трехстопный Брахман (воплощение всего сущего), ее ветви — пространство, ветер, огонь, земля и прочее». Мировое дерево часто изображают перевернутым — ведь оно должно объединять все миры, в том числе небеса с преисподней. В Ригведе говорится и о том, как сам Варуна держит ашваттху за вершину в бесконечном пространстве.

Из ветвей ашваттхи герой-царь Пуруравас добывает трением священный огонь, чтобы соединиться с возлюбленной (добывание священного «живого» огня, как мы видели, связано с соитием в разных мифологических традициях).

Изгнание Адамы и Евы из рая.
Русский лубок XIX в.

**Господь вопрошает Каина о брате,
наказание братоубийцы.**

Русский лубок XIX в.

Наконец, в эпосе «Махабхарата» рассказывается, что бездетные жены вступали в брак с ашваттхой, и это явная параллель дереву баланза у бамбара.

Еще более удивительными можно считать славянские параллели.

Трехугольное дерево славянского фольклора

В болгарской песне

«Возникало одно древо
 Одно древо лавровое;
 Корни по земле,
 Ветви в соленом море,
 Вершина в синем небе».
 Крона этого дерева покрывает весь мир.

В колядках, певшихся на Рождество, дерево превращается в дорогу во время главного календарного (новогоднего) праздника. В русской загадке: «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда» и т.д. говорится о годе, 12 месяцах, 4 неделях и т.д. Мировое дерево было излюбленным для загадок образом — ведь оно было связано со знанием всех начал Вселенной.

В заговорах от болезней мировое дерево помещается в центре мира, на острове посреди океана («пуповине морской»), где на камне Алатыре стоит «булатный дуб» или священное древо кипарис, береза (в том числе и перевернутая вверх корнями), яблоня, явор.

На мировом древе — древе жизни — в апокрифах почиает сам Господь, когда входит в Рай (славянская «Книга Еноха»), в заговорах обитают Иисус Христос и святые — Богородица, архангел Михаил, Илья-пророк, Георгий, Параскева, мифологизированные персонажи — кузнецы, у корней дерева — демонические и хтонические существа: прикован на цепи бес, обитает в гнезде («руне») змея Шкурупея. В древних общеславянских верованиях дуб как воплощение мирового древа был связан с культом громовержца Перуна; в поморском Щецине, по данным средневекового хрониста Герборда, у корней огромного дуба протекал священный источник, считавшийся обителью божества Триглава — воплощения трех сфер мироздания.

Наконец, в свадебном фольклоре и «вьюнишных» песнях (исполнявшихся для молодых — «вьюнцов») образ мирового дерева воплощал плодородие живой природы, древо жизни: в кроне свивает гнездо соловей, в стволе — пчелы, приносящие мед, у корней — горноста́й, выводящий малых деток, или обитают сами молодые, стоит супружеская кровать. Возле «трехугодливого» дерева стоит терем, где происходит пир и приготовлены «медвяны яства»: мед, как мы знаем, пища бессмертия во многих традициях, в том числе в ведийской, где дерево ашваттха не только оказывается источником медвяных яств, но и источником женского плодородия. В восточнославянском фольклоре образ мирового дерева непосредственно связан со свадебным обрядом: жених должен ставить коней не у «несчастливого дерева» калины, а у счастливого явора, где пчелы приносят мед, стекающий к корням, чтобы напились кони, у корней обитают бобры, в кроне — сокол.

Образ мирового дерева у славян и в других традициях может заменяться образом столпа, «бруса» — матицы, на которую опирается кровля жилища (вспомним загадку о дороге — «лежит брус во всю Русь»), горы (отсюда русская поговорка «Мир — золотая гора»), престола — золотого стула, алтаря. Аналогами мирового дерева выступают чудесные бобы и виноградная лоза, стебли которых достигают неба.

Общим для восточных и южных славян можно считать мотив вражды — «перебранки» между змеем у корней мирового дерева и птицей на вершине: змей грозит сжечь дерево, на котором вьет гнездо птица, — вероятный фрагмент эсхатологического мифа о мировом пожаре.

Использование обрядовых деревьев, символов мировой оси, во время свадьбы, строительства дома (когда обрядовое деревце помещалось в центре планируемой постройки), вплоть до позднейших обычаев устанавливать рождественскую (новогоднюю) елку, восходит к тому же символу мирового дерева. У сербов символом благополучия всего села считалось священное дерево — «запис» с вырезанным на нем крестом; в старину у этого дерева совершали жертвоприношения,

кровью кропили корни, ствол и вырезанный крест. Всякий обряд, таким образом, совершался в моделируемом центре мироздания, у мирового дерева, и повторял акт сотворения мира, обновления космоса (в Новый год и др. календарные праздники), обновления социальной жизни (свадьба и другие семейные обряды).

В средневековых апокрифах — неканонических христианских текстах, повлиявших на сложение славянской народной картины мира, — передается, в частности, миф о сотворении мира: земля держится на воде, вода на камне, камень — на четырех китах, киты — на огненной реке, та — на вселенском огне, а огонь — на «железном дубе, посаженном прежде всего другого, и все корни его опираются на Божью силу» («Разумник», апокрифический текст X—XI вв.). В «Легенде о крестном древе» пресвитера Иеремии (Болгария, X в.) и других апокрифах, популярных и на Руси, Моисей сажает у источника дерево, «сплетенное» из трех деревьев (ели, кедра и кипариса), — прообраз христианской Троицы; это дерево разрастется до четырех пределов Вселенной; из него должен быть сделан крест для распятия Христа. Царь Соломон повелел срубить дерево, чтобы поместить в Храм, но оно не уместилось в Храме и было выставлено снаружи. Когда пришло время распятия, дерево распилили на три части, из нижней — корневой — сделали крест для Христа, установив его на Голгофе, где была погребена голова Адама: кровь Спасителя, излившись на голову, спасла душу первочеловека. Кипарис — крестное дерево в русском фольклоре, «всем деревьям отец», растущее на святых Сионских горах; к этому дереву, согласно русским духовным стихам, выпадает Голубиная книга, повествующая об основах мироздания.

В древнерусских апокрифах о Соломоне в виде дерева с золотыми ветвями, с месяцем у вершины, с нивой у корней изображается идеальное государство, где месяц — царь, нива — православное крестьянство. Приведем еще одну русскую загадку: «Стоит древо, имея на себе цветы красные, а на древе сидит птица и щиплет со древа цветы красные и мечит в корыто. Цветов не наполняется, а красные цветы с древа не уменьшаются»; древо — весь мир, цветы — «человецы», корыто — земля, птица — смерть; сколько смерть похитит, «только и родится в мир».

Ясень Иггдрасиль — конь Одина

В мифах Северной Европы мировое дерево выполняет несколько иную, чем в Индии, и, на первый взгляд, странную роль — оказывается не лошадиной стоянкой, а конем верховного бога.

В скандинавской мифологии небо и землю, помимо моста-радуги, соединяло гигантское дерево — ясень Иггдрасиль. Пророчица вёльва называет его «древом меры» или «древом предела» и вспоминает те времена первотворения, когда оно еще не проросло. Возле него и расположено главное святилище небесных богов — асов.

Об Иггдрасиле рассказывает один из трех главных богов — Равновысокий — в знаменитом изложении мифов, «Младшей Эдде», скальда и историка XIII в. Снорри Стурлусона: «Тот ясень больше и прекраснее всех деревьев. Су́чья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму (преисподней), и под этим корнем — поток Кипящий Котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг».

Этот текст, на первый взгляд, кажется очень путанным: ведь корни дерева, крона которого уходит в небо, должны быть в преисподней. Здесь же получается, что один корень тянется одновременно в бездну и Ётунхейм — северную страну инеистых великанов, а другой — вообще на небо или к центру мира — к асам.

В одной из мифологических песен «Старшей Эдды» — «Речах Гримнира» — сам Один под видом старика Гримнира является на пир к тому конунгу, которого его жена Фригг обвиняла в скупости, и там рассказывает об устройстве мифологической Вселенной и мировом древе. В его описании у Иггдрасиля также три корня растут в трех направлениях: под одним располагается загробный мир — преисподняя Хель, под другим обитают инеистые велика-

ны, под третьим — люди. Если люди оказываются под корнем мирового дерева, значит, это дерево вообще перевернуто вверх корнями...

В этом образе перевернутого дерева нет ничего необычного — так действительно использовали деревья в качестве колонн, подпиравших потолок жилища (такое дерево описано в «Саге о Вёльсунгах» — героях скандинавского эпоса). Но даже если представить себе, что космический ясень подпирает своими корнями небосвод, остается неясным, как они могут тянуться и до преисподней.

Здесь нам придется вспомнить о значении мифологической символики и о числе три, которое часто встречалось в космогонических мифах. Земля делилась в них на три части тремя вождями, вроде библейских Сима, Хама и Иафета; три скандинавских бога — Один, Вили и Ве — создают всю землю; земля в представлениях древних и средневековых географов — в том числе Снорри Стурлусона — делится на три части, три континента... Этому делению земли соответствует мифологическое деление Вселенной на три части — небо, землю и преисподнюю. Мифологическое сознание пыталось совместить горизонтальное деление с вертикальным — это было необходимо, чтобы сделать единым мир богов и мир людей, чтобы созданная богами Вселенная не распалась. Поэтому столь странно, на современный взгляд, простираются корни мирового древа — древо предела прорастает так, чтобы охватить и объединить все пределы мира, «все миры» скандинавской мифологии. Древняя вёльва, которую пробудил Один для пророчеств, помнит древо предела еще не проросшим (или расположенным в преисподней) и не три, а целых девять корней и девять

миров. Наконец, мы помним, что ведийскую ашшватху вообще иногда представляли перевернутой вверх корнями...

Корень мирового ясеня, который простирается к инеистым великанам, наделен особым значением для богов и людей. Инеистые великаны — первые разумные существа, появившиеся в мире, и им доступна изначальная мудрость — знание о происхождении мира. Этой мудрости добивается и сам Один. Изначальная мудрость была скрыта в источнике, текущем из-под корня мирового дерева в земле великанов, и им обладал мудрейший из них — Мимир (это имя родственно разным индоевропейским словам со значением «память»). Сам Всеотец Один явился туда и попросил дать ему напиток из источника, но за знания нужно было платить, и Мимир потребовал у бога его глаз в залог. Великан получил часть всевидения бога — он скрыл глаз в источнике мудрости, Один — всевидение первых существ.

В индийской традиции высшее знание таилось в ягоде, растущей на вершине ашватхы, но мы помним, что верх и низ в отношении мирового дерева условны.

Этот обмен ценностями между богами и великанами пронизывает всю скандинавскую мифологию и соединяет все миры, подобно корням мирового дерева. Но в этом обмене уже чувствуется нечто роковое и «нечистое». Дело в том, что одноглазые существа в мифах народов мира — это, как правило, не боги, а злобные демоны, нечистая сила (вроде русского Лиха одноглазого). Конечно, сам Один не был чужд демоническим свойствам — он был богом битв и бури, божеством неистовства в явлениях природы и в человеческих конфликтах. Но кривизна этого бога была признаком исходной ущербности, неполноценности того мира, владыкой которого он стал, убив со своими братьями первого великана — Имира. Ясеню Иггдрасилю грозили беды от хтонических монстров, грызущих его корни (вспомним несчастья, обрушившиеся и на дерево баланза у бамбара), — мир богов также был изначально нестабилен, он был подвластен року, судьбе, и об этом напоминал

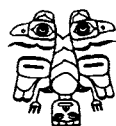
богам другой источник, что протекал у корня мирового дерева на небе.

Этот источник звался Урд — его имя и означало «Судьба», «Рок». В этом источнике обитают три девы: первая носит то же имя Судьбы, Урд, вторая именуется Верданди, что значит «Становление», третья — Скульд, «Долг, Обязанность». Вместе с тем их имена означают неизбежность течения времени: имя Урд — свершившееся, прошедшее время, Верданди — настоящее, Скульд — неизбежное будущее. Это девы судьбы или норны. Схожие с ними многочисленные женские божества или духи, которые также называются норнами или дисами, приходят к каждому новорожденному младенцу и наделяют его судьбой — доброй или злой, в зависимости от характера самого божества. Они и происходят от разных мифологических существ — одни от богов, другие от карликов (карлов, цвергов), третьи — от альвов, духов природы, наименование которых напоминает об эльфах европейских сказок и легенд. Но главные норны определяют судьбы всего мира, воплощают его прошлое, настоящее и будущее. Их происхождение таинственно, как таинственно многое, что восходит к началу времен. В некоторых песнях «Старшей Эдды» три благие девы, витающие над миром, происходят от великанов; некие три великанши явились к богам, и это стало концом Золотого века, но были ли эти великанши норнами — неясно.

Вспомним, что происхождение трех греческих дев судьбы — мойр — также неясно: то ли они были первыми творениями Ночи, ровесницами титанов, то ли дочерьми уже победившего титанов Зевса.

Люди в скандинавских мифах наделяются судьбой у корней мирового дерева, которое часто оказывается и деревом жизни, в том числе деревом, где обитают души еще не рожденных людей. У другого северного народа — угорского народа манси — женщины рожают детей в специальном амбарчике, где стоит шест — «дерево души, дерево рождения»: за него должна держаться роженица. Родам покровительствует богиня земли Кал-

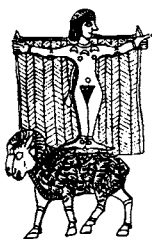
тащ-эква, супруга небесного бога, которую тот сбросил с неба: она, подобно норнам, обитает у основания златоверхой березы — мирового дерева.

Мировое же дерево Иггдрасиль, растущее у источника норн, не только соединяет все миры в мифологическом пространстве — оно связует прошлое и будущее. Это мифическое время — время, отмеряемое чередованием дня и ночи, светилами, передвигающимися по небосводу в своих колесницах, кажется безразличным к судьбам мира и человека. Это время космических циклов, время вечного повторения. Но это представление неверно. Будущее предначертано и миру, и богам, и человеку. Это их судьба — будущее оказывается одновременно и прошлым, предопределяющим грядущую судьбу. Знают о судьбах мира и его конце древние великаны и вёльвы — провидицы, обитавшие в начале времен, или норны, обитающие у начала всех миров, у корней ясеня Иггдрасиль. В судьбах, в том числе и смерти человека, сведущи те же норны, которые присутствуют при его рождении.

В верованиях многих народов души еще не рожденных младенцев обитают в ветвях мирового дерева. Древо судьбы было и родословным деревом. Исландский скальд Эгиль Скаллаgrimсон в своей песне «Утрата сыновей» сравнивает погибшего сына с ясенем, выросшим из его рода и рода его жены, и взятым Одним в мир богов — к родным душам. Умершие возвращались в мир предков, к мировому дереву.

Вспомним вариант греческого антропогонического мифа, где люди происходят из семян ясеня. У славян ясень также был почитаемым деревом — считалось, что его боятся змеи, а ветви его целебны и отгоняют нечистую силу.

Судьбы всех существ решаются у мирового древа и воплощения всех миров сходятся у его ствола, в кроне и у корней. В его ветвях обитает огромный мудрый орел, меж глаз которого сидит ястреб; белка Грызозуб снует вверх и вниз по его стволу — она переносит бранные слова, которыми обмениваются дракон Нидхёгг и орел. Четыре оленя объедают его листву, а в «Старшей Эде» упоминается еще мно-

жество змей, которые вместе с Нидхёггом грызут его корни, а ствол ясеня подвержен гнили. Поэтому норны должны ежедневно поливать ясень из источника Урд и даже удобрять его — воду они черпают вместе с грязью, что покрывает берега. Вода этого источника священна — что ни попадет в нее, становится белым. Она настолько живительна, что ясень остается вечнозеленым: «Древо жизни вечно зеленеет», — писал Гете в «Фаусте», продолжая эту древнюю германскую традицию.

Роса, стекающая с Иггдрасиля на землю, — медвяная, ею кормятся пчелы и собирают нектар. В источнике плавают два чудесных лебедя. Лебеди — волшебные птицы, в которых любили превращаться божественные девы и спутницы Одина валькирии. Весь же bestiарий — животный мир, который связан с мировым деревом, — воплощает все сферы мироздания и их взаимосвязь: орел (и ястреб) обитают в поднебесье, но ищут добычу на земле, дракон — чудовище преисподней, но благодаря крыльям может достигать небес, лебеди — водоплавающие птицы; четыре оленя также воплощают четыре стороны света (как и карлики, сидящие на краю земли в другом скандинавском мифе).

«Древо предела», растущее в центре мира и соединяющее все миры скандинавской мифологии, достигает своей кроной Вальхаллы, чертога Одина, расположенного в божественном граде асов — Асгарде. Асгард оказывается одновременно и на небе, и в центре мира: ведь его пронизывает мировое дерево. В Вальхалле оно именуется Лерад — «Укрытые». На крыше Вальхаллы стоит коза Хейдрун и щиплет листья ясеня, поэтому из ее вымени течет хмельной мед и наполняет каждодневно большой жбан, так что хватает напиться допьяна пирующим в зале Одина. Иггдрасиль — действительно питающее волшебным напитком медвяное Древо жизни. Целая роща волшебных деревьев растет в Асгарде у ворот Вальхаллы. Она именуется Гласир — «Блестящая», потому что все листья там — из красного золота.

Кроме козы на крыше Вальхаллы стоит еще и олень Эйктюрнир — «С дубовыми кончиками рогов»; он также поедает листья, и с его рогов каплет столько влаги, что она, стекая вниз, наполняет потоком Кипящий Котел, из которого берут начало 12 земных рек. Олень — священное животное, связанное с мировым деревом в самых разных мифологиях мира: эта связь бросалась в глаза творцам древних мифов не только потому, что олени питаются ветвями дере-

вьев, но и потому, что их рога сами напоминают дерево. Рогам Эйтюрнира не случайно приписывались «дубовые кончики» — мы можем заподозрить, что сам олень в не дошедшем до нас германском мифе выступал в качестве мирового дерева — ведь с его рогов начинались все мировые воды. В поздней исландской «Песни о солнце», написанной уже в христианскую эпоху, но в традициях языческой поэзии скальдов, говорится о солнечном олене, ноги которого стояли на земле, а рога касались неба.

Заметим, что не только змеи — хтонические существа преисподней, олени, воплощающие земной мир, и птицы — небесные создания в кроне мирового дерева, но и мифологические числа, связанные с мировым деревом и окружающими его существами, имеют особый смысл. Три рода животных, воплощающих три сферы мироздания, четыре оленя — четыре стороны света, двенадцать рек, текущих от мирового древа, и двенадцать богов, собирающихся на священный совет под его кроной, — это не просто количественные параметры Иггдрасиля. Разгадать значение этих цифр помогает русская загадка о мировом дереве: «Стоит дуб, на дубу двенадцать гнезд, на каждом гнезде по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцать яиц, семь беленьких да семь черненьких». Двенадцать гнезд — это двенадцать месяцев, четыре синицы — это четыре времени года, яйца — семь дней и семь ночей в неделе. Мировое дерево в разных мифологиях воплощало не только пространство, но и время. Иггдрасиль соединял не только все миры — он был средоточием времени, соединял прошлое и будущее.

Прошлое и будущее встречалось у корней мирового древа, у источника норн. Но мифологическое время — особое время, когда будущее — судьба богов — уже известно и присутствует рядом с настоящим. Мифологическая история одновременно и завершена — ведь она уже рассказана

в мифах — и открыта для будущего. Поэтому странные вещи случаются порой с мифологическими персонажами.

Один из них — Мировой змей Ёрмунганд — был рожден на свет тогда, когда творение уже завершилось. Злобный ас Локи стал отцом этого и других чудовищ, которые в конце времен атакуют Асгард и истребят богов. Змей этот так вырос, что смог уместиться лишь в мировом океане, где он кольцом окружает землю, кусая собственный хвост. Поэтому он и называется также Мидгардорм — Змей Мидгарда, или Пояс мира. А его название Ёрмунганд означает «Великий посох». Что общего между «посохом» и «поясом»?

Мы терялись бы в догадках, если бы историки не знали, что у соседей скандинавов — саксов, долго придерживавшихся языческих верований, была почитаема священной роща, что звалась Ирминсул. Там они поклонялись столпу, именуемому Ирмин, — ему оказывали особые почести по случаю побед, и хронист Видукинд отождествляет его с римским Марсом. Это значит, что столп или священная колонна саксов были связаны с культом германского бога неба и войны Тиваца: у скандинавов он назывался Тюр. С именем Ирмин-Гермин связывают и название германского народа гермионы (ведь и в скандинавских мифах первая человеческая пара была сотворена из деревьев).

Но название этой колонны — Ирмин — родственно тому имени Мирового змея, которое и означало «Великий посох» или столп — Ёрмунганд. Значит, Мировой змей был связан с мировым деревом и даже был одной из его ипостасей: ведь это дерево должно было объединять горизонтальное и вертикальное пространства. (Вспомним о древе баланза, что превратилось в лежащий брус.)

Вспомним о посохе, который вонзали в землю соперники-творцы вроде Нуми-Торума и Кульотыра в дуалистических мифах Евразии: отверстие, сделанное посохом, открывало путь в преисподнюю.

Сам Один, непосредственно связанный с мировым деревом — однажды он пригвоздил себя к нему копьём, — среди прочих прозвищ носил имя Посох богов. Лишь когда в скандинавской мифологии возобладали эсхатологические мотивы — пророчества о конце света, тогда этот змей стал

по преимуществу враждебным миру чудовищем. Но и в конце времен этот змей будет связан с мировым деревом: когда он поползет на сушу, то есть нарушит порядок космоса, ясьень Иггдрасиль — мировая ось — содрогнется. Не Тюр, а потеснивший его Один стал богом мирового древа.

Здесь пора вспомнить о том, что означало само имя Иггдрасиль. Игг — «Ужасный» — одно из имен самого Одина, любившего менять не только имена, но и обличье. Слово же «драссиль» в древнеисландском языке означает коня... О том, почему дерево предела, проросшее в начале времен, получило имя высшего бога скандинавского пантеона, рассказывает особый миф. О нем поведал сам Один в речах — советах, обращенных к некоему Лодфафниру: в «Старшей Эдде» они именуются «Речи Высокого».

Итак, бог, скрывающий свое настоящее имя (или имена) под именем Высокого, рассказывает, как он пригвоздил себя своим копьем к мировому дереву. Девять долгих ночей без еды и питья он висел меж ветвей того дерева, корни которого были сокрыты в неведомых недрах, взирая на землю. Бог не просто осматривал весь мир с мирового древа — он постигал его суть: число ночей, проведенных в мучительных бдениях, — девять, было равно числу миров (и корней мирового дерева) Вселенной. В древнеанглийском заклинании девяти трав против девяти ядов Водан берет девять «ветвей славы» и поражает ими змея, так что тот распадается на девять частей — змеенышей: заговор повествует о происхождении ядовитых змей, и ветви мирового древа в заговоре — оружие против сил хаоса, змея преисподней.

В «Речах высокого» Один узнал девять песен от своих великанских предков: он познал магические руны, выпив священный мед из рук своего деда по матери — великана Бёльторна. Значит, бог путешествовал в прошлое, чтобы узнать о временах первотворения. Песни — поэтическое искусство — он смог познать, отведав меда поэзии из чудесного котла Одрёрир (о меде поэзии еще пойдет речь). На земле же бог увидел магические знаки — руны, которыми можно было передавать сокровенное знание. Он потянулся за ними, поднял их и рухнул с дерева, освободившись от муки и обретя тайное знание.

Что заставило верховного бога принести себя в жертву, да еще самому себе (как поведал Один в «Речах Высокого»)? То же, что заставило его на коне спуститься в преисподнюю, чтобы там поднять из кургана пророчицу

вѣльву, — стремление к знанию прошлого и будущего, всех тайн мироздания. Сам Один — отец богов — конечно, был причастен этим тайнам, но ему нужна была и магическая власть над миром. Такую власть давало не просто знание, а знание магическое, доступное только после прохождения мучительного ритуала: этот ритуал равнозначен был смерти, а значит — способности проникнуть на тот свет, в иные миры, увидеть и познать их. Мир был создан из тела древней жертвы — великана Имира, убитого самим Одним и его братьями; чтобы познать все тайны творения, последовавшего за этим жертвоприношением, нужно было самому принести себя в жертву на мировом древе, откуда видны все миры.

Здесь мы и подходим к тайне имени мирового древа — к тому, почему вселенский ясень назывался «Конем Игга». Испытательные ритуалы — или инициации — были главными в жизни древних обществ: прежде чем стать воином — взрослым мужчиной, необходимо было пройти испытания, иногда тяжкие и мучительные (уже говорилось, что во многих религиях обряд обрезания сохранился как пережиток древних возрастных инициаций). Но самыми сложными были испытания, которые должен был пройти стремящийся к сверхъестественной мудрости, знанию тайн мира — шаман или друид. Эти испытания приравнивались к смерти и воскресению шамана, уже наделенного на том свете сверхъестественными знаниями. Шаманы во многом напоминали Одина, ибо и они наделялись способностью проникать (в разных обликах) во все миры мифологической вселенной, находить там души умерших (или умирающих). О своих странствиях они повествовали во время экстатических ритуалов, приходя в исступление — Один был богом вдохновенной, исступленной, магической поэзии (значение самого слова «шаман» — исступленный, впадающий в транс человек, — близко значению имени Один).

Наконец, шаману нужен был волшебный помощник, который наподобие сказочного Конька-Горбунка переносил бы его в иные миры. Таким помощником чаще всего представляли коня или оленя (вспомним о роли оленя в скандинавской мифологии) — но это были, конечно, не настоящие, а мифологические, точнее, символические животные. Главным «помощником» шаманов Северной Евразии — той области, где шаманские культы были особенно развиты, — был бубен, ударный инструмент, звуки которого сопровож-

дали процесс камлания, путешествия на тот свет. Бубен и считался шаманским «конем». На бубне (и костюме шамана) изображалось мировое дерево с животными и птицами, в которые мог обращаться шаман, путешествующий по всем сферам мироздания. Мировое дерево открывало шаману путь во все миры, как Иггдрасиль — Конь Одина — открыл ему путь к познанию Вселенной.

Теперь нам понятно, что и ведийская ашваттха, как жертвенный столб, к которому был привязан конь, также была связана с магической транспортировкой приносящего жертву в иные миры. Там он в состоянии был постичь ведийскую мудрость — встретиться с самим Брахманом, сущим.

Ясень Иггдрасиль был не только деревом предела, но и деревом судьбы — недаром у его корней было жилище дев судьбы норн, а в кроне — небесной Вальхалле — валькирий, определявших судьбу того, кто вступал в битву. В мифах многих народов считалось, что в ветвях и листьях мирового дерева обитают души нерожденных младенцев — может быть не только судьба, но и сама будущая жизнь людей была связана с мировым деревом жизни. Но Один, утвердивший свой престол главы богов у мирового ясеня, всматривался оттуда во все миры не для того, чтобы заботиться о будущих судьбах младенцев — таков был удел норн. Отец богов был поглощен иной гнетущей заботой — о грядущих судьбах всего мира и самих богов: чудовища преисподней не только подгрызают корни мирового дерева — они готовы вместе с инеистыми великанами и огненными монстрами пойти войной на Асгард: мировое дерево сотрясется, когда начнется эта последняя битва...

Один из «основных мифов» человечества — миф о мировом дереве — был в равной мере переосмыслен и в буддизме, и в христианстве: Будда, ожидающий просветления у ашваттхи, жертвенного столпа и воплощения мировой оси, придает новый смысл этому ритуальному символу, как и Христос, пригвожденный к кресту: орудие позорной смерти становится деревом жизни.

Мировая ось, соединяющая и одновременно разделяющая небо и землю, могла быть рукотворной, наподобие упоминавшегося храма-зиккурата в Вавилоне или жертвенного столба в Индии. О рукотворном мировом столпе повествует космогонический миф вьетов.

Бог-гигант Тхэн Чу Чёй — «Дух, подпирающий небо» — упорядочил первоначальный хаос. Поднявшись на ноги, он поднял над головой небо, а потом насыпал из камней, земли и глины огромный столп, чтобы подпереть им небеса. С тех пор земля стала плоской, как квадратный поднос, а небо над ним стало как опрокинутая чаша.

Перед нами знакомый образ гончара-демиурга, который вылепил землю и небо.

Когда свод небес и земля высохли, как должна сохнуть только что вылепленная из глины посуда, Тхэн Чу Чёй разрушил столп и разбросал повсюду камни, землю и глину; камни превратились в горы или острова, глина и земля — в холмы и плоскогорья. Там, где бог брал камни для столпа, образовалось море. Считается, что гора Тхатмон во Вьетнаме — это остатки столпа, воздвигнутого Тхэн Чу Чёем.

Мировая гора и мировой змей

Не менее распространенным, чем мировое дерево, мифологическим образом мировой оси была волшебная гора. Мы уже не раз встречались с мифами о горе, соединявшей землю и небо, вроде греческого Олимпа или китайской Куньлунь.

Пять опор мира

Гора Куньлунь в западной стране располагалась одновременно и в центре мира. У ее подножия брала начало

главная река Китая — Хуанхэ, и другая река — мифическая, отделявшая мир живых от того света. Воды этой реки Жошуй нельзя было переплыть, ибо в них тонуло даже легчайшее перышко. Кроме того, огнедышащие горы преграждали путь к мировой горе.

Сам верховный небесный владыка Шан-ди (или Хуанди) избрал Куньлунь как свою нижнюю столицу. Райские висячие сады, чудесные источники с нефритовыми берегами охранялись духом горы, который имел туловище тигра с девятью хвостами и лицо человека. Другой чудесный зверь, четырехрогий баран, был страшным людоедом, а птица-пчела, размером с утку, несла смерть не только всему живому, но даже деревьям, стоило только ей клюнуть ствол.

В райском саду росли чудесные растения: одно из них, напоминавшее грушу, но имевшее плоды вроде слив без косточки, наделяло способностью не тонуть в воде. Трава в этом саду снимала любую усталость. Здесь же росло древо бессмертия, которое даровало персиковые плоды, только дожидаться этих плодов мог не всякий — ведь древо плодоносило раз в тысячу лет.

Но Куньлунь — не единственная волшебная гора в китайской мифологии. В Нефритовой горе обитала Си-ванму, владычица Запада и страны мертвых — ведь мировая гора соединяет все миры. Она похожа на человека, но имеет хвост барса и клыки тигра. Она насылает болезни и стихийные бедствия, назначает наказания в загробном мире. Ей подвластны судьбы всех людей, кроме мудрецов и святых, равно как и пища бессмертия. Как и всякая хтоническая богиня, Си-ванму оказывается не только воплощением смерти и болезней, но и богиней плодородия; в ее горе обитает чудесный зверь, напоминающий одновременно собаку и барса, с рогами быка: его появление на земле предвещает плодородный год.

Другая вершина претендует на то, чтобы соединять небо и землю. Она также высится на западе в Великой пустыне и именуется Горой Солнца и Луны. Там в небесные врата заходят светила. Чудесное существо, именуемое Е, обитает в горе: оно лишено рук, а ноги его растут на затылке. Говорят, что внук или правнук Хуан-ди первопредок Чжуаньсюй, породивший некоего Старца и одновременно Младенца Лаотуна, велел его детям — Великому Чжуну и Черному Ли — поднять небо и опустить землю. Ли и породил странное существо, воплощение внутренностей мировой горы — преисподней Е.

Целых пять вершин призваны были стать опорами мира по краям мировой бездны Гуйсьюй, у берегов океана на Востоке. На огромных плоских вершинах этих гор возвышались золотые дворцы богов с лестницами из белого нефрита. Птицы и звери там были белого цвета, а нефритовые и жемчужные деревья приносили такие же плоды, которые к тому же давали бессмертие. Сами обитавшие там бессмертные ходили в белых одеждах и даже имели белые крылышки. Они нужны были им, чтобы летать от горы к горе — ведь расстояние между ними равнялось семидесяти тысячам ли — и навещать своих родственников.

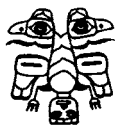
Одно могло вселить беспокойство в эту райскую жизнь. Священные горы не имели надежной опоры: они плавали в волнах океана. Хорошо, когда в море царил штиль, но штормы перемещали горы, и бессмертным приходилось разыскивать их в бесконечном океане. Страшно было подумать, что произойдет, если горы достигнут северного предела мира и утонут.

Поразмыслив о судьбах мира, Хуан-ди приказал своему внуку Юйцяну, владыке Севера, богу ветра и моря, создать опору для мировых вершин. Бог немедленно отправил в глубину пятнадцать огромных черных черепах, чтобы они поддерживали горы. Наконец они приобрели некоторую устойчивость, которая нарушалась только тем, что черепахам иногда наскучивало стоять неподвижно, и они начинали приплясывать, сотрясая мировые опоры и устраивая землетрясения.

Но тут случилось непредвиденное. Далеко на север от вершины Куньлунь была страна великанов. Одному из них пришлось в голову взять удочку и пойти на океан ловить рыбу. Великанскими шагами он добрался до пяти гор и вытащил шесть проголодавшихся и быстро проглотивших наживку черепах. Великан на радостях бросился домой, содрал с добычи панцири и принялся гадать по ним, раскалив их в огне. Две горы потеряли опору, были унесены ветром и утонули на севере. Лишенные прибежища бессмертные долго носились над водами.

Небесный владыка Хуан-ди разгневался, узнав о несчастье, и первым делом превратил великанов в карликов, чтобы от них не было зла. Оставшиеся в живых черепахи вели себя спокойно, и горы стояли недвижимо у краев океана.

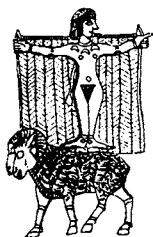
Но тут люди прослышали о волшебных горах — ведь ветер часто пригонял к ним рыбачьи суденышки. Когда зем-

ные правители узнали об обителях бессмертия, они принялись снаряжать корабли, чтобы обрести райскую пищу.

Но увы! Горы были недоступны для смертных. Стоило кораблям приблизиться к ним, как ослепительно сияющие вершины погружались в пучину океана, а ветер, налетавший с моря, отгонял прочь суда...

Два совершенно несхожих мифологических рассказа живейшим образом напоминают о великанской рыбной ловле и поиске райских островов: один из них сохранился в скандинавской языческой традиции, другой относится к эпохе средневековья в Ирландии.

Рыбная ловля Тора и библейский Левиафан

Однажды скандинавский громовник Тор, обратившись в юношу, один, без спутников и колесницы, отправился в Утгард. Он остановился неузнанным в доме у великана Хюмира и, когда тот собрался на рыбную ловлю, стал проситься с ним. Великан был недоволен такой обузой — попутчик был слишком молод да невелик ростом, но гость был настойчив, и Хюмир велел ему запастись наживкой. Тор увидел стадо коров и большого быка, прозванного Вспоровший Небеса. Ему громовник отрубил голову — это и была его наживка.

Рыбаки стали грести в море, и тут великан увидел, что гость гребет славно. Лодка удалялась от берега, и Хюмир сказал, что дальше плыть опасно — там Мировой Змей. Гость же налегал на весла, несмотря на недовольство хозяйина. Наконец Тор насадил наживку, и Мировой Змей проглотил бычью голову. Крючок впился ему в небо, и чудовище рванулось так, что кулаки Тора ударились о борт ладьи. Тор разгневался и рванул леску на себя так, что ноги его пробили дно ладьи, и громовник встал на морское дно.

Тут из воды показалась изрыгающая яд голова Ёрмунганда, и Тор уже поднял свой молот, но перетрусивший Хюмир обрезаю леску, и Змей погрузился в пучину. Рассказывают, что Тор все же метнул свой молот и поразил Змея, но тот остался лежать на дне океана, ожидая своей очереди отомстить. Раздосадованный Тор стукнул своего незадачливого спутника в ухо так, что тот упал в море, а сам вброд добрался до суши.

Этот забавный сюжет о трусливом великане и мести Тора, пересказанный Снорри Стурлусоном, напоминает о деянии полинезийского культурного героя Мауи: тот выудил со дна океана рыбу, которая стала целым островом — Новой Зеландией. Но скандинавский миф служит прелюдией к грядущей мировой драме, когда в последние времена Змей сам выползет на сушу и сразится с громовержцем. Этот миф напоминает о главных подвигах других громовержцев, которые в начале времен поразили Змея, как Зевс — Тифона, а индийский Индра — Вритру. И славянский Перун бьет молнией в воду тогда, когда от него прячется черт, которого некогда представляли в виде змея.

Но разительную параллель скандинавскому мировому змею представляет библейский Левиафан. Он лежит в глубине мирового океана и держит в зубах свой хвост. У него столько же глаз, сколько дней в году. Обод небесного свода, на котором располагаются созвездия зодиака, именуется Левиафаном. В конце времен архангелу Михаилу предстоит сразиться с ним, но истинным его победителем станет Господь: Он зацепит его багром, вытащит из бездны и бросит в свое судно, как простую рыбу в лодку. Праведником после Судного дня предстоит полакомиться его мясом...

Поиски рая: святой Брендан у мирового столпа и рыба-кит

Ирландия расположена на краю Западного — Атлантического океана, чудесное путешествие по нему совершил знаменитый святой — Брендан.

Монахи рассказали ирландскому подвижнику о том, что в поисках уединенной обители они заселили некие острова в океане. Господь благоволил монахам и открыл им «землю, святым обетованную» — остров, который населяют блаженные после Страшного суда. Хотя океан был запад-

ным, плыть на чудесном корабле пришлось на Восток — ведь там, по христианской традиции, находился рай. Пятнадцать дней бродили по нему монахи и не видели ни одной травы, которая не давала бы цвета, и ни одного дерева, которое не плодоносило бы. Камни же там были только драгоценные. Когда же они дошли до чудесной реки, протекавшей посреди острова, то им явился удивительной красоты человек, который запретил странникам переходить реку и велел вернуться к кораблю.

Один из монахов спросил чудесного встречного о его имени, и тот ответствовал, что следовало бы скорее спросить о самом острове, где путники пребывают уже год и не нуждаются ни в пище, ни в сне: ведь на острове царит вечный день. Это райский остров, где все сохранилось в первоизданном виде со времен творения и свет Христов сияет над раем. Незнакомец довел странников до корабля и исчез, корабль же прибыл к монашеской обители.

Братия стала упрекать их настоятеля в том, что он надолго оставил свою паству, но тот успокоил монахов. Ведь они знают теперь, что их обитель расположена недалеко от рая, вход в который охраняет ангел Господень. И правда, одежда странников издавала райское благоухание.

Брендан, услышавший этот рассказ, избрал четырнадцать монахов, чтобы с ними отправиться на поиски райской земли. Сорок дней постились избранные, а затем построили корабль из легчайшего дерева и наполнили его припасами на сорок дней. Еще три монаха бросились к ногам Брендана, чтобы он допустил их до благочестивого плавания, и тот согласился, но предрек, что лишь один из них движим благочестивыми помыслами, двоим же другим не миновать Страшного суда.

Корабль тронулся в полуденную сторону, и когда гребцы обессилили, Брендан доверился воле ветра — корабль сам пошел под развернутым парусом. Наконец паломники приплыли к скале с отвесными склонами и с трудом нашли гавань, куда помещался лишь один корабль. Тут пес появился перед путниками, ласться к ним как к хозяевам. Он привел их в некий город, где открыты были ворота дворца, полного всякой богатой утвари. Только лишь Брендан велел приготовить трапезу, как они увидели накрытый стол, полный яств. Так три дня отдыхали путники, Брендан же предупредил спутников, что их может смутить сатана: нельзя ничего брать из богатств во дворце. Святому привиделось во

сне, что один из монахов взял уздечку, которой помахивал перед ним дьявол в образе эфиопа. И правда, один из монахов сознался, что присвоил драгоценную вещь, выбросив ее из-за пазухи, Брендан изгнал и дьявола, притаившегося там же в виде чернокожего. Тут раскаявшийся монах испустил дух, но душа его была спасена.

Пора было трогаться в путь, и некий отрок явился на корабль с корзиной яств, сказавши, что этого хватит путешественникам до самой Пасхи. И правда, еды хватило на два дня, и в Великий четверг, когда странники достигли следующего острова, там было изобилие рыбы и бесчисленное множество овец, которые размерами превосходили быков. Агнец был взят из их числа для святой трапезы. Там провели путники время до субботы, и в воскресенье должны были плыть дальше. Чудесный слуга предрек им достаток в пище вплоть до Пятидесятницы, приготовив все на дорогу. Им следовало плыть к острову, что называется Птичьим раем.

Но следующий остров у них на пути был пустынен, и на нем не росло ни одного дерева. Святой понял, что это за остров, но не стал сразу пугать монахов: те успели разжечь костер, и тут остров пришел в движение. В ужасе монахи бросились к кораблю, и Брендан помог им подняться на борт. «Этот остров — самая большая в мире рыба, — поведал им Брендан. — Она настолько огромна, что не может носом дотянуться до своего хвоста».

Тут вспоминается скандинавский Ёрмунганд — Мировой змей, но у христианских авторов были собственные представления о морском чудовище, обитающем в мировом океане: то был упоминавшийся библейский Левиафан. Правда, в странствии Брендана Левиафан — уже воплощение преисподней, а «рыба-кит» мирового океана носит иное имя.

Но странникам нужно было поспешать, и они достигли острова, где у чудесной реки росло огромное древо, вершина которого терялась в небесах. Путники не видели его листьев, ибо оно сплошь было усеяно белыми птицами. Святой взмолился, чтобы ему был явлен смысл этого чуда, и одна из птиц спустилась, чтобы поведать Брендану об их судьбе.

Птицы оказались теми падшими ангелами, что примкнули к сатане, но не успели согрешить, ибо были низвергнуты в тот же день, что и сотворены. Они могут лицезреть Бога, но отделены от ангелов, что служат Ему. Уже год длится странствие паломников и будет длиться еще шесть лет, но каждый раз Пасху им предстоит праздновать на этом острове, — предрекла Брендану чудесная птица. И птицы принялись славить Господа, ибо наступила Пасха. До Пятидесятницы обитали странники в Птичьем раю, пока не последовали дальше и не достигли следующего пристанища — острова, где их встретил некий старец. Они пытались выспросить у него, что это за земля и что за монастырь, к которому их подвел встречный, но он безмолвствовал. Путники поняли, что перед ними — молчаливники, не оскверняющие уста пустыми словами, пока не освятят их молитвой.

После богослужения аббат поведал путникам, что сам Господь снабжает их удивительными хлебами, и им не нужно заботиться о пище. У них есть два источника — чистый для питья и мутный, но теплый — для омовений. В церкви вся утварь была из хрустала, и светильники зажигались сами собой. Там Брендан желал бы остаться навечно, но ему со спутниками позволено было лишь встретить в святом монастыре Рождество. И вновь пустились они в плавание, и достигли того острова, где уже встречали Великий четверг, и затем обнаружили котелок, оставленный на спине морского зверя, и достигли Птичьего рая, но пять лет оставалось до того дня, когда позволено им будет достичь земли, святым обетованной. Они двинулись в путь, и их принялось преследовать морское чудовище, но святой не отчаивался, полагаясь на Господа. И правда, еще более страшное чудовище разорвало на части преследователя, и его мясо странники обнаружили вскоре на острове, к которому причалил их корабль. Так они насытились тем, кто собирался их пожрать.

Странствие продолжалось, и путники достигли еще одного острова, с белых и красных скал которого открывался красивый вид на море. Три хора — детей, отроков и старцев — славил там Господа. Один из монахов сподобился счастья остаться в этом святом месте, как и предсказал Брендан. Прочие же продолжили свой путь, и святой наложил на них пост, пока некая птица не принесла им ветвь, полную чудесных плодов. Вскоре они достигли острова, где росли деревья, в изобилии дававшие эти плоды. Подкрепив силы, они отправились дальше, и гигантский гриф напал на

их корабль. Но та же птица, что принесла пищу путникам, победила грифа, вырвав его глаза. И вновь продолжились бесконечные странствия с остановками на тех островах, где уже приходилось праздновать Рождество и Пасху.

Но вот они увидели посреди океана некий мраморный столп, вершина которого исчезала в небесах. Серебряная сеть покрывала эту колонну. Путники оттянули ее и поплыли вдоль столпа: четыре дня длилось плавание, пока в нише они не обнаружили серебряный кубок и чашу. Их взял Брендан с благодарной молитвой, ибо Господь послал им в подтверждение чудес, совершенных во время путешествия. Ветер же понес их на север, и вскоре они увидели суровый остров, лишенный растительности. Многочисленные кузницы стояли на берегу, и кователи, мрачные и косматые, заметили корабль. Они принялись бросать в путников раскаленные куски руды, так что море закипело вокруг корабля. Брендан призвал братию молиться, ибо они оказались в пределах преисподней (вспомним кузнецов — кователей перунов, заключенных в Тартар в греческом мифе).

Ветер же гнал корабль дальше на север, где возвышалась черная как уголь гора с отвесными склонами, и дым клубился у ее вершины. Только корабль остановился у горы, как один из трех монахов, последними примкнувших к паломникам, оказался у ее подножия во власти демонов. Ветер понес корабль к югу, и путники увидели, как вся гора оказалась охваченной огнем.

Плавание продолжалось, и путники увидели голую скалу посреди океана, где сидел некий человек, скрывае-мый от волн лишь подвешенным рядом куском ткани, но и тот нещадно хлестал его на ветру. То был Иуда, которого Господь выпустил из преисподней, ибо был воскресный день: предателю предстояло вернуться в огненную гору с заходом солнца. Кусок же ткани был некогда дан Иудой нищему, но и он не принадлежал злодею, поэтому не приносил ему облегчения. Молитва Брендана отдалила муки Иуды, ибо демоны не решились приблизиться к нему в присутствии святого.

Тот же поплыл дальше, пока не приблизился к утесу, где пребывал отшельник, весь заросший седыми волосами и не нуждавшийся в земной пище. Он возвестил странникам о близящемся конце их путешествия. И правда, приближалась седьмая Пасха, и само морское чудище, так испугавшее первый раз братьев, доставило их к Птичьему раю. Там

покровительствовавший им ангел Божий взошел на их корабль, и сорок дней плыли они на восток. Наконец увидели клубящийся туман, скрывающий от них вождеденный остров. Когда они приблизились к райской обители, туман рассеялся, и непреходящий свет явил их взорам райский сад. Ангел поведал им, что Господь не пожелал сразу открыть перед ними райскую кущу, ибо желал показать путникам многие чудеса иного мира. Брендан взял с собой чудесных плодов и драгоценных камней, коими был усыпан остров, и отправился в обратный путь, чтобы повеждать об увиденном всем честным христианам.

Гора Меру и напиток бессмертия

В индийской мифологии и великом эпосе «Махабхарата» мировой горой, на которой обитали блаженные, была золотая гора Меру.

Гора Меру располагалась в северных пределах мира, ибо там проходила мировая ось. Эту ось отмечала неподвижная Полярная звезда — ее установил сам творец мира Брахма, обитающий на Меру с другими божествами и чудесными созданиями, страшными зверями и волшебными птицами. Ее вершина осыпана драгоценными камнями, а ее высоту даже в мыслях не может представить ни один мудрец. На вершине горы — рай громовника Индры, там стоит его великолепный дворец и волшебный город. Хороводы апсар — райских дев — излучают сияние, которое смертным видится как северное сияние. Солнце, луна и все планеты вращаются вокруг Меру, совершая ритуал почитания этого святого места. Семь божественных риши — великих мудрецов — стали звездами и восходят над Меру: это созвездие Большой Медведицы. Бесчисленные реки текут по горе, но главная из них — Ганг, что течет с небес и по Меру спускается на землю.

Полгода там длится ночь, а полгода — день, но это время — время смертных людей: ведь для богов один день и равен году, так что обитавшие на Меру блаженные жили в божественном временном измерении.

Смертным не дано проникнуть в эту страну блаженных. Сам великий герой Арджуна, завоевавший все зем-

ли вплоть до северных пределов мира, встретил здесь стражников с огромными телами: они поведали ему, что завоеватель не властен в этой стране — здесь не бывает сражений, а насильник не увидит здесь чудес. Напротив, он попадет в страну мрака, обитель упырей и женщин-людоедок, страшных демонов ракшасов, убивающих все живое.

В мифологии буддизма Меру окружена не чудовищами, а семью неприступными горными хребтами, разделенными водами озер. Четыре континента окружают гору с четырех сторон света, и каждый из них окружают 500 островов, расположенных в мировом океане. Сам океан сдерживает по краям скалистая стена.

Один из континентов населен блаженными — у них нет собственности, они не должны работать, ибо зерно там вызревает само по себе. Но на континенте Двипа, где живут обычные люди, жизнь коротка, и плохо приходится тем существам, которые после смерти перерождаются для жизни там. Зато только в Двипе могут появиться будды, указывающие путь к спасению, избавлению от бесконечной цепи перерождений. Под землей обитают несчастные, которые были скупыми и обжорами при жизни: это преты, существа с огромными животами и крошечными ртами — они никак не могут наесться в своей загробной обители, хотя еды там изобилие. Глубже начинаются ступени ада, где грешникам приходится хуже, чем прожорливым претам. Демоны асуры обитают в пещерах горы Меру, а боги — на ее вершине или в небесах, именуемых Девалока — обителью богов. Но и боги, жизнь которых не бесконечна, могут переродиться, став низшими существами — ведь они не избавлены от земных желаний. Ниже богов обитают четыре царя — правителя сверхъестественных существ: полубогов гандхарвов, уродливых демонов кумбхандов, змеевидных нагов, демонов якшей, среди которых особо опасны существа женского пола — людоедки якшини.

Индийские божества — дева — были смертны, и эта мысль не давала им покоя даже на горе Меру. Однажды на совете они решили избавиться от недугов и старости. Мудрейший из них — Вишну, который мог проникнуть в смысл всего происходящего в мире, посоветовал богам объединить свои усилия с демонами асурами, чтобы сбивать мировой океан, подобно тому, как сбивают молоко, чтобы добыть масло. Но это пахтанье позволило бы добыть не масло, а на-

питок бессмертия — амриту, и половину напитка боги должны были отдать своим помощникам.

Царь змей Васуки должен был стать веревкой для пахтанья, а великая гора Мандара, располагавшаяся к востоку от Меру, — мутовкой. Но вершина этой горы возвышалась до небес, корни же уходили так глубоко в преисподнюю, что боги и асуры не в состоянии были вырвать ее из земли. Пришлось звать на помощь великого змея Шешу, брата повелителя нагов. Тот обернулся могучими кольцами вокруг Мандары и вырвал ее из земли.

Тогда с готовыми орудиями боги пришли к океану и стали просить его о разрешении добыть амриту. Древний океан дал согласие, но потребовал и себе долю напитка бессмертия.

Для пахтанья нужно было днище, о которое опиралась бы мутовка. Царь черепах согласился спуститься на дно океана, став опорой для горы-мутовки и всего мироздания. Тогда боги обернули царя змей вокруг мутовки, ухватившись за его хвост по совету мудрого Вишну, асуры же взяли за голову и принялись пахтать океан.

Сотни лет трудились боги и демоны, но неравным был их труд. Ведь из пасти гигантского змея вырывался пламень, опалявший асуров, зато дым, поднимавшийся в небо, превращался в грозовые тучи, которые плыли по небу к хвосту змея и проливались на богов освежающим дождем. Чудесные растения, которыми была покрыта гора Мандара, низвергались в океан, выпуская соки, что должны были придать амрите целебную силу. Наконец воды океана стали подобны молоку, а то стало превращаться в масло, но амриты все еще не было на дне.

Взбивание мутовкой жидкости во многих традициях ассоциировалось с процессом творения. Мы помним, как бушменский демиург-богомол Кагн велел сыну взять кровь убитой им антилопы и размешать ее в сосуде мутовкой, чтобы создать новых антилоп. У алтайских тюрков процесс пахтанья напрямую связан с космологией — описанием мира, по которому странствует при камлании шаман. Текст камлания напоминает приводимый нами индийский миф, только мировая гора заменена мировым деревом: шаман, —

Лунное море взбалтывая — взволновал,
Белую пену взметнул,
Могучий тополь выворотил,
И корнями вверх поставил!

Пахтающие стали уже изнемогать от бесконечного труда, но тут Месяц поднялся из вод и стал освещать все холодным блеском — ночью при его свете работать было легче. Вслед за Месяцем из волн океана поднялась богиня красоты Лакшми в белых одеяниях. Она прильнула к груди мудрого Вишну, отвернувшись от асуров, и демоны пришли в негодование. Но следом появилась прекрасная дева Рамбха: дева и асуры были настолько ослеплены ее красотой, что не осмелились принять ее к себе и ее взяли гандхарвы. Рамбха стала главой дев апсар. Потом из вод молочного океана явилась дева Сура, богиня вина: ее приняли боги, которые и стали именоваться сурами, демоны же были прозваны асурами, ибо им недоступно было истинное наслаждение хмельными напитками.

Вслед за богинями настал черед других чудесных существ и предметов, и белый конь, быстрый как мысль, достался Индре; ему суждено было стать конем солнца. Волшебный камень Каустубха стал символом Вишну и Кришны. Подобный облаку белый слон оказался во власти Индры, равно как и дерево Париджата, способное наполнить весь мир благовонием своих цветов — оно призвано было услаждать апсар в раю Индры. Но вот из океана вышел врачеватель Дханвантари, в руках которого была драгоценная чаша с амритой — напитком бессмертия.

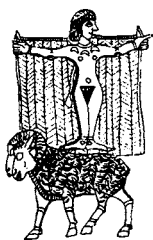
Но бессмертие не далось богам сразу, ибо вместе с чудесными дарами на поверхности океана появился смертельный яд, который мог уничтожить мироздание своими испарениями. Боги и все живое склонились тогда перед великим Шивой, надеясь, что он спасет подвластную ему Вселенную. И Шива проглотил смертельный яд: от этого у него посинела шея, и он стал именоваться Нилакантха — Синяя Шея.

Нам уже известен миф о рождении богини любви из мирового океана. То была Афродита, родившаяся из крови и семени оскопленного Урана. Казалось бы, в индийском мифе о пахтанье океана

нет ничего общего с кровавой греческой историей о разделении брачных объятий неба и земли. Но дело в том, что символика пахтанья связана с символикой брачного акта, и детородным органом оказывается в индийском мифе Мировая гора, которая соединяет небо и землю (земную воду — мировой океан).

Процесс пахтанья — вращения мутовки для сбивания масла — напоминает о другом сходном производственном процессе, связанном с добычей не менее важного культурного блага — огня. «Живой огонь» добывался при вращении палочки, конец которой упирался в дощечку. Роль такого инструмента в папуасском мифе сыграл детородный орган деми Уабы, когда пришедший на помощь неудачливому любовнику другой деми принял вращать Уабу, чтобы освободить его из объятий подруги. От этих усилий появились не только огонь, но и животные — казуар и страус. В отличие от белого коня и слона Индры, вышедших из молока, казуар и страус имели черные — опаленные первым огнем — крылья. В папуасском мифе добытый в результате случайной любовной связи огонь стал важнейшим средством жизнеобеспечения людей; в индийском мифе боги стремились добыть напиток бессмертия и достигли этого при помощи демиургического — производственного — акта пахтанья океана.

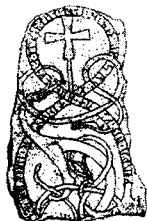

Когда помощники богов асуры увидели напиток бессмертия — амриту, их демоническая природа взяла верх, и они бросились к волшебной чаше — каждый из них хотел захватить напиток бессмертия для себя. И вновь Вишну выручил богов. Он обратился прекрасной девой, и ее красота настолько ослепила асуров, что они отдали ей напиток. Вишну тут же передал драгоценную чашу богам, сам же стал увлекать демонов подалеже от дева. Так боги смогли напиться амриты.

Лишь демон Раху, дракон-оборотень, смог приникнуть к чаше, приняв облик бога. Но всевидящие Солнце и Луна обнаружили оборотня, и Вишну отсек ему голову, но амрита уже пролилась в горло демона, и его голова стала бессмертной. С тех пор Раху преследует Солнце и Луну, стремясь пожрать их: от этого происходят солнечные и лунные затмения.

Асуры не простили богам обмана. На берегу океана состоялась великая битва. Напрасно великаны асуры метали в богов свои дротики и копья, напрасно забрались на небеса и бросали оттуда целые скалы — повсюду их настигали божественные стрелы и волшебный диск Вишну. Демонам пришлось укрыться на дне океана и в земных глубинах (подобно греческим титанам, низвергнутым в Тартар).

Боги же доверили хранение напитка бессмертия риши Наре, сыну Дхармы — воплощения справедливости и порядка. Гора Мандара была водружена на прежнее место.

Горы, сотворившие мир

В мифах даяков-нгаджу (остров Калимантан, Западная Индонезия) космос возник от соприкосновения изначальных золотой и алмазных гор, плававших в первоокеане. Тогда появился бог верхнего мира Махатала. Он имеет облик птицы-носорога, которая восседает на вершине Мировой горы, та же отделена от земли 42 слоями облаков. Он обладает живой водой, подобной амрите или амброзии греческих мифов, и постоянно оживляет себя. Божество нижнего подводного мира — змееподобная Джата. Созданная Махаталой земля лежит в мировом океане между головой и хвостом Джаты и опирается на ее горб. Подобно скандинавскому мировому змею Ёрмунганду и прочим морским чудовищам, поддерживающим землю, Джата обвивает сушу и кусает собственный хвост (такой Мировой змей понадобился и индийским богам, чтобы вырвать Мировую гору из земли). Махатала и Джата являют собой единство, напоминающее нам о мотиве брака неба и земли, — недаром в искусстве даяков популярны изображения пернатой змеи и змееобразной птицы-носорога. Из своей алмазной диадемы Махатала создал мировое древо, на ветви которого спустились самец и самка птицы-носорога — воплощения

верхнего и нижнего миров. В завязавшейся борьбе они уничтожили мировое древо и друг друга, из их тел и обломков древа возникли горы и долины, а также первые мужчины и женщина. Они долго плавали по подземному океану в золотой и алмазной лодках, пока Махатала не бросил им созданную из осколков солнца и луны горсть земли. Тогда они поселились на возникшем из нее острове, и первая женщина родила сначала свинью, собаку и курицу, а затем трех братьев; один из них, Махараджа Буно, стал прародителем людей.

Мировые горы и райские острова напоминают нам о космогонических мифах, которые начинаются с того, что островок или скала появляются в волнах мирового океана. Мы уже знаем, что этот мотив — не простое отражение морского пейзажа: мифологическое сознание увязывало творение Вселенной с производительным актом. Мировое древо или гора, соединявшие небо и землю, были воплощением брачной связи богов неба и земли. Разрушение мирового древа в мифе даяков было равнозначно осклолению Урана в греческой мифологии — небо и земля были разделены.

Мифологическим сюжетом, который с наибольшей очевидностью демонстрирует связь космогонии с оплодотворением, является миф о мировом яйце, известный многим народам мира.

Мировое яйцо

Латинское крылатое выражение *ab ovo* часто даже не переводится в подстрочных примечаниях к произведениям художественной литературы: известно, что оно означает — «с яйца», «с самого начала». Мир начинается *ab ovo* в уже известных нам мифологических традициях. Читатель знаком с китайским мифом о Паньгу, ко-

торый пребывал в бессознательном — спящем состоянии во Вселенной, каковая представляла собой огромное яйцо. Разбив яйцо и разделив небо и землю, Паньгу создал из хаоса космос. Полинезийский громовник Тангароа в мифологии островов Самоа также первоначально обитал в яйце. Это позволяет понять один неясный мотив китайского мифа: чтобы разбить яйцо, Паньгу необходим был топор — традиционное оружие громовника, и конечно, это оружие оказалось под рукой китайского демиурга еще до сотворения мира.

Все начинается с раковины

Естественно, что в Полинезии — Стране островов — изначальное яйцо имело форму раковины — моллюска. Начальный мотив мифа о Тангароа напоминает библейское творение — результат работы миссионеров, но древняя оболочка — раковина — осталась прежней.

Вначале Тангароа в яйцеобразной раковине носился в темном пространстве, но затем, утомленный бессмысленным движением, простер руку, и кругом стало светло. Бог увидел песок на берегу и велел ему приблизиться. Но песок ответствовал, что не может подняться в небо. Тогда Тангароа обратился к скалам, повелев им подойти. Но и скалы отвечали, что они крепко сидят в земле и не могут подняться ввысь.

Пришлось богу самому спуститься на землю. Он сбросил раковину, и из ее осколков образовались острова. Из своей спины он создал людей, а сам превратился в лодку. Когда он плыл в бурю, пространство наполнилось его кровью, и та дала цвет морю и облакам, которые светятся при восходе и заходе солнца. Остов его раковины, лежавший на земле спинным хребтом кверху, стал жилищем богов и прообразом храмов, а сам Тангароа (или другая створка его раковины) сделался небом.

Птица, снесшая мировое яйцо

В некоторых версиях древнеегипетского космогонического мифа упоминается о яйце из земли и влаги, которое появилось на первозданном холме, либо о птице «великий Гоготун», снесшей это яйцо. Из этого яйца появилось солнце, гусь же стал олицетворять бога земли Геба. Сходный миф о водоплавающей птице, снесшей яйцо на островок в первичном океане, известен на далеком от Египта Севере Европы, в Финляндии и Карелии, и еще дальше — на Дальнем Востоке.

Древний миф, известный всем финно-угорским народам, повествует о том, что изначально существовал лишь бескрайний океан. Над ним в поисках гнезда летала птица, которой в разных эпических песнях-рунах могли быть утка, гусь, орел и даже ласточка. Птица и увидела колено первого человеческого существа, которое торчало из воды: то было колено мудрого старца Вяйнямёйнена или (в других рунах) его матери небесной («воздушной») девы Ильматар, чье имя напоминает имена небесных богов других финно-угорских народов. Птица снесла яйцо на колено, но, конечно, оно скатилось вниз и разбилось. Из этого первичного материала птица-творец и должна была создать мир (в некоторых рунах мир создает первочеловек Вяйнямёйнен, а небосвод кует кузнец Ильмаринен). В карельских рунах рассказывается, что щука — враждебное существо нижнего, водного мира — успела проглотить три яйца, снесенные орлом, но орел поймал рыбу и вспорол ей брюхо. Из верхней части яйца было создано небо, из нижней — земля, из желтка — солнце, из белка — луна, из скорлупы — звезды.

В ижорской руне мир из яйца творит ласточка — «птица воздуха». Она находит кочку посреди вод, отликает гнездо из меди и кладет туда золотое яйцо. Тут налетела большая туча и скатила гнездо в воду. Тогда ласточка летит к кузнецу и просит сковать ей грабли со стальными зубьями. Этими граблями птичка достает лишь половину белка и половину желтка; разбившаяся скорлупа становится звездами на небе.

В самой ижорской руне сохранились «осколки» древних космогонических мифов. Ясно, что из желтка и белка должны быть сотворены солнце и луна, хотя в руне об этом и не говорится. Но здесь же присутствует некий кузнец — демиург изначальных времен. В карело-финских рунах этот кузнец — Ильмаринен, он носит имя древнего божества воздуха, «атмосферы». Сама «воздушная птичка», равно как и воздушная дева Ильматар карело-финских рун, принадлежат той же космической стихии. Но кузнец в карело-финских мифах — отнюдь не только подсобный работник в деле творения мира. Ильмаринен в эпических рунах называется кователем небосвода и выковывает солнце и луну вместо светил, похищенных демонической хозяйкой Севера. Можно предположить, что в древнем — не дошедшем до нас — мифе кузнец помог добыть со дна мирового океана и укрепить на небосводе светила.

В финской руне о создании мира Вяйнямйнен (Вяйно) оказывается в водах моря потому, что злобный саамский колдун стреляет в него из лука. Шесть лет плавал он по водам как еловое бревно. Утка летает над волнами в поисках места для гнезда, и Вяйно подставляет ей колено и лопатку. Утка сносит там «яйца золотые», согревает их и ждет, когда вылупятся утята. Но Вяйно не выдерживает жара от яиц и стряхивает их с колена. Яйца разбиваются «на шесть кусков и семь осколков»: из нижней части возникает мать-земля, из верхней — небосвод. Вероятно, с образом Вяйнямйнена — демиурга, создавшего звездное небо, связано и одно из названий Млечного Пути в финской традиции: «Путь Вяйнямйнена».

На Дальнем Востоке, у нивхов на Амуре и Сахалине, рассказывали, что сначала была только вода и утка-чирок не могла снести яйцо, чтобы оно не утонуло. Тогда она из собственных перьев и пуха свила гнездо, и в нем вылупились утята. Все ро-

дившиеся утки так же делали свои гнезда, и эти гнезда соединились в остров, на котором выросли трава и деревья. Остров стал большой землей. От лиственницы произошли нивхи, от пихты — ороки, а от ели — айны. В другом варианте над первоначальной водой летали две синицы: в клювах они стали носить разные плававшие предметы к центру моря; так из гнезда синиц создалась земля. Затем с неба упали разные животные, среди них — медведь, от которого произошли люди.

Африканская эмбриология

В необычайно развитой и сложной космологии народа догон миф о творении повествует об эмбрионе — зародыше, из которого возникли первосущества.

Мир произошел от слова творца Амма, давшего начало бесконечно малому — кизе узи (зерно фонии). Этот первичный зародыш жизни стал вибрировать (вспомним о вибрации при пахтанье первичного океана или сотворении живого огня) и превратился в «яйцо мира». Яйцо — первоначальная матка — делилось на две плаценты, каждая из которых должна была содержать пару близнецов Номмо. Однако из одной половины яйца раньше срока вышло непарное существо — шакал Йуругу, захотевший стать господином Вселенной. Он украл уже созданные Амма зерна, в том числе первичное зерно, а затем, оторвав кусок своей плаценты, сделал из него ковчег, где поместил украденное. Из этого куска плаценты Амма сотворил землю. Йуругу же вернулся на небо, надеясь найти оставшуюся часть плаценты со своей женской душой, Йазиги. Но Амма уже поручил Йазиги близнецам Номмо, появившимся из другой половины яйца.

Тогда Йуругу проник на землю и соединился с ней — плотью своей матери, совершив первый инцест. Оскверненная земля стала бесплодной. Чтобы исправить нарушенное Йуругу мироустройство, Амма принес на небе в жертву одного из Номмо, и земля вновь обрела чистоту, необходимую для созидания. Части тела Номмо были брошены в четырех

странах света, при этом зерна его ключиц, будущая пища людей, высыпались, и из них выросли первые деревья. Затем Амма воскресил Номмо, соединив и смешав куски его тела с «небесной» землей, и Номмо спустился на землю в ковчеге, сделанном из его плаценты, вместе с предками людей, животными, растениями, минералами. Спуск ковчег совпал с появлением солнечного света и пролитием животворящего дождя. На земле появилась жизнь. Сам Номмо превратился в рыбу и стал жить в воде. Четыре сына Номмо и их женские близнецы — это восемь предков, от которых произошли племена догонов.

Миром стали управлять Номмо. Двое из них пребывают с творцом Амма на небесах, третий же — принесенный в жертву и воскрешенный, подобно христианскому Мессии (возможно, и здесь сказалось влияние миссионеров), пребывает в земном мире. Номмо стали покровителями культуры, ее материальных воплощений — в первую очередь знаков — и духовных начал.

Но и зловредный Йуругу не стал просто дьяволом, противником бога. Его роль в мироздании вполне конструктивна: если Номмо воплощают день, влагу, плодородие, порядок и жизнь, то Йуругу стал воплощением ночи, засухи, бесплодия, беспорядка и смерти. Но жизни не бывает без смерти, как дня без ночи. Номмо призваны сдерживать разрушительное начало, олицетворяемое Йуругу, но люди не могут обойтись без него. Прежде чем решиться на какое-нибудь дело, необходимо посоветоваться с Йуругу — совершить гадание, прояснить темную судьбу и уж затем принести жертвы на алтарь Номмо.

Антропогонический миф догонов продолжает эмбриологические мотивы. Прообраз человека был создан в семи вибрациях первичного зерна в «яйце мира»: первая и шестая преобразовали ноги, 2-я и 5-я — руки, 3-я и 4-я — голову, 7-я — половые органы. Ключицы (кости) — остов тела — являются остовом «небесного амбара» и содержат 8 первоначальных зерен, но также являются ключицами и символом человеческого зародыша. При зачатии содержимое ключиц мужчины и женщины передается друг другу; зародыш развивается начиная с ключиц — грудных плавников и подобен рыбе. Новорожденный — это рыба, выплывающая из родовых вод.

Вырастая, человек становится подобным Номмо: новорожденный — это голова божественного близнеца, достиг-

ший половой зрелости юноша подобен его груди, испытуемый и обучаемый — подобен ногам, жених на свадьбе — рукам Номмо. Взрослый мужчина воплощает тело Номмо, наконец, умудренный старец — всего Номмо.

Богиня, снесшая Мировое яйцо

В античных текстах — у Гомера и Плиния — сохранились фрагменты космогонического мифа, возможно, более древнего, чем теогония Гесиода.

Первым существом была богиня Эвринома, порождение мирового океана: обнаженной она кружилась над водами, и лишь северный ветер сопровождал ее в танце. Богиня поймала ладонями северный ветер, и он обратился великим змеем Офионом. Он обвил своим телом богиню, и та зачала плод.

Эвринома обратилась в голубку и снесла Мировое яйцо в волнах мирового океана. Офион не отказался от отцовства и принялся высидывать яйцо, семь раз обернувшись вокруг плода. В его объятиях яйцо раскололось на две части, и из него возникло все сущее — солнце, луна, планеты и звезды, земля с ее горами, реками, деревьями, травами и живыми существами.

Творцы же поднялись на Олимп, но там змей возгордился и объявил себя творцом Вселенной. Эвринома не потерпела этого и ударила пресмыкающуюся пятой, выбив ему зубы, самого же низринула в Тартар.

Зубы были выбиты змею-гордецу не просто так: из них возникли люди — пеласги, древнее догреческое население Балканского полуострова. Зубы дракона превращались в людей и в мифе об аргонавтах. Зубы вообще были важным инструментом творения: вспомним китайский миф о громовнике Лэйгуне, который вырвал свой зуб, чтобы из него выросла тыква и люди смогли спастись в ней от потопа.

Эвринома создала семь планетных сил, которыми должны были править титан и титанида — первое поколение божеств. Тейя и Гиперион — брат и сестра, которые в

других мифах породили солнце, луну и зарю Эос, — владели Солнцем; Феба (бабка Феба-Аполлона) и Атлант — Лунной, Диона и Крий — планетой Марс; Метида и Кой — планетой Меркурий; Фемида и Эвримедонт — планетой Юпитер; Тетия и Океан — планетой Венера; Рея и Кронос — планетой Сатурн.

Связь древнейших божеств с семью планетами считается свидетельством заимствования некоей астрологической системы с Ближнего Востока. Олимпийская мифология сменила эту систему — ведь Зевс низверг Кроноса.

Первым человеком и культурным героем стал Пеласг, рожденный в счастливой стране — Аркадии. Павсаний в своем «Описании Эллады» пишет, что он первым придумал строить жилища, чтобы люди могли укрываться от холода и дождя, он изобрел и одежды из шкур, взамен же листья, которой пытались насытиться люди, научил их есть желудыи...

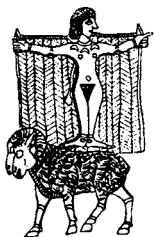

Поедание желудей — не обозначение дикого состояния первых людей (подобных свиньям, питающимся желудями), а констатация выхода из дикого состояния — ведь до этого они поедали несъедобную листву. Греческий поэт Аполлоний Родосский приписывает африканцам-ливицам миф о том, что первым человеком, рожденным от Урана и Геи, был ливиец Гарамант, который родился раньше сторуких великанов. Он вырос прямо из земли (был настоящим автохтоном) и принес в жертву матери-земле сладкий желудь. Желуди действительно входили в рацион древнейших жителей Средиземноморья до открытия земледелия. Но дело не только в питательности этого продукта дикой природы: из желудя вырастал дуб — воплощение мирового дерева во многих средиземноморских традициях, священное дерево Реи, матери Зевса. В этом отношении желудь был сродни мировому яйцу.

Рожденный из яйца Брахма

Пожалуй, самый знаменитый миф о мировом яйце — древнеиндийский: творец всего, Брахма, вышел из золотого яйца.

В начале всего первозданные космические воды породили огонь. Силой космического жара — тапаса — в водах было рождено золотое яйцо. Оно плавало в водах, когда время еще не отмерялось, но через промежуток, равный году, из золотого зародыша возник создатель Вселенной Брахма, либо Праджапати, часто толкуемый в поздних мифологических текстах как эпитет или ипостась Брахмы. Брахма силой мысли разделяет яйцо на две половины: из одной создается небо, из другой — земля; между ними возникает воздушное пространство. Брахма утвердил землю среди вод, создал стороны света — недаром у него четыре лика и четыре руки — и начал отсчет времени.

Но когда творец огляделся вокруг и увидел, что Вселенная пуста, страх одиночества охватил его. С тех пор всякий человек боится одиночества. Брахма же продолжал размышлять и утвердился в мысли, что бояться можно чего-либо вне себя. Одинокому некого бояться, но существование его безрадостно.

Тогда Брахма силой мысли родил семерых сыновей — владык всех созданий. Старший — Маричи, воплощение звездного света и один из семи мудрецов риши: он родился из души Брахмы. Из глаз творца родился риши Атри, «Едящий». Из уст (по другому мифу — из семени) Брахмы появился великий риши Ангирас, посредник между людьми и богами. Из правого уха родился Пуластья, от которого произошли обезьяны и многие мифологические существа, из левого — Пулаха, из ноздрей — Крату.

От сыновей Брахмы произошли великие потомки. Сыном Маричи стал Кашьяпа — «Черепеха»: в одном из вариантов космогонического мифа Праджапати создал мир, воплотившись в его основу — черепаху, поэтому черепаху и считается основой и прародительницей всего живого — животных, людей и сверхъестественных существ. Атри породил Дхарму, воплощение справедливости. От Ангираса происходит род мудрецов ангирасов.

Младшим — седьмым сыном Брахмы стал Дакша, рожденный из большого пальца на правой ноге; из пальца на левой ноге родилась единственная дочь — Вирини, чье имя означает Ночь. Они произвели с Дакшей многочисленное потомство: тринадцать своих дочерей Дакша отдал Кашьяпе, двадцать семь — богу луны Соме, и они стали созвездиями на небе.

Дочери Дакши стали прародительницами поколений демонов и богов. Дети и Дану породили демонов дайтьев и исполинов данавов: они — старшие из нового поколения сверхъестественных существ и стали именоваться асурами, им доступны были тайны мироздания и волшебства — майя, они могли менять свой облик и становиться невидимыми. Третья же дочь Дакши — Адити — родила двенадцать богов дева, среди которых был владыка вод Варуна, громовник Индра, Вивасват или Сурья, бог солнца, но самым могущественным стал младший — Вишну, покровитель мироздания.

В одной из версий мифа восьмым Адити родила Мартанду, чье имя означает «Происходящий из мертвого яйца». Он родился настолько безобразным, что богиня сначала отказалась от него, но потом все же взяла ребенка к себе. Это напоминает греческую историю о Гефесте, который за безобразность был сброшен с неба, но потом стал богом огня и небесным кузнецом. Мартанда, судя по продолжению мифа, также воплощал огонь: братья отсекают его безобразные члены, и он становится солнцем; рассказ о том, что его бросили, а потом вновь подняли на небеса, соотносится с заходом и восходом. Мотив «мертвого яйца» известен нам по русским сказкам — такое яйцо содержит Кощееву смерть.

По мифологическим текстам — пуранам и эпосу «Махабхарата» реконструируется и более абстрактная модель космогонии. По разделении первичного яйца, содержащего суть всего — брахман, на небесную и земную сферы появляются пять космических стихий — вода порождает

огонь, затем появляются земля, воздух, эфир. Следом за ними возникают мысль, боги, жертвоприношение, религиозные тексты — веды, звезды, время, горы, равнины, моря, реки. Потом появляются люди, а также присущие им свойства и чувства — речь, страсть, гнев, радость, покаяние; возникает и система противопоставлений, характеризующих все мироздание: тепло — холод, сухость — влага, горе — радость и т.д. Сам Брахма разделяется на две половины — мужскую и женскую. После этого были созданы растения, животные, демоны.

В позднейших мифах индуизма космогония усложняется, возникают представления о космических циклах. Яйцо Брахмы включает трилоку — трехчленный мир, делящийся на небо, землю и преисподнюю. Это трехчленное деление дополняется семичленным. Бхурлока — земля — остается обителью людей; бхуварлока — пространство между землей и солнцем — служит обиталищем для мудрецов; сварлока — пространство между Полярной звездой и солнцем — это небеса Индры, махарлока — небеса риши Бхригу и других святых мудрецов, джаналока — местопребывание сыновей Брахмы, тапарлока — обиталище божества Вираджд, наконец, брахмалока — небо самого Брахмы, расположенное над вершиной горы Меру. Под землей располагаются семь ярусов подземного мира, в том числе Нагалока — земля нагов, по великолепию не уступающая раю Индры на горе Меру, где высится сложенный из драгоценных камней дворец царя Васуки. Ниже располагаются семь адвов нарака, а под ними — дракон Шеша. Вселенная заключена в скорлупу Яйца Брахмы, но за ней — бесконечное множество подобных постоянно погибающих и возрождающихся вселенных.

Брахма не только создает мир и жизнь — он творит смерть, чтобы мир не был перенаселенным. Богам — своим потомкам — Брахма отдает разные сферы мироздания, в том числе страны света: боги становятся локапалами: Индра получает восток, божество преисподней Яма — юг, Варуна — запад, бог богатства Кубера — север. Брахма учреждает священный закон — дхарму, религиозные обычаи и социальное деление на четыре сословия — варны.

Жизнь Брахмы определяет хронологические эпохи Вселенной. «День-и-ночь» Брахмы — кальпа — продолжается 8 640 000 000 человеческих лет. В конце дня Брахмы космический огонь вырывается из глубин океана наружу: на небе появляется 12 (или 7) всежигающих солнц, происходит уничтожение (пралая) материального мира и богов и наступает ночь Брахмы, когда он бездействует, отдыхая от творения. Затем следует новое творение и начинается новая кальпа. Брахма живет 100 «собственных» лет, по истечении которых происходит «великое уничтожение» (махапралая): космос гибнет, торжествует хаос. Спустя еще 100 лет Брахмы хаос упорядочивается, рождается новый Брахма и начинается новый цикл. Считается, что ныне Брахма находится на 51-м году своей жизни.

Пять драгоценных яиц тибетской мифологии

Мифы Тибета развивались под влиянием индийской мифологии, прежде всего — в ее буддийской версии.

Вселенная существовала в виде материка, плавающего в океане на спине огромной черепахи или рыбы, придавленной для устойчивости Мировой горой — осью Вселенной; у основания горы пребывает змей Бегша. Если рыба, устав держать землю, вертит головой, происходят землетрясения.

В основе традиционных представлений о миропорядке у тибетцев лежит конструкция тибетского дома или палатки кочевника: мир — это шатер с восемью шестью, образующими небо, которое вращается вокруг оси, воображаемой в виде ледяной горы Тисэ (Кайласа). Вершина горы проходит через центральное отверстие шатра, или неба.

Мы уже обращали внимание на то, что здание, построенное людьми, было моделью мироздания: таков храм-зиккурат в Вавилоне, модель мировой горы и Вселенной в целом. Жилище в традиционной культуре также считалось «моделью» мира.

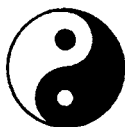

Согласно представлениям тибетской религии бон небо — место обитания божеств лха: именем Лха называется и мировая гора, соединяющая небо и землю. Лха — небесные и горные божества, защитники человека, — появились из скорлупы «первородного яйца» Дунги Гонгма. По одной из версий космогонического мифа, от сырости и ветра появились пять яиц: темно-красное из сардоникса, красное из меди, голубое из бирюзы, желтое из золота, белое из серебра. Из пяти яиц появились пять стихий — ветер, огонь, вода, земля, воздух. Из сути элементов появилось огромное мировое яйцо. Из его внешней скорлупы появились божества лха, из внутренних вод — «белое первородное озеро», окружающее желток, из промежуточной части — шесть божественных семейств. Из желтка появилось еще 18 яиц (или 18 желтков), из которых, в свою очередь, возникло яйцо, породившее первочеловека.

Одно из имен первочеловека — Емон Гйалпо — «Царь желание». Это изначальное существо без разделенных частей тела и органов чувств, но способное мыслить. У него явилось желание быть, он разбил скорлупу первородного яйца и явился в мир с женой. От их потомков населился мир. Согласно другой версии, из небытия возник белый свет, породивший совершенное яйцо: оно сияющее, хорошее, без рук, без ног, без головы, а ходит, без крыльев, а летает, без рта, а говорит. Через пять месяцев из яйца появился первочеловек. Он упорядочил Вселенную, течение времени, пригласил небесных божеств лха защищать людей и покорять демонов. Жил он на материке посреди океана, сидел на золотом троне, но однажды прыгнул в океан, попал в сети рыбаков и пропал, и с тех пор несчастья обрушились на людей.

Пара небесных прародителей произвела «девять последних яиц бытия». Они раскатились по разным странам Вселенной: белое яйцо — небесная страна лха, яйцо с золотой скорлупой — земля, с железной скорлупой — страна демонов, с бирюзовой — страна водных духов лу. В другие страны докатились яйца с хрустальной, медной, каменной и алмазной скорлупой.

Из яиц возникли не только боги, но и демоны. Их прародители появились в далекой стране из девяти материков. В замке, построенном из черепов, отец демонов, носивший имя «Черная птица неба с перебитым крылом», и мать — «Крылатая крыса земли» — вступили в брак и породили 13 «яиц бытия». От них произошли 13 категорий демонов,

укрывающихся в пещерах и на кладбищах; особенно опасны они для рожениц.

В религии бон с образом Дунги Гонгма связано также возникновение этического начала: из ничего возникают белое яйцо и черное яйцо. Из белого появляется живущий в свете владыка бытия «Творец блага» Пханджед, из черного — тьма, владыка небытия «Творец Зла» Нодджед.

Первые люди, рожденные из яйца

Бесчисленные мифы о яйце, из которого возникла Вселенная или — чаще — появились первые люди, распространены у народов Индокитая. Естественно, что и развивались они под воздействием китайской и индийской мифологических традиций.

В мифах качинов (Мьянма — Бирма) изначально существовал только безбрежный океан, в котором плавала огромная рыба (или краб, крокодил Ширутру, который производил землетрясения, когда ворочался). На рыбу дух-создатель Мутум насыпал землю. Женский дух отложил на землю гигантское яйцо, которое разделилось на нижнюю половину, оставшуюся на земле, и верхнюю, ставшую небесным сводом. Мутум остался править на небесах как бог солнца, от него зависят жизнь и смерть на земле. Семьи качинских вождей вели происхождение от осколков земной половины яйца.

Древнейшие мифы о птице, отложившей мировое яйцо, почти полностью забыты, ее роль снижена до участия в творении человека — таковы птица-прародительница у народов Бирмы (Мьянмы), чинов, вьетов, ряда народов Филиппин и др. Однако позднее птица уже не сама рождает народ, необходимо чрево женщины.

Слова древнекитайской книги «Шицзин»: «неба велением Пурпурная птица Долу спустилась, и шанов она породила», у шанов получили характерный комментарий: «Лас-

точка отложила яйцо; женщина же Цзян-ди из рода Э проглотила это яйцо и понесла. В положенный срок рожден был предок народа Шан».

Первопредок и культурный герой вьетов Лак Лаунг Куан был женат на фее Эу Ко: она рождает мешок, который лопается и в нем оказывается сто яиц. Из каждого яйца вышло по сыну — первопредку вьетских народов. 50 сыновей ушли с отцом к морю, 50 — с матерью в горы.

Чины (Мьянма) рассказывали, что в начале мира, после того как появились солнце, луна и звезды, земля породила первоначальное женское божество Хлинеу. Та отложила 100 яиц, из которых вышли 100 основателей народов земли. Затем у нее появляется еще одно прекрасное яйцо, которым она долго любовалась, но не стала высидивать. Во время ливня вода смыла яйцо с крыши в реку, и оно застряло в корнях дерева (мотив, явно напоминающий о мировом древе). Его нашла священная птица — ворон Ашун и высидела. Из него вышли брат и сестра, которые разошлись в разные стороны. Их ожидал тотемический брак: брат сначала женился на собаке, а сестру унес медведь. Пчела привела сестру обратно к брату, и они спросили у Хлинеу разрешения пожениться. Они получили разрешение после того, как совершили жертвоприношение собаки. От этого брака и произошли сами чины.

Эпическое сказание мыонгов «Рождение земли и рождение воды» повествует о том, как после потопа выросло огромное дерево. Прародительница За зэн родилась из комля этого гигантского дерева, загораживавшего собой небо и землю. Она породила два яйца, из которых вышло по сыну. Они женились на небесных феях. От этих браков родились демоны и две птицы — Тунг и Тот, которые снесли огромное яйцо, с одной стороны круглое, а с другой — квадратное. Тунг и Тот никак не могли высидеть это яйцо, и За Зэн прислала в помощь птиц таочао, чтобы они сидели на яйце. Наконец из яйца вышли предки мыонгов и соседних народов.

Как мы видели, мифы о первоначальном яйце были свойственны не только народам Азии. Иногда они оказываются оторванными от собственно космогонии и повествуют только о происхождении людей. Так, в мифе фиджийцев некогда земля

была бесформенной, но демиург Нденгеи послал в странствие одного из своих сыновей. Там, где за ним волочились одежды, получились песчаные берега, там, где сын бога подбирал их на ходу, появились каменистые пляжи. Другой сын был назначен им плотником, он обучил людей плотницкому ремеслу. Нденгеи же высиживает два яичка, снесенных птичкой около его жилища, из них вылупливаются первые люди — мальчик и девочка. Потом он сотворил для них бананы; таро, ямс, научил пользоваться огнем и запекать пищу. У первых людей рождаются дети, заселившие всю землю.

Редкая запись народного рассказа была сделана в начале XX в. на Украине, в Галиции. Бог проклял Еву за то, что она искусила Адама, и заповедал ей рожать детей в муках. После смерти Он повелел ей ежедневно нести яйца — столько, сколько умирает в этот день людей. Бог берет те яйца и рассекает их на две половины, бросая на землю. Из одной половины рождается хлопец, из другой — девка. Когда они вырастают, им суждено пожениться. Но бывает так, что половина яйца падает в море, или на землю, где ее съедает какой-нибудь зверь: тогда родившемуся из другой половины суждена участь холостяка.

Еще более удивительна легенда, записанная там же, в Галиции, Иваном Франко. Царь Давид собирал свою «похоть» (семя) в сосуд, который разбил слуга. Утка поела траву, на которое упало семя Давида, и снесла яйцо, из которого вылупилась девочка. Царь велел отправить ее в «Угорскую землю» (соседнюю с Галицией Венгрию), чтобы научить там книжной премудрости. Дочь царя звали Марией, но она получила другое имя — Сивидла — за свою мудрость: ведь она предрекла рождение Спасителя — Иисуса у Девы

Марии. Такое проречение действительно приписывали античной пророчице Сивилле раннехристианские авторы...

Миф о первоначальном яйце и пренатальная память

Миф о мировом яйце схож с мифами об островке, комке водорослей, плавающей горе — зародыше земли или всей Вселенной, оказавшихся в начале времен в мировых водах. Иногда рождение сверхъестественных существ и объектов напрямую связывается с производительным актом — таково рождение Афродиты или в символической форме — появление чудесных существ и амриты при пахтанье океана в индийском мифе.

Если рождение из яйца, снесенного птицей, — основа мифологического мотива, данная самой природой, ибо уже первобытные люди были весьма пытливыми наблюдателями, то развитие этого универсального мотива — помещение зародыша в мировые воды требует иного объяснения. Его предложил знаменитый индолог Францискус Кёйпер. Он обратил внимание на архаичный мотив индийской мифологии, где творцом был не Брахма, а Праджапати.

Праджапати был ветром, веющим над поверхностью движущегося океана (как Дух Божий в начале библейского мифа). Лишь стебель лотоса возвышался на поверхности, и на его листке — «гнезде вод» — бог нашел пристанище. Но оно было непрочным — колебалось на поверхности океана, пока бог не сложил жертвенный костер, огонь и дым которого символизировали мировую ось, устойчивость Вселенной.

В Ригведе — древнейшем собрании индийских религиозных гимнов — повествование о начале мира вообще описывается при помощи абст-

рактных категорий, но опять-таки творение начинается со сгустка вод в мировом океане.

«Тогда не было ни сущего, ни не-сущего. Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним... Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было разницы между днем и ночью... Без дуновения дышало Единое, и ничего кроме него не было...» (Ригведа X 129). Начало творению дали космические воды, несшие зародыш жизни. Затем воды сгустились и возникла земля — со дна поднялся ком земли и, постепенно разрастаясь, превратился в гору, плавающую по поверхности вод.

Следующая стадия космогонии в Ригведе связана с рождением бога грозы Индры, создающего из потенциального мира мир реальный, обладающий набором дуальных признаков: свет и тьма, день и ночь, жизнь и смерть.

Земля колебалась на волнах мирового океана, даже горы, первое потомство Праджапати, не стояли на месте — у них были крылья. Индра укрепил землю и горы, а крылья стали грозowymi тучами, которые с тех пор висят над горами. Недаром мировую гору Мандару называют «колышком Индры» — он прикрепил ее к земле.

Но гора оказывается во власти перворожденного демона — дракона Вритры, потомка Дану. Он — как Мировой змей — лежит в мировых водах, в его власти не только воды, но и грозвые тучи и туманы. Опьяненный, Вритра вызвал на поединок Индру. Тогда демиург Тваштар изготавливает для Индры страшное оружие громовника — ваджру (вспомним о перунах, выкованных для Зевса — победителя Тифона), и бог убивает змея Вритру, оскотив его и расчленив на части, пригвождает к земле его и гору, создавая из нее прочную неколебимую основу. Течение рек освобождается, плодородные воды омывают землю. Сражаясь с драконом, Индра освобождает солнце (которое в некоторых гимнах именуется оком Индры). Другой связанный с Индрой миф также отражает упорядочивание космоса: Индра поражает демона Валу, скрывающегося в пещере коров, украденных демоном Пани. Коровы сравниваются в Ригведе с река-

ми, течение которых запирал своим телом Вритра. Индра своей ваджрой пробил скалу пещеры: тьма исчезает, появляется богиня зари Ушас. Индра разъединяет небо и землю, укрепляет землю и устанавливает небесный свод.

При этом гибель мира по окончании мировой эры в индийской мифологии завершается тем, что на водах первичного океана остается лишь Вишну, лежащий на Мировом змее — драконе Шеше.

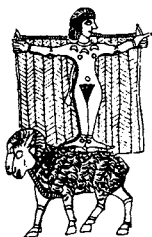
Кёйпер сравнивает индийские мифы о колеблющемся, как лист лотоса, холме посреди мирового океана с мотивами совершенно другой — не индоарийской, а афразийской — семитской традиции.

Один из еврейских комментаторов Библии писал, что Бог создал мир как зародыш. Подобно тому, как зародыш является продолжением пупа, так и Бог начал создавать Вселенную с ее пупа, и оттуда она распространилась в разные стороны. В другом комментарии Талмуда говорится, что Бог бросил камень в воду и вокруг него стала земля; так младенец выходит наружу из материнских вод, а мир и по сей день плавает в воде.

В арабском источнике говорится, что за сорок лет до того, как Аллах создал мир, Кааба — священный камень, пуп земли в исламе, — был сушей, плавающей в воде, и из нее распространился мир.

Ближайшую и древнейшую параллель этим представлениям являет афразийский египетский миф об Атуме — первосушем, воплотившемся в холм посреди океана. В другом варианте египетской космогонии Великий Гоготун сносит на первичный остров мировое яйцо. Этому сюжету есть прямая аналогия в мифе о рождении бога Гора — божественная эмбриология тождественна космогонии.

Мы уже упоминали о чудесном зачатии Исиды, которая понесла от Осириса, убитого его злобным братом Сетом. Богиня возликовала, когда почувствовала беременность — ведь должен был родиться Гор, мститель и спаситель богов. Она поведала богам о том, что «создала образ

бога в яйце». Атум велит, чтобы плод был надежно защищен от врагов, и Исида укрывается для родов в болотах дельты Нила. Конечно, Гор — бог с «двойными лазуритовыми перьями» — должен был родиться из яйца: ведь его тотемический образ — сокол. Но рождение его в гнезде из папируса в болотистой дельте мировой реки свидетельствует о некоем архетипе — исходном сюжете, объединяющем космогонию и антропогонию.

В наиболее древней из известных западносемитских мифологий — финикийской, которую сохранил грекоязычный автор Филон Библский (кон. I — начало II в. н. э.), — первоначально царят беспредельные «воздух мрачный и подобный ветру» и «хаос туманный, темный». Но и здесь, вдали от Нила, не обходится без рождающей болотистой субстанции.

Дух, не знавший создания, полюбил свои начала, и произошло соединение, получившее название желание. От этого соединения Духа с самим собой родился Мот — ил либо гниль, смешанная с водой. От него произошло все семья творения и любое порождение Вселенной. От неких бесчувственных созданий родились создания разумные — яйцеобразные «стражи неба» Зофасимины. «И взмыли вверх Мот, солнце и луна, звезды и небесные светила». Когда воздух был пронзен светом, то из-за воспламенения моря и земли возникли ветры — древнейшие обитатели Вселенной, обладающие оплодотворяющей силой, и низверглись воды небесные. В результате вселенской катастрофы — пожара — появились космос и живые существа — «пришли в движение существа мужского и женского пола на суше и на море». От ветр Колпия и его супруги Баау родились Айон — «вечность» (Филон использовал греческую терминологию) и Протогон — «первороденный». Их детьми были порождающие существа Генос и Генея, поклонявшиеся солнцу — владыке неба. Они селятся в Финикии и оказываются предками финикийцев. Их потомками были также свет, огонь и пламя, открывшие людям способ употребления огня. От них происходят гиганты, один из которых научился строить хижины. Его потомками были изобретатели охоты, рыбо-

ловства, земледелия, скотоводства, ремесел. Рождаются боги — Элиун («Высочайший») и Берут, от них происходят небо — Уран и Гея — земля. Далее развитие мира представляется как смена поколений богов.

Две другие космогонические системы, распространенные в эллинизированных финикийских кругах, представлены в сочинении греческого автора VI в. н. э. Дамаския «О первых принципах». В первой, именуемой сидонской, исходными элементами Вселенной предстают Страсть и Туман, из соединения которых рождаются воздух и ветры, а из них возникает мир в форме яйца. Во второй космогонии, приписываемой Дамаскием финикийцу Моху, исходные элементы — эфир и воздух, порождающие Улом — Вечность (космическая вечность — неподвижное время Вселенной — предстает одним из божественных первоэлементов). От ее соединения с самой собой происходит Хусор (в основе образа — угаритский бог-ремесленник Кусар-и-Хасис — «Умелый и мудрый»). Хусор является устройтелем космоса, демиургом, расколовшим мировое яйцо на две части, из которых образовались небо и земля.

Сходные мифы о жизни зародыша, как мы помним, известны у индейцев и африканцев догонов и у других народов (при этом у народов Океании яйцо естественно ассоциируется с морской раковиной). Объяснение этих и подобных представлений Кёйпер находит в пренатальной памяти — памяти зародыша, пребывающего в оплодотворенном яйце и в водах в утробе своей матери, свойственной каждому человеку, но особенно актуальной там, где верят в цепь перерождений и в память о прошлых рождениях — то есть в тех странах, где широко распространены мифы о мировом яйце.

Тамильский буддийский мистик IX в. описал эти воспоминания в одном из религиозных гимнов во вполне физиологических терминах: попав в утробу матери, первые два месяца зародыш чувствует страх и неопределенность, будто ему угрожают бесчисленные черви, на третьем месяце наступает время буйства (движения плода). На четвертом ме-

сяце зародыш испытывает трудности, на пятом избегает ключом бьющей лимфы, на седьмом переживает «опускание земли» (видимо, матки), восьмой месяц также переносится с трудом, девятый же связан с родовыми муками — «горестным морем страданий».

В йоге человек уподобляется космосу в его развитии, спинной хребет носит имя мировой горы — Меру, у основания которой пребывает змей. Системой йоги этого змея нужно пробудить и заставить подняться вдоль спинного креста — тогда йог сможет получить подлинное освобождение.

Толчком к творению мира в разных традициях было желание, причем в индийской традиции это желание любовное, кама (отсюда название знаменитого трактата Камасутра). Мы помним, что в греческой космогонии Эрос также сыграл роль «первотолчка». Гесиоду в этом следует и Аристофан, рассказывающий о мировом яйце в «Птицах», когда в начале

...чернокрылая Ночь

В лоно Эреба, черного и глубокого,
Положила яйцо, рожденное ветром,
и со сменой времен года,

Возникла Любовь (Эрос), сверкая золотыми крыльями,
Подобная вихрям ветра Любовь-Наслаждение —
И Любовь с Хаосом положили его спать в Тартаре;

И мы, его дети (птицы), гнездились там,
Пока он не вывел нас к свету верхнего неба!

Конечно, гипотеза о том, что космогонический миф вырос из пренатальной памяти об оплодотворенной яйцеклетке, остается гипотезой, но она хорошо встраивается в давно обнаруженный культурный механизм: движения, связанные с добыванием живого огня, пахтаньем океана или любой жидкости, вибрация, производимая первосуществами в мифах догоновявно соотносятся с производительным актом. Человек (и его наряд) подобен космосу, микрокосм равен макрокосму.

Это мифологическое отождествление позволяет человеку — и коллективу — найти свое место во Вселенной, осуществлять целесообразную деятельность.

Миф же о мировом яйце имеет продолжение в многочисленных сюжетах, казалось бы, напрямую не связанных с космогонией. В знаменитой детской сказке о курочке Рябе, снесшей золотое яичко, дед и баба, пытающиеся его разбить, напоминают пару первотворцов, желающих сотворить мир из чудесного яйца. Но сказка — даже волшебная — не миф, а забавный рассказ, и творение в ней невозможно...

Зато рассказ о Ноевом ковчеге и многочисленные ему подобные мифы, часто без особых оснований возводимые к Библии, явно соотносятся с мифами о мировом яйце. Всемирный потоп отделяет мифологическое время первотворения от времени исторического, жизни на земле реальных людей — племен и народов. Во время потопа повторяется космогония, но творение должно уже быть рукотворным: место мирового яйца занимает корабль — ковчег или культурное растение, вроде тыквы в мифах народов Восточной Азии, откуда выходят спасшиеся твари.

У народа банар (Вьетнам) ковчег имел форму... барабана. Птица (певчий дрозд или белоголовый чибис) во время потопа уговорила воды отступить. Она же бросила в море гору, к которой пристал барабан — лодка, в которой спаслись уцелевшие брат и сестра. Благодетельная птица посоветовала им вступить в брак — так они стали предками всех народов. Та же птица заповедала для нового поколения людей нормы общественной жизни.

Нельзя не заметить еще одной удивительной особенности древнего мифа о творении: распространенный сюжет происхождения мира из некоего

сгустка или комка водорослей в водах первичного океана соответствует современным научным теориям о происхождении жизни из неорганических соединений, превратившихся в органическое вещество в водах первичного океана (так называемый абиогенез).

Конечно, во всякой мифологии суть не сводилась к построению «модели мира», в которую просто вписывалось бы человеческое общество. Людей всегда волновала суть жизненных конфликтов, прежде всего — происхождение страданий, болезней и смерти, несовершенства жизни. Отсюда столь распространенные во всех мифологиях сюжеты конфликтов, ошибок или злого умысла культурных героев, борьбы сверхъестественных созданий, появления враждебных человеку демонов.

Космическая борьба добра и зла

Мифологические битвы, которые происходили между разными поколениями богов, олимпийцами и титанами, дева и асурами, асами и ванами, даже между Мардуком и Тиамат не были сражениями между силами метафизического зла и добра: новые силы космоса оттесняли первобытных тварей хаоса, место которых было вне устроенного мира, в тартаре, пещерах мировой горы, преисподней.

Еще более архаичны мифы о близнецах — культурных героях, один из которых умен, другой глуп: их творения могут быть полезными или вредными для людей, но они не воплощали добро и зло.

Мифологией, в которой до предела обострена борьба доброго, благого и злого начал, явилась традиция Древнего Ирана, донесенная древнейшим священным писанием — Авестой.

Иранская мифология сохранила много общего с индийской или индоарийской, ибо некогда, еще в Северной Евразии, общие предки иранцев и индоариев поклонялись одним и тем же сверхъестественным существам и носили родственные имена — имя арии близко названию Иран. У иранцев, чья мифологическая картина мира чрезвычайно близка индийской, мировую гору Хара установил в центре мира творец Ахурамазда, подобно индийскому Брахме поместив над ней Полярную звезду и пустив вокруг светила. Там обитают птицы и великие боги, в том числе божество напитка бессмертия Хаома; индийские боги добывают такой напиток — амриту или Сому, пахтая горой мировой океан. Индийская мировая гора Меру, иранская Хара, как и финно-угорский Урал, — одновременно и гора, мировая ось, и хребет, тянувшийся по всему земному пространству. Но когда иранцы и индийцы разделились, боги одного народа стали демонами для другого, поэтому демоны у индоариев именуются асурами и благие боги у иранцев — ахурами; напротив, боги индийцев стали именоваться дева, а демоны в Иране — дэвами.

Ахурамазда и Заратуштра — творение и спасение

В Авесте единственным создателем земли, неба и человека выступает Ахурамазда, творящий мир из ничего посредством или усилием мысли. Он сотворил все бытие, облек духовные формы, которые предшествовали материальным, плотью, предначертал все мысли, слова и деяния.

Подробно миф о творении излагается в пехлевийских источниках — Бундахишне (1) и Затспраме. В начале во Вселенной существовало только бесконечное время — Зерван акарана. В нем пребывали всеведущий благой бог Ормазд (поздняя форма имени Ахурамазды, буквально «Господь мудрый») и злой дух Ахриман (Ангро-Майнью), их разделяла пустота. Пребывавший наверху Ахурамазда,

озаренный горным светом мудрости и добра, знал, что через три тысячи лет дух зла узрит этот свет, узнает о существовании благого бога и начнется битва Добра и Зла, в которую будет вовлечено и будущее творение. Чтобы уже в начале времен предрешить исход этой битвы, Ахурамазда создает духовные сущности (фраваша) всех благих творений: богов, неба, воды, земли, огня, наконец, пророка, спасителя человечества Заратуштры, душу которого творец вкладывает в мировое дерево жизни — хаому. Через три тысячи лет Ангро-Майнью поднялся из глубин тьмы и устремился к свету Ахурамазды, стремясь уничтожить его. Для того чтобы его победа была непреложной, Ахурамазде надо было в бесконечном времени создать конечный временной промежуток — девять тысяч лет, в который и совершится вся мировая история, и он предложил Ангро-Майнью биться девять тысяч лет, на что тот согласился.

Ахурамазда знал, что первые три тысячи лет пройдут согласно его воле и это будет эра творения. Пустота, разделяющая царства света и тьмы, превратится в воздух, духовные сущности пресуществятся в светила, небо, землю и весь земной мир. Следующие три тысячи лет будут эрой смешения добра и зла: два начала столкнутся в сотворенном мире и их битва будет длиться, пока не родится Заратуштра. С его приходом в мир начнется последний трехтысячелетний период, в котором зло наконец будет повержено и уничтожено в огненном море и потоке расплавленного металла и мир очистится навсегда. В начале эры творения Ахурамазда творит «бессмертных святых» — божества Амеша Спента — их шестеро, седьмым выступает сам Ахурамазда. Это Спента Майнью, Святой Дух, воплотивший творческую мощь и благодать Ахурамазды: в некоторых текстах он выступает братом-близнецом Ангро-Майнью, вместе с ним творящим земной мир — его благую и плохую части, в то время как Ахурамазда пребывает в сфере чистой духовности; Спента Майнью призван был противостоять Ангро-Майнью.

Следующим был создан Воху Мана — «Благая мысль», божество — покровитель домашнего скота и оседлых народов, затем Аша Вахишта — «Истина», покровитель стихии священного огня, пронизывающего все творения Ахурамазды, Хшатра Вайрья — «Благая Власть», покровитель металлов, Спента Армаити — «Благочестие», покровитель земли и земледельческого труда, Аурват — «Целостность» (физи-

ческого существования), покровитель воды, Амертат — «Бессмертные», покровитель растений.

Тем временем Ангро-Майнью творил злых демонов — дэвов, которые должны были противостоять благим богам — ахурам. То были Ака Мана — дух злой мысли, противостоящий Voxу Мана, Друг — воплощение лжи, злого слова, первопричина всех грехов, Тарви и Заири — Голод и Жажда, противники Аурвата и Амертата. Последним был создан Айшма — дух грабежа и злого дела, известный в библейской традиции как Асмодей, Индра — в иранской мифологии злобный дэв. Благой мысли, слову и делу суждено было столкнуться с триадой зла, ахурам — с сонмом дэвов.

Тем временем на месте пустоты Ахурамазда творит материальный мир, сначала небо — не имеющее опор, в форме яйца, из сверкающего металла, вершиной достигавшее бесконечного света, затем воду, потом землю, которую он поместил в середину неба, как яичный желток в середине яйца. Она была гладкой (горы потом выросли из ее недр), со всех сторон ее окружали вселенские воды, в недрах ее помещались руды и минералы. В небе между царством света и землей Ахурамазда поместил светила: ближе к земле неподвижные звезды в двенадцати созвездиях, подвижные звезды, свет которых был воплощением благой мысли, над ними луну — благое слово, еще выше — солнце, свет которого приравнялся к благому делу. Высшая сфера принадлежала бесконечному свету Ахурамазды и святых божеств.

Двенадцать главных созвездий — зодиак — должны были возглавлять небесное воинство: его командующими стали четыре звезды — Тиштрия-Сириус на востоке, Сатаваеса — на юге, Ванант — на западе, Хафтаринга — Ковш Большой Медведицы — на севере; Мех-и-Гах — Полярная звезда, Гвоздь в середине неба — возглавил всех военачальников.

Затем Ахурамазда создал растения, потом первозданного быка и наконец родоначальника человечества Йиму или Гайомарта — первого человека. Гайомарт и бык были сотворены из земли, а из света (огня) и неба Ахурамазда сотворил семя быков и людей и вложил его в тела быка и Гайомарта, чтобы у них было обильное потомство.

В позднем пехлевийском сочинении «Ривайат» содержится иная версия творения, близкая к представлению о Пуруше в Ригведе: Ахурамазда

сначала сотворил весь мир в своем теле, а в течение второго трехтысячелетнего периода создал небо из головы, землю из ног, воду из слез, растения из волос, огонь из своего разума, а первобыка из правой руки.

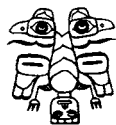
Гайомарт счастливо пахал землю и ухаживал за быком — Воху Мана. Золотой век длился, пока в начале следующего трехтысячелетия Ангро-Майнью не очнулся от оцепенения, которое внушил ему своей молитвой-заклинанием Ахурамазда, и страха, который он испытывал от величия фраваша.

Но дэв похоти и нечистоты Джах (первоначально — обозначение месячных выделений) заставил злые силы поверить в свою многочисленность и могущество. В первый день месяца фраваша, день весеннего равноденствия, Ангро-Майнью со своим воинством ворвался в сотворенный мир, и началась эра смешения добра и зла, сражения сил тьмы с силами света. Вселенная содрогнулась, солнце сошло со своего места и двинулось от восхода к заходу, день и ночь перестали быть равными, начался отсчет времени — история борьбы добра и зла.

Заметим, что в дуалистической иранской мифологии толчком к творению стало не Желание — индийское Тапас и не Любовь — Эрос греческой мифологии, далекий от проблем разделения добра и зла, а Похоть, воплощение нечистоты и нечистых замыслов.

Ангро-Майнью напал на мир в облике змея и наплодил множество гадов — змей, ящериц, лягушек, червей, крыс, мышей, муравьев, так что на земле не осталось свободного от них места, даже величиной с острие иголки. Паразиты напали на созданные Ахурамаздой растения. Дух зла испортил огонь, придав пламени дым, сотворил колдовство, лютую зиму болезни, старость, наконец, смерть.

Он создал и демонов, воплощающих небесные тела — планеты, кометы и метеоры, которые пробивали брешь в небосводе, смешались со светилами и внесли беспорядок в их

небесный строй. Злобная летучая мышь попыталась поглотить Солнце, но светило спалило нечисть. Тиштрия со своим воинством выступил против демонов, вторгшихся на небеса, и те посыпались на землю, подобно библейскому небесному воинству Люцифера. Но планеты остались на небосводе и вносили беспорядок в космическое движение, пока к ним не были приставлены благие божества. Возле бреши, проделанной нечистой силой, боги возвели могучий вал (вспомним Асгард скандинавской мифологии), и Ангро-Майнью оказался в западне — не мог вернуться в крошечную тьму хаоса. Зато он мог совершать злодеяния в материальном мире.

Гайомарт был первой жертвой Ангро-Майнью, создавшего, таким образом, смерть. Дух смерти тридцать лет не мог справиться с первым человеком, пока, наконец, дэв тления не одолел его. Из тела Гайомарта в земле возникли металлы и золото.

Умирающий Гайомарт успел выронить семя, и часть его, очищенная Солнцем, была поглощена землей Спандармат. В результате через сорок лет из земли выросло растение ремень, два стебля которых срослись воедино. То была первая человеческая пара — Машья и Машьяна. Творения спросили Ахурамазду, как им жить и одна ли у них душа или две. Творец отвечал, что у них две души, данные для благих дел, и отныне будет два тела.

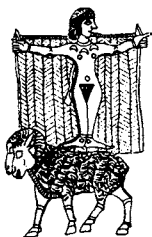
Сначала они поклонялись Ахурамазде и жили в Золотом веке, ни о чем не заботясь. Но однажды Машья объявил своей подруге:

— Воду, свет и растения создал для нас Ангро-Майнью.

С этих пор Ангро-Майнью завладел их душами, воинство же дэвов воспряло, набираясь сил. Дэв голода внушил людям это неведомое им дотоле чувство, и они напились молока из вымени белой козы. И Машья опять воскликнул:

— Плотские радости превыше духовных, Творец обманул нас, когда сказал, что душа выше тела!

Наконец люди поймали овцу, убили ее и изжарили на костре, куда побросали сырые дрова, соединив влагу и пламя; жир капал в огонь, оскверняя его, что придавало все больше сил дэвам. Люди же сшили себя одеяния из шкуры овцы, выковали железный топор и построили жилище из дерева. Наконец Машья взял кувшин с молоком и совершил возлияние на север, принеся жертву дэвам.

Дэвы опасались, что у людей будет потомство, надежное священными фравашами, поэтому они лишили людей влечения друг к другу. Но Ахурамазда внушил людям любовь, и те родили первую пару — мальчика и девочку. Однако они не знали родительской любви и пожрали свое потомство. Тогда творец внушил им родительские чувства, и первая пара стала прародительницей всех народов.

Но они были грешны, и Ангро-Майнью после их смерти унес их души в преисподнюю, откуда они выйдут только после Страшного суда.

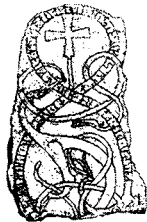
Первый бык также погиб после вторжения Ангро-Майнью. Его душа возопила к Ахурамазде, упрекая его: зачем бог создал быка, если допустил, чтобы травы пожухли, вода сделалась непригодной для питья, а человек, который должен был пасти быка, пропал?

Ахурамазда поведал душе быка, что ныне невозможно победить зло, но победа грядет. Фраваша Заратуштры предстала перед богом, и тот предрек, что пророк явится в мир через три тысячи лет, чтобы принести людям истинную веру и мир для пастьбы скота. Душа быка умиротворилась, согласившись давать пищу людям. Из тела первобыка возникли пятьдесят пять видов злаков и двенадцать видов лекарственных растений, а от семени первобыка, очищенного сиянием Луны, произошли животные.

Ангро-Майнью неистовствовал, потерпев поражение; как злобная муха, метался он по земле. Наконец он пробил новое отверстие, ведущее в преисподнюю, а на землю послал дэва Апаошу — Засуху, иссушившую всю воду. Тогда Тиштрия вступил с ним в бой и залил землю дождем: почти все гады погибли в потопах, лишь немногие уцелели на островах.

Тогда с неба был ниспослан ветер, который согнал всю воду в окружающий землю мировой океан — Ворукаша, с пресной водой хрустальной чистоты. Океан занял треть земной поверхности. Солнце прогнало тьму, согрело землю и воду, но гады, погибшие при потопах, стали разлагаться, отравляя все вокруг. Тогда Амертат собрал семена всех растений и смешал их с чистой водой.

Тиштрия должен был очистить творение от яда и в образе белого жеребца спустился к Ворукаша, но могучий Апаоша в облике черного безобразного коня напал на него, и Тиштрия в ужасе отступил. Дэвы уже стали торжество-

вать победу, но Тиштрия обратился с мольбой к Ахурамазде, и тот дал ему силу десяти могучих лошадей, десяти верблюдов, десяти быков, десяти гор и десяти рек. Бой начался снова и длился целый день — лишь к вечеру Тиштрия стал одолевать и дэв обратился в бегство.

Тогда победитель напился из моря Ворукаша, взмыл вывысь и ниспослал плодородный дождь на землю. И вновь чистая вода испортилась от яда, став соленой водой морей.

То были заливы мирового океана, отождествляемые со Средиземным, Черным, Каспийским, Аравийским морями и Персидским заливом.

Земля оказалась поделенной заливами морей и двумя священными реками на семь равных частей — каршваров: шесть из них окружали срединную, отделенную от прочих горной цепью Хара Березайти с мировой горой Хукарья. Она стала расти тогда, когда Вселенная содрогнулась от вторжения дэвов. За первые двести лет она достигла низшей звездной сферы, за вторые — сферы Луны, затем — Солнца, наконец, — высшего света Ахурамазды. На ее вершине — обитель богов и святой источник Ардвиге. Горы же стали расти оттого, что Ангро-Майнью пытался разорвать землю на части.

По другой версии мифа Ангро-Майнью, или Ахриман, своими когтями прочертил глубокие границы между каршварами, которые не может перейти человек. Срединный каршвар предназначался для иранцев — ариев.

На западе и востоке великой горной цепи Хараити — по сто восемьдесят сквозных пещер, через которые проходит солнце между днями равноденствия. Место и имена этих пещер нужно скрывать от дэвов — иначе они погубят солнце.

На северной же вершине цепи Хараити — вход в преисподнюю со скопищем дэвов, которые стараются помешать правильному движению светил.

Здесь опять мифологические воззрения иранцев противоположны представлениям индоариев: ведь те размещали на севере мировую гору Меру, а на юге — преисподнюю.

Ахурамазда сотворил небо, металлы, ветер и огонь, имеющими мужскую сущность. Вода, земля, растения и рыбы имеют женскую сущность. Священными стихиями были огонь, вода и земля: недопустимо было их смешение, ведь это вело к беспорядку — хаосу. Огонь — Атар — пронизывает все творения Ахурамазды; его душа — Аша, Истина. Огонь, пребывающий в душах людей, воплощает их жизненную силу, видную по блеску в глазах; когда этот блеск исчезает, человек лишается жизненного пламени и умирает. Огонь, пребывающий в растениях, согревает зерна, посеянные в земле, и они прорастают. Небесный огонь воплощен в Солнце и молнии, земной — в священных алтарях зороастрийской религии.

Над всеми творениями Ахурамазды поставлены судьи — Рату, они же должны были как пастыри оберегать людей, расселившихся во всех каршварах, от козней дэвов. Лучшую страну в центральном каршваре — Арийана Вэджа, страну «арийцев» — иранцев, оберегает чудесное существо Гопатшах. Нижняя часть его тела — бычья, верхняя — человеческая. Он льет священную воду в море, и от этого гибнут мириады гадов, которые готовы отравить все вокруг.

На острове в океане Ворукаша растет священное дерево Хаома. Вкусивший его плодов станет бессмертным, и мириады дэвов стремятся похитить Хаому (вспомним борьбу асуров и дева из-за напитка бессмертия в индийской мифологии). Но рыба Кара плавает вокруг острова и не подпускает к нему силы зла: ей не нужно пищи — ее силы питает священный огонь, Атар. Там же плавает гигантская рыба, благодаря которой живы все водные твари.

Рядом с Хаомой растет дерево всех семян, выросшее из тех семян, что собрал Амертат, спасая их от демонской отравы. Сэнмурв, царь птиц, живет на этом древе. Когда он поднимается, тысяча новых ветвей отрастает на древе жизни, когда садится вновь — тысяча ветвей ломаются, рассеивая семена. Другая чудесная птица наблюдает за этими передвижениями (вспомним двух орлов на индийской ашваттхе) и собирает упавшие семена. Она относит их туда, где Тиштрия в виде прекрасного белого коня пьет воду из озера Ворукаша. На пути к водопою ему приходится все время сражаться с дэвом Апаошей, и от того, насколько люди почитают Тиштрию, зависит исход ежегодного сражения: если почитание было недостаточным, мир ожидает засуха. Если Тиштрия напивается воды, он поднимается на небо и

проливает на землю плодородный дождь. Его сопровождает богиня изобилия Паренди, покровительница материнства, богиня богатства: он управляет тысячеконной небесной колесницей.

Дэвы же стремятся всячески осквернить воду, поэтому в ней оказываются утопленники (утопленник вызывает засуху и в верованиях славянских народов) и трупы животных, в телах которых пребывает демон смерти Насу. Нечистые народы — друджванты, приверженцы лжи, омываются, не совершая очистительных обрядов, плюют в воду, что губительно действует на священную космическую стихию. Ее следует очищать, прежде чем воду выпьет божество плодородного дождя.

Гигантская водопроводная система создана мифологическим воображением иранцев: все земные воды стекаются к южным склонам священной горной цепи по ста тысячам каналов, русла которых выложены чистым золотом — ведь вода не должна смешиваться с землей. Каналы эти подобны кровеносным сосудам в живом организме.

Чудесный единорог Хара защищает воду мирового океана: он белый, трехногий, и на его золотом роге растут тысячи маленьких рожек — он подобен мировому дереву с тысячей ветвей. Его силу так же, как и силу чудесной рыбы, питает Атар и Истина. Он настолько велик, что под одним его копытом помещается тысяча человек и лошадей. Когда он мочится, земные воды, текущие по золотым каналам, очищаются от скверны. Его крик возвещает начало брачного периода у животных.

Полезные животные противостоят гадам — творениям дэвов. Птицы уничтожают вредных насекомых, выдра поедает змей и крыс (поэтому убийца выдры, по верованиям иранцев, попадает в ад). Бык и конь — священные животные, о которых, как и о злаках и полезных растениях, должен заботиться человек. Этой заботе противостоит дэв Лени, которого прогоняет своим пением петух, возвещающий начало трудового дня. Петух и фазан — птицы бога Сраоши, воплощения дисциплины и праведного поведения, противостоящего воплощению грабежа и разнузданности Айшме, насылающего злобных кочевников на стада и нивы оседлых крестьян. У него семь подручных: дэв пьянства и анархии, Нахатъя — дэв, внушающий мысли о непротивлении злу, дэвы голода и жажды, дэвы неповиновения, лживого слова и зависти, «дурного глаза».

Дэвы зимы и мрака, дэвы, воплощающие пороки человечества, старость и смерть, находят поддержку не только у нечистых народов, но и у лжеучителей, племенных вождей и жрецов, колдунов, у которых есть свой дэв — покровитель.

Над всеми силами зла царит Ангро-Майнью, который не раскрывает даже перед своими сотоварищами коварных замыслов и не велит приближаться к нему: они настолько ужасны, что он сомневается в преданности даже самих творений зла.

В последнем трехтысячелетнем цикле получает телесное воплощение пророк Заратуштра, кончается эра смешения добра и зла, начинается эпоха их разделения. Силы добра одерживают победу над злом и Ахурамазда вершит Страшный суд: праведники обретают вечное блаженство на земле, а грешники — вечные муки в преисподней.

Время, рождающее добро и зло

В другом течении древнеиранской религии — зерванизме, почитавшем верховным богом владыку времени андрогина Зервана, — космогонический миф выглядит несколько иначе.

Когда еще ничего не существовало, был только вечный изначальный Зерван, бог судьбы и времени. Он решил родить сына-творца, Ормазда (Ахурамазду), который создаст небо, землю и все, что есть на них. Тысячу лет он совершал жертвоприношения, чтобы судьба даровала ему сына, но затем усомнился в их пользе, и от этого сомнения вместе с Ормаздом в нем (т.е. видимо, в его женской половине) зародился Ахриман (Ангро-Майнью). Узнав, что у него будет два сына, он поклялся отдать мир первому, кто родится. Узнав об отцовской клятве от всеведующего и благого Ормазда, Ахриман разорвал чрево Зервана и первым вышел наружу (вспомним полинезийскую историю о Ронго и Тангароа и миф гуронов об Иоскехе и Тавискароне), но Зерван отверг его, потому что он имел устрашающий вид и был частью тьмы. Тогда родился прекрасный Ормазд, но Зерван был

связан клятвой и вынужден был уступить царство над миром Ахриману, но только на девять тысяч лет. Ахриман стал шахом и получил темную половину мира, но в светлой как падишах — царь царей — должен был править Ормазд. После этого дух зла сгинет, воцарится Ормазд и исправит все сотворенное им зло.

Пророк Мани и манихейство: космогония как гибель и спасение

Наследником иранской дуалистической традиции стал религиозный реформатор и пророк III в. н. э. Мани. Его синкретическое учение впитало элементы библейской традиции, христианства, буддизма и особенно гностицизма, религиозно-философского течения, проповедующего спасение лишь духовного мира и гибель всего материального как изначально греховного.

Мани считал себя последним пророком — провозвестником истины в наиболее полном виде. До него частично истина была известна библейским праотцам Адаму, Еноху, Ною, Симу, Аврааму, но провозглашена она была тремя великими пророками — Заратуштрой, Буддой и Иисусом. Мани призван был распространить истину во всем мире, стать «апостолом Вавилонии» (всех народов, разделившихся после вавилонского столпотворения), «Светом Истины», избавляющим от страха земного — материального существования.

Космогонические циклы образуют, в соответствии с иранской традицией, три эпохи. Первая — Золотой век раздельного существования добра в горних сферах и зла в преисподней. Высшее божество света, Отец величия, который иногда отождествляется со временем — Зерваном, обитает в своем царстве в четырех формах — Божество, Свет, Сила, Мудрость: среди них возведен его престол, сам он именуется «четырекликим». Его ипостаси, умопостигаемое тело — пять «жилищ» или Слав: Ум, Знание, Рассудок, Мысль, Осмотрительность. Двенадцать окружающих его символических порождений — дев или сыновей — воплощают добродетели: Верховную Власть, Мудрость, Победу, Примирение, Чистоту, Истину, Веру, Долготерпение, Прямоту, Благоде-

яние, Справедливость, Свет. Царство света благоухает цветочными гирляндами, цветами осыпают Отца величия его порождения, его царство без границ простирается на север, запад и восток, но на юге оно граничит с царством тьмы.

В преисподней — царстве косной материи и смерти — правит Князь тьмы, подобный Ангро-Майнью — Ахриману: в его власти темная земля и хаотические стихии — дым, огонь, ветер, вода и тьма. Мириады демонов были порождены Князем тьмы, и в них не было согласия — бесконечные распри сотрясали царство тьмы, пока демоны не приблизились в своем хаотическом движении к царству света. Они пришли в крайнее озлобление от благолепия, которое исходило из царства света, и решили овладеть им, ворвавшись в его пределы.

Вселенная содрогнулась, началась эпоха смешения света и тьмы, добра и зла. Отец света должен был отрешиться от созерцательной райской гармонии, но сам он не мог вступить в битву — ведь он воплощал абсолютное добро. Поэтому Отец света вызвал к существованию Мать Жизни, а та — Первочеловека (Ормазда в иранских манихейских текстах). Такова манихейская триада.

Первочеловек как спаситель вступает в борьбу с силами зла. Он вызывает «пять сыновей» — светоносных стихий: свет, ветер, огонь, воду и эфир, противостоящих косным стихиям хаоса: это его вооружение. Но поначалу спаситель терпит поражение от демонов — они овладевают его оружием, тьма поглощает элементы света, сам Первочеловек оказывается в преисподнем рву, в окружении демонов и диких зверей. Но это поражение призвано обернуться победой: ведь во тьму таким образом проникают частицы света, рассеивая ее.

Семь раз обращается с мольбой к Отцу Первочеловек, пока тот не вызывает к жизни Друга света, а тот — Великого зодчего: зодчий — грядущий устроитель рая — призывает Духа Живого. Дух Живой (Михръязд — «Митра бог» в персидских источниках) вызывает пятерых своих сыновей и с ними отправляется к границе тьмы: там они посылают зов Первочеловеку, и тот отвечает им, избавляясь от оков тьмы. Дух Живой протягивает Первочеловеку десницу: освобожденный, он возвращается на небеса к Матери Жизни — дух указывает спасительный путь к свету, спаситель спасен.

Но в плену у тьмы остаются пять стихий — элементов света. Дух Живой собирает частицы, не загрязненные

тьмой, и создает из них Солнце и Луну, два корабля света; из частиц, загрязненных тьмой, он делает планеты — звезды.

Видимый — материальный мир, упорядоченный космос, должен быть создан для избавления света. Из шкур поверженных демонов создается десять небес, из костей — горы, из мяса и испражнений — земли-континенты (четыре или восемь).

Для дальнейшего избавления света Мать Жизни уговаривает Отца света совершить третий вызов — вызывает Третий Посланник. Он создает двенадцать светлых дев — воплощения знаков зодиака. Вращающаяся небесная сфера, подобно гигантскому колесу водяной мельницы, поднимает снизу и доносит в небесный мир света пропадающие во тьме его частицы. Первую половину месяца они поднимаются к луне по «Колонне света» — Млечному Пути, и луна набухает светом — устанавливается полнолуние. Во второй половине месяца частицы света устремляются дальше — к Солнцу и, наконец, возносятся в светлый рай.

Третий Посланник в своей женской ипостаси является мужским демонам — архонтам злых сил — в лунной ладье, в мужской же ипостаси слепит демониц, являясь вместе с солнцем. При виде сияющей красоты гнусные силы тьмы не в состоянии сдержаться и роняют свое семя на землю. Из их семени вырастают растения, освобождающие частицы света. Но демоницы, несущие в своем чреве зародыши новых злобных существ, выкидывают их раньше срока, и эти твари принимаются поедать почки возникших растений, возвращая частицы света царству тьмы. Сами недоноски дают начало животному миру.

В дуалистических традициях особую роль играют женские демонические существа, женское начало считается воплощением зла. В одном зороастрийском тексте рассказывается, как Ормазд решил дать праведникам жен, но они сбежали от праведной жизни и предались Ахриману. Сатана прельстил их обещанием исполнить любое их желание, и это вызвало тревогу Ормазда: ведь женщины могли потребовать, чтобы Ахриман подчинил им праведников. Тогда он создал прекрасного пятнадцатилетнего юношу Нарсе, увидев которо-

го обнаженным, женщины немедленно потребовали у Ахримана в дар бога Нарсе...

Царство косной материи сосредоточилось на усилиях, призванных удержать и собрать частицы света. Для этого избираются мужской демон Ашкалун и демоница Намраэль. Ашкалун пожирает мужских недоносков, уже поглотивших частицы света, а Намраэль — женских. Затем сами демоны вступают в связь и рождают Адама и Еву. Размножаясь, люди стали бы удерживать в бесконечном потомстве поглощенные частицы света. Ева была сотворена из элементов тьмы, Адам же содержал частицы света. Но Адам был слеп, глух и погружен демонами в сон: он не мог ощущать присутствия в нем светоносных частиц. Чтобы пробудить и спасти Адама, к нему был послан спаситель, воплощение Третьего призванного, в разных связанных с манихейством традициях носящий разные имена: он именуется Сыном Бога, Ормаздом и Иисусом — Сиянием света. Спаситель встряхивает Адама, пробуждая его от сна, открывает ему глаза, выпрямляет его, изгоняет проникших в него демонов и дает ему вкусить от древа познания — раскрывает Адаму небесное происхождение его души, воплощающей свет, и демоническое происхождение тела. Так Адам был наделен сокровенным знанием — гнозисом, познал самого себя.

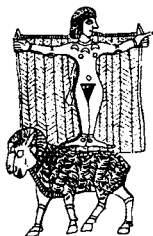
Но окончательно истина должна раскрыться человечеству лишь с появлением Мани. Затем наступят последние времена, и земля очистится в мировом пожаре перед Страшным судом...

Учение Мани было отвратительно для носителей собственно библейской традиции — иудеев и христиан. Дело было не только в некоторых экстравагантных сюжетах манихейской космогонии с ее выкидышами и каннибализмом: для библейской традиции неприемлемо было представление о том, что материальный мир есть преимущественное творение Князя тьмы. Между тем манихейство, как и всякое радикальное течение, претендующее на самую бескомпромиссную борьбу со злом, имело проводников и пользовалось популярностью. Это позволило дуалистическим идеям

проникнуть к тюркам в Центральную Азию, через них — к финно-уграм и другим народам: вспомним доброго творца мира у коми — Ена, который был сначала слеп и глух, подобно Адаму в манихейской традиции.

В Средние века манихейские идеи проникли и к славянам в форме христианской ереси, богомилства — дуалистического течения, распространенного в Болгарии.

Сатанаил и сотворение мира

Богомилство сохранилось по преимуществу в виде апокрифов, где особая роль принадлежит Сатанаилу — творцу материального мира.

Имя Сатанаил восходит к христианскому сатане, однако его деяния связаны с архаическими дуалистическими мифологиями. В дуалистической космогонии Сатанаил — противник бога-демиурга. В средневековом южнославянском и русском апокрифе «Сказание о Тивериадском море» Тивериадское озеро представлено как первичный безбрежный океан. Бог опускается по воздуху на море (вспомним космогонический сюжет в книге Бытия) и видит Сатанаила, плавающего в облике гоголя. Сатанаил называет себя богом, но признает истинного Бога «господом над господами». Бог велит ему нырнуть на дно, вынести песок и кремень. Песок Бог рассыпал по морю, создав землю, кремень же разломил, правую часть оставил у себя, левую отдал Сатанаилу (оппозиция правого и левого — воплощение благого и злого). Ударяя посохом о кремень, Бог создал ангелов и архангелов, Сатанаил же создал свое бесовское воинство.

Подобные легенды сохранялись у болгар, украинцев и русских: сатана — обитатель первичного океана (в виде водоплавающей птицы, черта в пене, в лодке; в некоторых сказаниях Бог создает сатану из своей тени); Бог велит ему нырять за землей (иногда сатана сам предлагает Богу создать землю). Сатана трижды ныряет, но лишь на третий раз, помянув Божье имя, достает земли, утаив часть во рту. Бог творит землю, которая начинает расти на море и во рту у са-

таны; тот выплевывает утаенную часть, из нее возникают холмы и горы. По другим вариантам, Бог засыпает на сотворенной земле (библейский мотив субботнего отдыха после творения), сатана пытается сбросить его в воду, тащит его в одну сторону, потом в другую — так по всем сторонам света, но земля разрастается, и сатане не удается утопить Бога; напротив, он невольно совершает ритуал благословения земли, начертав крест во время своих попыток. Наиболее архаичный вариант дуалистического сказания, записанный в Заонежье, представляет Творца Саваофа в виде белого го голя, сатану — в виде черного.

После творения земли, ангелов и бесов возгордившийся Сатанаил пытается создать собственное небо, так что в соревновании Сатанаила с Богом возникают семь небес, но архангел Михаил низвергает его, отбирая у противника божественное имя ил, и всю нечистую силу на землю — так появились нечисть, бесы и черти на земле. Сам сатана проваливается в преисподнюю. В сербскохорватских дуалистических сказаниях сатана и падшие ангелы захватывают с собой солнце, или оно изначально находится в руках противника Бога — Дуклиана, мифологизированного императора Диоклетиана, гонителя христиан. Архангел (или Иоанн Креститель) затевает с сатаной ныряние в море и, когда дьявол (или Дуклиан) ныряет, покрывает море льдом и уносит солнце на небо. Дьявол пробивает лед, но настигает архангела уже на небе, вырвав часть его ступни — с тех пор у людей выемка в ступне.

Продолжением дуалистических космогоний с участием Сатанаила являются антропогонические мифы. Древнейший из них пересказан в Начальной русской летописи — «Повести временных лет» (под 1071 г.): волхвы поведали о том, как Бог мылся в бане, вспотел и отерся «ветошкой», которую сбросил с небес на землю. Сатана стал спорить с Богом, кому из нее сотворить человека — сам он сотворил тело, Бог вложил в человека душу. С тех пор тело остается в земле, душа после смерти отправляется к Богу.

Вспомним значение пота в архаических мифах творения, в том числе скандинавском: выделение божественного пота было основой творения.

У калифорнийских индейцев майду творец, спустившийся с небес по лестнице из птичьих перьев, взял кусок красной глины, смешал с водой и слепил две фигуры — мужскую и женскую. Мужчину он положил справа от себя, женщину — слева (и здесь левая сторона — грешная), сам же стал потеть. От божественного пота утром пробудилась женщина и даже принялась шекотать творца, но тот молчал и не смеялся. Затем он встал и воткнул в землю ветвь смолистого дерева, отчего вспыхнул огонь (опять происхождение огня увязывается с отношениями полов). Созданные твари были ослепительно белого цвета — от красной глины у них были только красные глаза, волосы же были черными. У этих созданий не было конечностей, и степной волк, который был у индейцев одним из культурных героев, посоветовал творцу сделать им такие же конечности, как у него. Но творец сделал им человеческие руки. «Зачем им такие руки?» — спросил волк. «Чтобы люди могли взобраться на дерево, когда за ними будет гнаться медведь», — ответил создатель.

Чистоплотность первотворца также находит место в мифах о творении (вспомним всевышнего у гондов, который сотворил своих первых помощников — ворону и краба — из грязи). У филиппинцев билаан на Минданао творца Мелу представляли в виде непостижимых размеров великана, обитающего в облаках. Он имел золотые зубы и белую кожу, о чистоте которой беспрестанно заботился. Поэтому он все время снимал с кожи струпья и складывал их в кучу на небесах. Когда куча стала мешать гиганту, он создал из нее землю. Материала хватило и на то, чтобы создать первую человеческую пару. Но когда Мелу занимался творением, к нему явился помощник из преисподней, который потребовал, чтобы его допустили к

работе — хотя бы доделать то, чего не еще успел творец. Творцу пришлось позволить непрошеному товарищу сделать носы, и тот прилепил их ноздрями вверх. Творцы разошлись было каждый в свой мир — на небеса и в преисподнюю, но тут начался ливень, который едва не погубил первых людей — ведь дождь заливал им носы. Пришлось творцу довершать творение и ставить людям носы как надо.

В собственно богомильских текстах говорится, как Сатанаил — старший сын Бога — создал тело человека, но не мог вдохнуть в него жизнь — душу: дыхание Сатанаила выходило из тела через отверстия в виде жидких выделений, или из большого пальца ноги — так появилась первая змея.

Нам не раз приходилось обращать внимание на то, какие удивительные совпадения мотивов объединяют совершенно несхожие мифологии. Согласно варианту богомильской легенды, Сатанаил триста лет скитался по созданному им миру, пока Адам лежал безжизненным телом. Дьявол питался тогда мясом нечистых животных (у богомилов была вообще запрещена мясная пища) и, явившись к Адаму, заткнул все отверстия его тела, сам же изверг в его рот нечистую пищу. Вспомним, как в японском мифе солнечная богиня Аматэрасу посылает луну Цукуёми спуститься на землю, но там богиня пищи предлагает ему еду, которую сама изрыгает изо рта. Японский миф повествует о распре солнца и луны и о том, почему они не появляются вместе на небосклоне. Богомильская легенда рассказывает о попытке дьявола оживить Адама, но эта попытка приводит только к осквернению его тела.

Сатанаилу пришлось обратиться к Божьей помощи, чтобы оживить творение: после этого он мог претендовать только на тело человека, душой же его распоряжался Бог,

который мог восполнить праведными душами число ангелов, заменив ими падших.

Но, став управителем тварного мира, Сатанаил продолжал завидовать Богу и, кроме того, пленился красотой первой женщины — Евы. Тогда он превратился в змея, обитавшего у древа познания в раю, соблазнил Еву и произвел с ней на свет злых Каина и его сестру Каломену. От Адама Ева родила доброго Авеля, и Каин убил его, принеся в мир смерть. С тех пор сыны Сатанаила преследовали и истребляли сынов Божиих — прародителей Христа. Сатанаил же посылал людям все бедствия, упомянутые в Ветхом Завете: Великий потоп, смешение языков при строительстве Вавилонской башни, наконец, суровый закон, данный Моисею.

Таким образом, богомилы отождествляли библейского Творца с сатаной...

Но небесный отец сжалился над людьми и послал им второго — младшего сына для борьбы с Сатанаилом. Этот Сын-Слово — Христос — через ухо вселился в утробу Девы, родился и претерпел крестную муку как земной человек, но его телесность, с точки зрения богомилов, была лишь кажущейся. Он победил Сатанаила, отняв у его имени божественную частицу ил, и как простого сатану — злого духа — заточил в преисподней. Люди получили доступ в Царствие Небесное, сам же Христос соединился с Отцом на небесах.

Естественно, в своей религиозной практике и повседневной жизни богомилы стремились умерщвлять греховную плоть, освобождая душу от страстей, питались только растительной пищей, трудились лишь для того, чтобы поддерживать существование, ходили в черных одеяниях. Официальная церковь нещадно преследовала их и в конце концов расправилась с ересью, но богомильские легенды, доступно объясняющие происхождение зла, оставались популярными в фольклоре.

В позднейшем восточнославянском и болгарском фольклоре творение человека более приближено к ветхозаветному мифу: Бог создает человека из глины и уходит на

небо за душой, оставляя сторожем собаку, еще не имевшую шкуры; сатана соблазняет собаку шубой или хлебом (усыпляет холодом) и оплевывает человека.

По болгарскому варианту дьявол истыкал человека пальцем (шилом), чтобы душа в нем не держалась. Бог заткнул все отверстия травами (они стали лечебными), кроме одного, из которого исходит душа со смертью. Дьявол тщится создать человека, подобного сотворенному Богом, но у него получается волк, которого оживляет Бог: волк откусывает дьяволу часть ноги, поэтому он хромым. Такими же неудачами завершается подражание в творении овса — дьявол сеет сорняки; вместо коровы у него выходит коза и т.д. В русских преданиях сатана сажает яблоню — дерево познания, осину (проклятое дерево, на котором повесился Иуда), хмель и т.п., чтобы искушать человека.

По другой легенде, когда Господь оставил Адама одного лежащим на земле, чтобы взять ему «глаза от солнца», сатана вымазал Адама нечистотами. Сняв эту грязь и смешав ее со слезами Адама, Бог сотворил собаку, чтобы та стерегла человека, а сам отправился за «дыханием» для Адама. Сатана вновь явился к человеку, и хотя собака не подпускала его близко, тот все же истыкал тело Адама палкой, впустив в него 70 недугов. Бог вновь изгнал сатану и очистил человека (вывернул наизнанку — отсюда внутренние болезни). Он послал ангела взять (букву) «аз» на востоке, «добро» на западе, «мыслете» на севере и на юге — из этих букв было создано имя «Адам».

В фольклоре русских старообрядцев сюжет сотворения Адама «из природы» получил характерную мотивировку: «тело (Адама) из земли: по смерти иде в землю; кровь из морской воды: всю жизнь ходя, как морская волна... глаза из солнца: как солнце светя, так и глаза человека днем смотрят, а ночью спят». Лишь силу Бог сотворил «из ничего» — чтобы человек мог жить своими трудами.

В болгарской традиции Бог делал людей, как гончар горшки; после обеда Творец увидел, что работа продвигается медленно, и в спешке стал лепить людей, получавшихся хромыми, больными, гордецами и упрямыми и т.п. Характерен мотив божественной слюны, использованной для размешивания глины: от этой слюны происходит мужская сила (семя); напротив, плевков сатаны, хотевшего оживить слепленное тело человека, наводит на него порчу — болезни. В украинской легенде Творец использовал оставшуюся у него горсть гли-

ны, чтобы приделать человеку половой член — так было создано грешное тело, иначе человек оставался бы в раю.

В ряде преданий наряду с глиной может использоваться тесто: сначала Бог слепил человека из теста, но собака съела творение; Бог слепил пана (или Еву) из пшеничного теста, а мужика (крестьянина) — из глины, но собака съедает хлебного человека.

В некоторых апокрифах (болгарская и древнерусская «Легенда о крестном древе») Адам изображается великаном: Соломон попадает в «костяную пещеру», которая оказывается черепом Адама, в нем могло уместиться 300 мужей. К мотиву перволюдей-великанов примыкает украинское предание о прародителях, которые были так сильны, что, наступая на камень, оставляли на нем след (ср. т.н. камни-следовики — петроглифы в виде человеческой ступни); после грехопадения, напротив, камни вдавливались в ступни — отсюда у людей впадина в ступне.

До грехопадения у первых людей была роговая (как ногти) кожа: Адам умолил Господа оставить его потомкам часть «вечной» кожи на пальцах в напоминание о райском бессмертии (в болгарском варианте Адам и Ева были первоначально покрыты волосами).

Мотив сотворения первой женщины — Евы — в некоторых легендах продолжает библейских миф: ребро для творения взято «от самого сердца» Адама, чтобы жена любила мужа; собака вырывает ребро у первочеловека, и Бог творит из него Еву и т.п. В других вариантах Адам был сотворен с хвостом, и Бог, чтобы отделить человека от животных, отрезал ему хвост и создал из него женщину, а у человека с тех пор есть остаток хвоста — копчик.

В других вариантах легенды женщина сотворена из хвоста собаки, которая утащила ребро Адама, и даже из хвоста сатаны, который преследовал Адама, но был настигнут ангелом и лишился хвоста. Этиологические мотивы вообще характерны для народных библейских легенд: вспомним распространенный рассказ о происхождении кадыка — «адамова яблока». Адам подавился запретным плодом, поэтому у мужчин до сих пор кадык на горле.

Первоначально мужчина и женщина были соединены, но сатана оторвал женщину, так что у Адама остался мужской член, а у Евы — влагалище: с тех пор мужчины и женщины стремятся к воссоединению, и от этого рождаются дети.

Другой этиологический мотив — происхождение кадыка, «адамова яблока», от запретного плода: от съеденного яблока у Евы появляется вожделение к сатане, у Адама — к Еве; от соития с сатаной рождается Каин, с Адамом — Авель. По другому варианту, от сатаны рождается потомок с двенадцатью (или семью) головами, лишь одна из которых — человечья, остальные — звериные. Сатана обещает Адаму съесть лишние головы, если тот «отпишет» ему все свое земное потомство. От Каина происходит грешное потомство, которому Сатана показал, как построить Вавилонскую башню: Бог смешал языки строителей, и те, забыв Бога, стали поклоняться идолам.

В русских легендах сатана претендует на власть над людьми — ведь они сотворены из земли, добытой им со дна океана. Он получает власть над мертвыми людьми — поэтому они должны пребывать в преисподней — аду до сошествия во ад Христа.

Остается загадкой, как и когда одни и те же схожие сюжеты распространялись у разных народов Евразии. Читатель сам может сравнить славянские дуалистические легенды с тюркскими.

Дуалистический миф о грехопадении на Алтае

В главке о творцах, состязающихся в нырянии за землей, мы пересказывали версию дуалистического мифа, известную у тюркоязычных алтайцев. Она впитала влияния разных мировых религий, что видно из продолжения алтайского космогонического мифа.

После творения возле реки стояло лишь одно дерево, которое было лишено ветвей. Бог Курбустан посчитал некрасивым этот столп и дал ему девять ветвей, от которых

произошли девять народов. Курбустан создал животных и птиц и всем живым тварям заповедал питаться тем, что растет с восточной стороны на пяти ветвях Мирового древа, с четырех же западных ветвей велел не брать ничего. Он поставил собаку и змею, чтобы они стерегли запретную часть дерева, а собаке велел покусать Эрлика, если он явится.

Действительно, услышав шум живых тварей, явился Эрлик. Он принялся убеждать человека, что Курбустан дал ему ложный запрет. Человек не поддавался, и тогда Эрлик вселился в змею, усыпив ее. В образе змея он соблазнил женщину отведать запретный плод, а та уговорила последовать ее примеру мужчину. Тогда с их тел спали волосы (значит, их тела первоначально были покрыты волосами, как в одной из славянских дуалистических легенд), и они, почувствовав стыд, спрятались за деревьями. Когда пришел Курбустан, мужчина принялся во всем винить женщину, а та — змею. Змея оправдывалась тем, что сатана вошел в нее, когда она была в спячке, а собака — тем, что Эрлик был ей невидим.

Читатель не раз уже мог убедиться, что у разных народов могут неожиданным образом совпадать не только отдельные мотивы, но и целые мифологические сюжеты. В мифе народа качари в Северной Индии творец Алоу слепил из земли фигуры людей, но устал и решил отдохнуть. Ночью, до того как он их оживил, их разломали злые братья Алоу и забросили куски тел в джунгли. Тогда Алоу воссоздал фигуры, а для их охраны сотворил двух собак. Братья Алоу испугались собак и не стали ломать фигуры, так что Алоу смог их благополучно оживить утром. Корку в Центральной Индии рассказывали, что Махадео (Великий бог — одно из имен бога Шивы) послал ворону разыскать муравейник из красной земли (вспомним роль термитника в творении у народов Африки), и сделал из найденной земли мужчину и женщину. Но не успел бог завершить работу, как из-под земли выскочили два огненных коня, посланных Ин-

дрой, и растоптали творение. Так повторялось два дня, и коней можно было понять — они знали, что люди заставят их работать: Пришлось богу сделать собаку, и та смогла сберечь творение. От первых людей и произошли корку. У алтайцев же собака не справилась со своей ролью...

Тогда Курбустан проклял змею (и она пребывает в спячке зимой), Эрлика же низверг через три слоя преисподней в царство мрака. Люди с тех пор должны размножаться и сами добывать себе пищу, они будут подвластны сатане и не увидят света божьего. Однако бог обещал все же послать людям Майтрею, чтобы он научил их добывать и готовить пищу.

Здесь иранские и христианские представления переплетаются с буддийскими, что характерно для традиций Центральной Азии. Однако бодхисаттва — спаситель человечества Майтрея — оказывается простым культурным героем, обучающем людей готовить пищу...

Когда Майтрея явился на землю, Эрлик стал умолять его помолиться богу, чтобы тот позволил ему вернуться на небо и сесть рядом с творцом. Шестьдесят два года молился Майтрея богу, и тот вынужден был внять его мольбам, но Эрлик не должен был противиться его воле и чинить зло людям.

Тогда Эрлик явился к богу и попросил его благословения на создание собственного неба. Как только благословение было получено, сатана принялся творить мириады дьяволов. В то время на земле объявился еще один бодхисаттва — Манджушри, благочестивый правитель, который увидел несправедливость в мире: сторонники сатаны пребывают на небесах, а люди — на земле. Он обратился к господу с просьбой позволить ему низринуть в преисподнюю нечестивое воинство. Но Курбустан ответил, что сейчас у спасителя недостаточно сил, чтобы справиться с Эрликом. Прошло немало времени, когда наступил день битвы. Господь дал Манджушри копье, которым тот разрушил небо Эрлика, и оно рухнуло вниз: так на земле возникли горы и

скалы. Народ Эрлика также попадал, кто куда: в лес, в воду, на камни, обратившись в злых духов этих урочищ.

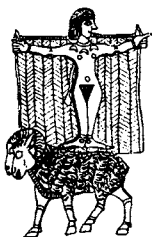
Оставшийся без удела Эрлик обратился к богу: «Ты разрушил мое небо, дай же хоть немного земли, хотя бы той, что умещается под концом воткнутой палки». Господь согласился на эту просьбу, и сатана немедленно стал строить новое царство на этом клочке. Тогда Курбустан велел ему спуститься в преисподнюю и создавать свое царство там. Сверху над его владениями должен гореть неугасимый огонь — сатана не увидит больше ни солнца, ни месяца.

Тогда Эрлик стал просить отдать ему умерших людей. Но бог не пошел на это, позволив сатане самому создать себе подданных. Тут Эрлик взял кузнечный мех — ведь он, владыка земных недр и огня, был первым кузнецом — и принялся бить молотом по металлу. Из искр появились лягушка, змея, медведь, кабан, волосатый демон Алмус, дьявол Шулмус (одно из названий Ангро-Майню) и верблюды. Увидев этих тварей, бог швырнул в огонь кузнечные орудия, но и тут из огня вышли женское и мужское существа, от которых мог произойти народ Эрлика. Тогда господь плюнул на эти нечистые создания, и женщина превратилась в цаплю, перья которой непригодны для оперения стрел, мяса которой не ест и собака, и от которой исходит болотная вонь; мужчина же превратился в крысу, приносящую вред человеческому жилью.

Затем бог удалился на небо, препоручив людей заботам культурных героев, образы которых, как мы видели, восходят к образам бодхисаттв, один из которых должен охранять солнце и месяц, другой — Манджушри — землю и небо, сражаясь с Эрликом.

В сходном дуалистическом якутском мифе доминирует мотив борьбы сверхъестественных существ.

Некогда разгорелась война между высшими духами — творцом Вселенной Юрюнг Айы Тойоном, Улу Тойоном и Арсан Дуолайем. Когда уже казалось, что мир будет уничтожен, воюющие заключили договор, по которому разделили Вселенную на три мира: верхний, отданный племенам Юрюнг Айы Тойона и Улу Тойона, средний, отданный людям (Юрюнг Айы Тойон создал людей, а Улу Тойон дал

им душу и через ворона послал им огонь), наконец, преисподнюю, которая досталась племенам Арсан Дуолайя. Верхний мир состоит из нескольких (3, 7, 9) ярусов. Края нижнего неба свисают вниз и трутся о приподнятые края земли. Добрые божества айы создали землю красивой и ровной, но злой дух абасы затоптал и исцарапал ее: получились реки, озера горы. Творя человека, Юрюнг Айы Тойон сделал сначала статуи людей и поместил их в каменный дом и поставил сторожа не пускать злого духа. Но тот соблазнил сторожа, дав ему шубу, и, войдя в дом, испачкал статуи нечистотами. Тогда Юрюнг Айы Тойон превратил сторожа в собаку, а статуи вывернул наизнанку; с тех пор люди внутри полны грязи.

На алтайскую космогонию, помимо иранской и буддийской традиций, повлияла и христианская (библейская) — бодхисаттва Манджушри явно отождествлен здесь с архангелом Михаилом, низвергшим с небес Люцифера — Эрлика.

Все возвращается к библейскому мифу. Цитату из Книги Бытия мы прервали в начале на рассказе о сотворении человека...

**Оба, и мужчина и женщина,
были наги, и не стыдились...**

Эта библейская фраза воплощает переход от мифа к истории: от деяний сверхъестественных существ Библия переходит к месту человека в сотворенном мире, и это место определяется этическими категориями — представлениями о стыде.

Оба, и мужчина и женщина, были наги, и не стыдились.

3. Змей был самым хитрым из зверей, созданных Господом Богом. Он спросил у женщины:

Правда, что Бог не разрешает вам есть никаких плодов в этом саду?

— Нам можно есть плоды, — ответила женщина. — Вот только про дерево, которое стоит посреди сада, Бог ска-

зал, чтобы мы его плодов не ели и даже не прикасались к ним, а то умрем!

— Не умрете, — сказал змей. — Просто Бог знает, что когда вы съедите их, то прозреете и сами станете как боги — познавшими добро и зло!

Женщина увидела, что плоды этого дерева хороши, приятны взору и сулят знания. Она сорвала плод и съела. И мужу она дала плод — муж ел вместе с ней. Они прозрели, увидели свою наготу и сделали себе набедренные повязки из листьев смоковницы.

Повеял ветер — они услышали, как по саду идет Господь Бог, и спрятались за деревьями.

— Где ты? — позвал человека Господь Бог.

Тот ответил:

— Я услышал, как Ты идешь по саду. Я испугался, что я голый, и спрятался.

— Кто сказал тебе, что ты голый? — спросил Господь Бог. — Ты ел плоды дерева, с которого Я запретил тебе есть?

Человек ответил:

— Женщина, которую Ты мне дал, — она дала мне эти плоды, и я ел.

— Зачем ты это сделала? — спросил Господь Бог у женщины.

Та ответила:

— Змей меня обманул, и я ела.

И Господь Бог сказал змею:

Ты проклят за то, что сделал:
изгой средь зверей и скота,
ты будешь ползать на брюхе
и пылью питаться всю жизнь.

Тебя и женщину я сделаю врагами,
и дети ваши — враги друг другу:
сын ее голову тебе разбивает,
а ты жалишь его в пятю.

Женщине Господь Бог сказал:

Мучительной я сделаю беременность твою,
в муках будешь рожать детей.
Мужа своего ты будешь возделывать:
муж будет господином твоим.

А человеку Господь Бог сказал:

Послушав женщину, ты съел плод,
 который я запретил тебе есть!
 Ныне проклята из-за тебя земля:
 В муках будешь ее плоды добывать.
 Колючие кусты она тебе произрастит,
 полевою травкою питаться будешь
 и в поте лица добывать свой хлеб.
 Вернешься ты в землю,
 из которой был взят,
 потому что ты пыль
 и вновь станешь пылью.

Человек — Адам — дал своей жене имя Ева, ибо она стала праmaterью всех живущих.

Господь Бог сделал одежду из кож и одел человека и его женщину.

И сказал Господь Бог:

— Человек стал одним из Нас — познавшим добро и зло! Не сорвал бы он еще и плод дерева жизни, чтобы, съев его, стать бессмертным!

И Господь Бог изгнал человека из Эдемского сада — пусть возделывает землю, из которой был взят. Изгнал человека, а у Эдемского сада, на востоке, поставил стражу — херувимов и огненный меч, во все стороны разящий, чтобы они охраняли дорогу к дереву жизни.

4. Адам познал свою жену — Еву. Та забеременела, родила сына — Каина — и сказала:

— Человека обрела я с помощью Господней!

Потом родила она Авеля, брата Каина.

Авель пас овец, а Каин возделывал землю. Настал день, когда Каин принес в дар Господу плоды земли, а Авель — жир ягнят из первого приплода. Дар Авеля был угоден Господу, а дар Каина негоден. Гнев омрачил лицо Каина.

— Отчего ты разгневался? — спросил Господь у Каина.

— Отчего омрачилось твое лицо?

Если делаешь добро — подними голову.

А если нет, то у порога грех таится.

Он тебя вожделеет,

ты его господин.

Каин сказал своему брату Авелю:

— Выйдем в поле.

Они вышли в поле. Там Каин бросился на Авеля и убил его.

— Где твой брат Авель? — спросил господь у Каина.

Каин ответил:

— Не знаю. Разве я сторож моему брату?

— Что ты наделал? — сказал Господь. — Кровь твоего брата на земле: она взывает ко Мне. Ты проклят: земля, которую ты напоил кровью брата, отвергнет тебя. Сколько бы ты ни возделывал землю, она уже не будет тебя кормить. Отныне ты изгнанник и скиталец.

Цитата из библейской Книги Бытия начинается с упоминания стыда, который охватил совершивших грехопадение Адама и Еву — первого нравственного чувства в истории человечества. Завершается она знакомым нам мотивом — происхождением смерти, первым убийством.

Уже древние комментаторы Библии составили специальные рассказы о первой смерти: ведь Адам и Ева не знали, как похоронить Авеля. Тогда Бог послал им двух «чистых птиц», одна из которых убила другую, а потом зарыла труп в землю. По другой легенде земля не принимала тела Авеля: она ждала, когда ей будет возвращен первый, взятый от нее человек — Адам (недаром земля — по-еврейски адама — напоминает имя Адам), и Авель был похоронен вместе с Адамом после его смерти.

Но не в этом смысл библейского повествования — этиологической миф о происхождении смерти уже не интересует Книгу Бытия: в ней говорится о происхождении ответственности за совершенный поступок, причем ответственности нравственной.

Каин стал изгоем, но, подобно змею-соблазнителю и совершившим грехопадение прародителям, не заслужил смертной казни: напротив, Каинова печать, оставленная на нем десницей Господа, за-

щищала его от мстителей, ибо было сказано, что тому, кто убьет Каина, будет отпущено семикратно. Более того, Каин стал изгоем не потому, что ему негде найти пристанище: он обрел его и даже построил первый город неподалеку от Эдемской земли на востоке. Там умножилось его потомство, среди которого были те, которых мы называем культурными героями: прародитель скотоводов-кочевников, живущих в шатрах, и первый кузнец. Но блага культуры не были самоцелью для Книги Бытия — они не давали освобождения от чувства вины: Каин был изгоем перед Господом.

Более того, гордыня, которая овладевала людьми, создававших блага цивилизации, была для Библии смертным грехом: Вавилонская башня, которую воздвигли люди после потопа, не смогла стать «Воротами бога» — ее строительство привело к смешению языков и утрате Божьего слова, известного праведным потомкам Адама.

Не удивительно, что в Священной книге древних евреев — по преимуществу скотоводов — предпочтение дано жертве пастыря, тем более что «плод земли» — дерева познания — стал причиной грехопадения. В соседнем Шумере и Вавилоне все было наоборот, о чем и рассказывает шумерский миф.

Спор скотовода и земледельца о первенстве: шумерский вариант

Жизнь бессмертных шумерских богов ануннаков поначалу напоминала жизнь первобытных собирателей: они питались травой и кореньями и не знали, что такое хлеб. Они пили воду из канав, но не знали молока и вина. Они не умели ткать и укрывались циновками из тростника.

Наконец семь величайших богов, от которых зависели судьбы бытия, и пятьдесят богов и богинь — советников — собрались в зале творения в доме богов и слепили из глины

пастуха — божественного юношу Лахара — и его сестру, богиню зерна Ашнан.

Лахар пригнал с небес на землю стада коз и овец. Для Ашнан же бог мудрости Энки создал мотыгу, она провела на полях первые борозды и засеяла их пшеницей и ячменем. Когда взошли колосья, обрадованные боги построили для Ашнан огромный дом, где она могла хранить земледельческие орудия, а Энки создал первый плуг и запряг в него пару ослов. Ашнан же растерла зерно на плоском камне (ведь жерновов еще не было) и испекла первые лепешки. Потом она выжала сок из зерен сезама, из плодов финиковой пальмы, из винограда — целых три сорта хмельных напитков были приготовлены для богов.

Тем временем Лахар устраивал загоны для овец, выдаивал молоко, стриг шерсть. Вначале они жили с сестрой дружно, но вскоре Лахар стал похвастаться своим искусством — ведь без него боги не имели бы вкусного молока и мерзли бы без теплых одежд. Ашнан же настаивала на своем превосходстве — что боги и ануннаки делали бы без хлеба и вина?

Наконец собрался совет богов, чтобы рассудить брата и сестру. Совет постановил, что лишь хлеб по-настоящему насыщает, вино же веселит сердце. Ашнан была признана старшей, а Лахар должен признавать ее старшинство и почитать сестру.

В собственно экономическом смысле Ашнан была права — не только богам было бы плохо без хлеба и вина: само скотоводство на Ближнем Востоке было невозможным без земледельческой базы, в первобытные времена созданной женщинами — собирательницами (в этом историческая правота мифа, отдававшего старшинство женщине). Но Бог Ветхого Завета не нуждался в жертвенной пище и питье. Жертва агнца в Иерусалимском храме была символической жертвой, и пророкам не было нужды обманывать Бога, подобно Прометею.

Жертва Каина была отвергнута отнюдь не потому, что библейский Творец не был вегетарианцем. Это отвержение вообще ничем не мотивировано в Книге Бытия, и не в различении земледель-

ческой и пастушеской жертвы смысл библейского рассказа. Смысл — в преступлении, совершенном Каином в гневе: ему был недоступен Божественный замысел, и он возмутился.

Уже древние интерпретаторы библейского текста считали, что «прирожденная» злоба Каина связана с тем, что он не был сыном Адама, а был сыном змея, в которого воплотился Сатана.

Люцифер и падшие ангелы

Нам не раз приходилось поминать Люцифера — Денницу, воплощение планеты Венеры, утренней звезды: его имя означало сатану, восставшего против Бога. О нем ничего не говорится в Книге Бытия, но пророк Исаия, предрекая падение Вавилона, отождествляет его царя с сыном зари, богини любви Иштар, которая для носителей библейской традиции была «вавилонской блудницей» (впрочем, происхождение Афродиты — Венеры в античной традиции было для них не менее одиозным).

«Как упал ты с неба, Денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 12—15). Север — обитель демонов в иранской традиции, повлиявшей на библейскую: если так, то гордые замыслы Люцифера относились к началу времен. Но на северной горе обитал и финикийский громовник Ваал — Баал-Зебул, в Библии именуемый Вельзевулом. Демоны пытались утвердить свою власть на севере, в царстве тьмы. Недаром комментаторы библейского текста писали, что Бог прикрепил небесный свод к земле на юге, западе и востоке, оставив северную часть незакрепленной: пусть тот, кто считает себя богом, попробует закрепить там небосвод, в доказательство своей божественности.

Апокрифическая сирийская «Жизнь Адама и Евы» рассказывает, что сатана — Люцифер (или Самаэль в иудейской традиции, равно как Иблис в исламе) был одним из архангелов и восстал против Господа тогда, когда Тот сотворил человека, поставив его выше ангелов, а архангел Михаил призвал ангелов поклониться Божью подобию. Самаэль же потребовал, чтобы Адам почитал его — ведь он был сотворен прежде человека, и не из праха земного, а из блеска Божественной славы. Но Господь ответствовал, что созданный из праха превосходит мудростью ангелов.

— Докажи, — потребовал Самаэль. Тогда Господь собрал всех тварей: — зверей, птиц и гадов — и предложил гордецу дать им имена. Но ангел безмолвствовал. Господь же вселил мудрость в Адама, и тот назвал все сущее на земле.

Другие комментаторы полагали, однако, что Люцифер возгордился прежде творения или на третий день творения, будучи главным архангелом, почитая себя несотворенным и равным Господу. С ним отпал один из десяти чинов ангельских, и человечество было сотворено с тем, чтобы заменить падших ангелов.

Господь низверг отпавших ангелов с небес: Люцифер еще попытался ухватиться за крылья архангела Михаила, чтобы увлечь и его в преисподнюю, но Господь спас архангела — ему предстоит вступить в битву с сатаной в конце времен.

Подобно молнии Люцифер пал в преисподнюю, где рассыпался в прах, и душа его бродит во тьме. Три дня и три ночи низвергались падшие ангелы с небес и в преисподней превратились в демонов.

Множество легенд связывают этот апокрифический сюжет с происхождением нечистой силы.

Откуда дьяволы разные?

Русская легенда, восходящая к апокрифической Книге Еноха, была записана в начале XX в.

Когда Бог еще ходил по земле (речь идет о земной жизни Христа, отождествленного с библейским Творцом), некий праведный старец заманил всю нечистую силу в кувшин, «зааминил» там и похоронил под крестом.

Только один хромой чертенок сумел спрятаться и подсмотреть, где сокрыта вся нечисть. Он бросился в кабак, где нашел пьяницу, не боявшегося ни креста, ни поста, и пообещал пьяному показать, где зарыт клад. Тот откопал кувшин, и нечистая сила с визгом ринулась на свободу. Пьяница упал замертво, черти же воспользовались отсутствием Бога на небесах и забрались туда. Сатана уже устроил там свой престол, но Господь дал архангелу Михаилу шесть крыльев и огненный меч, и тот как мысль взлетел на небо.

Бесовская рать была изгнана, и было смешно, — делится с этнографом рассказчик, — как черти летели вверх тормашками как попало и кто куда. Кто попал в воду (окоем), стал называться водяной или окаянный, который в лес — лешим, упавший на дом прозван домовым, на черту между загонами или борозду — чертом, прочие именовались шутами и т.п.

Шут — русское обозначение черта, ибо дьявол пытался подражать божественным чудесам, но мог только «передразнивать» Бога и на Западе слыл, как уже говорилось, «обезьяной Бога». Собственно, таким подражателем желал стать и Люцифер. В знакомых нам дуалистических мифах неудачливый творец или сатана (Куль у обских угров, Омоль у коми) подражает богу, но выходит у него не то, что он задумал. Вместе с тем в фольклорном образе шута-черта сохранились черты древнего трикстера; если в доме пропал нужный предмет, значит, нечистый — шут его похитил, и нужно сказать: «Шут, шут, поиграй и назад отдай!»

Но апокрифическая карьера Люцифера не закончилась с падением с небес.

Сатана, обратившийся змеем

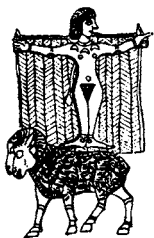
Комментаторы библейского текста создали немало легенд, призванных пояснить его.

Низвергнутый с небес Сатана — Люцифер или Самаэль еврейских преданий, обернувшись змеем, смог проникнуть в земной Эдемский сад, где Адам и Ева призваны были заботиться о деревьях и не подпускать к ним зверей.

Оказавшись у древа познания — подобно всякому змею, обитающему у корней мирового дерева в мифах разных народов, — змей показал Еве, что прикоснувшийся к этому дереву остается жить. Тогда любопытная женщина (вспомним ящик Пандоры!) не удержалась и отведала запретного плода.

Но, прикоснувшись к дереву, она увидела приближающуюся Смерть. Тут дала себя знать женская ревность: «Я умру, — подумала Ева, — и Бог даст Адаму новую жену». Ревнивица заставила Адама вкусить плода, да и сам он, прельщенный открывшейся ему красотой жены, не мог ей отказать.

Нагота первых людей, согласно легенде, не была им открыта потому, что их прикрывала завеса света, гладкая, как ноготь. Эта оболочка спала после вкушения запретного плода. В близких к подобным библейским апокрифам народных легендах и мифах первые люди действительно были покрыты роговой оболочкой (или волосами) — их тело было неуязвимым, как у германского героя — «рогового Зигфрида», не страшившегося змеиного укуса и яда. Таково наивное этимологическое объяснение атавизма — волос на теле людей — и природы ногтей.

Появление же змея в мифе о происхождении смерти также вполне закономерно, если вспомнить повсеместно распространенные мифы. Один из них — полинезийский, может быть, и возник под влиянием библейского рассказа, но явно обнаруживает более раннюю «первобытную» природу этиологического мифа.

Полинезийцы острова Янде рассказывали, как первая супружеская пара принялась спорить.

Муж сказал жене:

— Хорошо было бы, если бы мы сменили кожу и навсегда остались жить здесь, на Янде.

Жена возразила:

— Что хорошего в одинокой жизни? Лучше сделать нового человека, который продолжил бы наш род.

Муж попытался укрыться от жены в жилище и сменить там кожу, но женщина выследила его, и первый человек вынужден был отказаться от затеи стать бессмертным. У них родились дети, и люди заселили всю землю.

Змей не появляется на этом райском острове, но из мифа понятно, о чем мечтает первый человек. Он хочет подобно змее менять кожу и оставаться бессмертным.

Согласно библейским легендам, Ева уговорила не только Адама, но и всех живых тварей отведать запретного плода, лишь одна птица Феникс оказалась острожной и обрела бессмертие.

Адам же попытался сорвать ветви деревьев, чтобы прикрыть ими наготу, но деревья не позволяли ему этого — ведь он ослушался Бога. Лишь Древо познания дало ему фиговых листьев: ведь Адам предпочел знание бессмертию. По Библии, Господь заменил эти листья одеждами из кожи; по легендам, то была кожа змеи, напоминание об утраченном бессмертии, или даже кожа Левиафана, сраженного Господом в начале творения.

Адам нарек свою жену Ева — «Жизнь», ибо она должна была стать праматерью всех людей. Но Сатана — Змей — и тут воспользовался женской слабостью: от него Ева зачала Каина.

Вера в сластолюбие змей и в то, что они преследуют женщин, распространена в верованиях многих народов мира. Это связано с тем, что змея напоминает мужской детородный орган — вспомним австралийский миф о преследовании отделившимся мужским членом женщин. В древней еврейской традиции считалось, что если змей станет преследовать женщину, ей следует совокупиться

со своим мужем у него на глазах. Если и это не поможет — бросить перед преследователем обрезки ногтей и волос, напоминание о грехопадении.

Мифы о летучем змее-любовнике известны и европейскому фольклору. От летучего змея зачала мать знаменитого былинного героя — Волхва Всеславича.

Вскоре Ева ужаснулась содеянного и принялась плакать: «Увы мне, Адам, я согрешила!» Она удалилась на запад, к океану, где сделала хижину из веток, и когда начались схватки, стала молить Господа о помощи. Но Господь был в гневе, и роженице пришлось умолять луну и солнце, чтобы они, взойдя на востоке, передали Адаму ее мольбу. Адам присоединился к жене в ее молитвах, и Господь, смилостивившись, послал самого архангела Михаила, чтобы он облегчал ей родовые муки.

Когда родился Каин, лицо его сияло ангельским светом — ведь он был отпрыском хоть и падшего, но архангела. Наивная Ева сказала тогда, что она обрела человека с помощью Господней.

Как только ребенок родился, он побежал в поле и принес колосок, поэтому его и назвали Каин — «Стебель».

По славянским легендам, первый родившийся ребенок мог бы ходить сразу после рождения, как новорожденный зверь, если бы не боязнь нашей праматери. Господь сам «тренировал» новорожденных, перебрасывая их через высокое дерево или дом, чтобы они сразу научились вставать на ноги. Но мать испугалась за своего ребенка и не дала его Господу — теперь и приходится носить дитя на руках, пока оно не научится ходить.

Другой ребенок был зачат от Адама, и имя его — Авель — значило «Сын», по легендарной версии — «Печаль», ибо Ева увидела вещий сон, в котором Каин пил кровь Авеля. Напрасно родители пытались разделить детей и отправили одного возделывать поле, другого — пасти овец. Распря была неизбежна.

Рассказывают, что братья стали спорить, кто из них главнее. Каин утверждал, что он — ибо и земля, на которой стоит Авель, принадлежит ему. Авель же отвечал, что одежда из шкур, которой укрывается Каин, принадлежит пастуху. Предпочтение, данное Господом жертве агнца, привело к убийству. Каин не знал, как ему убить брата, но Сатана прилетел в облике ворона и камнем убил другую птицу...

В талмудических легендах приводится еще одна причина ссоры братьев: у Каина и Авеля были сестры-близнецы, и Адам предназначил сестру Каина в жены Авелю, но Каин сам прельстился красавицей... В украинской легенде этот мотив имеет особое продолжение: Люцифер научил Каина делать горилку, и тот обесчестил сестру. Авель рассказал об этом Адаму, и Каин в отместку убил его осиновым колом (с тех пор осина — любимое дерево сатаны).

Потомство Каина и поколение гигантов

Драматические события предыстории человечества не помешали действию Божьего Завета: «Плодитесь и размножайтесь».

Адам и Ева родили дочь, которая стала женой Каина, и сына — Сифа, который должен был заменить Авеля: от него должно было пойти поколение праведников.

Господь же послал на землю ангелов, чтобы те учили людей правде. Ангелы — Шемхазай и Азазель — видели, что творится на земле, и спросили Господа: не они ли предупреджали, что созданный Им человек не будет достоин Его мира? Господь же отвечал: спустившись на землю, не нагрешат ли ангелы пуще людей?

Ангелы обещали прославить на земле имя Божие, и правда, учили Еноха, праведного сына Каина, тайнам Неба и Земли. Но вскоре ангелы, звавшиеся Сынами Божьими и посланные на землю, соблазнились красотой человеческих дочерей. От Шемхазая родились гиганты, которые за день

съедали по тысяче верблюдов, тысяче коней и тысяче быков. Азазель же придумал украшения и косметику, вооружив женщин искусством чаровниц. Напрасно Господь предостерегал их, что даст свободу Водам небесным и истребит недостойных жителей земли. Шемхазай надеялся, что его сыновья настолько велики, что их не поглотят волны потопа, Азазель же продолжал угождать женщинам, наставляя их на греховный путь. Генун Хаананеянин, потомок Каина и сын Ламеха, учился у него с юных лет и создал музыкальные инструменты, научился варить пиво — толпы людей собиравшись на позорные зрелища, теща свою плоть.

Наконец лишь одна девственница — Иштахар — осталась на земле. И ее стали соблазнять сыны Божии. Тогда хитрая Иштахар попросила у них крылья, чтобы сравниться с ангелами, сама же нашла укрытие у Божьего Престола. Господь превратил ее в созвездие Девы.

Неудачный эксперимент: Лилит, демоны, монстры и великаны

Проблема появления несовершенных тварей в совершенном творении Бога — то есть проблема появления зла в мире — заставляла уже древних комментаторов Библии создавать легенды, далекие от собственно библейского канонического текста. Отчасти о них уже шла речь в рассказе о Сатанаиле. Но в других легендах несовершенные твари появились от неудачных экспериментов самого Творца.

Сам Господь не мог пребывать в вечном одиночестве — Ему нужно было творение. Адаму, по замыслу Творца, также нужна была подруга. Он и сотворил ее сначала не от плоти Адама, а от плоти земли, правда, взял для этого не чистую землю, а грязь и ил. Так была создана Лилит.

У первой человеческой пары сразу не заладилась жизнь, ибо Адам захотел возлечь со своей подругой, но та возмутилась — почему она должна лежать под партнером? Ведь она создана из того же праха земного, значит она — ровня Адаму. Тут Адам силой попытался вразумить жену,

но она в ярости произнесла тайное имя Бога (оно было известно ей как первосуществу) и улетела прочь.

Повод для ссоры кажется ничтожным, как повод для большинства семейных ссор, но если вспомнить китайскую традицию, где от правильного расположения мужа и жены (инь и ян) зависела жизнь всего космоса, то можно понять, что упрямство первого женского существа могло грозить вселенской катастрофой. До конца света дело не дошло, но Лилит постаралась приблизить потоп...

Став демоницей, Лилит унеслась на Красное море, где уже обитало множество демонов, и принялась плодить с ними подобных им лилим — по сотне каждый день. Адам же пожаловался Богу на подругу, что его покинула, и Творец послал к ней ангелов, приказывая вернуться. «Разве я могу вернуться к Адаму и стать его женой после того, что я совершила с демонами?» — спросила Лилит. Ангелы пригрозили ей смертью, но та ответила, что не может умереть — ведь Бог вручил ей судьбу всех новорожденных — мальчиков до восьмого дня (дня обрезания) и девочек — до двенадцатого...

Лилит получила власть над жизнью и душами младенцев, умерших до посвящения Богу, стала демоницей, угрожающей роженицам. Лишь амулет с именами трех ангелов, посланных за нею Богом, мог спасти от нее. Тогда ее ярость обращалась против собственного потомства: в день умирало по сотне рожденных ею демонов, иначе они заполнили бы весь мир.

У Лилит появилась подруга — Наамах, сестра Тувалкаина. Они вместе принялись плодить демонов, их потомством стали Асмодей и другие демонические существа, до сих пор досаждающие людям. Сами же матери демонов не только душат младенцев, но и соблазняют мужчин, спящих в одиночестве: здесь они выступают в роли суккубов — женских демонов, которые ложатся-таки под своих партнеров, чтобы принять их семя и наплодить новую нечисть.

В других библейских легендах Творец создал не первую человеческую пару, а андрогина, двуполое существо с мужским лицом спереди и женским сзади. Но это несчаст-

ное создание не могло ни передвигаться, ни общаться нормально — пришлось разделить андрогина надвое...

Читатель помнит, что андрогин — характерный образ первосущества, от которого происходят первые боги, как от Имира, первые люди — ведь этому существу не нужна пара. Удивительную параллель библейской легенде содержит знаменитый диалог Платона «Пир»: там антропогонический миф рассказывает сам великий комедиограф Аристофан. Правда, слушатели подозревают его в зубоскальстве...

Некогда люди делились не на два, а на три пола: помимо мужчин и женщин существовали и андрогини. Тело существ всех трех полов было округлым, наподобие яйца, рук было четыре, ног столько же, на одной голове — два лица, смотрящих в разные стороны, ушей — две пары. Такой человек мог передвигаться в любую сторону, ибо у него не было переда и зада, но если он торопился, то шел колесом, используя все восемь конечностей. Полов было три, потому что мужской пол происходит от Солнца, женский — от Земли, андрогин же — от Луны, которая совмещает оба начала. Первые люди были настолько могучи, что собирались напасть на богов. Зевс и прочие боги стали совещаться, как им быть: уничтожить мятежников молниями, как гигантов, — но тогда погибнет все человечество и некому будет почитать богов. Наконец Зевс принял решение, благодаря которому можно было сохранить людей, положив конец их буйству. Громовержец принялся резать людей пополам, как режут яйца волоском, чтобы они ходили на двух ногах. Если же они не прекратят бесчинств, пригрозил Зевс, то он разрежет их надвое еще раз, так что придется им прыгать на одной ноге...

Занимаясь этой операцией, Зевс велел Аполлону поворачивать лицо нового существа в сторону разреза, чтобы человек помнил о том, как нака-

зали его боги. Аполлон принялся довершать творение, стягивая кожу к новому животу и завязывая ее там в виде пупка. Но вот детородные органы остались у разделенных половин сзади. Разделенные бросались друг к другу, чтобы воссоединиться, не могли ни есть, ни пить, так что человечество опять оказалось на грани гибели. Пришлось Зевсу переставлять детородные органы, чтобы семя стремящихся друг к другу половин не изливалось на землю, а человеческий род мог продолжаться после соития.

Но влечение к противоположному полу испытывали только бывшие андрогины; разделенные же надвое мужчины и женщины так и стали мужеложцами и лесбиянками.

Эксперименты свойственны демиургам, в том числе и трикстерам — в этих мифологических рассказах можно видеть истоки экспериментальной научной деятельности. Даяки Борнео рассказывали, что творец Салампандаи сначала по велению богов сделал человека из камня, но тот не мог говорить. Тогда он сковал человека из железа, но и тот был нем. Наконец человек был слеплен из глины и смог общаться с богами. Так Салампандаи и приходится творить людей на своем рабочем столе. Вновь сотворенного боги спрашивают, что он хочет постоянно держать в руках. Если младенец говорит: «Меч», — то рождается мальчик, если «Веретено и прялка» — девочка. Африканцы эве рассказывают, что когда творец хочет создать хорошего человека, он выбирает хорошую глину, а для плохого пользуется плохой.

В славянских легендах первые люди были великаны, но они оказались не слишком удачным творением Бога: были медлительны и ленивы, не могли прокормить себя, упав, не могли встать или погибали, потому что при падении ломали себе кости. Кроме того, они швыряли в небо камнями, губили все живое, хотели помериться силой с Богом. Бог наказал их безумием, превратил в обычных

людей или истребил во время потопа. Нынешние люди были вторым творением Бога, которое оказалось более удачным: согласно болгарской легенде, именно этому поколению людей Бог заповедал носить пояс — видимо, как отличительный знак принадлежности к культуре. Современных людей в конце света сменит поколение карликов, таких маленьких, что двенадцать человек смогут молотить зерно в устье печи, как на гумне...

Каинова печать и рождение Ноя

Каин же, потомки которого наслаждались грешной жизнью за стенами построенных им городов, не находил себе покоя и постоянного пристанища. И смерть не брала его. Каинова печать повсюду обнаруживала первого братоубийцу: по легендарным рассказам, у него вырос рог во лбу, отличавший его от прочих людей. Этот рог и погубил его.

Праправнук Каина Ламех был великим охотником, но к старости ослеп. Правда, у него сохранилось охотничье чутье и верная рука — ее нужно было только направить. Поэтому сын Ламеха первый кузнец Тувалкаин сопровождал его на охоте. Однажды за горой он приметил чей-то рог и направил руку Ламеха. Так бы сражен Каин, и Ламех оплакал смерть пращура.

Грех убийства родича лег на Ламеха, и даже жены отвернулись от него. И тот вынужден был обратиться к Адаму — ибо он был еще жив, чтобы тот рассудил мужа и женщин. Адам помнил Божий Завет — жена должна подчиняться мужу. И брак этот был благословен. Ламех зачал ребенка, который родился обрезанным — был избран Господом. Ламех назвал его Ной — «Утешение».

Потоп и начало истории

С рождением Ноя — нового человека — умер Адам. Для возмужавшего Ноя была найдена праведная дева — дочь Еноха, за мудрость живым взятого на небо. Она родила Ною трех сыновей — Сима, Хама и Иафета.

Господь же послал архангелов, чтобы они расправились с виновниками земных бесчинств. Рафаил связал Аза-

зеля и бросил его в темную пещеру в пустыне, куда еврейский народ стал посылать козла отпущения, уносящего на себе все грехи, накопившиеся за год. Гавриил истребил падших ангелов, бесчинствовавших на земле. Михаил заковал в цепи Шемхазая и его приверженцев, заключив их в другой пещере. Четвертого архангела — Уриила — Господь, радея о своем творении, отправил к Ною.

Праведному Ною Уриил поведал о грядущем потопе, и Ной стал призывать людей к покаянию. Но люди смеялись над ним. «Что нам вода и пламя, — говорили они, — если у нас есть каменные строения и железо, спасающее от всех бед? Что нам небесные воды при нашей исполинской высоте?»

Тогда Господь повелел Ною строить ковчег и взять туда «каждой твари по паре». Когда ковчег был готов и вся живность уместилась в нем, умер старейший из людей — Мафусаил, сын Еноха, проживший 969 лет. И Господь отсрочил потоп, установив семинедельный траур и ожидая покаяния от людей.

Но люди не покаяться, и тогда земля содрогнулась, солнце померкло и воды небесные хлынули на землю. Напрасно грешники бросились к ковчегу — он не мог уместить их. Пламя бездны превратило воду в губительный кипяток, так что люди напоминали стручки гороха в кипящем котле.

В русской библейской легенде допотопные люди не погибли, а превратились в лягушек...

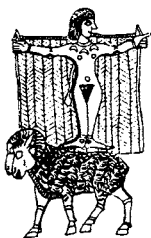
В ковчеге же было достаточно пищи, и светящаяся жемчужина показывала более ярким блеском, когда наступает ночь: ведь Ною нужно было вести счет дням, чтобы соблюдать праздник седьмого дня — субботу. Всем тварям в ковчеге Ной запретил соитие. Но Хам, пес и ворон не удержались от соития. Хам совершил грех, чтобы скрыть, что его жена беременна от павшего ангела, и Господь покарал его, сделав его кожу черной — потомки Хама живут в Африке. Пес же и ворон стали нечистыми животными.

В польской легенде говорится, что пищи в ковчеге было все же мало, и змея отправила комара узнать, чья кровь самая вкусная. Комар выяснил, что нет ничего вкусней человечины, но не ус-

пел сказать об этом змее — ласточка склевала его, змее же показалось, что комар похвалил кровь жабы. Так змея не стала людоедкой и питается земноводными, а ласточку люди должны почитать: разрушить ласточкино гнездо — великий грех.

Еще одна нечистая тварь пробралась в ковчег незамеченной из-за малых размеров. То была мышь, в которую превратился сатана. Противник Господа хотел прогрызть дыру в ковчеге, чтобы все твари погибли. Но тут лев вычихнул из своих ноздрей кошку, и та успела поймать мышь, спася все живое.

В славянском варианте этой библейской легенды забота обо всех тварях торжествует: Ной успел отобрать мышь у кошки, но посадил ее в клетку — мышеловку, чтобы она не потопила ковчег. Кошку же Ной приставил сторожить мышь: с тех пор коты ненавидят мышей. Другой герой, который спасает Ноев ковчег в славянских легендах, — уж, который заткнул своим телом дыру, сделанную мышью. С тех пор ужу позволено питаться мышами и людям нельзя убивать ужей. Желтые пятна на голове ужа — корона, пожалованная ему Господом. В другом варианте ковчег спасает лягушка... Не удивительна роль, которую играют эти хтонические существа при спасении Ноева ковчега: ведь они — земноводные, могут обитать и в воде и на суше, а в архаичных космогониях они участвуют в создании мира (как Ен — лягушка у коми). Уж напоминает и о Мировом змее, на котором держится земля.

Миновало сто пятьдесят дней (а не сорок, как в каноническом тексте Библии), и Господь закрыл шлюзы небесные двумя звездами, взятыми из созвездия Большой Медведицы. На седьмой день седьмого месяца (число месяцев и дней соответствует числу дней творения) ковчег прибило к вершине горы Арарат.

Тогда Ной решил отправить ворона в поисках земли, пригодной для жизни. Ворон не хотел летать над водами и принялся попрекать Ноя: он не любит ворона так же, как его не любит Господь, хочет, чтобы ворон улетел, а сам тем временем стремится завладеть его женой — характер знакового нам трикстера проступает в вороне библейской легенды. Птице все же пришлось отправиться на поиски земли, но и тут ворон проявил непослушание: он не вернулся в ковчег, а принялся клевать трупы утопленников. За это он стал черным.

Выпущенный следом голубь нашел землю, на которой успело распуститься оливковое дерево: оливковая ветвь, принесенная голубем в клюве, стала символом спасенного мира.

Ной вышел из ковчега и стал сооружать из камней алтарь, чтобы принести благодарственное приношение. И Бог, видя преданность спасенных им людей, дал обет не посылать больше потопа на землю.

Знаменитый историк I в. н. э. Иосиф Флавий писал в своей книге «Иудейские древности», что исполины Библии напоминали греческих гигантов, истребленных Зевсом. Победить их Зевс мог только при помощи смертных героев — людей, первым делом — Геракла. Правда, замечал историк, Ной призывал их покаяться...

В этом отличие традиционной мифологии от библейской. Традиционным мифам чужда идея ответственности человека за космогонические события и эпохи. Это дело высших существ, «дела давно минувших дней». Но смысл библейского мифа в ответственности человека перед Творцом. Из библейского рая были изгнаны не провинившиеся боги, подобные многим низвергнутым на землю персонажам традиционных мифов, — изгнаны были первоначально люди.

Собственно космогония — Шестоднев — сведена в Библии к минимуму и по объему не сопоставима ни с одним мифом творения, не говоря уж

о теогониях, вроде поэмы Гесиода. В центре библейского рассказа не происхождение богов, их тварей и вещей, а история человеческого рода. До потопа эту историю можно считать «предысторией». После потопа потомки Ноя становятся прародителями реальных народов: многие из тех, что перечислены в Таблице народов X главы Бытия, либо хорошо известны историкам, либо существуют до сих пор.

Еще одно существенное отличие библейского мифа от традиционных, в первую очередь «тотемических», мифологий заключается в том, что разные племена и народы произошли в них от разных явлений. Правда, в «тотемическом» мире все явления были объединены родственными связями, но главным все же было разделение между племенами и народами, их разное происхождение. В библейском мифе все народы были потомками праотца Ноя и его трех сыновей, в конечном итоге — братьями.

Миф и история

Мы уже не раз замечали, что большая часть мифов о творении завершается рассказом о происхождении «исторических реалий» — людей одного племени, их территории и урочищ на этой территории, в мифологиях древних государств — рассказом о происхождении от богов правящей династии, ее столицы (Ифе, Вавилона и других), расположенной в центре мира, храма, который объединяет этот центр с миром божественным, наподобие Мировой горы или Мирового древа.

Царь в Вавилоне, Китае, Индии и других странах оказывается не только правителем, но и жрецом, ибо он объединяет людей и богов, будучи их потомком, он же объединяет небо и землю, совершая новогодний ритуал, во время которого цитируются мифы о сотворении мира. Год не случайно начинается, как правило, с солнцеворота — зимнего, весеннего или осеннего: начинается новый космичес-

кий цикл, солнцу нужны силы, чтобы победить зимнюю тьму — вспомним кровавые жертвы, приносимые солнцу в Мезоамерике.

Казалось бы, и библейская традиция следует этой традиционной схеме. Пророк Иисус в своем стремлении спасти погибающее человечество провозглашает себя Сыном Божиим и царем иудейским из колена Давидова — он призван объединить Бога и людей. Но история со своей мифологической «схемой» прерывает проповедь Иисуса. Ведь в мире уже был царь — кесарь, и он имел не только божественный статус, но и божественное происхождение. Род Цезарей (к имени которого восходит и славянский титул «царь») возводил себя к Венере, греческой Афродите, одному из древнейших божеств, рожденных при известных нам драматических обстоятельствах, прямо из волн первобытного океана. Рим стал столицей мира, и у мира не могло быть иных царей.

Иисус был осужден, и его римская казнь — с бичеванием, которое входило в обязанность ликторов, недаром их отличительным знаком были пучки розог (фасции), и последующим распятием, — была казнью узурпатора, покусившегося на власть кесаря. Крест был воздвигнут на Голгофе, Лысой горе: это название позволило позднейшим христианским легендам отождествить саму гору с местом погребения великана Адама — его череп стал Лысой горой, а внутри черепа размещалась пещера, где был погребен снятый с креста Христос. Кровь Христа — нового Адама — пролилась на прах Адама ветхого как символ спасения человечества.

Само орудие казни стало в христианстве новым Древом жизни. Крест, воздвигнутый на горе, действительно подобен Мировому древу традиционных мифологий, ведь распятому на нем Христу открыты были все миры — и ад, куда он спустился, чтобы вывести спасенных Адама, Еву и праведников Ветхого Завета, и небеса, куда воскресший Иисус вознесся после сорокадневного пребывания в земном мире. По христианской легенде, крест был действительно вытесан из райского древа, вынесенного из Эдемского сада волнами потопа: оно лежало во дворе Иерусалимского храма, пока не было воздвигнуто на Голгофе. Жертва Христа привела не только к воскресению распятого на новом Древе жизни, но и к спасению всего человечества.

Эта жертва повторяла древнюю жертву Авеля, жертву Авраама, когда ангел заменил предназначенного к закланию Исаака овном, и пасхальную жертву агнца, приноси-

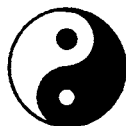
мую в Иерусалимском храме. Но на Голгофе замены человека на агнца не произошло — пасхальным агнцем стал Иисус, кровь нового Адама должна была вернуть к жизни из смертного тлена обновленное человечество.

Перед нами — знакомые сюжеты традиционной мифологии. Но эти сюжеты разворачиваются не в мифологическом и не в ритуальном, а в историческом пространстве. Не военный пленник, как у индейцев Мезоамерики, и не раб, как в Вавилоне, приносится в жертву, чтобы обновить силы мироздания, космоса. Пророк добровольно приносит себя в жертву, чтобы спасти человечество. И не просто календарный праздник избран для этого жертвоприношения. Агнца приносили в жертву на праздник Пасхи, не связанный прямо с календарными торжествами, подобными Новому году: Пасха праздновалась в память об историческом событии — избавлении богоизбранного народа из египетского рабства. Иисус хотел избавить людей от рабства предрассудков, в том числе мифологических и ритуальных, и снова, как в начальные времена, дать им свободу выбора между добром и злом, Богом и сатаной.

С распространением христианства в Римской империи новая религия должна была получить и новое ритуальное воплощение. Естественно, что это воплощение впитало старые календарные традиции, широко воспринятые населением империи вместе с античной культурой и культурой ближневосточной цивилизации. Само Рождество христианского Спасителя было приурочено к зимнему солнцевороту, римским календам, которые у славян получили наименование Коляды. То было новое Солнце новой веры. Его предшественником — Предтечей — был Иоанн, рождение которого празднуется во время летнего солнцеворота, на Ивана Купалу в христианизированной славянской традиции: Иоанн крестил водой — отсюда народное прозвание Крестителя — Купало.

Ночи перед рождением нового солнца — ночь перед Рождеством или ночь на Ивана Купалу, прославленные романтическими произведениями

Гоголя, — считались наиболее опасными в году, ибо нечистая сила получала свободу в эту ночь. Люцифер мечтает в одном из средневековых текстов: если бы он мог хотя бы на один зимний час освободиться из ада со своим воинством, он успел бы многое совершить во имя зла...

Поэтому по всей Европе и в христианскую пору совершаются многочисленные древние охранительные ритуалы во время Святков — рождественских праздников, и горят костры на Купалу, поддерживая свет против тьмы.

Библейская традиция требовала нравственной ответственности человека за свои поступки в истории: образцом здесь выступал сам Творец, ибо он сотворил мир не в стихийном порыве. Еще средневековые теологи стремились объяснить, зачем всемогущему Божеству понадобилось творение, неизбежно приводившее к появлению зла в мире, и находили объяснение в том, что Творец испытывал потребность в любви. И не первобытный Эрос, стихийная тяга к хаотическому соитию, как в греческом мифе, руководил Творцом — Он не имеет ничего общего с похотливым Зевсом. И недаром мировой змей Офион, породивший Эроса в орфических мифах, так напоминает сатану: потомки Евы разят змея в голову, подобно Эвриноме. Безграничная любовь есть сущность библейского Бога, и она вмещает весь мир: в христианской традиции Творец приносит в жертву этой любви Сына, призванного спасти погрязшее во зле творение.

Творение же не в состоянии вместить эту любовь — даже ангелы ревнуют к людям, и злоба сатаны — это ревнивая злоба. Сама смерть пришла в мир не из-за роковой ошибки тотемического героя, в первобытных мифах перепутавшего слова, а из-за сознательного непослушания первых людей, желания «стать как боги».

Правда, знаменитый английский антрополог Джордж Фрэзер предполагал в книге «Фольклор в Ветхом Завете», что и в первоначальном мифе змей был послан Господом с Благой вестью о том, что люди не должны умирать, но, схитрив, извра-

тил смысл слов, чтобы обеспечить бессмертие себе. Фрэзер приводил в своей книге и историю То Корвуу, из-за которого люди стали умирать, а змеи — менять кожу. Но в том-то и смысл библейского повествования, что оно отрицало саму суть первобытного мифа.

Божественное требование ответственности означало, что мифологическая эпоха первотворения завершилась: отныне люди властны распоряжаться собою сами. Творец может лишь препятствовать их вторжению в отделенный от них мифологический мир: разрушить Вавилонскую башню и смешать языки, напоминать о своем гневе стихийными бедствиями и нашествиями врагов, но не творит более чудес мироустройства.

Этот исторический пафос Библии был воспринят всеми традициями, связанными с древней культурой Средиземноморья, — и христианской, и исламской, ибо пророк Мохаммед (как до него — Мани) считал себя наследником ветхозаветных пророков и Иисуса. Они обращались с пророческим словом ко всем народам, населяющим ойкумену. Чудовища же — воплощения хаоса, с которыми сражались боги разных народов в начале времен, первобытные химеры, от которых очищал землю Геракл, превратились в монстров, псоглавцев, людей с одной ногой или со ртами в животе, населяющих самые отдаленные края ойкумены. Легенды о них долго сохранялись в книгах о диковинках Вселенной и дожили до нашего времени в рассказах о снежном человеке.

Русь, Русская земля, продолжает библейскую историю в Начальной русской летописи — «Повести временных лет». В отличие от многих других — всемирных — хроник, эта летопись призвана рассказать о начале Русской земли. Всемирные хроники начинались с Шестоднева — библейского рассказа о сотворении мира, русская летопись начинается с повествования о сыновьях Ноя, которые по жребию поделили между собой всю землю. Ной же заповедовал им «не преступать жребия братня».

Такой зачин был не случаен, ибо Русь, возникшая на периферии древних цивилизаций, не упоминалась среди народов — потомков Ноя в древних хрониках. Летописцу нужно было первым делом отыскать место Руси и славян

среди этих народов. Конечно, он знал легенду о разделении языков и упомянул славян среди народов, строивших Вавилонскую башню. Но жили они не на Востоке, который достался потомкам Сима, и не на Юге, ставшем «частью» Хама, а на Западе и Севере, где стали расселяться потомки Иафета, в той части мира, которую мы именуем Евразией.

Мы уже говорили, что потомки трех сыновей Ноя — народы не мифические, среди них нет ни псоглавцев, ни амазонок. Сим, Хам и Иафет, казалось бы, никак не связаны с троицами божеств, воплощавшими три зоны Космоса: небо, землю и преисподнюю. Но древний миф-архетип все же оставил свой след в библейском повествовании. Сим получил Восток (тот, что мы называем Ближним Востоком), ту часть, где Господь насадил земной рай; он же был наиболее благословенным — приближенным к Богу и небесам — среди сынов Ноя. Хам, напротив, был проклят отцом, ибо насмеялся над его наготой (в этом усматривают даже остаток древнего мифа о кастрации отца, подобного греческому Урану): по приведенной легенде, он вообще склонен был к проступкам на сексуальной почве. В наказание Хам получил черную кожу, а при разделении мира — жаркий юг, ассоциировавшийся с преисподней и ее неугасимым пламенем.

Иафет же был благословен «пространственным овладением»: его потомки заселили огромные пространства Евразии, большую часть суши, которая должна была ассоциироваться со срединным земным миром. Так космогоническая мифологическая схема превращалась в историко-географическую.

Русский летописец умело воспользовался этим превращением, переходом от мифа к истории. Славяне действительно расселились на огромных пространствах Европы (а затем и Евразии — в Казахстане и Сибири), и летописец описал расселение двенадцати племен, которые заняли будущую

Русскую землю, и появление у них городов, так, как в Библии описано расселение двенадцати колен Израилевых.

Но этим отнюдь не ограничивалось использование им библейской традиции. Большинству значимых эпизодов русской истории, особенно истории русского христианства, находилось соответствие в Библии. И то была не просто риторика: когда разразилась первая распря между русскими князьями-братьями после смерти Владимира Святославича, братоубийца Святополк Окаянный был отождествлен с Каином, а его жертвы — святые Борис и Глеб — с Авелем.

Но и рассказ о сыновьях Ноя был использован летописцем не только в космографической части, описывающей расселение народов мира. Сын Владимира Святославича Ярослав Мудрый оставил Русскую землю, поделив ее по преимуществу между тремя старшими сыновьями. Такова была давняя традиция — первых русских князей-варягов, призванных из-за моря славянами, тоже было трое. Но когда двое младших Ярославичей в 1073 г. изгнали из Киева старшего, летописец напомнил, что это — страшный грех. Ведь так потомки Хама, нарушив заповедь отца и Божью заповедь, вторглись в часть Сима и были прокляты. Заповедь братней любви была самой насущной для ранней русской истории, ведь Русской землей правил целый княжеский род, и все князья были братьями. Нравственная сила библейской традиции была необходима начальной Руси, как и прочим странам, ищущим свое место в мире цивилизации.

Конечно, значение библейской традиции отнюдь не ограничивалось эпохой становления современной цивилизации и, более того, не ограничивалось религиозно-мифологической или даже этической сферой. В начале книги мы уже говорили, что современная наука использует библейский миф об Адаме и Еве как символическое описание антропогенеза, адекватно отражающее современные представления о происхождении человека от небольшой популяции, возводимой к «прародителям».

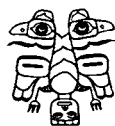
Так же и наука о языках — лингвистика — долго использовала библейскую классификацию языков, восходящую к легенде о трёх сыновьях Ноя и смешении языков после Вавилонского столпотворения. Долгое время языки народов Ближнего Востока и Северной Африки именовались семитскими и хамитскими и объединялись в семито-хамитскую семью. Сложнее было с потомками Иафета — яфетидами, ибо народы Евразии говорили на языках разных се-

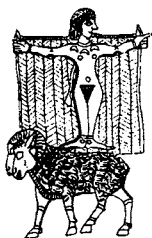

мей — индоевропейские языки (включавшие индоарийский и иранский, греческий, германские, славянские и прочие) отличались от алтайских (тюркских и монгольских), финноугорских, палеоазиатских и других. Но в первой трети XX в. знаменитый лингвист Н.Я. Марр обратил внимание на сходство этих языков и предположил, что их можно называть яфетическими. «Яфетическая теория» Марра основывалась на поверхностных наблюдениях и была отвергнута наукой. Но в конце XX в. лингвисты вновь обратились к сходству слов, обозначающих основные понятия — части тела, наименование животных и растений и т.п. — в языках Евразии. Эти слова могли относиться к очень древней — первобытной эпохе, потому что среди них не было понятий, характеризующих «производящее хозяйство» — земледелие и скотоводство. Значит, первобытное население Евразии говорило на схожих диалектах до того, как было изобретено земледелие, и люди стали расселяться на просторах огромного континента. Эти древнейшие диалекты принято объединять под условным названием ностратической — «нашей» (от латинского *noster*) общей — семьи. И не случайно исследователи ностратических языков объединили свои усилия в проекте, который получил название «Вавилонская башня».

Помимо библейской, в основе современной культуры лежит, конечно, и античная традиция. Без них и в отечественной культуре не могли обойтись даже тогда, когда всякая мифология считалась пережитком религиозного мракобесия. Книги Н.Я. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» и польского писателя Зенона Косидовского «Библейские сказания» давали возможность советскому читателю познакомиться с мифами Гомера и Библии тогда, когда Гомер издавался малыми тиражами, а Библия была недоступна вообще.

Но во второй половине XX в. все большей популярностью стали пользоваться мифы «первобытных» народов. Популярными изложения австралийских мифов были изданы под редакцией замечательного знатока самых разнообразных культурных традиций этнографа С.А. Токарева. Затем в издательстве «Восточная литература» была создана целая серия книг «Сказки и мифы народов Востока», в которой до наших дней издаются фольклорные тексты с необходимыми комментариями (ссылки на эти книги читатель найдет в списке рекомендуемой литературы).

Этот интерес к «первобытной» культуре охватил весь «цивилизованный мир». Один из «властителей дум» современной европейской интеллигенции французский антрополог Клод Леви-Строс, много лет работавший среди индейцев Южной Америки и прославившийся своим четырехтомным компендиумом «Мифологики» (на русском языке недавно вышли три тома), объяснил этот интерес всегдашним свойством человеческой культуры. Эта культура должна была преодолевать сложившиеся стереотипы, превращающиеся в мертвые схемы: так библейская традиция с ее нравственным пафосом преодолевала первобытный миф. В Средние века христианские догмы стали препоной для творческой свободы, и Европа обратилась к отвергнутому христианством античному наследию: то была эпоха Ренессанса античной культуры. Современный мир со своими стереотипами «цивилизованного общества потребления» должен был обратиться к первобытным истокам цивилизации в стремлении обновить свои омертвевшие, становящиеся фетишами ценности.

Обращение к некоему идеализируемому прошлому свойственно и самой мифологии. Другой «властитель дум» — историк религии Мирча Элиаде — именовал первобытный миф «мифом о вечном возвращении»: творцы мифов рассказывали о давно минувших временах творения, времени сновидений, невозвратимом Золотом веке, обретая свободу первобытных времен во время праздников и обрядов, связанных с рассказываемыми мифами. Эта мечта о возвращении Золотого века жила всегда и живет ныне — в религиозных и социальных утопиях о земном рае или царстве коммунизма (недаром его теоретики так идеализировали «первобытнообщинный строй»). Но не мечта о возвращении первобытных ценностей движет интересом к первобытной мифологии. Древние мифы дают образцы удивительной фантазии в способах описания мира, образцы творческой свободы, без которой жизнь людей немислима.

ЧТО ЧИТАТЬ

Общие работы по мифологии

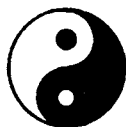
- Мифы народов мира. Т. 1—2. М., 1980—1981 и др. издания
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986
Мифологии древнего мира. М., 1977
Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964
Леви-Строс К. Мифологии: Т. 1. Сырое и вареное. М., 1999; т. 2. От меда к пеплу. М., 2000; т. 3. Происхождение застольных обычаев. М., 2000
Ранние формы искусства. М., 1972
Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1987
Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984
Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985
Элиаде М. Космос и история. М., 1987
Элиаде М. История религиозных идей. Т. 1—3. М., 2001—2002

Отдельные мифологические традиции

- Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988
Виденгрэн Гео. Мани и манихейство. СПб., 2001
Гране М. Китайская мысль. М., 2004
Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992
Грейвс Р., Патай Р. Иудейские мифы. Книга Бытия. М., 2002
Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986
Кодзики. Записки о деяниях древности. Свиток 1. СПб., 2000
Корни Иггдрасиля. Эда. Саги. Скальды. Приложения. Составитель О.А. Смирницкая. М., 1997
Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М., 1976
Котляр Е.С. Миф и сказка Африки. М., 1975
Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998

- Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. Л., 1987
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957
- Макконнел У.* Мифы мункан. М., 1981
- Маршалл А.* Люди незапамятных времен. М., 1958
- Матье М.* Мифы Древнего Египта. М., 1956
- Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979
- Мифы и сказки бушменов. М., 1983
- Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981
- Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. М., 1986
- Мифы, предания и сказки фиджийцев. М., 1989
- Напольских В.В.* Как Вукузэ стал создателем суши: удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск, 1993
- "Народная Библия": восточнославянские этиологические легенды / Составление и комментарии О.В. Беловой. М., 2004
- От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в еврейской и славянской народной культуре. М., 1998
- От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступительная статья, перевод, комментарий В.К. Афанасьевой. СПб., 1997
- Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. М., 2003
- Плавание святого Брендана. Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров. СПб., 2002
- Повесть временных лет. М., 1996
- Проделки хитрецов. М., 1972
- Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. Зороастрийская мифология. СПб., 1998
- Рассел Дж. Б.* Люцифер Дьявол в Средние века. СПб., 2001
- Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Новосибирск, 1991
- Сказки и легенды маори. М., 1981
- Сказки и мифы народов Филиппин. М., 1976
- Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974
- Сказки и мифы Океании. М., 1970
- Сказки народов Африки. М., 1976
- Сказки народов Бирмы. М., 1976
- Стратанович Г.Г.* Народные верования населения Индокитая. М., 1978
- Темкин Э.Н., Эрман В.Г.* Мифы Древней Индии. М., 2002
- Финикийская мифология. СПб., 1999
- Хук С.Г.* Мифология Ближнего Востока. М., 1991
- Эллинские поэты в переводах В.В. Вересаева. М., 1963
- Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. М., 1965
- Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995

СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абасы, в якутской мифологии злой дух 403
- Абзу (Апсу), в шумерской и аккадской (вавилонской) мифологии мировой океан подземных пресных вод 274–276, 278
- Абоби, в австралийской мифологии первая женщина 31
- Авонавилона, в мифологии индейцев зуньи бог-творец 253
- Авраам, в библейской мифологии родоначальник евреев 101, 102
- Аврора, в римской мифологии богиня утренней зари 300, 388, 425
- Аганью, в мифологии йоруба воплощение земли, сын Одудувы 247
- Адам, в библейской мифологии первый человек 17, 327, 369, 388, 391, 392, 395–399, 405–407, 409, 412–417, 420, 425
- Адити, в индийской мифологии дочь Дакши 363
- Азазель, апокрифический падший ангел 415, 416, 420
- Аид, в греческой мифологии владыка преисподней 299, 302, 304, 308, 309
- Айе-Шалагу, в мифологии йоруба бог богатства 247
- Айон, в финикийской мифологии вечность 373
- Айшма, Асмодей, в иранской мифологии дух грабежа и злого дела 380, 386, 417
- Айы, в якутской мифологии добрые божества 402–403
- Айы-Тойон, в якутской мифологии бог-творец 189, 402–403
- Ака Мана, в иранской мифологии дух злой мысли 380
- Алатырь (латырь), в русском фольклоре священный камень, пуп земли 325
- Александр Македонский, в античных легендах завоеватель и культурный герой 172
- Алкионей, в греческой мифологии гигант 308
- Алкмена, в греческой мифологии мать Геракла 372
- Аллах, в исламе единый Бог 372
- Алмус, в мифологии монгольских народов и алтайцев демон 402
- Алоу, в мифологии качари (Индия) бог — создатель людей 400
- Альбэ, в мифологии кетов культурный герой и первый шаман 291

Альвы, в скандинавской мифологии низшие природные духи 239, 331

Аматэрасу, в японской мифологии богиня солнца 286–288, 395

Амаунет, в египетской мифологии жена Амона 272

Амброзия, в греческой мифологии пища богов-олимпийцев 353

Амертат, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, «Бессмертие» 380, 383, 385

Амеша Спента, в иранской мифологии божества 379

Амма, в мифологии догонов божество-демиург 248–249, 253, 358, 359

Амон, в египетской мифологии бог солнца 272–273

Амрита, в индийской мифологии напиток бессмертия 350–353, 370, 378

Амур, в римской мифологии бог любви 294

Ан (Ану), в шумерской и в аккадской (вавилонской) мифологии бог неба 275–278, 279, 293

Ананси, в мифологии западно-африканских народов группы акан трикстер 128–129

Ангелы, в библейской мифологии бесплотные существа, служащие Богу 288, 346, 348, 409–410, 425

Ангирас, в индийской мифологии сын Брахмы, риши 362

Ангирасы, в индийской мифологии род мудрецов, потомков Ангираса 362

Ангро-Майнью, в иранской мифологии глава сил зла 378–387, 389, 402

Анки-Пугос, в мифологии хантов богиня-мать 177

Ануннаки, в шумерской мифологии группа богов 407, 408

Аншар и Кишар, в аккадской (вавилонской) мифологии родители бога Ану 275, 279

Ао, в китайской мифологии гигантская черепаха 205

Апаоша, в иранской мифологии дэв засухи 383, 385

Апата, в греческой мифологии олицетворение обмана 301

Аполлон Феб, в греческой мифологии бог — покровитель искусств 84, 300, 307–308, 361, 418–419

Апсары, в индийской мифологии полубожественные женские существа 348, 351

Арамемб, в папуасской мифологии дема 80, 81, 84, 89, 90, 92

Арап, в папуасской мифологии планета Юпитер 77

Аргонавты, в греческой мифологии участники плавания за золотым руном 108, 360

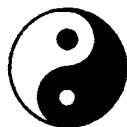
Ардви, в иранской мифологии священный источник всемирных вод 384

Арес, в греческой мифологии бог войны 82, 309

Арджуна, в индийской мифологии герой 348

Арьяна Вэджа, в иранской мифологии прародина иранцев 385

Аркадия, в греческой мифологии счастливая страна 361

- Арсан Дуолай, в якутской мифологии глава злых духов нижнего мира 402, 403
- Артемиды, в греческой мифологии богиня охоты 300
- Асгард, в скандинавской мифологии небесный град богов-асов 123, 232, 237, 240, 241, 333, 335, 382
- Аск и Эмбля в скандинавской мифологии первые мужчина и женщина 162, 233, 240
- Асмодей, в иудаистических легендах демоническое существо 380, 417
- Астерия, в греческой мифологии сестра Лето 300
- Астрей, в греческой мифологии воплощение звездного неба 300
- Асуры, в индийской мифологии высший класс демонов 167, 349–353, 363, 385
- Асы, в скандинавской мифологии группа богов 233, 238–243, 328, 333
- Ата, в полинезийской мифологии мать-земля 169
- Атаентсик (Авенхай), в мифологии индейцев группы ирокезов прабабка людей 292
- Атар, в иранской мифологии персонификация огня 385–386
- Атлант, в греческой мифологии титан, брат Прометея 198, 300, 303, 307, 361
- Атри, в индийской мифологии сын Брахмы, риши 362–363
- Атуа, в полинезийской мифологии божество 163, 257
- Атум, в египетской мифологии демиург, бог солнца 263–264, 269–272, 317, 372
- Аудумла, в скандинавской мифологии чудесная корова 224
- Аурват, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, «Целостность» 379, 380
- Афина, в греческой мифологии богиня мудрости, дочь Зевса 286, 304–306, 308
- Афродита (Киприда), в греческой мифологии богиня любви и красоты 82, 301, 306, 351, 370, 409, 425
- Ахриман, в иранской мифологии верховное божество зла 113, 297, 378, 384, 387, 388–391
- Ахурамазда, в иранской мифологии верховный бог, олицетворение доброго начала 296, 378–387
- Ахуры, в иранской мифологии благие боги 378, 380
- Аша Вахишта, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, «Истина» 379, 385
- Ашваттха, в индийской мифологии священная смоковница 321, 322, 338, 385
- Ашвины, в индийской мифологии божественные братья-близнецы 322
- Ашкалун, в манихействе мифологии демон 391
- Ашнан, в шумерской мифологии богиня зерна 274, 408
- Ашун, в мифологии чинов Мьянмы священный ворон 368

- Баау, в финикийской мифологии супруга Колпия 373
- Баба-яга, в славянских сказках злая старуха-волшебница 65, 83, 99, 100, 287
- Байаме, в австралийской мифологии творец 46–49
- Барамбари, в австралийской мифологии злой дух 28, 29
- Бегша, в тибетской мифологии змей 365
- Бельторн, в скандинавской мифологии великан, дед Одина 336
- Бенбен, в египетской мифологии камень, фетиш Ра 270
- Бену, в египетской мифологии бог, душа солнца-Ра 270
- Бергельмир, в скандинавской мифологии один из ётунов 225
- Берут, в финикийской мифологии бог 374
- Бесы, в христианстве злые духи 411
- Биврёст, в скандинавской мифологии мост от земли до неба — радуга 238
- Биндо, в мифологии гондов гигантская птица 174
- Бирра-нуллу, в австралийской мифологии жена Байаме 49
- Богородица, в христианстве мать Иисуса Христа 325
- Бодхисаттва, в буддизме существо, принявшее решение стать буддой 401–403
- Бор, в скандинавской мифологии отец Одина 224, 225, 227, 233
- Борей, в греческой мифологии северный ветер 300
- Ботокуэ, в мифологии индейцев же разоритель гнезд 85
- Брахма, в индийской мифологии бог — творец мира 171, 283, 295, 348, 362–365, 370, 378
- Брахмалока, в индийской мифологии местопребывание Брахмы 364
- Брахман, в индуизме воплощение всего сущего, абсолют 322, 338
- Брендан, ирландский святой, герой легенды о плавании в Землю обетованную 343–348
- Будда, в буддизме человек, достигший высшего предела духовного развития; основатель буддизма (Шакьямуни) 338, 349, 388
- Буга, в мифологии эвенков верховное божество 183, 189
- Бунджиль, в австралийской мифологии творец 34, 35
- Бунинка, в мифологии эвенков сатана, участвующий в творении мира 189
- Бури, в скандинавской мифологии предок богов 224
- Бхригу, в индийской мифологии мудрец риши 364
- Бхуварлока, в индийской мифологии пространство между землей и солнцем 364
- Бхурлока, в индийской мифологии земля 364

- Вaal (Балу, Баал-Зебул), в западносемитской (финикийской) мифологии бог-громовник 409
- Вакуль (васа), в мифологии коми водяной 180
- Вала, в индийской мифологии демон 371
- Валькирии, в скандинавской мифологии божественные девы, спутницы Одина 333, 338
- Вальхалла, в скандинавской мифологии чертог Одина 333, 338
- Ванант, в иранской мифологии обожествленная звезда 380
- Ванахейм, в скандинавской мифологии жилище богов-ванов 242
- Ваны, в скандинавской мифологии группа богов плодородия 241, 242, 244
- Варамунгундью, в австралийской мифологии мать-прародительница 38, 100
- Варуна, в индийской мифологии бог, связанный с космическими водами 283, 322, 363, 364
- Васуки, в индийской мифологии царь змей 282, 350, 364
- Ве, в скандинавской мифологии брат Одина 224, 233, 329
- Вёлунд, в скандинавской мифологии чудесный кузнец 239
- Вельва, в скандинавской мифологии прорицательница 216, 226, 227, 230, 233, 239–242, 328, 332
- Вельзевул, в христианских представлениях демоническое существо 409
- Верданди, в скандинавской мифологии норна 331
- Вивасват, в индийской мифологии солнечное божество, эпитет Сурьи 363
- Вили, в скандинавской мифологии брат Одина 224, 233, 329
- Вираджд, в индийской мифологии олицетворение женского творческого начала 364
- Вирини, в индийской мифологии дочь Брахмы 363
- Випунен, в карело-финской мифологии великан 136, 137
- Вит-куль, в мифологии манси водяной в образе мамонта 177
- Вишну, в индийской мифологии бог 167, 282, 284, 295, 349–353, 363, 372
- Водан, в германской мифологии верховный бог 232, 336
- Вонатаи, в папуасской мифологии дема-аист 91, 92
- Ворса, в мифологии коми леший 180
- Ворукаша, в иранской мифологии мировой океан 383–385
- Ворью, в папуасской мифологии первый умерший 98, 99
- Воху Мана, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, «Благая мысль» 379–381
- Вритра, в индийской мифологии демон 343, 371, 372
- Вуриупранала, в австралийской мифологии первая женщина 30
- Высокий, в скандинавской мифологии эпитет-прозвище бога Одина 216, 229, 232, 233, 237, 238, 336

Вяйнямейнен (Вяйно), в карело-финской мифологии культурный герой-демиург 136, 137, 356, 357

Г

- Гавриил, в Библии архангел 421
Гайомарт, в иранской мифологии первочеловек 380, 381
Гандхарвы, в индийской мифологии класс полубогов 349, 351
Гарамант, в ливийской мифологии первый человек 361
Гарпии, в греческой мифологии полуженщины-полуптицы 302
Геб, в египетской мифологии бог земли 199, 264, 269, 356
Геб, в папуасской мифологии творец 73–75, 102, 103
Геката, в греческой мифологии богиня мрака и колдовства 302
Гелиос, в греческой мифологии бог солнца 299, 300
Гемера, в греческой мифологии богиня, воплощение дня 299
Генос и Генея, в финикийской мифологии порождающие существа 373
Георгий, христианский святой 325
Гера, в греческой мифологии царица богов, жена Зевса 302, 304, 305
Геракл, в греческой мифологии герой 213, 302, 305, 307, 308, 423
Гермес, в греческой мифологии вестник богов 306, 307
Гестия, в греческой мифологии богиня жертвенного огня и домашнего очага 302
Гефест, в греческой мифологии бог огня и кузнечного дела 82, 272, 304–307, 363
Гея, в греческой мифологии богиня земли 294, 299, 300, 302–304, 308, 310, 361, 374
Гиганты, в греческой мифологии чудовищные великаны 301, 305, 308, 418
Гидра (Лернейская Гидра), в греческой мифологии чудовище 304
Гиперион, в греческой мифологии титан 300, 360
Гипнос, в греческой мифологии божество сна 301
Гиури, в папуасской мифологии пес-дема 97
Гла, в мифологии бамбара пустота, наделенная движением 311
Гласир, в скандинавской мифологии чудесная роща у ворот Вальхаллы 333
Глядсхейм, в скандинавской мифологии Чертог Радости 238
Гоготун, в египетской мифологии птица, породившая солнце-Ра 269, 356, 372
Гопатшах, в иранской мифологии царь-бык 385
Гор, в египетской мифологии бог солнца 32, 296, 372, 373
Горгоны, в греческой мифологии крылатые женщины-чудовища 302
Граи, в греческой мифологии чудовищные старухи 302
Гримнир, в скандинавской мифологии одно из имен Одина 328

- Гуйму, в китайской мифологии богиня, «мать бесов» 212
Гуйсуй, в китайской мифологии мировая бездна 206, 341
Гулльвейг (Хейд), в скандинавской мифологии колдунья 240, 241, 244
Гунгун, в китайской мифологии бог воды 205
Гунь, в китайской мифологии герой, сын Чжуньсюя 213
Гхагара, в мифологии бушменов птица 66, 67
Гхауну, в мифологии бушменов человек-дождь 66, 67
Гци, в мифологии бушменов сын Цагна 63, 64
Гюльви, персонаж скандинавской саги 223–225, 227, 230, 232, 233, 238

Д

- Давид, царь, персонаж библейских легенд 214, 215, 369
Дада, в мифологии йоруба божество растений 247
Дайтйи, в индийской мифологии класс демонов-асуров 363
Дакша, в индийской мифологии сын Брахмы 363
Дамкина, в аккадской (вавилонской) мифологии богиня, супруга Эйя 276
Данавы, в индийской мифологии класс демонов-асуров 363
Дану, в индийской мифологии дочь Дакши 363, 371
Двипа, в индийской и буддийской мифологиях континент 349
Дева, в индийской мифологии класс богов 349, 351, 352, 363, 378, 385
Девалока, в буддийской мифологии обитель богов 349
Девкалион, в греческой мифологии прародитель людей 308
Дема, в папуасской мифологии демоны 70–84, 88–103, 110, 352
Дема-мирав, в папуасской мифологии страна дем 96
Деметра, в греческой мифологии богиня плодородия 302
Дехевай, в папуасской мифологии отец молний 88, 89
Дейба-нгуо, в самодийской мифологии (у нганасан) бог 175
Джаналока, в индийской мифологии местопребывание сыновей Брахмы 364
Джата, в мифологии нгаджу змееподобное божество нижнего мира 353
Джех, в иранской мифологии дэв похоти и нечистоты 381
Дисы, в скандинавской мифологии низшие женские божества 331
Дион, в мифологии догонов потомок Лебе 253
Диона, в греческой мифологии дочь Геи и Урана 361
Дити, в индийской мифологии дочь Дакши 363
Ди-Цзюнь, в китайской мифологии верховное божество 213
Долу, в китайской мифологии чудесная птица-прародительница 367

- Друг, в иранской мифологии воплощение лжи 380
 Дуклиан, в сербскохорватских сказаниях противник Бога 393
 Думузи, в шумерской мифологии бог 274
 Дунги Гонгм, в тибетской мифологии первородное яйцо 366, 367
 Дхарма, в индийской мифологии бог справедливости и порядка
 353, 362, 364
 Дьяннгау, в австралийской мифологии мать-прародительница 38,
 43
 Дьяпара, в австралийской мифологии первый человек 30
 Дэвы, в иранской мифологии демоны, злые духи 378, 380, 382, 384,
 385, 386, 387
 Дямада, в самодийской мифологии (у нганасан) зооморфные духи
 175

Е

- Е, в китайской мифологии чудесное существо, обитающее в мировой горе 340
 Ева, в библейской мифологии первая женщина 237, 245, 314, 323,
 369, 391, 396, 398, 399, 405, 406, 412–415, 425
 Единорог, в славянских легендах чудесный зверь 184
 Елена, в греческой мифологии прекраснейшая из женщин 309
 Елисейские поля (Элисий, Острова Блаженных), в греческой мифологии обитель праведников в царстве мертвых 309
 Емая, в мифологии йоруба мать рыб, дочь Одудуву 247
 Емон Гйалпо, в тибетской мифологии первочеловек 366
 Ен, в мифологии коми бог-демиург 179–182, 392, 422
 Енох, в библейской мифологии один из праотцев 388, 415, 420, 421
 Ёрмунганд (Мидгардорм), в скандинавской мифологии гигантский мировой змей 244, 335, 345, 353
 Есь, в мифологии кетов верховное божество 291
 Ётунхейм, в скандинавской мифологии земля великанов-ётунов
 229, 233, 240, 328
 Ётуны (хримтурсы, турсы, тролли), в скандинавской мифологии великаны 224, 225, 229, 230
 Ехидна, в греческой мифологии чудовище, полудева-полузмея
 302, 304

Ж

- Жошуй, в китайской мифологии река под мировой горой Куньлунь
 340

- За зэн, в мифологии мыонгов прародительница 368
 Заратуштра, в иранской мифологии (в зороастризме) пророк 378,
 379, 383, 387, 388
 Зевс, в греческой мифологии верховный бог-громовержец 147,
 219, 330, 294, 299, 300, 302–310, 343, 361, 371, 418, 419, 423,
 427
 Зерван, в иранской мифологии бог, персонификация времени 297,
 387, 388
 Зефир, в греческой мифологии западный ветер 300
 Зигфрид, в германской мифологии герой 412
 Зофасимины, в финикийской мифологии яйцеобразные «стражи
 неба» 373

И

- И, в китайской мифологии культурный герой 161, 213
 Иапет, в греческой мифологии титан 300
 Иблис, в исламе дьявол 410
 Игг, в скандинавской мифологии одно из имен Одина 336, 337
 Иггдрасиль, в скандинавской мифологии ясень, мировое дерево
 238, 242, 244, 328–338
 Идавёлль, в скандинавской мифологии поле в середине Асгарда 238
 Идзанаки и Идзанами, в японской мифологии боги-демиурги 202,
 280, 285–288
 Иегова, форма имени Бога — Йахве — в иудаизме 115
 Иисус Христос, в христианстве Богочеловек 115, 214–216, 325,
 338, 369, 388, 391, 410, 425, 428
 Илу и Мамао, в полинезийской мифологии Неисчислимость и
 Даль 259
 Илья, библейский пророк 325
 Ильмаринен, в карело-финской мифологии культурный герой-куз-
 нец 166, 356, 357
 Ильматар, в карело-финской мифологии воздушная дева 356, 357
 Имир, в скандинавской мифологии великан, из тела которого со-
 здан мир 216, 224, 225, 230–232, 244, 260, 330, 337, 418
 Инанна (Иштар), в шумерской и аккадской мифологии богиня пло-
 дородия и любви 217, 274, 293, 409
 Инапертва, в австралийской мифологии первые существа 33
 Индра, в индийской мифологии бог грома и молнии, в иранской ми-
 фологии демон-дэв 245, 343, 348, 351, 363, 364, 371, 372,
 380, 400

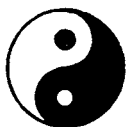
- Инлун, в китайской мифологии дракон 213
 Инмар, в удмуртской мифологии бог неба 179
 Инь и ян, в китайской мифологии темное (также женское) и светлое (также мужское) начала 160, 197, 198, 203–205, 417
 Иоанн Креститель, в христианстве предтеча Иисуса Христа 393, 426
 Иона, в библейской мифологии пророк 45, 136, 155
 Иоскеха, в мифологии индейцев группы ирокезов творец 112, 292, 387
 Ирмин, в германской мифологии бог 335
 Исаак, в библейской мифологии сын Авраама 425
 Исида, в египетской мифологии богиня плодородия, жена Осириса, мать Гора 31, 264, 296, 372, 373
 Иуда, в христианстве один из апостолов, предавший Иисуса Христа 347, 397
 Ишкур, в шумерской мифологии бог 274

Й

- Йазиги, в мифологии догонов женская душа 358
 Йахве, в иудаизме непронизносимое имя Бога 312
 Йель, в мифологии индейцев тлинкитов творец-ворон 143–147, 192
 Йима (Гайомарт), в иранской мифологии первочеловек 380
 Йиннианавыт, в мифологии коряков дочь Ворона 151
 Йо, в мифологии бамбара дух 311, 312
 Йорма, в папуасской мифологии морской дема 98
 Йугумишанта, в папуасской мифологии творец 71, 72
 Йуругу, в мифологии догонов существо, олицетворяющее беспорядок, хаос 249, 250, 358, 359

К

- Каван, в мифологии семангов герой-медведь 158
 Каин и Авель, в Библии сыновья первой человеческой пары — Адама и Евы 324, 396, 399, 405–407, 409, 413–415, 420, 425, 430
 Кайласа, в индийской мифологии гора — обитель богов 365
 Калташ-эква (Ма-анкв), в мифологии обских угров богиня земли 177, 288–291, 332
 Кальпа, в индийской мифологии «день-и-ночь» Брахмы 365
 Кама, в индийской мифологии желание, бог любви 375
 Ками, в японской мифологии боги 280

- Канмари, в австралийской мифологии водяная змея 36
Канук, в мифологии индейцев тлинкитов культурный герой — волк 144–146
Кара, в иранской мифологии гигантская благая рыба 385
Карл, в скандинавской мифологии первый крестьянин 234, 235
Кастор и Поллукс, в римской мифологии герои 35
Каустубха, в индийской мифологии чудесный камень 351
Кашьяпа, в индийской мифологии мудрец риши, потомок Брахмы 362, 363
Квамманга, в мифологии бушменов зять Цагна 52, 53
Квасир, в скандинавской мифологии человек, сделанный из слюны богов 241–243
Кват, в меланезийской мифологии творец 106–108
Керы, в греческой мифологии демоны бедствий и болезней 301
Кецалькоатль, в мифологии индейцев Центральной Америки бог-творец 192–196, 231
Ки, в шумерской мифологии богиня земли 293
Кингу, в аккадской (вавилонской) мифологии чудовище 276–278
Климена, в греческой мифологии океанида 300
Когац, в мифологии бушменов сын Цагна 63–65
Кой, в греческой мифологии титан 300, 361
Колпий, в финикийской мифологии первичный ветер 373
Кон, в скандинавской мифологии сын Ярла 235, 236
Коу-нямы, в самодийской мифологии (у нганасан) божество, солнце-мать 175
Крату, в индийской мифологии сын Брахмы 362
Крий, в греческой мифологии титан 361
Кришна, в индийской мифологии бог 351
Кронос, в греческой мифологии бог времени 147, 148, 219, 300, 302–304, 309, 310, 361
Кубера, в индийской мифологии бог богатства 364
Кукабурру, в австралийской мифологии птица-пересмешник 30
Куйкынняку, в мифологии коряков культурный герой-ворон 147, 151, 154, 155
Кук и Каукет, в египетской мифологии мрак 272
Куллу, в шумерской мифологии бог 274
Куль, в мифологии обских угров и коми злой дух 177, 179, 411
Куль-отыр, в мифологии обских угров противник демиурга 177, 289, 335
Кумбханды, в индийской и буддийской мифологиях класс мелких демонов 349
Кумокумс, в мифологии индейцев сахаптинов бог-творец 168
Кунапипи, в австралийской мифологии мать-прародительница 38
Куну (Вакджункага), в мифологии индейцев виннебаго герой-трикстер 117–120, 124–126

Куньлунь, в китайской мифологии священная мировая гора 203, 339–341

Курбустан, в мифологии монгольских народов и алтайцев верховное небесное божество 190, 399–402

Куреты, в греческой мифологии дети Геи, окружавшие младенца Зевса 302

Кусар-и-Хасис, в западносемитской (угаритской) мифологии бог-ремесленник 374

Кутх, в мифологии ительменов ворон-демиург 149, 153

Кынь-Лунг, в мифологии хантов злой дух 177

Кэлэ, в мифологии чукчей злые духи 150

Л

Лак Лаунг Куан, в мифологии вьетов первопредок и культурный герой 368

Лакшми, в индийской мифологии богиня красоты 284, 351

Ламех, в библейской мифологии потомок Каина 416, 420

Лаотун, в китайской мифологии дух, сын Чжуаньсюя 340

Лахар, в шумерской мифологии божество скота 408

Лакхму и Лакхаму, в аккадской (вавилонской) мифологии чудовища-божества, дети Апсу и Тиамат 275

Лебе, в мифологии африканцев догонов первый предок на земле 252, 253

Левиафан, в библейской мифологии огромное морское чудовище 45, 136, 343, 345, 413

Лерад, в скандинавской мифологии «укрытие», мировое дерево в Вальхалле 333

Лето, в греческой мифологии мать Аполлона и Артемиды 84, 300

Ли, в китайской мифологии дух, внук Чжуньсюя 212, 340

Линго, в мифологии гондов герой 173, 174

Лилит, в библейских легендах первая женщина, мать демонов 316, 416, 417

Лихо, в восточнославянской мифологии персонифицированное воплощение горя 330

Линлаун, в мифологии шан (Мьянма) бог грома 211

Литлонг, в мифологии шан (Мьянма) человек, спасшийся от потопа 211

Лодур, в скандинавской мифологии другое имя бога Локи 233

Локапалы, в индийской мифологии божества — владыки стран света 139

Локи, в скандинавской мифологии злокозненный бог 123, 233, 239, 335

Лу, в тибетской мифологии водные духи 366
Лха, в тибетской мифологии божества 366
Лэйгун, в китайской мифологии бог-громовник 161, 204, 206, 360
Люцифер, Денница, в христианских легендах имя Сатаны 22, 181, 382, 403, 409–412, 415, 427

М

Магам, в мифологии качинов предок-демиург 246
Майтрея, в буддийской мифологии бодхисаттва и будда грядущего мирового порядка 401
Маяя, в греческой мифологии нимфа, мать Гермеса 307
Маяя, в индийской мифологии колдовская сила 363
Макемаке, в полинезийской мифологии (остров Пасхи) верховный бог-творец в образе морской птицы 164
Манабуш (Манабозо), в мифологии индейцев алгонкинов культурный герой-трикстер 138, 139
Мандара, в индийской мифологии священная гора 282, 350, 353, 371
Манджушри, в буддийской мифологии бодхисаттва 401–403
Манди, в папуасской мифологии звезда Венера 77
Мани, в манихействе пророк 388, 391, 428
Манито, Маниту, в мифологии индейцев делаваров Великий Дух, творец 139
Манои, в мифологии семангов первоначальное женское существо 158
Марав, в меланезийской мифологии паук, помощник творца 107, 108
Мардук, в аккадской (вавилонской) мифологии бог города Вавилон 201, 276–279, 377
Маричи, в индийской мифологии сын Брахмы 362
Марс, в римской мифологии бог войны 335
Мартанда, в индийской мифологии сын Адити, солнечное божество 363
Мауи, в полинезийской мифологии культурный герой 57, 76, 77, 113, 130–132, 156, 165, 191, 343
Мафусаил, в библейских преданиях один из патриархов 421
Махадео, в мифах индийских народов имя Шивы 172, 173, 174, 400
Махараджа Буно, в мифологии нгаджу прародитель людей 354
Махарлока, в индийской мифологии местопребывание святых мудрецов 364
Махатала, в мифологии нгаджу бог верхнего мира, демиург 353
Махео, в мифологии индейцев алгонкинов бог-творец 168, 169

Махуика, в полинезийской мифологии прародительница, хозяйка преисподней 130

Машья и Машьяна, в иранской мифологии первая человеческая пара 382

Ме, в шумерской мифологии божественные силы 274

Мед поэзии, в скандинавской мифологии священный напиток 243

Мелии, в греческой мифологии древесные нимфы 301

Мелу, в мифах филиппинцев билаан — творец 394

Менетий, в греческой мифологии титан 300

Меру, в индийской и буддийской мифологиях мировая гора 348–350, 364, 375, 378, 384

Метида, в греческой мифологии океанида, богиня мысли 302, 304, 361

Мех-и-Гах, в иранской мифологии обожествленная Полярная звезда 380

Мидгард, в скандинавской мифологии «средняя» часть мира 232, 233, 237, 244, 335

Мимир, в скандинавской мифологии великан 242, 244, 330

Мир-сусне-хум, в мифологии обских угров культурный герой 289

Михаил, в Библии архангел 325, 343, 393, 403, 410, 411, 414, 421

Михрязд, в манихействе Дух Живой 389

Мнемозина (Мнемосина), в греческой мифологии титанида, богиня памяти 294, 303

Моисей, в библейской мифологии пророк 98, 254, 327

Мойры, в греческой мифологии богини судьбы 45, 301, 304, 331

Моруфону, в папуасской мифологии жена творца 71, 72

Моу-нямы, в самодийской мифологии (у нганасан) мать-земля 175, 176

Мот, в финикийской мифологии божественный ил, от которого произошло мироздание 373

Мохаммед, в исламе пророк 428

Музы, в греческой мифологии дочери Зевса и Мнемозины 294

Мукат и Темайаут, в мифологии индейцев шошонов братья-творцы 109, 110

Мукуль, в мифологии коми подземный черт 184

Мумму, в аккадской (вавилонской) мифологии советник Апсу 275, 276

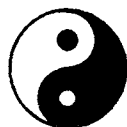
Мусо Корони Кундые, в мифологии бамбара первая женщина, супруга Пемба 312

Муспель (Муспельхейм), в скандинавской мифологии огненная страна 223, 224, 226, 227, 233, 238

Мут, в египетской мифологии богиня неба 272

Мутум, в мифологии качинов дух-создатель 367

Мых-ими, в мифологии хантов богиня-покровительница людей 177

Н

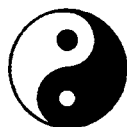
- Наамах, в библейских легендах сестра Тувалкаина, мать демонов 417
- Нагалока, в индийской мифологии земля нагов 364
- Наги, в индуистской и буддийской мифологиях змеевидные полубожества 282, 349, 350, 364
- Намму, в шумерской мифологии богиня-прародительница 274
- Намразель, в манихействе демоница 391
- Нанабуш, в мифологии индейцев делаваров культурный герой 139
- Нанна, в шумерской мифологии бог луны 217, 293
- Нара, в индийской мифологии божественный мудрец риши 353
- Нарака, в индийской мифологии ад или совокупность адов 364
- Нараяна, в индийской мифологии бог, а также мудрец риши 172
- Нарсе, в иранской мифологии прекрасный юноша 390, 391
- Насу, в иранской мифологии демон смерти 386
- Наты, в мифологии качинов божества — хранители земли 245
- Нахатя, в иранской мифологии дэв 386
- Наунет, в египетской мифологии супруга Нуна 272
- Нга, в самодийской мифологии бог 175
- Нгаио, в полинезийской мифологии дух-создатель людей 262
- Нгурундери, мифический первопредок племен Южной Австралии 28, 29
- Нденгеи, в мифологии фиджийцев змей-демиург 115, 369
- Немесиды, в греческой мифологии богиня возмездия 301
- Нергал, в шумерской мифологии бог подземного царства 293
- Нереиды, в греческой мифологии морские божества 302
- Нерей, в греческой мифологии божество моря 301, 302
- Нефтида, в египетской мифологии богиня 264
- Нидхёгг, в скандинавской мифологии дракон в преисподней 328, 332, 333
- Ника, в греческой мифологии богиня победы 302
- Нилакантха, в индийской мифологии эпитет Шивы 351
- Нингирсу, в шумерской мифологии бог, сын Энлиля 293
- Нинлиль, в шумерской мифологии богиня, супруга Энлиля 293
- Нинмах, в шумерской мифологии богиня-мать 274
- Нинурта, в шумерской мифологии бог, сын Энлиля 293
- Нифльхейм, в скандинавской мифологии мир мрака 223, 238, 328
- Ноддждед, в тибетской мифологии творец зла 367
- Ной, в библейской мифологии герой повествования о Всемирном потопе 140, 148, 170, 178, 316, 388, 420–424, 428–430
- Номмо, в мифологии догонов близнецы, божества воды 185, 249–252, 358–360
- Норны, в скандинавской мифологии женские божества, определяющие судьбу 45, 240, 331–334, 338

- Нот, в греческой мифологии южный ветер 300
 Нум, в самодийской мифологии верховный бог 175
 Нуми-Торум, в мифологии обских угров верховное божество-демиург 176–178, 184, 288, 289, 335
 Нун, в египетской мифологии первичный океан 263–264, 271, 272
 Нут, в египетской мифологии богиня неба 212, 264, 269, 272
 Ньёрд, в скандинавской мифологии бог ветра и морской стихии 242
 Ньяме (Оньяме), в мифологии ашанти демиург, бог неба 130
 Ньюва, в китайской мифологии богиня-прародительница 160, 203–206, 210

О

- Оадзь, в мифологии саамов злой дух-лягушка 181
 Обатала, в мифологии африканцев йоруба бог творец 246, 247
 Огдоада, в египетской мифологии восемь богов города Гермополь 272
 Огун, в мифологии африканцев йоруба божество железа и войны 247
 Один, в скандинавской мифологии верховный бог 123, 216, 224, 229, 230, 232, 233, 236, 240–244, 308, 328–338
 Одрёрир, в скандинавской мифологии чудесный котел, в котором изготовлен мед поэзии 243, 336
 Одудува, в мифологии африканцев йоруба бог-творец или богиня плодородия 170, 246, 247
 Ойя, в мифологии йоруба богиня реки Нигер 247
 Оке, в мифологии йоруба бог гор 247
 Океан, в греческой мифологии титан, бог одноименной реки, омывающей землю 299, 300, 301, 303, 309, 361
 Океаниды, в греческой мифологии дочери Океана и Тетиды 300
 Олимп, в греческой мифологии гора, на которой обитают боги 303–306, 309, 339, 360
 Олдумаре, в мифологии йоруба бог 170
 Олокун, в мифологии йоруба бог моря 247
 Олорун, в мифологии йоруба высший небесный бог-творец 170, 171
 Омоль, в мифологии коми творец зла 179–189, 411
 Ориша Нла, в мифологии йоруба бог-творец 170, 171
 Ориша-Око, в мифологии йоруба бог земледелия 247
 Ормазд (Ахурамазда), в иранской мифологии верховное благое божество 190, 297, 387, 388, 389, 390, 391
 Орун, в мифологии йоруба бог солнца 247
 Орф, в греческой мифологии чудовищный пес 304
 Орфей, в греческой мифологии певец и музыкант 287, 294

- Оры, в греческой мифологии богини, воплощения времен года 304
Осирис, в египетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы 31, 264, 372
Офион, в греческой мифологии бог-змея 360, 427
Ошози, в мифологии йоруба бог охоты 247
Ошу, в мифологии йоруба богиня луны 247

П

- Палвонен и Вироканнес, в карельской и финской мифологии помощники бога Укко 166
Палиан, в австралийской мифологии творец 34, 35
Пан, в греческой мифологии бог лесов 219, 303
Пандора, в греческой мифологии женщина, созданная в наказание людям 306–308
Пани, в индийской мифологии демон 371
Паньгу, в китайской мифологии первопредок 160, 197, 198, 203, 206, 211, 213, 261, 354
Папа, в полинезийской мифологии мать-земля 255, 257
Папа-эле, в полинезийской мифологии утес 261
Парвати, в индийской мифологии жена Шивы 172
Паренди, в иранской мифологии богиня изобилия, покровительница материнства 386
Париджата, в индийской мифологии чудесное дерево 351
Пеласг, в греческой мифологии первый человек и культурный герой 361
Пемба, в мифологии бамбара демнург 311, 312, 317–320
Перкель, в мифологии саамов черт 289
Перкунас, в балтийской мифологии бог грома 208
Перун, в славянской мифологии бог-громовец 325, 343
Пингал, в австралийской мифологии первый человек 31
Пирра, в греческой мифологии жена Девкалиона 308
Понт, в греческой мифологии олицетворение моря 299, 301
Посейдон, в греческой мифологии бог морей 221, 302, 304
Праджапати, в индийской мифологии бог-творец 166, 171, 365, 370, 371
Преты, в индийской мифологии духи умерших, в буддизме — духи, которые не могут удовлетворить свои желания 349
Прометей, в греческой мифологии титан, добывший людям огонь 35, 36, 252, 300, 303, 305–309, 408
Протогон, в финикийской мифологии «первороденный» 373
Птах (Пта), в египетской мифологии бог города Мемфис 271
Пуластья, в индийской мифологии сын Брахмы 362
Пулаха, в индийской мифологии сын Брахмы 362

- Пулоту, в полинезийской мифологии загробный мир 114
 Пурьгине-паз, в мифологии мордвы-эрзя бог грома 208
 Пурукупали, в австралийской мифологии первый человек 30
 Пуруравас, в индийской мифологии царь 322
 Пуруша, в индийской мифологии первочеловек 213, 216, 380
 Пханджед, в тибетской мифологии творец блага 367

Р

- Ра, в египетской мифологии бог солнца 50, 188, 263, 269, 270, 273
 Ракшасы, в индийской мифологии класс демонов 349
 Рамбха, в индийской мифологии апсара 351
 Ранги, в полинезийской мифологии отец-небо 255, 256
 Ратеа, в полинезийской мифологии бог 110, 112
 Рауни, в прибалтийско-финской мифологии супруга бога Укко 208
 Рафаил, в послепиблейской мифологии архангел 420
 Раху, в индийской мифологии демон-асура 353
 Реем, в еврейских легендах чудесное гигантское животное 184
 Рея, в греческой мифологии титанида, супруга Кроноса 147, 219, 300, 304, 305, 310, 361
 Риг, в скандинавской мифологии другое имя бога Хеймдалля 234–236
 Риши, в индийской мифологии мудрец, провидец 348, 362, 364
 Ронго, в полинезийской мифологии бог 111, 164, 186, 387
 Ронго-ма-Тане, в полинезийской мифологии бог полей и огородов 255

С

- Саваоф, в иудаистической и христианской традициях одно из имен Бога 393
 Салампандаи, в мифах даяков бог-творец 419
 Самаэль, в иудейской традиции злой дух, сатана 410, 412
 Сами, в папуасской мифологии дема 102, 103
 Сампо, в финской и карельской мифологии чудесная мельница, источник изобилия 181
 Самсон, в библейской мифологии герой 148
 Саопанг, в мифологии шан (Мьянма) бог ясного неба 211
 Сатаваеса, в иранской мифологии обожествленная звезда 380
 Сатана, в иудаизме и христианстве главный антагонист Бога; в славянских сказаниях (Сатанаил) злой дух 64, 148, 184, 189, 315, 392–399, 409–416, 422

- Сатурн, в римской мифологии бог 299
- Сварлока, в индийской мифологии пространство между Полярной звездой и солнцем 364
- Седна, в мифологии эскимосов хозяйка морских животных 56, 150, 292
- Селена, в греческой мифологии богиня луны 300
- Сет, в египетской мифологии бог 31, 264, 372
- Сехмет, в египетской мифологии богиня 50, 271
- Си-ванму, в китайской мифологии владычица запада и страны мертвых 267, 340
- Сим, Хам, Иафет, в библейской мифологии сыновья Ноя 329, 388, 420, 421, 429, 430
- Симуль, в скандинавской мифологии коромысло — лунный луч 227, 229
- Сиф, в библейской традиции третий сын Адама и Евы 415
- Скульд, в скандинавской мифологии норна 331
- Слейпнир, в скандинавской мифологии чудесный конь Одина 123
- Снёр, в скандинавской мифологии жена первого крестьянина — Карла 235
- Собра, в папуасской мифологии дема, старуха-праматерь 99, 100
- Соломон, царь, персонаж библейских легенд 327, 398
- Сома, в индийской мифологии бог луны и олицетворение божественного пьянящего напитка 363, 378
- Спандармат, в иранской мифологии олицетворение земли 382
- Спента Армаити, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, «Благочестие» 379
- Спента Майнью, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, дух-творец 379
- Сраоша, в иранской мифологии воплощение праведного поведения 386
- Стикс, в греческой мифологии океанида, воплощение реки Стикс в царстве мертвых 302, 303
- Сторукие, в греческой мифологии чудовища, рожденные Геей и Ураном 303, 361
- Сумукан, в шумерской мифологии бог, царь гор 274
- Сура, в индийской мифологии богиня хмельного напитка; эпитет богов 351
- Сурт, в скандинавской мифологии огненный великан 223
- Сурья, в индийской мифологии бог солнца 295, 363
- Сусаноо, в японской мифологии бог, владыка долины моря 286, 287
- Сэг, в скандинавской мифологии ведро — море 227, 229
- Сэли, в мифологии эвенков мамонт, участник творения 183
- Сэнмурв, в иранской мифологии царь птиц 385

- Та Педна, в мифологии семангов небесный бог 158
- Таб, в папуасской мифологии дема 92
- Тавискарон, в мифологии индейцев группы ирокезов божество зимы 112, 292, 387
- Тагаро и Суке, в меланезийской мифологии братья-творцы 107
- Таджамин, в мифологии качинов владыка неба, имя бога Индры 245, 246
- Тамапоули Аламафоа, в полинезийской мифологии повелитель неба 169
- Танатос, в греческой мифологии олицетворение смерти 301
- Тангаро, в меланезийской мифологии один из братьев-творцов 106
- Тангароа, Тангалоа, в полинезийской мифологии бог 111–113, 169, 186, 247, 255–262, 270, 355, 387
- Тангалоа-савали, в полинезийской мифологии посыльный Творца 259, 260
- Тане, в полинезийской мифологии бог деревьев, сын неба и земли 255, 256
- Тапарлока, в индийской мифологии обиталище божества Вираджд 364
- Тапас, в индийской мифологии космический жар 381
- Тарви и Заири, в иранской мифологии Голод и Жажда 380
- Таронхайавагон, в мифологии индейцев группы ирокезов демиург, покровитель охоты 292
- Тартар, в греческой мифологии бездна, преисподняя 294, 301, 303, 304, 347, 353, 360, 375
- Татенен, в египетской мифологии бог земли 271
- Тафири-матеа, в полинезийской мифологии отец ветров 255, 256
- Тахэум, в мифологии семангов навозный жук-творец 158
- Таятхыт, в мифологии коряков персонаж, брат Волка 154, 155
- Тваштар, в индийской мифологии бог-демиург 371
- Тейя, в греческой мифологии титанида 300, 360
- Телико, в мифологии бамбара дух воздуха 312, 317, 320
- Тескатлипока, в мифологии индейцев Центральной Америки одно из главных божеств 193, 196
- Тефида (Тетия), в греческой мифологии титанида 300, 361
- Тэфнут, в египетской мифологии богиня влаги 264, 270, 271
- Тиамат, в аккадской (вавилонской) мифологии воплощение мирового хаоса 201, 275–278, 377
- Тивац, в германской мифологии бог неба и войны 335
- Тики, в полинезийской мифологии первый человек и создатель первых людей 257
- Тир, в скандинавской мифологии первая рабыня 234
- Тисэ, в тибетской мифологии ледяная гора 365

- Титаниды, в греческой мифологии сестры титанов 299, 300, 303
Титаны, в греческой мифологии сыновья Урана и Геи 299, 300, 301, 303, 308
Тифон, в греческой мифологии чудовище, сын Геи и Тартара 304, 343, 371
Тиштрия, в иранской мифологии божество, олицетворение Сириуса 380, 383–385
Тлалоки, в мифологии ацтеков боги дождей 195
То Кабинана и То Корвуву, в меланезийской мифологии близнецы-демиурги 103–106, 428
Тор, в скандинавской мифологии бог-громовник 122, 123, 166, 244, 342
Тот, в египетской мифологии бог луны 270
Триглав, в славянской мифологии бог 325
Трилока, в индийской мифологии трехчленная вселенная 364
Трэль, в скандинавской мифологии первый раб 234, 237
Трюм, в скандинавской мифологии великан 122
Тувалкаин, в библейской мифологии сын Ламеха, первый кузнец 417, 420
Ту-матауенга, в полинезийской мифологии один из сыновей неба и земли, бог войны, создатель людей 255–257
Туй-нямы, в самодийской мифологии (у нганасан) мать огня 176
Тули, в полинезийской мифологии посланник Тангалоа 261, 262
Тунг и Тот, в мифологии мыонгов чудесные птицы-прародители 368
Туури, в финской мифологии бог грома 166
Тхэн Чу Чэй, в мифологии вьетов бог-демиург 339
Тюр, в скандинавской мифологии бог из асов 335, 336

У

- Уаба, в папуасской мифологии дема 81, 82, 352
Уцилопочтли, в мифологии ацтеков верховное божество, бог солнца и войны 193, 195
Укко, в прибалтийско-финской мифологии верховный бог 166, 208
Улом, в финикийской мифологии вечность 374
Улу Тойон, в якутской мифологии глава злых духов верхнего мира 402
Ульгень, в мифологии алтайцев верховный бог-демиург 189, 190
Унгамбикула, в австралийской мифологии творцы 33
Уоке, в полинезийской мифологии бог 163, 164
Уонею и Мбази, в меланезийской мифологии близнецы-демиурги 114

Уран, в греческой мифологии бог, олицетворение неба 299, 300, 301, 303, 304, 351, 354, 361, 374

Урд, в скандинавской мифологии источник мудрости («Судьба») 331, 333

Уриил, в иудаистической и христианской традиции архангел 421

Уру, в полинезийской мифологии брат Тане 256

Утгард, в скандинавской мифологии внешняя окраинная зона земли 232, 244, 342

Уту, в шумерской мифологии бог солнца 217, 274, 293

Ушас, в индийской мифологии богиня зари 372

Ф

Фаро, в мифологии африканцев бамбара демиург 311, 312, 317–320

Феба, в греческой мифологии титанида 300, 360

Фемида, в греческой мифологии титанида, богиня правосудия 300, 303, 304, 309, 361

Фраваша, в иранской мифологии духовные сущности творений 379, 383

Фрейр, в скандинавской мифологии бог плодородия 242

Фрейя, в скандинавской мифологии богиня плодородия, красоты и любви 122, 242

Фригг, в скандинавской мифологии богиня супружества 328

Фуси, в китайской мифологии первопредок и культурный герой 160, 203–206, 210

Фуэ, в полинезийской мифологии небесный человек, сын Тангалоа 260–262

Фьялар и Галар, в скандинавской мифологии карлики-цверги 242

Х

Хавеа (Хикулео), в полинезийской мифологии дух — хозяин потустороннего мира 113, 114

Хаома, в иранской мифологии обожествленный пьянящий напиток и растение, из которого он изготовлен 378, 379, 385

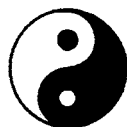
Хаос, в греческой мифологии беспредельная первобытная масса 294, 299, 301, 303, 308, 375

Хара, в иранской мифологии чудесный единорог 386

Хара, в иранской мифологии мировая гора 378

Хара Березайти (Харайти), в иранской мифологии горная цепь, окружающая землю 384

Хатор, в египетской мифологии богиня 50

- Хаумиа-тикитики, в полинезийской мифологии отец диких ягод и съедобных растений 255
- Хафтаринга, в иранской мифологии обожествленный ковш Большой Медведицы 380
- Хейдрун, в скандинавской мифологии коза Одина 333
- Хеймдалль, в скандинавской мифологии бог-ас, страж богов 234, 236
- Хель, в скандинавской мифологии царство мертвых и хозяйка этого царства 216, 223, 328
- Хёнир, в скандинавской мифологии бог, спутник Одина 233, 242
- Хепри, в египетской мифологии бог солнца 263, 269, 270
- Херувимы, в иудаистической и христианской традиции ангелоподобные существа-стражи 405
- Химера, в греческой мифологии чудовище 304
- Хине, в полинезийской мифологии богиня смерти 156
- Хине-аху, в полинезийской мифологии первая женщина 256, 257
- Хлинеу, в мифологии чинов Мьянмы первоначальное женское божество 368
- Хнум, в египетской мифологии бог-гончар 188, 272, 273
- Хонсу, в египетской мифологии бог луны 273
- Хоседэм, в мифологии кетов главное женское божество 291
- Хтония, в греческой мифологии воплощение аморфной материи 310
- Ху, в китайской мифологии владыка Северного моря 211
- Ху и Хаухет, в египетской мифологии бесконечность в пространстве 272
- Хуан-ди, в китайской мифологии культурный герой 340, 341
- Хукарья, в иранской мифологии мировая гора 384
- Хуньтунь, в китайской мифологии владыка Центра, воплощение Хаоса 211
- Хусор, в финикийской мифологии демиург 374
- Хшатра Вайрья, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, «Благая Власть» 379
- Хюмир, в скандинавской мифологии великан 342

Ц

- Цагн (Кагн), в мифологии африканцев бушменов культурный герой, демиург, прародитель 51–53, 59, 62–70, 350
- Цверги, в скандинавской мифологии карлики 242, 331
- Цербер, в греческой мифологии чудовищный пес 304
- Цзян-ди, в китайской мифологии прародительница народа шан 368
- Циклопы (киклопы), в греческой мифологии одноглазые великаны 303
- Цукуёми, в японской мифологии бог луны 286, 287, 395

Ч

- Черт, в славянской мифологии злой дух 411
 Чжуаньсюй, в китайской мифологии небесный владыка-первопредок 212, 340
 Чжужун, в китайской мифологии бог огня 205
 Чжун, в китайской мифологии дух, внук Чжуньсюя 212, 340

Ш

- Шанго, в мифологии африканцев йоруба бог-громовник 247
 Шан-ди, в китайской мифологии верховное божество 213, 340
 Шанкпанна, в мифологии африканцев йоруба бог оспы 247
 Шемхазай, апокрифический падший ангел 415, 416, 421
 Шеша, в индийской мифологии тысячеголовый змей 284, 350, 364, 372
 Шива, в мифологии индуизма один из верховных богов 31, 172, 295, 351, 400
 Ширутру, в мифологии качинов крокодил 367
 Шонди, в мифологии коми солнце 181
 Шу, в египетской мифологии бог воздуха 188, 264, 269, 271
 Шу, в китайской мифологии владыка Южного моря 211
 Шулмус, в мифологии монгольских народов и алтайцев дьявол 402

Э

- Эвр, в греческой мифологии восточный ветер 300
 Эвримедонт, титан 361
 Эвринома, в греческой мифологии дочь мирового океана 360, 427
 Эдем, Эдемский сад, в библейской мифологии райский сад 10, 405, 412
 Эйктюрнир, в скандинавской мифологии олень у Вальхаллы 333, 334
 Эйнгана, в австралийской мифологии змея-прародительница 43, 44, 45
 Элиун, в финикийской мифологии бог 374
 Эллин, в греческой мифологии родоначальник греков 308
 Эльфы, в мифологии германских народов низшие духи 331
 Энбилуру, в шумерской мифологии бог 274
 Энки (Эйя), в шумерской в аккадской (вавилонской) мифологии бог вод и мудрости 201, 217, 273–279, 408

- Энкимду, в шумерской мифологии бог 274
Энлиль (Эллиль), в шумерской и в аккадской (вавилонской) мифологии бог воздуха и ветра 275, 277, 293
Эннеада, в египетской мифологии девятка богов города Гелиополь 269–272
Эос, в греческой мифологии богиня утренней зари 300, 360
Эпиметей, в греческой мифологии брат Прометея 300, 305–308
Эреб, в греческой мифологии воплощение мрака 299, 375
Эрида, в греческой мифологии олицетворение раздора 301
Эринии, в греческой мифологии богини мщения 300
Эрлик, в мифологии алтайцев и монгольских народов дьявол, владыка царства мертвых 190, 400–403
Эрна, в скандинавской мифологии супруга Ярла 235
Эрос (Эрот), в греческой мифологии бог любви 218, 294, 299, 301, 310, 375, 381, 427
Эу Ко, в мифологии вьетов фея, жена Лак Лаунг Куана 368
Эфир, в греческой мифологии воплощение света и воздуха 299

Ю

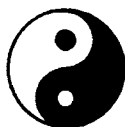
- Юй, в китайской мифологии культурный герой 213
Юйцян, в китайской мифологии владыка Севера, бог ветра и моря 341
Юмала, в мифологии западных финнов высший бог 179
Юрюнг Айы Тойон, в якутской мифологии творец вселенной 402, 403

Я

- Яви, в папуасской мифологии сын змеи 79–81
Явима, в папуасской мифологии дема 87, 88
Якши, в индийской и буддийской мифологиях класс полубожеств 349
Яма, в индийской мифологии владыка царства мертвых 364
Яно, в папуасской мифологии дема-кенгуру 90, 91
Ярл, в скандинавской мифологии первый вождь-конунг 235, 237

В начале...	6
Время сновидений	19
Два брата-творца: луна и утренняя звезда	20
Устрицы и Акула	24
Лещ и его сестра мангровая женщина	25
Лодка Нгурундери	28
Откуда взялось солнце	29
Происхождение созвездий	31
Как небо отделилось от земли и появился первый бумеранг	32
Как появились люди	32
Братья-творцы	34
Австралийский Прометей	36
Первобытная трагедия: происхождение орла и ворона	37
Матери-прародительницы	38
Змея-прародительница	43
Творец и своенравная кукушка	46
Появление смерти	47
Состязание колдунов и судьба Байаме	48
Байаме и его вестники	49
Кузнечик-богомол и сотворение мира	51
Да будет тьма...	52
Человек, у которого светились подмышки. Происхождение солнца и луны	54
Луна и происхождение астрологии	60
Волшебный танец	62
Ссора творцов и сотворение животных	63
Происхождение человека... от змеи	65
Гром и молния	66
Как Цагн воскресил своего сына, а люди превратились в обезьян	67
Как Цагн отобрал овец у клещей	69
Дема. Творения демонов	70
Как появились бананы и луна	73
Огненный мальчик и происхождение солнца	75
Звездные демы	77
Превращения кокосовой пальмы	78
Яви, кокосовый дема	79
Как возник огонь	81

Плавающий остров	83
Разоритель гнезд. Первобытная драма в Южном полушарии ..	85
Человек-гром	87
Дехевай — отец молний	88
Происхождение охоты	89
Как появились кенгуру	90
Дема-аист и происхождение земледелия	91
Метаморфозы и похмельный синдром	92
Как появился крокодил	93
Древесный дема	94
Как появилось саго	95
Первые люди и охота за головами	96
Папуасский золотой век	101
Папуасский Авраам	101
Первые амазонки	102
Первобытный дуализм. У истоков представлений о добре и зле. Непохожие близнецы. То Кабинана и То Корвуву	103
Сотворение рыбы	105
Как То Корвуву сделал людей смертными	105
Кват и его братья	106
Сотворение человека и смерти	107
Уход творца и Всемирный потоп	108
Курильщики черной и белой трубок	109
Близнечные мифы и представления о добре и зле	110
Поколения близнечных божеств	113
Два демиурга	114
Трикстер — творец и разрушитель	116
Первобытный Одиссей	117
Как Паук был признан старейшим из живых существ	128
Как хитрец Мауи чуть не спалил мир	130
Героический Кролик	132
Ворон-творец	139
Как ворон измерял землю	140
Как Ворон устроил землю	142
Йель — Великий ворон глинкитов	143
Ревнивый старец и герой-любownik: подвиги юного Ворона ..	145
Как ворон прекратил потоп	147
Ворон — помощник Творца	149
Строптивая дочь Ворона	151
Ворон-охотник, пророк Иона и Красная Шапочка	153
Земля, добываемая со дна первозданных вод. Земля, которая взялась неведомо откуда	158
Занятия богов на острове Пасхи	163
Рыбная ловля Мауи	165

Космический зверь, выходящий из моря	166
Мир из земли, поднятой со дна океана или спущенной с небес	168
Земля, добытая крабом	171
Нырряющая птица и творение земли: самодийская космогония	174
Как Нуми-Торум сотворил мир: обско-угорская космогония ..	176
Творцы мира Ен и Омоль: космогония коми	179
Сибирские дуалистические космогонии: соревнование нырряющих творцов	182
Демиург и космогония. Поколения богов	191
Мир, сотворенный из тела первосущества Кецалькоатль и богиня земли	192
Паньгу — устроитель космоса. Инь и ян	197
Фуси и Ньюва. Супруги-творцы	203
Плененный громовник и сотворение людей	206
Мир из тела великана	213
Пуруша — первая жертва	213
Голубиная книга	214
Имир и скандинавская космогония	216
Небесный Асгард и земной Мидгард. Сотворение человека	232
Песнь о Риге — мифологическая социология	234
Царство богов в Мидгарде. Война асов и ванов	238
Брак с матерью-землей. Отцовское и материнское начала: космогония качинов	244
Прародители в бутылке: теогония йоруба	246
Земли, нанизанные на железную ось: космогония догонов ..	248
Брак неба и земли: индийский вариант теогонии	253
Разделение неба и земли: полинезийский вариант теогонии	255
Ссора неба и земли	262
Разделение земли и неба: египетский вариант теогонии ..	263
Энки — шумерский демиург	273
«Когда вверху»: вавилонская теогония	275
Идзанаки и Идзанами — супруги-демиурги	280
Боги земли и падшие ангелы	288
Наказанный бог Шумера	293
Разделение Хаоса и Космоса: греческая теогония	294
Хаос и Космос	299
Битва богов — титаномахия	303
Прометей — культурный герой и трикстер	305
Гермес — божественный плут	307
Поколения героев и людей	308

Мировое древо — космическая ось. Священная акация бамбара	311
Ашваттха — священная смоковница индийцев	321
Трехугодливое дерево славянского фольклора	325
Ясень Иггдрасиль — конь Одина	328
Космический столп	339
Мировая гора и мировой змей	339
Пять опор мира	339
Рыбная ловля Тора и библейский Левиафан	342
Поиски рая: святой Брендан у мирового столпа и рыба-кит ..	343
Гора Меру и напиток бессмертия	348
Горы, сотворившие мир	353
Мировое яйцо	354
Все начинается с раковины	355
Птица, снесшая мировое яйцо	356
Африканская эмбриология	358
Богиня, снесшая Мировое яйцо	360
Рожденный из яйца Брахма	362
Пять драгоценных яиц тибетской мифологии	365
Первые люди, рожденные из яйца	367
Миф о первоначальном яйце и пренатальная память	370
Космическая борьба добра и зла	377
Ахурамазда и Заратуштра — творение и спасение	378
Время, рождающее добро и зло	387
Пророк Мани и манихейство: космогония как гибель и спасение	388
Сатанаил и сотворение мира	392
Дуалистический миф о грехопадении на Алтае	399
Оба, и мужчина и женщина, были наги, и не стыдились... ..	403
Спор скотовода и земледельца о первенстве: шумерский вариант	407
Люцифер и падшие ангелы	409
Откуда дьяволы разные?	410
Сатана, обратившийся змеем	411
Потомство Каина и поколение гигантов	415
Неудачный эксперимент: Лилит, демоны, монстры и великаны	416
Каинова печать и рождение Ноя	420
Потоп и начало истории	420
Миф и история	424
Что читать	433
Указатель имен	435

Владимир Яковлевич Петрухин

МИФЫ НАРОДОВ МИРА

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Редактор *Н Кочарова*
Технический редактор *Н. Духанина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *Л.Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
г. 2; 953004 — литература научная и производственная

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, проезд Ольминского, За

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 93

ОАО «Люкс»
396200 Воронежская область, п.г.т. Анна
ул. Карла Маркса, 9

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».
191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

В книге в популярной форме излагаются многочисленные мифы и легенды о творении — от самых архаических, принадлежащих людям каменного века, до развитых повествований о сотворении мира, включая греческую и христианскую космогонию. Центральный миф, с которым в книге сопоставляются все прочие мифы о творении, — библейское повествование о сотворении мира.

Рассказы о появлении природных явлений и светил, неба и земли, человека, смерти, добра и зла располагаются в книге в соответствии с главными темами — деяниями культурных героев времени первотворения, актами священного брака и отделения земли от неба, представлениями о мировом горе, мировом дереве и мировом яйце.

ИНН 4502016636 ООО "Меридиан-АСТ"

Мифы о сотворении мира

Цена: 238р.00к.

9785170287123 08.08.05

9 785170 287123